

СЕМЬ ВОЖДЕЙ

Книга 1

Посвящаю
моему расстрелянному отцу
и миллионам жертв
тоталитарного режима

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ родился в Забайкалье, в станице Мангут, в 1928 году. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник. Председатель Комиссии при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке. Д.А.Волкогонов окончил танковое училище, Военно-политическую академию. Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был удален за демократические взгляды. Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории». Автор более 30 книг по философии, истории, политике. Наиболее известна в стране и за рубежом его трилогия «Вожди» в шести томах («Ленин», «Троцкий», «Сталин»). Книга «Семь вождей» — оригинальная художественно-публицистическая летопись советской истории, отраженной в судьбах высших руководителей СССР. В книге использованы многие ранее засекреченные документы ЦК КПСС, Политбюро, открытые после августа 1991 года.

Дмитрий ВОЛКОГОНОВ

СЕМЬ ВОЖДЕИ

**Галерея лидеров СССР
В 2-х книгах**

Книга 1

**Владимир Ленин
Иосиф Сталин
Никита Хрущев**

Москва, 1995

ББК 66.61(2)8
В 67

Рецензент
директор Архива Президента
Российской Федерации
А.В.Коротков

В книге использованы фотографии ИТАР—ТАСС, РИА «Новости», АО „Издательство «Новости», Л.Шерстенникова, из личных архивов И.Ю.Андропова, С.Н.Хрущева, М.С.Горбачева.

По вопросам оптовой закупки книг обращаться по телефонам 265-50-53 и 265-56-62

© Д.А.Волкогонов, автор текста, 1995
© В.Г.Прохоров, оформление, 1995
© АО „Издательство «Новости»“ 1995

**ВМЕСТО
ВВЕДЕНИЯ:**

ТРОПА ВОЖДЕЙ

*Проблема власти была основной
у Ленина и всех следовавших за ним.*

Н. Бердяев

Да, именно тропа. Человечество, по мере роста своей цивилизованности, все увереннее выходило на широкую дорогу прогресса. И лишь диктаторские, тоталитарные режимы следовали по обочине исторического пути. Во главе таких государств были не народом избранные руководители, а выдвинутые, «посаженные», «вознесенные» экстремистской частью общества вожди типа Франко, Салазара, Муссолини, Гитлера, Ким Ир Сена, Хусейна. Но, заметьте, никто из них, уклоняясь от общечеловеческой дороги народовластия, демократии, парламентаризма, не привел свои страны к процветанию, согласию, торжеству гуманизма и свободы.

Семь десятилетий XX века советская Россия шла по указанной Лениным тропе. Ей удалось стать сверхмоцной военной державой, которой боялся весь мир. Страна создала могучий технический, индустриальный, военный и научный потенциалы, которые, однако, не сделали людей счастливыми и свободными. Держава, по имени СССР, первой вырвалась в космос, но это не изменило к лучшему положения с нарушениями прав человека в стране. Народ, совершивший «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», победивший в Великой Отечественной войне, приступивший к «Великим стройкам коммунизма», не добился в результате ни свободы, ни процветания. Он «кучно» шел по ленинской тропе, где «масса» могла дружно двигаться, а отдельному человеку было тесно...

Россия, жившая столетия под чередой царей, в 1917 году перешла к новой форме абсолютизма — большевистскому вождизму. За почти семь десятилетий существова-

ния СССР, по случайному стечению исторических обстоятельств, было тоже семь лидеров, управлявших страной. Правда, один из них командовал государством более трех десятилетий, а два предпоследних едва протянули немного больше, чем по году.

Двухтомник, который вы держите в руках, о семи первых лицах, стоявших во главе советского государства, от Ленина до Горбачева. В то же время книга, которую автор предлагает читателю, состоит как бы из семи небольших книг, посвященных В.И. Ленину, И.В. Сталину, Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, К.У. Черненко, М.С. Горбачеву. Каждая «книга», имея самостоятельное значение, тем не менее, связана общим замыслом: показать историю верховной власти великой страны в лицах ее вождей за семь десятилетий. Разумеется, портрет любого лидера единственной партии в стране (а для СССР это всегда и фактический глава государства) не может охватить всего богатства качеств, черт, событий, характеризующих историю народа. Но нечто общее, нечто существенное для страны, для режима, для системы представленные в книге портреты отражают. Что же конкретно?

Ни одного из семи вождей народ «на правление» страной никогда, ни разу (!) не избирал. Как бы сейчас сказали, все большевистские руководители были нелегитимными, «незаконными». Власть, часто после жестокой, но невидимой борьбы на самом верху, просто передавалась из рук в руки внутри узкого клана «профессиональных революционеров». Высшая власть всегда была в руках партийных лидеров единственной партии, узурпировавшей власть в результате государственного переворота в октябре 1917 года. Долгие годы народом правили люди, которые не имели на это законного права. Все они, без исключения, переносили ожидаемые, постоянно обещаемые блага для людей в неопределенное будущее.

Все семь вождей считали себя марксистами и всегда хотели выглядеть правоверными «ленинцами». Каждый находился в жестком прокрустовом ложе большевистских принципов: руководящая роль коммунистической партии, первенство классового подхода, господство государственной собственности и ленинской идеологии, примат власти над законом, коминтерновское мышление. Все вожди до мозга костей были политиками и, естественно, считали

глубоко вторичной мораль. Отсюда безусловное первенство массы, класса, коллектива в ущерб конкретной личности. Жесткость этих большевистских постулатов обусловила догматизм мышления советских вождей, за исключением, возможно, «вождя» последнего. Марксизм-ленинизм для лидеров (как и для народа) являлся фактически светской религией, в которую прежде всего нужно было верить и не подвергать сомнению.

Все семь вождей выходцы из провинции. Ни один лидер ВКП(б)—КПСС не был коренным «воспитанником» столичных организаций большевистской партии. Провинциализм всегда более консервативен и ортодоксален. Ни один вождь не имел «чистого» пролетарского происхождения, хотя все признавали и не уставали божиться «ведущей» ролью рабочего класса. Это, однако, лишь подчеркивает положение, что «социальный расизм», после того как была захвачена власть, не имел для руководства страной и партией решающего значения. «Руководил» не рабочий класс, а быстро сформировавшаяся бюрократическая партократия. Лидеры имели весьма отдаленное отношение к рабочим, крестьянам, интеллигенции, ибо все они вышли из самой глубины «профессиональных партократов». Интеллектуальный, образовательный, культурный уровень всех вождей (за исключением «вождя» последнего) был весьма низким. Даже Ленин, человек с мощным умом, имел одномерную, сугубо политическую интеллектуальную силу, что в огромной мере обедняет человека. Он был далек от русской культуры, достижений ее выдающихся мыслителей.

Все семь лидеров знали страну, которой управляли. Но каждый знал ее по-своему, что и предопределило их достоинства и решающие просчеты.

Первый вождь, Ленин, «знал» Россию как политэмигрант, по-книжному, газетному, партийному. Политические очки врага царизма и буржуазной демократии обрекли его на метафизическое, чисто «революционное» видение империи, а затем и российской советской республики. Ленин никогда и нигде не работал (в обычном понимании этого слова), что имеет огромное значение в познании действительности. Полтора года в качестве помощника присяжного поверенного, без знания промышленности, сельского хозяйства (хотя одно время был совладельцем

имения), давали весьма поверхностное представление о глубинных процессах российской жизни. Отсюда многие роковые ошибки, в частности уверенность в том, что можно сразу, непосредственно «ввести коммунизм»; непонимание цементирующей роли губерний в многонациональном государстве и постепенное их разрушение; враждебное отношение к крестьянству и уверенность в том, что ликвидация целых социальных групп в обществе, так же как религии и церкви, приблизит его «советизацию» и другие исторические просчеты. Известный меньшевик Р.А. Абрамович характеризует деятельность Ленина в начале 1918 года как «историю буйного припадка утопизма в форме военного коммунизма». «В начале 1918 года, — писал Абрамович, — Ленин почти на каждом заседании Совнаркома настаивал на том, что в России социализм можно осуществить в шесть месяцев... Шесть месяцев, а не шесть десятилетий или, по крайней мере, шесть лет? Но нет, Ленин настаивал на шести месяцах. И в марте 1918 года началось проведение этого плана непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению»¹. Ленин безжалостно экспериментировал над гигантским государством и великим народом, создавая систему большевистского абсолютизма. Его главный просчет — ставка и вера в принципиальную возможность полного превращения нашей планеты в коммунистическую.

Второй вождь — Сталин — был представителем немногочисленного деклассированного мира России. Человек, не имевший профессии и никогда не работавший, знал страну как захватчик власти, безжалостный диктатор, глава большевистского клана. Его знание России сугубо функциональное: что и как можно использовать для укрепления режима личной власти, укрепления «пролетарской диктатуры». Сталин полностью унаследовал ленинские «способности» к социальному экспериментаторству над гигантской страной (кровавая коллективизация, чудовищная «чистка», «дружба» с фашизмом...). Дело совсем не в «культе личности», как КПСС пыталась изобразить внешнее выражение тоталитарной тирании. Суть в полном отчуждении людей от права распоряжаться своей судьбой, права свободно мыслить, права делать независимый выбор. Сталин в предельно вульгарной форме выразил квинтэссенцию большевистской власти, где не оста-

лось ни малейших шансов для свободы человека: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением»². Со временем второй вождь уверовал, что так может быть всегда и везде. Основной просчет второго вождя заключался в фанатичной, глубоко ошибочной вере, особенно после победы советского народа в Великой Отечественной войне, в то, что история «подтвердила» его правоту в стратегии и методах развития советского государства. И всех других, которые стали его вассалами.

Третий «вождь» советского государства — Хрущев — знал страну, вероятно, лучше первых руководителей СССР. Но знал эмпирически, во многом без понимания глубинных тенденций и закономерностей развития общества. Однако не может не вызывать уважения неугасная энергия Хрущева в стремлении познать и реформировать страну. Но с этим стремлением постоянно приходил в противоречие большевистский волюнтаризм лидера. Его роковая ошибка: он наивно полагал (как и все мы), что ущербности ленинской системы не будет, если только удалить коросту «культы личности». Он был пленником Великой Утопии. Хрущев всерьез верил в возможность «волевого» приближения лучезарного будущего — коммунизма. Всего через два десятилетия! Третий «вождь» не знал, видимо, о существовании в давние времена Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Но Хрущев был не просто мечтателем; он верил в реализацию своих планов...

Четвертый «вождь» партии и страны — Брежнев — познавал общество через традиционные партийные очки. Он оказался, вероятно, наиболее последовательным выразителем системы. Для этого лидера Советский Союз был прежде всего ленинским плодом коммунизма, который нужно любой ценой сохранить, законсервировать, сберечь. Невозмутимый и последовательный проводник «курса» познавал страну через партийные донесения, рапорты и доклады. Он был доволен стагнацией, которую искренне принимал за стабильность. Как вспоминал помощник четырех генсеков КПСС А.М. Александров-Агентов, Брежнев «был хороший практический руководитель областного уровня но для поста руководителя великой державы и великой партии ему много явно недостава-

ло»³. Это и неудивительно: народ ни его, ни других «вождей» не уполномочивал на «правление», он не только не имел данных для всесоюзного лидера, он не и м е л на это п р а в а... Суть его главной ошибки: Брежнев хотел добиться всего, ничего не меняя.

Пятый «вождь» ленинской системы — Андропов — был умнее многих руководителей СССР. Он знал, что делается в стране и что ее ждет, намного лучше других. Но его знание общества было «кагэбэшным», полицейским. Многолетний руководитель спецслужб СССР, безусловно, хотел позитивных перемен в стране, но был намерен добиться их прежде всего административными мерами. Для него Лубянка осталась «пиком Коммунизма», откуда было легче озирая государство и укреплять его мощь, прежде всего военную. Андропов был большевистским ортодоксом; его глубокое знание истинного положения в стране не рождало такого же желания р а д и к а л ь н ы х позитивных перемен. А может, он просто не успел о них заявить... Генсек, питомец КГБ, хотел укрепить, «улучшить» большевистскую систему, не затрагивая «ленинских основ».

Шестой «вождь» советского государства — Черненко — знал страну как высокопоставленный партийный чиновник. Он искренне верил, что справками, докладами, решениями, постановлениями можно изменить общество, но тоже в рамках «ленинских норм» и традиций. Для этого нелепого, но исторически не случайного лидера сама страна была главным «бумажным делом». Черненко вообще ничего не пытался, кроме как остаться номинальным главой партии и государства. Предпоследний генсек промелькнул на небосводе советской истории, как Петр II династии Романовых, не оставив никакого следа...

Седьмой, и последний «вождь» партии и советского государства — Горбачев — человек классической партийной карьеры. Первые годы «правления» чувствовалось, что он знает страну как партийный лидер провинциального масштаба. Но со временем и достаточно быстро постиг нечто очень важное: внутренние проблемы в такой огромной стране трудно решать вне планетарного контекста и ставки на широкую Реформацию. Его знание множества проблем, которыми была больна страна, слабо, однако, сочеталось с прогностическими и волевыми компонентами

управления. Главный просчет Горбачева: он надеялся реформировать и сохранить коммунистическую систему, что в принципе невозможно. Однако его великие «заделы» по устранению угрозы ядерной войны, открытию шлюзов гласности, ставка на демократические перемены в обществе сделали Горбачева эпохальной исторической личностью, роль которой полностью будет оценена лишь за по-
рогом XXI столетия.

Каждый вождь, окруженный партийной элитой, знал по-своему страну, общество, свой народ. Но при этом у всех господствовало конфронтационное, классовое мышление. Коммунистическая идеология вся «замешана» на борьбе: с внутренними и внешними врагами, природой, другими системами и идеологиями. Но вожди «просмотрели» то обстоятельство, что постепенно господствующими тенденциями в мировом развитии стали интеграционные процессы, переход от конфронтации к сотрудничеству, социальному объединению, поиску гармонизированных форм сосуществования землян. Мысль вождей, всех нас была как бы в «окопах», в вечной непримиримости и борьбе со всем, что не совпадает с марксистскими схемами и с большевистским мироощущением. Это вело к консервации созданной Лениным системы, «застылости» общественного сознания, враждебности и недоверию к чужому социальному опыту. В конечном счете это привело к утрате великим народом способности к цивилизованным, эволюционным п е р е м е н а м в социальной сфере. Стремление «разрушить старый мир до основания» создало у людей устойчивую черту, склонность к радикализму, бунту, потрясениям, взрывам.

Горбачев первым из семерки большевистских вождей заставил глубоко задуматься мыслящих людей над этим судьбоносным вопросом. Но задуматься — не значит переосмыслить...

Сейчас, в посткоммунистическое время (впрочем, большевики могут еще на какое-то время вернуться, их уход пока не приобрел необратимого характера), новым лидерам России, которые, хотя бы того или нет, получили в наследие огромный «советский багаж», в котором много горького, уцененного историей, как, впрочем, и такого, что может послужить в настоящем и будущем. Важно по-

стоянно помнить о нескольких исторических обстоятельствах.

Во-первых, нельзя забывать, что над нами довлеет не только семидесятилетняя эпоха большевистского абсолютизма, но и многовековая история российского самодержавия. Историческая летопись государства нашего, сложившегося во второй половине первого тысячелетия нашей эры, до России начала XX века, оказывала и будет оказывать внешне незаметное, но огромное влияние на жизнь великого народа в настоящем и будущем. В обоих временных пластах было не только то, что навсегда уцелено историей, но и нечто такое, что имеет непреходящее значение (бесплатное образование, медицинское обеспечение, меры социальной защиты граждан в социалистической стране и т.д.). Поэтому, возможно, социально-демократический «коридор» есть наилучший путь выхода страны из нынешнего тотального кризиса. Ведь социально-демократическая идея наиболее продуктивно обосновала, например, синтезирование (в той мере, насколько это вообще возможно) чаяний социальной справедливости со свободным рынком.

Во-вторых. Россия «распята» между Азией и Европой. Это не Азия и не Европа. Она — Евразия. Это проклятье и благодать. Мы веками отстаем от цивилизованных стран в социальном опыте развития. Ведь глубинный мотив ленинского радикализма и его последователей как раз заключался в попытке исторического опережения других цивилизаций. Не получилось. Но это не значит, что мы обречены лишь на копирование чужих схем, моделей, подходов и образа мышления. Тем более что идеальных обществ не бывает. Как фактический призыв Горбачева «назад к Ленину», так и стремление радикальной демократии равняться только на западные ценности — это все старая метафизика. Поэтому давно пора отказаться от разговоров, от попыток «строить» социализм или капитализм. Начало XXI века на планете пройдет под знаком дальнейшего освобождения от тоталитарных, авторитарных традиций и достижения новых ступеней цивилизованности. Россия — как Евразия... Она, Россия, «распята» не между континентами, а между цивилизациями. Ей не хватает (при колоссальном интеллектуальном потенциале) европейской культуры и азиатского трудолюбия. Нужно брать все луч-

шее и на Западе, и на Востоке, но не подражать слепо. Наше «заимствование» марксизма и перенесение его на российский почву — горькое историческое предупреждение.

В-третьих. Следует понять, что жизнестойкость режима, возглавлявшегося семью лидерами, не в последнюю очередь определялась ясными (хотя и утопическими) ориентирами общественного развития. Сейчас для большей части россиян эта ясность исторических вех утрачена, что в немалой степени обесценивает, обесмысливает и обесценивает курс Реформации. Нельзя отказать большевистской Системе и ее вождям: они знали, чего они хотят. Правда, с вопросом, как достичь коммунистического процветания, дело обстояло неизмеримо хуже. Сегодня нам нужны объединяющая идея, обновленные ценности, общенациональные идеалы «российского прогресса», которые базировались бы не только на отрицании, но прежде всего на созидании. Может быть, это самое трудное в процессе перелома судьбы России. Комплекс этих идей не может просто родиться в голове нового мессии, на каком-то съезде, сессии, конференции. «Контур» этих идей, однако, уже витают в воздухе; но нужны новая логика мышления и действий людей, которые, наконец, должны осознать, что не «классовая борьба», не поиск новых «врагов» и «спасителей» выведут страну из кризиса. Демократические «компоненты» русской идеи, основанные на уважении свободы, гармонии прав человека и гражданского общества, могут помочь освободить людей от духовного смятения.

Итак: «семь вождей». Почему первых двух я не беру в кавычки, а остальных «закавычиваю»? Дело в том, что лишь первые — Ленин и Сталин — не только обладали властью диктаторов, но и в глазах людей были подлинными вождями-предводителями. Само слово «социальная реформа», во время бытия этих лидеров у власти, носило ярко выраженный негативный характер. У этих вождей, кроме неограниченной власти, было нечто мистическое, иррациональное, революционно-классическое. В сознании простых людей это были действительно вожди; достаточно вспомнить сцены похорон Ленина и Сталина с их неподдельной скорбью и эмоциональными переживаниями.

Все последующие пять лидеров уже не несли печати таких же большевистских «вождей»; в стиль их правления

исподволь и незаметно вошел, под влиянием внешних обстоятельств, некий элемент реформизма и даже внешнего либерализма. Я не могу без кавычек писать об этих лидерах, как о «вождях», если речь идет о Хрущеве или Брежнев, Андропове или Черненко, не говоря уже о Горбачеве. У них власти было по-прежнему больше, чем у российских императоров, но... все они жили и творили уже во второй половине XX века. Прогресс исторический — понятие не отвлеченное, и он не мог не сказаться на стиле и методах правления этих могущественных лидеров.

В истории власти в СССР возможно рельефно проследить две противостоящие и противоборствующие тенденции.

Первая, начатая Лениным и Сталиным и продолженная Брежневым, Андроповым и Черненко, была откровенно большевистски-ортодоксальной, сугубо консервативной. Все их «преобразования» даже в малейшей степени не затрагивали основ и устоев системы, родившейся после октябрьского переворота 1917 года. Огромную роль в живучести консервативной тенденции играет историческая инерция, обожествление исходных постулатов в создании системы. Это целая философия, делающая ставку на абсолютизацию верности пройденного, безграничную веру в единую государственную идеологию.

Вторая тенденция, реформаторская, нашла свое проявление и выражение в деятельности третьего и седьмого «вождей» — Хрущева и Горбачева. Если хрущевские реформы носили, в основном, «очищающий», отрицающий «культ личности» характер (но не сталинизм!), то последний «вождь» стал инициатором самой крупной Реформации в XX веке.

Все семь «книг» в корочках этого двухтомника, который Вы держите в руках, рассказывают об истории верховной власти большевистских лидеров в СССР. Разумеется, это только один из возможных срезов историософического анализа. Давно замечено, что люди более охотно знакомятся с историей через призму судеб конкретных личностей. А здесь представлены те, которые вершили дела великого народа и определяли, например: идти ли Красной Армии в 1920 году походом на Варшаву; сохранить или упразднить в России губернии; «дружить» или не «дружить» с Гитлером; расстрелять или не расстреливать

21 тысячу польских офицеров; воевать ли с Финляндией; посылать ли ядерные ракеты на Кубу; разворачивать ли ракеты СС-20 в Восточной Европе; «вводить» войска в Афганистан или нет; «помиловать» ли Сахарова...

У этих людей была колоссальная власть, но которая именно в силу своего избытка и монопольной бесконтрольности подверглась необратимой эрозии. Глубинные причины тотального кризиса системы, ее власти — многочисленны. Назовем лишь некоторые из них.

Крушение ленинского большевизма было предопределено **генетическими причинами**; в своей основе марксизм, абсолютизовавший ряд факторов общественного развития, стал претендовать на роль универсальной теории. Мы в это верили. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»⁴, — провозгласил Ленин в марте 1913 года. «Всесильный» марксизм с огромным интеллектуальным тщеславием заявил о реальной возможности «построения» справедливого общества на земле, где не будет ни богатых, ни бедных. Свою стратегическую цель: построение коммунистического общества, провозглашенную в знаменитом «Манифесте», родоначальники марксизма предопределили главным условием. Эта цель может быть достигнута «лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего строя». «Насильственного...»

Пересаженный на российскую почву марксизм принял разновидность ленинизма — наиболее уродливой формы «коммунистического переустройства мира». Партия и все ее семь вождей следовали и логике и букве ленинизма. М.С. Горбачев, безусловно, лучший из всех советских лидеров, заявил 15 октября 1987 года на заседании политбюро: важно «перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, это ключ к решению нынешних задач»⁵.

Ленинский ключ подходил к тем вратам, которые не вели к истине...

Политические причины крушения ленинской системы лежат в классовой нетерпимости, социальной агрессивности к тем, кто не разделяет марксистских взглядов. Эта глубокая конфликтность социальной практики взлелеяла со временем чудовищный сталинский режим, с коим часто

олицетворяются все главные грехи марксизма-ленинизма. Большевики были апологетами гражданской войны, в которой они видели средство ликвидации всех социальных групп, не разделяющих их взгляды. И они хотели перенести эту методологию на остальные страны, как важнейшее условие разжигания мировой пролетарской революции. Н.И.Бухарин, к которому мы относимся с сочувствием и симпатией из-за личной трагической судьбы, писал, однако: «...гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключаяющей всякую почву для «мирных» и «законодательных» методов»⁶.

Со времени октябрьского переворота большевики продолжали вести гражданскую войну против собственного народа, сохраняя ее тлеющие угли и после Сталина в виде угрозы насилия, всеобъемлющего контроля, низведения личности до простого «винтика» системы. И это называлось «пролетарской демократией»! В.И. Ленин, в самой неприличной форме «сокрушая» К. Каутского, утверждал: «Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»⁷.

Ленинский большевизм мышления, ярко выраженный в приведенной выше фразе, сохранялся на протяжении десятилетий у всех советских вождей.

Духовные причины разрушения ленинской системы находятся в претензии марксизма, что только с пролетарских революций начинается подлинная история человечества. Методология ленинизма — это, по сути, концепция «прерванной истории». Отринув многое из тысячелетней мировой и отечественной культуры, большевизм, и без того убогий в своей одномерности, фактически пытался сделать политические мифы марксизма основным содержанием духовной жизни советских людей. Судьбы Есенина, Мандельштама, Пастернака, Зощенко, Ахматовой, Платонова, Бабея, Мейерхольда, многих-многих других «творцов духа» свидетельствуют об ущербности системы, не способной быть в ладу с правдомыслием. Идеологизированное общественное и индивидуальное сознание было почвой укоренения дуализма мышления, глубокого скепсиса в отношении усилий гигантской пропагандистской машины и просто человеческого равнодушия.

Идеология в тоталитарном государстве — это своеобраз-

разная униформа, которая в конце концов не может закрыть духовной нищеты.

Формирование глубокого историософического взгляда на семь советских десятилетий — дело будущего. Автор надеется, что представленные здесь семь очерков-книжек о вождях большевистской системы посылно помогут в этом деле.

Я знаю, что «Семь вождей», как и моя книга о Ленине, найдут не только благожелательных читателей, но и много воинственных оппонентов. Книга о Ленине полностью замолчана демократической печатью (видимо, она шокировала тех, кто прагматически присматривается: в каком направлении будут развиваться события?), но удостоилась множества негативных, оскорбительных откликов в коммунистической прессе. Я хочу видеть в этом похвалу истине, к которой стремился.

Теперь несколько слов о взглядах автора этого двухтомника. Мои многочисленные недоброжелатели часто обвиняют меня в оппортунизме и пристрастности. Вообще полностью беспристрастным, думаю, можно быть только «теоретически». Я долгие годы был ортодоксальным марксистом и только к исходу своей жизни, после долгой внутренней и мучительной борьбы, смог освободиться от химер большевистской идеологии. Испытав после этого огромное душевное облегчение и какую-то неизбывную печаль: столько лет быть в плену утопии!

Может быть, единственное, что я сделал в этой жизни, — смог порвать с тем, чему молился долгие годы. И честно сказал об этом везде: с трибун съездов, высоких совещаний, в книгах, беседах с множеством людей. Я несу свою часть общего греха за прошлое. И намерен выразить свое покаяние скромными делами по примирению взбешенного общества, которому больше всего нужно согласие.

То, что написано здесь, в этой книге, опирается на несколько групп источников. Прежде всего, сам я, как и миллионы других россиян, был участником и свидетелем многих событий. Большую пользу принесла в написании этой книги мемуарная и аналитическая литература последних лет. Хотел бы отметить в этой связи книги А.Н. Яковлева, Г.К. Шахназарова, А.М. Александрова-Агентова, А.С. Черняева, А.С. Грачева, Р.А. Медведева, М. Геллера,

В. Соловьева и Е. Клепиковой, А.А. Громько и некоторых других. Неоценимую услугу оказали мне директора и работники хранилищ архивных документов: ГАРФ, АПРФ, РЦХИДНИ, ЦХСД, ЦАМО, РЦХАК и некоторых других. Я смог в последние годы ознакомиться со многими документами ЦК КПСС, его политбюро. Эти документы стали доступными после работы парламентской Комиссии, которую я возглавлял в 1992—1993 годах как председатель. Комиссия открыла для общего пользования 78 миллионов файлов, десятилетиями томившихся в секретном партийном заточении.

И последнее. Еще до начала горбачевской Реформации, наблюдая, порой, уродливые гримасы нашего бытия, я мог сказать самому себе словами Тихона из «Бесов» Достоевского: «По несовершенству веры своей сомневаюсь». Оно, это «несовершенство веры», питалось догматизмом утопии.

Сначала ко мне пришло разочарование в идее, подобное печальной горечи духовного похмелья. Затем — интеллектуальное смятение. Наконец, решимость встретиться с истиной и понять ее.

По своим взглядам я, скорее всего, принадлежу к людям, разделяющим идеи социальной демократии. На последнем, XXVIII съезде КПСС я заявил об этом с трибуны, но мне не дали закончить выступление.

Моя жизнь прошла во времена «правления» шести вождей; с четырьмя последними я имел непродолжительные рабочие контакты, связанные с моей деятельностью трехзвездного генерала. Я многое видел и немало знал. Это помогло мне в подготовке книги.

У меня нет предубеждения к лицам, которые я запечатлел в галерее из семи портретов. Даже к Сталину, из-за которого был расстрелян мой отец, умерла мать в ссылке, погибли другие родственники.

Истории бессмысленно мстить. Как и нельзя смеяться над ней. Ее нужно понять.

Прошлое необратимо. Настоящее не завершено. Будущее уже начато.

Вождь ПЕРВЫЙ:

ВЛАДИМИР ЛЕНИН

Ленин антигуманист, как и антидемократ.
Н. Бердяев

Ульянов-Ленин был первым не только потому, что основал коммунистическую партию, советское государство и большевистскую систему в России. Он считался п е р в ы м по своему влиянию, исторической роли, политическому авторитету не только среди своих единомышленников. Бесчисленные недруги, ненавистники, «классовые» противники признавали его лидером движения, которое грозило со временем охватить кулаком весь мир.

Век XX выдвинул на политическую сцену немало руководителей мировой величины: Черчилль, Рузвельт, де Голль, Аденауэр, Мао Цзэдун, Гитлер, Сталин, Насер, Неру... Но, бесспорно, никто из них не оказал такого влияния на ход мировой истории, как Владимир Ленин. И сделать это ему удалось за шесть с небольшим лет: с момента октябрьского переворота в 1917 году (по своему значению в дальнейшем ставшего крупнейшей революцией столетия) до ранней кончины в 1924 году. Если учесть, что фактически почти два года из этого срока Ленин был серьезно болен и принимал ограниченное, а затем и просто символическое участие в политической жизни страны и партии, то еще раз приходишь к выводу: это был лидер планетарного масштаба.

Я пока не говорю о ценностных координатах его деятельности, о том, как оценила и оценит история роль начатого им в XX веке крупнейшего эксперимента в истории человечества. Этот невзрачный с виду человек, лысый, коренастый, похожий на умного мастерового с усталыми глазами, оказался историческим гигантом. Его роль в человеческой цивилизации огромна хотя бы уже потому, что

от ленинского эксперимента выиграл весь мир, кроме самой России. Мой вывод кажется парадоксальным. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что после октября 1917 года в России проникательные политики, мыслители, общественные деятели во множестве государств, увидев методы и методологию «осчастливливания» великого народа гигантской страны, в страхе отпрянули от представшей их взору картины.

Движение к «справедливому, бесклассовому обществу» в России началось с неограниченного насилия, лишения миллионов людей всех прав, кроме одного — безоговорочно поддерживать большевистскую политику. Даже те, кто поначалу симпатизировал русской революции, вскоре, как в историческом зеркале, увидели свое возможное будущее: монополию одной политической силы, мифологизированное сознание, «гарантированную» бедность, физическое и духовное насилие, обязательный атеизм и, естественно, отшатнулись от этой «лучезарной» возможности. Большинство стран мира (но не все) избежали своего «октября».

Говоря об этом, я думаю, насколько в человеческой истории, движущейся в русле определенных закономерностей, велика роль случайностей. Редчайшая комбинация военных, политических, социальных и личностных факторов в России осенью 1917 года создала ситуацию, когда нужно было лишь точно определить момент: в какой день и час подобрать власть, фактически валявшуюся на мостовых Петрограда. И этот момент безошибочно определил Ленин. Не будь этой проникательности вождя, переворот мог и не состояться. И это не мое мнение. Второй человек в русской революции — Л.Д. Троцкий, находясь уже в изгнании, писал, что, не окажись Ленин в октябре 1917 года в Петрограде, революционный переворот не произошел бы. Вождь в эти дни проявил нечеловеческую энергию и напор: требовал, подталкивал, вдохновлял, угрожал, настаивал, направлял... И добился-таки своего.

Но, обращаясь к Троцкому, снова заметим: если бы в этот момент в Петрограде не было Ленина, все могло быть по-другому — или нашелся бы новый, более удачливый генерал, чем Корнилов, либо Керенский смог бы как-то устоять. Все зависело, в известном смысле, еще от... одного, лишь одного человека: Павла Николаевича

Малянтовича, министра юстиции Временного правительства. Он в соответствии с решением правительства подписал «Постановление Петроградской следственной власти», согласно которому «Ульянов-Ленин подлежит аресту в качестве ответственного по делу о вооруженном выступлении третьего—пятого июля в Петрограде. Ввиду его поручаю Вам распорядиться немедленным исполнением этого постановления»¹.

Керенский и Малянтович недооценили умения Ленина соблюдать «революционную конспирацию». Вялые поиски Ульянова-Ленина, которые велись с лета 1917 года, не дали результата, а вождь, как тот же Троцкий, не захотел передать себя добровольно в руки правосудия. Истории (или ее случайности?!) было угодно все определить по-другому. Малянтович, по словам его сына Владимира, с горечью говорил в тридцатые годы: «если бы он исполнил приказ Временного правительства об аресте Ленина, то всех этих ужасов не было бы»². Он был арестован и, конечно, расстрелян большевиками, но много лет спустя, 22 января 1940 года. А жене П.Н. Малянтовича, Анжелике Павловне, В.В. Ульрих, кровавый прокурор большевиков, заявил, что ее муж «осужден на 10 лет без права переписки и отправлен в восточные лагеря». Бедная старая женщина, ослепшая от горя, долгие годы ждала весточки от старше чем семидесятилетнего, давно расстрелянного мужа, пока не скончалась в декабре 1953 года. Возможно, эта история была своеобразной расплатой за неисполнение П.Н. Малянтовичем распоряжения Керенского...

Но нет. Все произошло так, как произошло. Триумфальный переворот, ставший революцией, состоялся. Ее мозгом, пружиной, «рулевым» стал Ульянов-Ленин.

Отныне ему не грозила судьба быть полузабытым в истории, как Е.К. Брешко-Брешковской, П.Л. Лаврову, Н.К. Михайловскому, М.И. Туган-Барановскому и другим российским социалистам. Он стал самым крупным политиком и революционером XX столетия. Шрам, оставленный его учением и практикой в истории человеческой цивилизации, глубок. Даже сейчас, когда уже совершенно ясно, что семидесятилетний эксперимент, начатый первым вождем СССР, потерпел полную историческую неудачу, у Ленина и его учения сохранились в России миллионы поклонников и почитателей. Значительно меньше от-

крытых оппонентов, принципиально отвергающих ленинизм. Я принадлежу к их числу. После того как десятилетия находился в лагере его приверженцев. Но сегодня в моем отечестве больше всего тех, кто равнодушен к человеку, который, возможно, руководствуясь самыми благими намерениями, убедил, заставил их пойти по ложному пути. Ведь диктатура, апологетика классовых начал, социальный расизм, однодумство, террор, претензия на абсолютную истинность учения русифицированного марксизма, будучи вехами на этом пути, не могли не привести в конце концов к огромной исторической неудаче.

Ленин был одномерным человеком. Как выяснилось, когда ему исполнилось уже сорок семь лет, любил он только одно: власть, власть, власть... И все, что обеспечивало ее: огромную, бесконтрольную, диктаторскую.

Не любил вождь гораздо больше: самодержавие, буржуазию, помещиков, меньшевиков, эсеров, кулаков, духовенство, религию, либералов, мещанство, парламенты, реформизм, оппортунизм, социал-демократию, российскую интеллигенцию, колеблющихся, смятенных, всех, кто не с ним... Перечислять, кого и что не любил Ленин, можно очень долго. Он не любил в е с ь с т а р ы й м и р. А посему, раз власть оказалась у руководимых им большевиков, все это нужно снести, сбросить, как говаривал ленинский единомышленник с 1917 года Троцкий, «в сточную канаву истории». В результате ленинцы уничтожили в России целые классы и сословия, тысячи церковных храмов, по вине Ленина сгинули тринадцать миллионов соотечественников в Гражданской войне, два миллиона изгнали за околицу отечества, ну а царя с семьей при таком раскладе, конечно же, никак не могли оставить в живых.

Правда, в те сутки, когда Москва уже дала приказ на уничтожение и в ночь с 16 на 17 июля 1918 года злодейство свершилось, вождь счел необходимым лично ответить копенгагенской газете «National Tidende»: «Слух неверен, бывший царь здоров, все слухи — ложь капиталистической прессы. Ленин»³. Хотя, как мне удалось установить на основе целого ряда фактов и свидетельств, Ленин стоял у самых истоков страшного решения по уничтожению бывшего российского императора и его семьи. Обо всем этом я написал в двухтомнике «Ленин», вышедшем в Москве в 1994 году. Известно, что сообщение о злодействе было об-

суждено на заседании Президиума ВЦИК 18 июля 1918 года и полностью одобрено.

Опыт политических убийств своих политических противников Ленину пригодится еще не раз. В конце января — начале февраля 1920 года Ленин, узнав об аресте Колчака, пишет записку заместителю Председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому:

«Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке (который к этому времени был передан чехословаками Политическому центру, состоявшему из эсеров и меньшевиков. — *Д.В.*), не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили т а к и т а к (выделено мной. — *Д.В.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске

Ленин (подпись тоже шифром)»⁴.

Все было сделано в соответствии с тайными ленинскими указаниями. Власть в Иркутске перешла в руки большевиков 21 января, как и арестованный Колчак. Директива Ленина была выполнена Председателем Революционного комитета И.Н. Смирновым точно и пунктуально. Ревком на своем заседании приговорил Колчака и Председателя Совета Министров Омского правительства В.Н. Пепеляева к расстрелу. Через несколько часов «приговор» был приведен в исполнение. Смирнов, в соответствии с указанием Ленина, прислал в «Правду» телеграмму: «Иркутский революционный комитет, имея сведения о подготовке контрреволюционного выступления офицеров с целью свержения власти и освобождения арестованного чехами и переданного затем революционной власти Колчака, не имея возможности снестись с Сибирским революционным комитетом, благодаря повреждению телеграфных проводов Иркутска... в своем заседании от 7 февраля, с целью предотвратить столкновение, постановил адмирала Колчака расстрелять... Приговор был приведен в исполнение в тот же день»⁵.

Это кровавый «штрих» к характеристике «вождя всемирного пролетариата» и пониманию того, у кого учился Сталин — вождь второй в перечне большевистских лидеров, правивших великой страной на протяжении семи десятилетий.

Ленин умер очень рано, пятидесяти трех лет от роду. Но за несколько последних лет своей жизни сделал страшно много: разрушил старую империю и создал новую, уничтожил прежний общественный строй, заложив основы совсем иного уклада. Пообещав людям мир и землю, он на долгие десятилетия отобрал у них февральскую свободу. А без нее цена земли и мира ничтожна, тем более что землю тут же национализировали, а войну империалистическую «преобразовали» в гражданскую, стоившую чудовищных жертв стране.

Выступая на пленуме Московского Совета вечером 20 ноября 1922 года в Большом театре (который кстати, вождь хотел ликвидировать и заменить дюжиной агитбригад), как выяснилось, в последний раз «на народе», Ленин заявил: мы решили построить новый строй. «Есть маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией, которая за это взялась. Эта партийность — ничтожное зернышко во всем количестве трудящихся масс России. Это ничтожное зернышко поставило себе задачей, а именно переделать все, и оно переделало»⁶.

Такое общество Ленин начал строить с первых дней после октябрьского переворота. Сделав собственников неимущими на основании почти шести десятков декретов, подписанных им, Ленин, как бы опасаясь, что все это когда-нибудь повернется вспять, пишет народному комиссару юстиции Д.И. Курскому записочку (любимая форма управления вождя):

«Не пора ли поставить на очередь вопрос об у н и ч т о ж е н и и документов частной собственности:

- нотариальные акты о землевладении
- фабриках
- недвижимости

и прочее и так далее.

Подготовить т а й н о, без огласки.

Захватить сначала...

Бумаги, по-моему, надо бы в б у м а ж н у ю м а с с у превратить (технически это изучить заранее)».

Исполнительный Курский тут же отвечает:

«Мера нелишняя и может быть проведена быстро, так как нотариальные а р х и в ы в наших руках».

Ленин доволен и резюмирует еще одной запиской наркому:

«Итак, Вы за это возьметесь б е з особого постановления СНК (и привлечете к совещанию об этом Комиссариат внутренних дел и др. Но т а й н о)»⁷.

Отобрав все, что можно, Ленин заботится, чтобы не осталось даже следов частной собственности. Кто-кто, а он понимает, что нового общества на старом фундаменте не построить.

Юрист Ленин за свою короткую полуторагодовую практику в качестве помощника поверенного присяжного вел защиту всего по четырем-пяти мелким делам (бытовые воришки). Фактически почти все дела проиграл. Зато, когда в 1909 году в Париже виконт (фамилия в анналах истории не сохранилась, иначе стал бы знаменит) сбил автомобилем Ленина, ехавшего на велосипеде, пострадавший подал в суд, настойчиво боролся и выиграл иск. Он еще не знал тогда, что через восемь лет, в октябре 1917 года, выиграет «дело» века — получит власть в самой огромной стране мира. Но знать ли ему, что в этой победе, сказочно легкой и неожиданной, будут заложены семена грядущего исторического поражения.

У Ленина была похвальная слабость к иностранным словарям: русско-французский, немецко-французский, итало-французский, русско-английский... Читал их перед сном и в бессонницу. Может, это было оригинальным снотворным? Или революционер был уверен, что выиграет «дело» не только в России, но выиграет его и на всей планете, сделав ее красной, большевистской?

Конечно, уверен. На VIII съезде партии Ленин огласил написанное им приветствие рабочим Будапешта, где прямо говорилось: «Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм...»⁸

Таков был Ленин: самоуверенный и циничный, волевой и безжалостный. Ум его был уникальным по своей целеустремленности. Виктор Чернов писал о нем: «Ум Ленина был не широкий, но интенсивный, не творческий, но изворотливый, и в этом смысле изобретательный. Ленин не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы...»⁹ Но именно этому человеку было суждено совершить на планете в XX веке самые глубокие социальные потрясения.

В этом очерке о первом вожде большевистской партии и советского государства я коснусь лишь некоторых черт

его портрета. Кто хочет узнать о нем больше и глубже, прочтите мой двухтомник «Ленин», плод мучительных размышлений бывшего ортодоксального коммуниста, окончательно пришедшего к выводу, что все главные беды России в XX веке исходят от Ленина и ленинизма.

Редко кому удавалось в своей судьбе пройти за год-полтора путь от обычного эмигранта, которого знали только его партийцы, до человека, замахнувшегося на мировое коммунистическое владычество...

«Злой гений» Да, именно так определил вождя большевиков А.Н. Потресов, хорошо знавший его лично, в книге, написанной в 1927 году: «Злодейски гениальный Ленин»¹⁰. Что же видел Потресов «гениального» и «злодейского» в вожде большевиков? Каков смысл парадокса, синтезировавшего гениальность и злодейство?

«Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними, — писал Александр Николаевич. — Плеханова почитали, Мартова любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Но за этими великими достоинствами скрываются так же великие изъяны, отрицательные черты, которые, может быть, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя...»¹¹

Ленин, как и положено гению, был лаконичен, говоря в свое время об авторе приведенных выше строк: «Экий подлец, этот Потресов!»¹² Впрочем, о «гениальности» и «злодействе» Ленина говорил и писал не один Потресов. Марк Алданов уже обратил внимание на соотношение этих компонентов у Ленина: «черта гения в одном случае, черта варвара в ста других»¹³. Уточнение сколь существенное, столь и верное.

Вот одна иллюстрация «гениальности» и «злодейства» вождя большевиков.

В январе 1919 года Ленину из Петрограда пришло пись-

мо от старого знакомого, социал-демократа Николая Александровича Рожкова, экономиста, публициста. В этом письме тот, в частности, излагал:

«Владимир Ильич, я пишу Вам это письмо не потому, что надеюсь быть Вами услышанным и понятым, а по той причине, что не могу молчать... Должен предпринять даже безнадежную попытку». Далее Рожков пишет, что продовольственное положение Петрограда отчаянное: половина города обречена на голодную смерть. «Вся Ваша продовольственная политика, — продолжает автор, — построена на ложном основании... Без содействия частной торговой инициативе Вам, да и никому не справиться с неминуемой бедой...» Старый социалист толкал Ленина к тому, что потом назовут нэпом.

«Мы с Вами разошлись слишком далеко. Может быть, и даже всего вероятнее, мы не поймем друг друга... Мне и это письмо кажется смешным с моей стороны донкихотством. Ну, пусть в таком случае оно будет первым и последним. Н. Рожков»¹⁴.

Ленин внимательно прочел письмо меньшевика и собственноручно тут же написал ответ.

«Николай Александрович!

Очень рад был Вашему письму — не по его содержанию, а потому что надеюсь на сближение благодаря общей фактической почве советской работы...

Не о свободе торговли надо думать — именно экономисту должно быть ясно... не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение государственной монополии к социализму...» (вождь еще не знает, что именно Рожков, а не он, Ленин, окажется исторически прав в этом споре). Далее рассуждая в письме к Рожкову о губительности парламентаризма — «учредилки в России», садится на любимого конька: «...история показала, что это всемирный крах буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, что без гражданской войны нигде не обойтись...»

Привет. В. Ленин»¹⁵.

История с обменом письмами на этом не кончается. Как читатель понял, Рожков видел полную губительность «военного коммунизма» уже в январе 1919 года и предлагал новую по сути («старую капиталистическую») экономичес-

кую политику. Ленин-«провидец» этого не видел и не понял. Но о Рожкове не забыл. Он был злопамятен.

Когда по инициативе Ленина в конце лета 1922 года был поставлен вопрос о высылке за границу большой группы представителей российской интеллигенции (ее цвет!), Председатель Совнаркома снизошел до личных указаний. Он пишет записку директивного характера. Приведу лишь часть ее.

«т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов в виду того, что эта операция, начатая до моего отпуса, не закончена и сейчас.

Решено ли «искоренить» всех этих энесов? Пешехонова, Мякотина, Горенфельда, Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. Тоже А.Н. Потресов (не забыл! — Д.В.), Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и многие многие другие). Меньшевики Розанов (враг, хитрый), Вигдорчик, Мигуло или кто-то в этом роде, Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л. Франк (автор «Методологии»). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго...»¹⁶

Бессвязный и жестокий текст. Как видите, Рожков совсем не забыт, как и многие другие, вроде «Любови Николаевны Радченко и ее молодой дочери» — Ленин «понаслышке» знает, что они «злейшие враги большевизма». Так решались судьбы людей, так глава правительства учил действовать своих коллег. Ленин «очищал Россию надолго» от гордости нации, ее совести и интеллекта. Ну, разве не прав А.Н. Потресов, сам удостоившийся чести быть высланным на чужбину личным распоряжением Ленина и давший вождю характеристику, как «злодейски гениальному» человеку!

Узнав, что Рожков болен, Ленин снисходит до милосердия: «Высылку Рожкова отложить. Выслать Рожкова в Псков. При первом проявлении враждебной деятельности выслать за границу»¹⁷. Но продолжает следить за эконо-

мистом, который предвосхитил нэп тогда, когда Ленин его полностью отвергал.

Ленин о врагах не забывает. Он мстителен и злопамятен. Через два с половиной месяца, почему-то вспомнив или услышав о Рожкове, тут же пишет питерскому вождю Г.Е. Зиновьеву:

«Рожков в Питере?

Надо его выселить»¹⁸.

Как видим, «полемика» Ленина направлена не столько против идей, а сколько против людей.

В действительности у Ленина было много оснований для причисления его к лику «гениев». Мощный, волевой интеллект, огромная историческая решительность, способность на крутые повороты в политике, беспредельная заряженность на достижение цели быстро превратили его после приезда в Россию в политика номер Один. Обладая огромной внутренней силой, он умел убеждать и даже подавлять своих оппонентов. Я не знаю людей, которые могли бы похвастаться победами над ним в личных спорах. Впрочем, когда он чувствовал свою неправоту или шаткость позиции, Ленин считал за благо уклоняться от словесных баталий, предпочитая им печатные выступления. Признанием его лидерства служило и то обстоятельство, что, не будучи ни председателем партии, ни ее генеральным секретарем, ни каким-либо специально оговоренным лицом, Ленин в политбюро единодушно считался первым. Он был признанный в о ж д ь. Заседание этого высшего партийного синклита, как правило, вел сам Ленин.

...Идет очередное заседание политбюро 7 декабря 1922 года. За столом всего несколько человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Калинин, Молотов. Как всегда, высшая коллегия рассматривает множество вопросов. Ленин деловит, немногословен. Выступает редко, но его резюме по конкретному вопросу звучит как «коллективное решение», даже когда в нем есть большие сомнения.

...Об экспорте хлеба докладывает А.Д. Цюрупа. Калинин и Каменев переглядываются. Все поднимают головы: страна еще не пришла в себя от последствий страшного голода, скосившего миллионы людей. Но Цюрупа сообщает: в этом году «вывернемся», нэп поможет. Обсуждения, по сути, нет, и Ленин подытоживает в протокол:

а) Признать государственно необходимым вывоз за границу хлеба в размере до 50 млн. пудов.

б) Сосредоточить в руках Цюрупы общее наблюдение за всей операцией по продаже хлеба.

На том и остановились.

Если брать за показатель «гениальности» только мощь и безответственность ума, становится не по себе, когда этот ум безапелляционно решает: выслать Рожкова за границу или в Псков; отправлять на продажу хлеб из голодной страны и каким тиражом печатать Маяковского. Когда Луначарский считает, что поэму «150 000 000» можно опубликовать тиражом в пять тысяч экземпляров, Ленин тут же дает этому намерению убийственную оценку: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность...» Не колеблясь, однозначно постановляет: «печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков»¹⁹.

«Гений» считает возможным единолично определять, что писать, что читать, что издавать. Власть категорична, и Ленин полагает вправе выносить свои вердикты только на основе личных убеждений и впечатлений. Не из-за этого ли, спросим себя, в истории стали возникать бунты, мятежи, восстания? Люди никогда не хотели (не всегда это могли и сказать), чтобы их судьба зависела от капризов, желаний, взглядов того или иного вождя.

...Ленин, ставший вместе с Троцким автором постыдного заложничества, не устал напоминать о реализации этого бесчеловечного принципа в повседневной революционной практике. В записке Э.М. Склянскому, подготовленной глубокой ночью 8 июня 1919 года, Ленин не забыл потребовать: «...Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — в виду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским...»²⁰

Ленин был цельным человеком и в то же время глубоко раздвоенным: мощь интеллекта соседствовала с глубокой безнравственностью. Конечно, политика, как правило, безнравственна. Но Ленин привнес в нее глубокий цинизм. Фактически на любом решении вождя, даже отмеченном деловым прагматизмом и точно выверенном интеллектуальным расчетом, лежит печать глубокой вторичности морали, ее полное подчинение политическим реалиям. Могут привычно возразить и возражают: время

было такое, революционная ломка, становление новых отношений и институтов, введение в действие новых критериев... Что Вы хотите, чтобы революцию делали в «белых перчатках»?! Но в том-то и дело, что политический цинизм Ленина рельефно просматривается как до революции, так и после нее. Это было сутью вождя российской революции; достижение политической цели оправдано любыми способами и методами.

Например, чтобы выгородить своего любимчика Р.В. Малиновского, оказавшегося провокатором, Ульянов не останавливается перед самыми грязными оскорблениями его оппонентов, людей, не доверяющих Малиновскому. «Мартов и Дан — грязные клеветники»; «надо научить наших (они наивны, неопытны, не знают), как бороться с вонючками мартовыми»; «Мартов с К° продолжают вонять. Воняйте!!... Пусть захлебываются в своей грязи, туда им и дорога»; это «слизь и мерзость»; «пакостники» — таковы выражения Ленина²¹.

Продолжать эпитеты площадного характера можно до бесконечности. Дело здесь не в ошибке, ее может допустить каждый, а в упорстве ее отстаивания. Сам Малиновский не так уж и интересует Ленина, но нужен как повод для «уничтожения» своих политических соперников, людей, думающих по-другому, а главное, не признающих безоговорочного диктата и приоритета Ленина. Ведь Малиновский не только член ЦК, но и депутат Государственной Думы, к которому благоволит лидер большевиков.

Одновременно, не особенно вникая в суть дела, Ленин всячески поддерживает Малиновского. Он ему нужен как инструмент борьбы против своих политических противников.

«Дорогой друг Роман Вацлавович!

Получил Ваше письмо и передал здешнему комитету Вашу просьбу о присылке кое-каких вещей... Надеюсь, что Вы здоровы и сохраняете бодрость. Пишите о себе и кланяйтесь всем друзьям, которые, наверное, имеются и в новой обстановке вместе с Вами. Надежда Константиновна очень кланяется.

Ваш В. Ульянов.

22 декабря 1915 г.»²².

Письмо было отправлено (как и многие другие) в Аль-

тен-Грабов, где находился германский лагерь для пленных и интернированных российских граждан.

Личная привязанность... Хотя близких друзей у него не было, Ленин любил преданных людей. Для Ленина это всегда значило очень многое. Он любил тех людей, кто ценил его, понимал, безоговорочно поддерживал: Г.М. Кржижановский, А.И. Рыков, Г.В. Чичерин, А.Д. Цюрупа, В.Д. Бонч-Бруевич, Ф.Э. Дзержинский, Я.С. Ганецкий, Г.Л. Шкловский... И тот же Р.В. Малиновский.

Как позже выяснилось, Малиновский был одним из самых ценных провокаторов царской охраны. По ее указанию Малиновский проводил в ЦК большевиков самый жесткий курс на размежевание с меньшевиками, любил заводить разговоры о желательности «более решительных действий» ленинской партии. Лидеру большевиков это нравилось; он провел не один вечер в долгих беседах с Малиновским, когда тот наезжал к нему до войны в Краков. В 1914 году Ленин вместе с «титулованным» провокатором ездил в Брюссель, Париж, где член Государственной Думы выступал с рефератом, имевшим, по словам покровителя Малиновского, «большой успех».

Когда после Февральской революции были открыты архивы Охранного отделения, тайное стало явным: Малиновский, один из самых близких к Ленину большевиков, оказался высоко оплачиваемым агентом царской охраны. Ленину, еще до победоносного большевистского переворота, пришлось давать в Петрограде 26 мая 1917 года пространные показания по делу Р.В. Малиновского. Показания Ленина записал член Чрезвычайной следственной комиссии Н.А. Колоколов. Лидер радикальной социал-демократии, конечно, ни словом не упомянул о том, с какой яростью и убежденностью он в свое время защищал и отстоял провокатора.

Даже после всего ставшего известным Ленин весьма сдержанно характеризовал шпика: «Малиновский был, по моему мнению, выдающийся, как активный работник... Малиновский приезжал к нам, в общем, раз 6 или 7, во всяком случае, чаще всех депутатов. Он хотел играть главенствующую роль среди русских цекистов, бывал, видимо, недоволен, когда не ему, а кому-либо другому давалось нами ответственное поручение... ему бы хотелось более

смелой нелегальной работы и неоднократно на эту тему были разговоры у нас в Кракове... За его спиной стояла несомненно комиссия умных людей, которая направляла каждый его политический шаг...»²³

Ленин не жалел о своей близости к этому человеку и ни словом не выразил огорчения по поводу своей долгой и иступленной защиты агента. Странно другое: неожиданно в 1918 году, когда власть была уже у большевиков, Малиновский возвращается в Петроград из Европы. Нет, там он не бедствовал: на провокаторстве «заработал» немалые деньги и мог устроить свою жизнь и за границей. Не исключено, что Малиновский, очень тщеславный, авантюрного плана человек, рассчитывал на снисхождение властей в связи с покаянием, а главное — на заступничество Ленина. Документов по этому поводу обнаружить не удалось, но по ряду косвенных признаков могу судить: Малиновский обращался за защитой к лидеру большевиков. Но Ленину он уже был не нужен. Суд был кратким, как и сам приговор: расстрелять. В своем письме Горькому Ленин однажды заметил: «Негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень темное это дело, Малиновский...»²⁴

«Темное» в основном из-за безапелляционности Ленина, который очень не любил признавать собственных ошибок, хотя на словах не раз говорил совсем другое. «Гении» ведь непогрешимы и неуязвимы.

Как видим, «гениальное злодейство» у Ленина весьма рельефно выражалось в уродливом соотношении политики и морали, интеллекта и добра. Это происходило от убежденности в первенстве классового над общечеловеческим, которое сформировалось у российского революционера, возможно, на самой ранней стадии «рождения вождя». Следствием этого «гениального злодейства» явился последовательный, до конца жизни, антидемократизм Ленина в политике.

Демократичным, по Ленину, было лишь то, что совпадало с его взглядами на сущность и содержание пролетарской революции. В конце концов лидер большевиков был способен и диктатуру пролетариата назвать «демократией»²⁵. Для Ленина демократия, прежде всего, форма насилия, а не выражение народовластия. Именно здесь коренился пункт того обстоятельства, которое сделало «гений» Ленина «злодейским». Рассуждая о народовластии,

вождь (а затем его последователи) прочно присвоил себе право говорить от имени народа. В разговоре с Кларой Цеткин он однажды заметил: «Искусство принадлежит народу... Оно должно быть понятно народу». Но разве он когда-нибудь спрашивал «народ», что тому понятно, принимая свои решения, допустим, о фактическом запрете футуризма, других модернистских «штучек»? Расчет был элементарен: коль скоро он, Ленин, не понимает, «куда уж массам соваться»?

— Товарищ Ленин, — заметила Клара Цеткин, — не следует так горько жаловаться на безграмотность. В некотором отношении она Вам облегчила дело революции²⁶

Замечание более чем верное и едкое.

Вождя русской революции нельзя понять, не уяснив, что значил для него «большевизм». Усилиями той части партии, которая пошла за Лениным с самого порога века, большевизм стал синонимом революционности, классового благородства, пролетарской одержимости. Для большевика было естественным видеть в любых сомнениях, колебаниях, неуверенности проявление буржуазного либерализма, соглашательства, реформизма, интеллигентщины. Дико подумать, но с «легкой» руки Ленина слово «интеллигент» стало означать некий антипод революционности и радикализма. В феврале 1908 года Ленин в письме к Горькому, с которым он был в то время весьма близок, сообщает, как о большом достижении: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция б е ж и т из партии. Туда и порога этой сволочи... Это все чудесно...»²⁷

В этом и проявлялся «большевизм души» Ленина, исповедовавшего, по сути, социальный расизм. Пролетарии — вот единственно и подлинно революционная сила. В своей самой утопической и беспомощной книге «Государство и революция», которая нами, бывшими ленинцами, считалась венцом теоретической мудрости, сконцентрирован сгусток ленинских воззрений на классы, государство, роль пролетариата во всемирной истории. Ленина возмущает, что многие социалисты смеют усматривать в государстве «орган примирения классов». Чудовищно! Но разве можно забывать, напоминает Ленин, что все «общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримые классы»? Это-то и прекрасно! Нужно все

сделать для того, чтобы не пролетариат подавлялся буржуазией, а наоборот. Вот тогда возникает «диктатура пролетариата», спасение человечества²⁸.

Даже учитывая наше фанатичное преклонение перед революцией, перед методологией беспредельного насилия во имя туманного грядущего счастья людей, трудно понять нашу прошлую слепую приверженность этим человеконенавистническим постулатам.

А суть их одна: большевизм — это радикализм мышления и радикализм действий. В классической форме все это находило выражение в ленинской судьбе. Он бесконечно верил в то, что писал. А писал страшные вещи. Судите сами: «Учет и контроль, — утверждал теоретик коммунизма, — вот г л а в н о е, что требуется для «налажения», для правильного функционирования п е р в о й ф а з ы коммунистического общества... Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станст действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться». Тут же Ленин добавляет: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».

Прошу простить меня за обильное цитирование, но не могу удержаться еще от одного ленинского добавления. Суть его: уклониться от такого «учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики и шутить они с собой едва ли позволят), что н е о б х о д и м о с т ь соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет п р и в ы ч к о й»²⁹.

Идеал Ленина — казарма, хотя он и говорит: «все общество будет одной конторой и одной фабрикой». В этой конторе все за всеми следят, и за мерой труда и мерой потребления, ведь над головой каждого «быстрое и серьезное наказание», особенно грозит это «интеллигентам». Сегодня меня поражает не только ленинский радикализм,

а то, как мы, замороченные, оболваненные, запуганные, могли верить (и поклоняться!) всем этим диким вещам!

Но мало верить, мы видели, как в сталинские времена за горсть собранных на колхозном поле колосков могли дать 10 лет лагерей, а то и расстрел; как за опоздание на 20 минут на фабрику можно было вернуться не домой, а сразу попасть в тюрьму; как за не отработанное на коммунистической баррикаде количество «трудодней» легко было угодить на «спецпоселение». Контроль все совершенствовался, ухищрялся, универсализировался, и жизнь такая, действительно, становилась «привычкой». Мы считали нормальным, что везде были «нормировщики», «учетчики», «инспектора», «инструктора», «общественные контролеры», «легкая кавалерия» и множество-множество других подобных ленинских должностей, что само по себе знаменовало приближение лучезарного коммунистического общества. Ленин заложил прочные традиции «учета» и «контроля».

«... Т. Троцкий... Сведения насчет числа «очищенных» церквей, надеюсь, заказаны? Привет! Ленин. 11 марта 1922 г.»³⁰.

Не отставал в совершенствовании «учета» и его верный ученик и продолжатель Сталин. В своей печально знаменитой статье «Головокружение от успехов», появившейся 2 марта 1930 года, большевистский генсек подсчитал: «На 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50 процентов крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое».

Даже Горбачев, едва придя к власти, начал с «контроля»! Мне довелось быть на том секретариате ЦК КПСС и услышать его страстную речь: стоит ввести государственную приемку продукции на заводах и фабриках, как качество товаров резко пойдет вверх... (а для этого потребовалось учреждать многие тысячи новых контролеров). Но ничего, конечно, не улучшилось.

Мы все помешались на этом «контроле», соглядатайстве, вечных подозрениях в мошенничестве и казнокрадстве. Ленин, будучи «злодейски гениальным», решил путем абсолютного контроля над всем народом создать общество — «контору», где каждому предоставлялось бы единственное право считать себя счастливым в соответствии с

указаниями вождей. Именно этот радикализм и закреплял формирование тоталитарного общества, где контролировались не только килограммы и метры, но и разговоры и мысли граждан.

«Злодейская гениальность» Ульянова-Ленина выражается и в его установке, предельно жесткой, означавшей монополию на власть. Фактически это вылилось в большевистский а б с о л ю т и з м.

На первых порах Ленин и его сторонники пытались создать хотя бы видимость альянса с левыми эсерами, имевшими большое влияние среди крестьянства. У большевиков не было даже собственной четкой программы по аграрному вопросу; триумфаторы, по сути, заимствовали ее у эсеров. Боясь, что они будут не в состоянии единолично удержать власть, Ленин, не без внутреннего напряжения, пошел на союз с левыми эсерами, правда, очень короткий. Трижды заседал Совнарком под председательством Ленина, 7, 8 и 9 декабря 1917 года. Шли торги и оговор условий, на которых левые эсеры могут стать народными комиссарами (министрами). Наконец Совет Народных Комиссаров постановил: «Предложить с.р. войти в состав правительства на следующих условиях:

а) Народные Комиссары в своей деятельности проводят общую политику Совета Народных Комиссаров.

б) Народным комиссаром юстиции назначается Штейнберг*. Декрет о суде не подлежит отмене.

в) Народным комиссаром по городскому и земскому самоуправлению назначается Трутовский. В своей деятельности он проводит принцип полноты власти как в центре, так и на местах.

г) Тов. тов. Алгасов и Михайлов (Карелин) входят в Совет Народных Комиссаров как министры без портфелей. Практически они работают как члены коллегии по внутренним делам.

д) Народным комиссаром почт и телеграфов назначается Прошьян.

е) Народным комиссаром по земледелию остается тов. Колегаев.

ж) Народным комиссаром по Дворцам Республики на-

* Здесь и далее орфография и пунктуация оригинальных документов сохранены. — Прим. ред.

значается т. Измайлов. Театры и музеи остаются в ведении Государственной Комиссии по народному образованию.

Опубликовать следующее: «В ночь с 9-го на 10-ое декабря достигнуто полное соглашение о составе правительства между большевиками и левыми с.р. В состав правительства входят семь с.р.»³¹.

Столь пространный документ я привел затем, чтобы «поддержать» в мысли ушедший, правда, эфемерный шанс: а вдруг у большевиков с левыми эсерами стало что-то «получаться» не уродливое? Особенно если в правительство были бы введены меньшевики? Шанс подобного, повторяю, почти невероятен. Но если бы даже относительно разнородные политические силы оказались, как теперь говорят, в «одной команде», не могло бы это привести весь курс к большей социал-демократизации? Этого не произошло и, видимо, не могло произойти. Большевики, по своей природе, ни с кем не хотели делить свою власть. Монополия на диктатуру была у них в крови.

Идеи политического цинизма, крайнего радикализма, тотального контроля, монополии на власть и мысль непрерывно генерировались в воспаленном мозгу вождя большевиков. Почему этот мозг оказался так устроен? Почему дворянин Ульянов, живший с матерью и остальными ее детьми на хорошую царскую пенсию, оказался столь непримиримым революционером? Нет ли здесь какой-то аномалии у человека, который не мог ни о чем думать и говорить, кроме как о революции?

Конечно, неповторимые обстоятельства и особая, уникальная комбинация формирующих и воспитующих факторов сделали Ленина таким, каким он вошел в человеческую историю. Высоко организованная, нравственно здоровая семья, где чувствовалось одновременное влияние нескольких культур: русской, немецкой, еврейской, калмыцкой и даже частично шведской. В судьбе Ленина тесно синтезировались: российский радикализм, европейская цивилизация, еврейский интеллект, азиатский размах и жестокость. Как плод, частный продукт гигантского евразийского государства, Ленин смог слить в себе многие неповторимые черты своего происхождения. И это весьма символично. Большевики, фактически унаследова идею аб-

солютизма у русской традиции, пытались скрыть происхождение Ульянова-Ленина. Делали это напрасно, ибо в нем, генетическом древе вождя российских якобинцев, голос судьбы великого народа, раскинувшегося на двух континентах.

Огромную роль в жизненном выборе Владимира Ульянова сыграла трагическая смерть его старшего брата Александра, казненного за попытку покушения на царя. Студент университета А. Ульянов был бы, вероятно, прощен императором Александром III, но схваченный террорист счел бесчестным просить прощения. Казнь брата что-то перевернула в душе Владимира, сделала его полукротивленным у общества, ибо он вскоре попал под бдительное око царской охраны. Его потрясла не только смерть брата, но и его мужество. Ульянов-младший извлек урок из гибели революционера. Нет, не в том, что он якобы сказал: «мы не пойдем таким путем». Свидетельства, приводимые в доказательство этого заявления, малоубедительны и, более того, сомнительны. У него еще совсем не было понимания «своего пути», но его все больше влекли радикализм и бескомпромиссность. Ульянов в последующем действительно пойдет «другим путем». Его никто и никогда не увидит «металлыщиком» пироксилиновых бомб, организатором непосредственной баррикадной борьбы, руководителем фронтовых операций. Оттачивая, шифруя идеи своей жестокой философии, Ленин станет глубоко «кабинетным революционером».

Ленин был пленником Цели. Для него она оправдывала исключительно все.

Я подхожу сейчас, возможно, к самому главному в понимании становления личности Ленина, его духовным истокам. Воспитанная семьей жажда к знаниям, помноженная на растущий радикализм воззрений, подвигнула молодого Ульянова к поглощению огромного количества литературы. Но литературы особого свойства. У совсем юного Ульянова на письменном столе появляются не только естественные в этом возрасте книги Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского... Здесь не редкость и книги Ч. Дарвина, Г. Бокля, Д. Рикардо, Н.А. Добролюбова и почти постоянно Н.Г. Чернышевского. «Капитал» Маркса Ленин начал чи-

тать уже в родном имении Кокушкино Казанской губернии. Миросозерцание у Владимира Ульянова очень рано стало «уплотняться» социальными и политическими идеями.

И вот особенность! Возможно, решающая. Все интеллигентное российское общество конца XIX — начала XX века чувствовало свой особый духовный подъем, взлет к благодатным нравственным вершинам. Это выражалось и в расцвете российской прозы, и в «серебряном веке» русской поэзии, глубоких и оригинальных исканиях отечественных мыслителей, историков, публицистов. Люди не только зачитывались А.Фетом, Надсоном, Бальмонтом, Северяниным, Гиппиус, но и жадно поглощали, спорили по поводу последних книг и статей отца и сына С. и В. Соловьевых, Е. Трубецкого, Н. Бердяева, С. Булгакова, В.В. Розанова, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, Н.Ф. Федорова, других замечательных мыслителей. Многие, естественно, были в духовном «плёну» у Л. Толстого и Ф. Достоевского. Созвездие великих имен столь впечатляюще, что и спустя век поражаешься щедрости Провидения и Природы, взрастивших и подаривших России это бесценное интеллектуальное богатство. Возможно, только благодаря ему советская Россия на протяжении семи десятилетий, безжалостно растаптывая это уникальное достояние, так и не превратилась в холодный археологический сколок в раскопках славянской культуры. Конец XIX — начало XX века были одной из самых высоких (если не самой высокой!) интеллектуальных вершин российской истории.

Но... Ленин обошел эту вершину кругом, даже не пытаясь взобраться на нее... Для него высокие нравственные максимы В. Соловьева, размышления о свободе Н. Бердяева, тайнства духовного мира, открытые Ф. Достоевским, остались «terra incognita»*. Сознательное обеднение своего сильного интеллекта выразилось в прямолинейной одномерности Ленина, его политической безапелляционности, игнорировании общечеловеческих нравственных начал. Подумать только, Н.Г. Чернышевский смог заменить Ульянову все богатство палитры отечественной философской мысли! Для Ленина Чернышевский оказался

* Нсизвестная земля (лат.).

«единственно действительно великим русским писателем» только потому, что он смог оказаться, по мысли большевистского лидера, на «уровне цельного философского материализма». Ленина восхищала, однако, в Чернышевском не философия, а политический радикализм. Вождь октябрьского переворота 1917 года с удовольствием брал себе в союзники того Чернышевского, который сказал: «кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность»³². Ленин, конечно, не боялся...

Достоевский для Ленина, естественно, «архискверный» писатель и этим многое сказано³³. Даже гениальный Л.Н. Толстой, о котором Ленин написал несколько сугубо политических статей, понадобился автору только для того, чтобы подчеркнуть: писатель, «горячий протестант» и обличитель царских порядков, обнаружил, однако, «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса»...«которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю». Утверждение русских либералов, что Толстой «великая совесть» народа, Ленин называет «пустой фразой...» и «ложью». Ленин договорился до того, будто гений русской литературы нашего времени «не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе»³⁴.

Стоит ли после этого удивляться тому, что, по выражению Ленина, «разные» Бердяевы способны лишь на «философские» туманности, политические пошлости, «литературно критические взвизгивания и вопли». Не случайно, что партийные издатели ленинских сочинений официально величали, например, великого русского мыслителя Н. Бердяева «апологетом феодализма и средневековой схоластики»³⁵.

Многие же из тех, кто были кумирами студенчества, светочами прогрессивной интеллигенции, просыпающихся разночинцев, остались Ленину навсегда неизвестными или в лучшем случае просто исторически непонятными авторами.

Ленин в области философской, мыслительной культуры был, по определению Н.А. Бердяева, страшно «бедным человеком». Его книга «Материализм и эмпириокритицизм», названная в официальных оценках большевиков «гениальным», «главным философским трудом XX века»

(и нами, замороженными догматиками, так и воспринимаемая), полностью игнорирует лучшие отечественные достижения в этой области. Избывая (иначе не скажешь) нескольких российских и западных «махистов» (о существовании которых подозревало вначале такое количество людей, что их можно было усадить на одном диване), Ленин оперирует работами и тогда малоизвестных, а ныне и вовсе забытых философов. Ни один из крупных российских мыслителей (за исключением, разумеется, Н.Г. Чернышевского) даже не упомянут в схоластической книге «гениального» Ленина!

Ленин, являясь «святошей» созданной им касты «профессиональных революционеров», всегда презирал российскую интеллигенцию, ибо по сути своей она была носительницей либерализма. Ленину же была нужна не свобода, а власть его касты. Поэтому прав талантливый биограф русского революционера Л. Фишер, утверждавший, что «интеллигенции Ленин не доверял... Сомнения, независимое мышление, неприятие ортодоксальных канонов, все это было нежелательно, поскольку новой ортодоксией была советская власть»³⁶.

Ленин старательно и последовательно обходил интеллектуальную вершину российской общественной мысли... Стоит ли удивляться, что человек, проявивший себя как исключительно напористый, виртуозный и удачливый политик, получив необъятную власть, использовал ее не во благо, а на историческую беду России...

Гениальность тактика и злодейство стратега. Симбиоз гениальности и злодейства.

Лишенные Лениным родины, российские таланты так же не щадили его в своих оценках. Великий И.А. Бунин, будущий Нобелевский лауреат, в минуты озлобленного иступления, выступая 16 февраля 1924 года в Париже с речью «Миссия русской эмиграции», с глубокой горечью сказал: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освещенный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслышанным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балага-

ном, чудовищные последствия которого неисчислимы...» С тоской глядя в зал, Бунин продолжал: «Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие...» Великий писатель считал, что сказанного мало:

«Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»³⁷

В.В.Розанов еще в роковой год Октября напишет для будущей книги «Черный огонь. 1917 год» безжалостные строки: Ленин «был рассчитан на самые темные низы, на последнюю обывательскую неграмотность... Ленин отрицает Россию... И народа он не признает. А признает одни классы и сословия... России нет: вот подлое учение Ленина»^{37а}.

Ленин никогда не услышит и не прочтет этих слов, но они будут жить так же долго, как и ленинские «дела» и «учение». Так интеллектуалы России отвечали своему погубителю.

Отторжение Лениным великой интеллектуальной среды России, творений ее гениев дало, во времена большевистских посевов, столь глубокие ядовитые всходы, что трудно сказать, когда мы с ними совладаем. В этой борьбе с «большевизмом» душ и ленинским схематизмом решения вековых вопросов заключается не только трудность, но и опасность; ведь прошлое особенно беззащитно перед беспепелляционностью невежества. По большому счету, Ленин и ленинизм прервали многовековую интеллектуальную традицию, что является одним из важнейших источников многочисленных бед великого народа. «Спасающий спасается. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет ...» — писал великий Владимир Соловьев. Большевики не «спасали» Россию и не «спаслись» сами — таков вердикт истории. В книге В.В. Сербиненко о В.С. Соловьеве автор на всем протяжении своей очень умной работы утверждает: разрыв богатейшей интеллектуальной, российской традиции чреват тяжелейшими духовными последствиями³⁸. Именно Ленин со своими «профессиональ-

ными революционерами» совершили этот трагический разрыв.

Мстить истории бессмысленно. Смеяться над ней глупо. Значительно важнее ее понять и, как говаривал блистательный В.О. Ключевский, увидеть, где мы «загнулись или рухнули». Где начался долгий период российского нигилизма, который мы, кажется, начинаем если не преодолевать, то хотя бы понимать.

Грех Октября Шел третий год империалистической войны. В окопах гибли миллионы солдат. Канонада, газовые атаки, висящие на колючей проволоке серые пятна убитых солдат, парящие в небесах немецкие цеппелины отражали страшный облик Первой мировой войны в Европе. Война прошла через свой «экватор». Было не много сомневающихся в том, что Германия со своими союзниками в конце концов стратегически потерпит поражение, особенно после того как в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Положение России было тяжелым, но не безнадежным. Фронт стабилизировался. Однако социалистическая агитация основательно разлагала войска. Эшелоны с пополнениями прибывали на фронт часто полупустыми: началось массовое дезертирство.

Последний Председатель Государственной Думы Родзянко позже вспоминал, что к 1917 году «дезертиров с фронта насчитывалось около полутора миллионов. В плену у неприятеля уже было около 2 миллионов солдат... Так работали большевистские агитаторы, усиливая естественное нежелание крестьян воевать...»³⁹. Страна и народ устали от войны.

Ленин занимается в тихой Швейцарии философским самообразованием, пишет статьи, совершает в обществе Надежды Константиновны и Инессы Арманд пешие прогулки, жадно следит за вестями с фронта. Он, словно с балкона гигантского европейского театра, наблюдает за сценой, где идет страшная война.

Ему не довелось в своей жизни износить ни одной пары солдатских штанов, побывать в окопах, залитых грязью и кровью, он никогда не видел вблизи страшного оскала войны. Но он давно уже знал, что именно война способна что-то коренным образом изменить в его тусклой, бес-

цветной и однообразной жизни эмигранта. Будучи проницательным человеком, Ленин не мог не догадываться: европейские столицы не знают, как окончить войну. Но именно в войне, войне нелепой и жестокой, ключ к его будущему.

В феврале 1915 года шведский король Густав V пишет Николаю II письмо.

«Мой дорогой Ники.

...Ты понимаешь, дорогой Ники, как сильно волнуют меня ужасы этой страшной войны. И вполне естественно, что мои мысли заняты изысканием средств, могущих положить конец этой страшной бойне... Совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент, раньше или позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле... Как ты смотришь на мое предложение услуг?»⁴⁰

Как писал Виктор Чернов, 4 февраля 1917 года к русскому послу в Христиании (ныне Осло) Гулькевичу является болгарский посланник в Берлине Ризов и просит телеграфировать в Петербург «о желании Германии заключить на чрезвычайно выгодных условиях сепаратный мир с Россией». Из Петербурга идет ответная депеша: «Выслушать и внимательно добиться точной формулировки условий...»⁴¹ Но уже поздно: февраль чреват необратимыми событиями.

Ленин с началом мировой бойни выступил не за ее прекращение, что казалось наиболее естественным, а за ее «социализацию». В своем письме А.Г. Шляпникову 7 октября 1914 года он убежденно осуждал борьбу за мир. «Неверен лозунг «мира», — подчеркивал лидер большевиков, — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну»⁴². Первая часть позиции по отношению к войне была сформулирована Лениным быстро.

Но еще быстрее родилась другая часть большевистской платформы, которую Ленин сформулировал еще раньше, вскоре после выстрелов в Сараево и объявления Германией в 19 часов 10 минут 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года войны России.

Россия стала официально стороной, которой бросили кровавую перчатку большой европейской войны. Тем не

менее Ленин уже в первые дни войны начал писать так называемые «Тезисы о войне», которые позже были опубликованы в ряде печатных изданий как манифест под заглавием «Война и российская социал-демократия». В документе есть забавные строки, на которые способен только такой ортодокс, как Ленин. Стремление «...перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково *единственное реальное* (курсив мой. — Д.В.) содержание и значение войны».

Абсурдность ленинского утверждения очевидна, тем не менее первые кирпичи социалистического фундамента пропаганды заложены. Дальше еще определеннее: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск...»⁴³ Ни до Ленина, ни после него ни один россиянин не выступал со столь антипатриотических позиций.

Поражение собственного правительства, а значит, и отечества в войне (которому объявили войну!), а еще лучше превратить ее в революцию, в гражданскую войну — вот что провозгласил Ленин. Позиция Ленина и ленинцев, при ее внешнем интернационализме, ни на шаг не приближала к главному — гашению войны. А по сути, с самого начала ленинская платформа была рычагом для страшных революционных мехов, раздувающих ненасытный пожар европейской войны.

Одновременно ленинский курс в войне означал прямое национальное предательство, основанное на глубоком презрении к государственным интересам России и ее союзникам. Ведь определеннее не скажешь: «...царизм во сто крат хуже кайзеризма»⁴⁴. Не эта ли позиция со временем привела Ленина к мысли о «совпадении интересов» большевиков и Берлина? Царь, его правительство, российские войска были препятствием для кайзера в его далеко идущих экспансионистских планах, а для Ленина — в захвате власти в России. С самого начала войны у кайзеровской Германии и большевиков появился общий враг — царская Россия...

Именно такой «партийный» подход подвигнул Ленина и дальше, к необходимости разложения сражающейся российской армии. «Мы и на военной почве, — категоричес-

ки утверждал цюрихский эмигрант, — должны остаться революционерами. И в войне проповедовать классовую борьбу»⁴⁵.

В конце сентября 1914 года в российской газете «Русское слово» было опубликовано Воззвание «От писателей, художников и артистов», осудивших развязывание кайзеровской Германией войны против России. Подписали его многие звезды российской культуры первой величины: А. Васнецов, К. Коровин, С. Меркуров, А. Серафимович, П. Струве, Ф. Шаляпин, М. Горький и другие очень известные люди. Ленин опубликовал открытое письмо к «Автору «Песни о Соколе» (А.М. Горькому), в котором осуждает его за «шовинистически-поповский протест». Походя замечает: «Пусть Шаляпина нельзя судить строго... Он чужой делу пролетариата: сегодня — друг рабочих, завтра — черносотенец...»⁴⁶ Для Ленина все люди уже поделены строго: кто занимает классовую позицию (ленинскую), тот союзник, а кто «шовинистическо-поповскую» — непримиримый враг. Даже в работе, которую почти все советские люди должны были изучать как глубоко «патриотический труд», «О национальной гордости великороссов», Ленин утверждал: «...нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 Великороссии...»⁴⁷.

Идею пацифизма, идею «паралича войны» Ленин жестоко высмеивал. Эти лозунги вождь называл «одной из форм одурачения рабочего класса», а саму мысль «демократического мира» без революций считал «глубоко ошибочной»⁴⁸.

Характерно, что, призывая к «решительным действиям» против милитаристов, за «разворачивание классовой борьбы в армии», Ленин и не думал показать «пример» в этом отношении. Во время Циммервальдской конференции социалистов (сентябрь 1915 г.) лидер большевиков шумно настаивал, чтобы делегаты вернулись к себе в страны и лично организовывали забастовочное движение против своих воюющих режимов. Немецкий социал-демократ Г. Ледебур заметил, обращаясь к лидеру большевиков:

— Но меня за это просто отдадут под полевой суд...

Ленин, однако, настаивал на своем. Тогда делегат-немец вкрадчиво спросил Ульянова:

— Вы тоже поедете в Россию, чтобы организовывать стачки против войны? Или останетесь в Швейцарии?

Ленин не удостоил ответом столь «провокационный» вопрос⁴⁹. В Россию он не собирался даже в самом начале 1917 года... Впрочем, депутаты IV Государственной Думы — большевики А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский, Ф.Н. Самойлов, Н.Р. Шагов и еще несколько социал-демократов были осуждены в феврале 1915 года Особым присутствием Петроградской судебной палаты за то, что при обыске у них обнаружили манифест ЦК РСДРП, написанный Лениным, «Война и российская социал-демократия». Призыв лидера большевиков, мы знаем, звучал так: поражение собственного отечества в войне и превращение империалистической войны в гражданскую. Все пять депутатов-большевиков были отправлены в вечную ссылку в Туруханский край. Автор призыва продолжал наслаждаться безмятежной жизнью в Швейцарии.

Выступая 28 сентября 1914 года во время доклада Г.В. Плеханова «Об отношении социалистов к войне», Ленин откровенно посоветовал министрам-социалистам: «Уйти в нейтральную страну и оттуда сказать правду...»⁵⁰ Свою революционную методологию: смело критиковать царизм, самодержавие, шовинизм из абсолютно «безопасного далека» он считал совершенно правильной и нравственной.

Ленин был человеком сильной воли, но никогда не отличался личным мужеством: его никто не видел ни на баррикадах, ни на фронтах, ни перед лицом разъяренной толпы, ни в осажденном городе. Вождь всегда исключал риск для себя. Во время сходки в Петербурге в 1906 году кто-то из рабочих крикнул:

— Казаки!

Все бросились врассыпную. Ленин бежал неловко, упал в канаву, потерял котелок... Хотя тревога, как выяснилось позже, оказалась ложной⁵¹.

Ленин жил за рубежом не потому, что его преследовали власти, он боялся самой возможности такого преследования. Его никто не искал и не шел по пятам. Постепенно на протяжении многих лет у лидера большевиков выработался весьма своеобразный стереотип отношения к России, ее

строю, институтам, людям: он мог легко оскорбить, обругать, унижить любого (даже российского императора), сам абсолютно ничем не рискуя. Ленин, по его словам, писал о революционных выступлениях в России с «трепетом восторга», не останавливаясь перед самыми дикими, категорическими суждениями. Еще в 1905 году (!) он мог написать: «Мы дадим приказ отрядам нашей армии (!) арестовывать спаивающих и подкупающих темный народ героев черной сотни...» и отдать их «на открытый, всенародный революционный суд». Точнее самосуд?! Уже весной 1906 года, полагал Ленин, «не останется и следа от учреждений царской власти». Вождь любил определенность: «Кто не революционер, тот черносотенец»⁵².

Эти фрагменты «революционного» бреда писались в конце 1905 года, когда уже было ясно, что царский манифест в октябре сбил социальную горячку в обществе, дал уникальную возможность стране пойти по пути конституционной монархии. Но Ленин тут же выступил с призывом «добить тиранов»⁵³, пресекая даже самую возможность социального компромисса. Ведь более определенно не скажешь:

— Кто не революционер, тот черносотенец.

Греческий мудрец Солон, живший в VII—VI веках до нашей эры, в своих знаменитых законах предлагал предавать смерти людей, которые не занимают в гражданской войне чьей-либо стороны. Ленин говорил и действовал по «солоновски».

...Европа, опоясанная бесчисленными траншеями и рядами заграждений из колючей проволоки, истекала кровью. Паралич мировой войны, между тем, подсказывал: что-то должно произойти. Ленин из сонного, уютного Цюриха слал заклинания своим единоверцам: выше факел классовой борьбы, нужно приблизить поражение России в войне, «отнять армию» у царя, сделать все для того, чтобы «переплавить» империалистическую войну в войну гражданскую.

Наступил роковой 1917 год. 9 (22) января Ленин выступил в цюрихском Народном доме перед рабочей молодежью с длинным скучным докладом об очередной годовщине русской революции 1905 года. Зал невелик, мне в начале девяностых годов довелось побывать там. Немного во

ображения, и я услышал энергичный картавый голос русского демона.

«...До 22 (по старому стилю 9) января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей — тогдашние реформисты (точь-в-точь как теперешние), издеваясь, называли нас сектой...»

По обыкновению, докладчик густо пересыпал свое выступление статистическими выкладками, временами поднимаясь до непривычных для него образных сравнений: «..Крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама...»

Полупустой зал вежливо слушал коренастого лысого господина, с горящими глазами сетовавшего, что «к сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они д о л ж н ы были уничтожить...» Человек за кафедрой был тоже дворянин, семья которого, однако, еще раньше продала свое поместье и жила на проценты с семейного капитала. Молодые люди потихоньку выходили из зала, оживившись, пожалуй, еще один раз, когда Ленин с пафосом рассказывал о насильственной русификации «точно 57 процентов» населения.

«.В декабре 1905 года в сотнях школ польские школьники сожгли все русские книги, картины и царские портреты, избили и прогнали из школ русских учителей и русских товарищей с криками: «Пошли вон, в Россию!».

Наконец терпеливо дожидавшейся конца доклада, заметно поредевшей стайке молодежи Ленин сказал:

«...Мое время почти уже истекло, и я не хочу злоупотреблять терпением своих слушателей...» Проговорив еще минут пятнадцать о своем любимом предмете, революции, русский эмигрант заявил:

«.Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»⁵⁴

Человек, которого скоро будут называть «пророком», «оракулом», «провидцем» революции в России, не видел, что она уже на пороге, она на подходе. Менее чем через два месяца в Петрограде свершатся драматические февральские события, которые начнут новый отсчет времени для страны и всего мира. Человек же с крупным куполом черепа, доставая из поношенного сюртука носовой пла-

ток, извиняющимся голосом говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Он был слеп, как все. История любит выкидывать свои «штучки», которые, кроме самого Провидения, никто предвосхитить не в состоянии.

Неудачная война и слабость власти в России привели к самоупразднению самодержавия на волне широчайшего недовольства войной самых разных слоев народа. В 1917 году началась своеобразная историческая мутация, которая через несколько лет приведет к созданию новой цивилизации, новой культуры, новых политических и общественных институтов, имеющих мало общего с многовековой историей великого народа. Если бы все ограничилось демократическим февралем и он бы «устоял», то, вероятнее всего, Россия сегодня была бы великим, демократическим, могучим, не распавшимся государством. Но не только февральские события оказались неожиданными.

В своей двухтомной книге о Ленине я очень подробно описал метания Ленина в Цюрихе, боявшегося, что революционный поезд в России может уйти в будущее без него. Но здесь сыграли свою революционную роль негласные, неофициальные отношения, которые еще раньше установились между некоторыми ленинцами и «доверенными» кайзеровской Германии. В этой цепи были ключевые лица.

Близко знакомый Ленину Гельфанд-Парвус, немецкий социал-демократ, выходец из России и ставший удачливым коммерсантом в Германии. Этот человек, прозванный «купцом революции», был автором авантюристического плана-идеи, так убедительно описанного А.И. Солженицыным в его книге «Ленин в Цюрихе». По мысли Гельфанда-Парвуса, Германия, чтобы выиграть войну, должна помочь родиться революции в России. Как революционеры-ленинцы, так и кайзер в Берлине имеют общую, очень тесную точку соприкосновения интересов: нужно было победить царскую Россию в войне. Ленин своими заявлениями, что «царизм во сто крат хуже кайзеризма» и что его, царизма, поражение «теперь и тотчас» было бы наилучшим выходом из войны⁵⁵, публично, многократно, определенно заявлял о своей позиции фактического союзника Германии в борьбе против собственной родины, своего народа.

Эрих Людендорф, крупнейший военный авторитет Германии, мозг ее военной машины, предельно откровенно и цинично отозвался о роли Ленина в планах Берлина: «Помогая Ленину поехать в Россию (через Германию из Швейцарии в Швецию. — Д.В.), наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано. Россию было нужно повалить»⁵⁶. «Повалить» царскую Россию хотел и Ленин. Он оказался самым верным союзником кайзера; ведь тот во сто раз лучше царя...

С тех пор зарубежные исследователи (в СССР это было абсолютно невозможно) нашли множество прямых и косвенных документов, бесспорно свидетельствующих о надежной связи большевиков и Берлина. В моем двухтомнике «Ленин» мне, надеюсь, удалось использовать многие важнейшие документы этого рода, а также внимательно проанализировать отечественные материалы в ранее закрытых архивах о финансовых связях помощников Ленина с Германией. Несмотря на неоднократную «чистку», архивы сохранили «бухгалтерские» телеграммы, счета, объемы сумм, которыми располагали большевики от «щедрот» Берлина. Я отсылаю любознательного читателя к своей книге «Ленин» (глава «Октябрьский шрам»), где приведено множество неопровержимых свидетельств преступной связи ленинцев с силами, которые вели войну против российского отечества. Правда, у ортодоксов ленинизма сохранился иезуитский аргумент вождя: «До 25 октября 1917 года у трудящихся нет отечества». А когда он «со товарищи» узурпировал государственную власть, отечество неожиданно «появилось».

Если коротко, то дело обстояло следующим образом. После встречи Ленина с Парвусом в мае 1915 года (которая, конечно, не отражена в официальной биографической хронике) между узким кругом доверенных лиц Ленина, где главную роль играл Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг), и германской стороной через Александра Лазаревича Парвуса (Гельфанда) установилась тесная связь. Эти два по-своему талантливых человека, слабо выхваченные историческим светом из тьмы былого, явились основой хитроумного механизма, особо активно функционировавшего в 1916—1917 годах.

Парвус, располагая деньгами, которые ему передава-

лись немецким послом в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, через другие каналы, создал в столице Дании «Институт причин и последствий войны». С центром сотрудничали некоторые большевики: Чудновский, Зурабов, Урицкий и еще ряд лиц. В свою очередь, Ганецкий в Стокгольме создал фирму, которая на немецкие деньги закупала различные товары (медикаменты, предметы бытового характера, химию и т.д.) и направляла их в Петроград. Реализованные товары позволяли помощнику Ганецкого М.Ю. Козловскому перечислять крупные суммы денег на счета различных банков. Это были сотни тысяч рублей, которые использовались большевиками для различных целей (выпуск газет, листовок, закупка оружия, выплата жалованья широкому кругу «профессиональных революционеров»). Сохранились десятки телеграмм (многие требуют дополнительной расшифровки), свидетельствовавших о непрерывно пульсировавшем денежном канале: большевики — Берлин — Ганецкий — Парвус, с использованием ряда посредников, ничего не знавших о столь хитроумной подпитке ленинской партии, превратившейся, по сути, в фактического союзника врага, с которым сражалось отечество. Думаю, в свои годы и КГБ, и ЦРУ, другие спецслужбы могли бы немалому поучиться на этой истории. КГБ-то, конечно, учился...

Правда, нужно отдать должное, Ленин не «метил» документы собственными резолюциями, не писал прямых денежных распоряжений. Он стоял за кулисами и наблюдал (а также пользовался) хитроумным механизмом, с помощью которого осуществлял руководство на вербальной (словесной) основе.

Исследование, осуществленное мной в книге «Ленин», не оставляет сомнений (хотя есть еще слабо изученные аспекты) в том, что октябрьский переворот Ленина опирался на денежную помощь Германии. Она продолжалась и после захвата власти большевиками. Например, посол Германии в Москве граф Мирбах 3 июня 1918 года (за месяц до своей гибели, частично связанной с этой его функцией) отправляет шифрованную телеграмму в Берлин: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц». Через два дня, 5 июня, в Берлин летит новая шифрограмма: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России,

весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок»⁵⁷.

Думаю, что люди в немецком посольстве эти деньги получили. Как и большевики — от них. Значительно позже названных выше дат знаменитый социалист Эдуард Бернштейн опубликовал в газете «Форвертс» сенсационную статью, в которой говорится, что «Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы на ведение своей разрушительной кампании... Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок... Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор...»⁵⁸.

По сути, большевистская верхушка была подкуплена Германией. Ведь не случайно Ленин настаивал, чтобы российская делегация соглашалась на самые тяжелые условия сепаратного мира в Брест-Литовске. Думаю, что это самый удивительный «мир», ценой которого Ленин в значительной мере получил и удержал власть.

Еще недавно заявляя, что большевики «никогда» не соглаются на сепаратный мир, Ленин пошел фактически на признание поражения России (вот оно, трехлетнее поражение!), которого не было! Ленин признал то, чего не существовало, — поражение перед Германией — противником, который сам уже фактически стоял на коленях перед Антантой! Но Ленин не только признал это поражение, но и согласился выплатить фантастический приз: отдать один миллион квадратных километров российской территории Германии и выплатить контрибуцию в 245,5 тонны золота! Когда эта страна, повторяю, уже почти была в могиле поражения осенью 1918 года, хранитель золотого фонда Новицкий докладывал Ленину, что подготовлена к отправке в Германию очередная партия золота в 95 тонн...⁵⁹

Ленин совершил величайшее предательство нации, стал историческим преступником. Читатель может задаться вопросом: название главы «Грех Октября», а пока речь идет о других вещах. Но именно эти «вещи» объясняют, почему произошел великий грех, совершенный большеви-

ками. Как писал И.А. Ильин, «русская революция есть величайшая катастрофа не только в истории России, но и в истории всего человечества»⁶⁰.

Ленин, отринув решительно все социал-демократические постулаты, вскоре после своего приезда взял резкий курс на захват власти вооруженным путем. С Керенским-социалистом встретиться отказался. Лозунги Ленина были демагогичны и примитивны, но действовали безотказно. Большевики обещали уставшему от войны, безземелья и голода народу мир и землю. Но для этого, требовали ленинцы, нужно воткнуть штык в землю, бросать окопы, идти в тыл «брать наделы». Гарнизон в Петрограде, которому пообещали, что он никогда не будет отправлен на фронт, стоял за большевиков. Реальная власть Временного правительства таяла, как льдина, выброшенная половодьем на освещенный солнцем берег. А демагоги большевизма, как тысячеустые сирены, обещали доверчивым, темным крестьянам в солдатских шинелях достаток, мир, землю, хлеб, больницы, волю...

Выступая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, состоявшемся в мае 1917 года, Ленин рисовал мужикам в лаптях идиллические картины: «Это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле»⁶¹. Читатель может сам судить, как сбился очередной прогноз вождя.

На столичной арене шли политические маневры. Дон-Кихот Февральской революции А.Ф. Керенский все время пытался подняться над нацией, сплотить ее, продержаться до победы союзников в войне. Сама Россия имела уже очень ограниченные возможности для активного ведения войны, но продержаться еще восемь—десять месяцев вполне могла...

А Ленин с большевиками стремительно укреплял свою позицию на фабриках, заводах, в воинских частях, флотских экипажах. Незрелая, неокрепшая февральская демократия утыкалась лицом в суровый ворс солдатских шинелей и бушлатов. Ров, разделявший либеральную демократию и радикальное крыло массового люмпена, становился все шире... Как всегда, в России не оказалось влиятельного политического центра. Власть аморфна и дрябла. Большевики решают попробовать ее крепость и в случае удачи

с помощью огромной манифестации, а если надо, и оружия взять ее рычаги в свои руки.

Ленин, конечно, решает быть не в эпицентре событий, а в близком «далеке». В сопровождении Марии Ильиничны и двух телохранителей он уезжает в деревню Нейвола, подле станции Мустамяки, и останавливается в доме В.Д. Бонч-Бруевича. В случае неудачи — рядом спасительная Финляндия, а там и до Швеции рукой подать. Однако он понимает, что ни Советы, ни правительство по-настоящему не контролируют ситуацию.

В начале июля большевики решили сделать «пробу штыком» (так Ленин выразился, когда настоял в 1920 году на варшавском походе). На массовую демонстрацию были подняты десятки тысяч людей, воинские части, флотские экипажи. Рано утром Ленин, вызванный соратниками, возвращается в Петроград и становится у нерва революционного выступления.

Накануне большевистские агитаторы хорошо поработали среди солдат и матросов. Главный тезис: после неудачи июньского наступления Временное правительство готовится заткнуть войсками петроградского гарнизона брешь на фронте. Гнев солдат и матросов неопишуемый. Разложившиеся столичные войска предпочитали проглотить своими сапогами по мрамору столичных дворцов, нежели идти в залитые грязью и кровью окопы вшивого фронта.

В своих воспоминаниях П.Н. Милюков пишет, что «3 июля (Милюков ошибается: не 3-го, а 4-го. — Д.В.) Ленин уже занял свой знаменитый балкон в доме Кшесинской и приветствовал солдат, давая им указания. Здесь помещалась вся военная разведка ЦК партии большевиков; сюда направлялись и отсюда рассылались приходившие воинские части. Словом, военный штаб восстания был налицо...»⁶². Ленин еще ранее, а если точно, то 14 (27) июня, прилюдно заявил: «Мирные манифестации — дело прошлого»⁶³.

Ленин с балкона воззвал: «Вся власть Советам!» Впрочем, точного текста выступления Ленина я нигде не нашел. Опубликовать его оказалось опасно: лидер большевиков призвал, по свидетельству многих мемуаристов, к свержению Временного правительства, а выступление-то и провалилось... А то, что позже речь эта была изложена

большевиками как «мирная», никого не должно вводить в заблуждение. По этой части лжи и дезинформации у ленинцев никогда не было достойных соперников. Правда, Н.Н. Суханов пишет, что речь Ленина была довольно осторожной: оратор «усиленно агитировал против Временного правительства, призывал к защите революции и верности большевикам»⁶⁴.

Скорее всего, большевики надеялись с помощью гигантского человеческого пресса «надавить» на Временное правительство, заставить его капитулировать, ибо у него уже не было поддержки в армии. Тем не менее сотни тысяч людей, вышедших на улицы, встретило вначале слабое, а потом и возросшее сопротивление верных правительству частей. Начались стрельба, погромы, неорганизованные столкновения. Пролилась кровь. Открывалась перспектива плохо организованной борьбы с неясными шансами. С мест во дворец Кшесинской поступали неутешительные донесения: телеграф хорошо охраняется; прибывают новые отряды казаков; солдаты верных правительству частей перекрыли еще одну ключевую улицу...

Ленин, оказавшись, возможно, впервые в жизни неподалеку от эпицентра борьбы, счел за благо не рисковать будущим и свернуть «выступление». Надо было сохранить «революционное лицо» и быстрее найти аргументы для обвинения властей в «кровавых жестокостях». В этом деле главное — первыми обвинить. Оправдывающейся стороне всегда труднее.

Ленин скрывается, что всегда делает очень умело. Разговоры о «явке на суд», хотя вначале он вроде бы был готов обсудить эту возможность, в действительности никогда всерьез им не рассматривались. Даже учитывая, что Ленин должен был предстать не перед судом царским или военной диктатуры, а судом «революционных социалистов». Вождь большевиков всегда предпочитал иметь запасной вариант: уйти в подполье, уехать, скрыться за границей.

Троцкий вспоминал, что, когда он увидел Ленина после провала июльского выступления, лидер большевиков был очень встревожен:

— Теперь они нас перестреляют. Самый подходящий для них момент⁶⁵

Успокоившись в безопасном месте, Ленин все свои си-

лы нацелил на подготовку статей, теоретических работ, директив, указаний, которые должны были нагнетать социальную ярость, делать невозможным национальное и общественное согласие, генерировать ненависть к неопытной, незрелой буржуазной демократии.

Верный своему правилу сверхосторожности, зная, что его ищут, чтобы арестовать за организацию антигосударственного выступления, Ленин меняет места своих нелегальных укрытий: Разлив, Гельсингфорс, Выборг. Везде прежде всего устанавливает надежную связь со своим ЦК. Материальных затруднений не было: верхушка большевиков жила на деньги, которые «перебрасывали» в Петроград из-за границы Ганецкий, Козловский, Суменсон.

Ленин понимал, что у России есть выбор: Керенский — это мучительный переход страны, прожившей столетия при самодержавии, на демократические, парламентские рельсы. Но Александр Федорович в силу своей порядочности не мог пойти на сепаратные договоренности с Германией и предать союзников.

Корнилов или любой другой генерал-диктатор кровью умоют Россию, но наведут в ней порядок более жесткий, чем при Николае II. Но тоже продолжение войны «до победного конца».

Только он, Ленин, мог предложить уставшему народу нечто другое: в обмен на власть, которую должны получить большевики, он обещал всем мир, а крестьянам еще и землю. Ценой национального предательства. Ценой развала армии. Ценой отказа от союзнических обязательств.

И только он, Ленин, понимал, что нация пойдет на это предательство, которого затем будет мучительно стыдиться. Лидер большевиков апеллировал не к высоким чувствам, не к патриотизму и гражданственности, а к ненависти, усталости, обманутым ожиданиям. Ленин был циник, но хорошо понимал механизмы влияния текущего момента на общественную психологию. Он был антипатриот, но он точно знал, чего хотел. Вождь большевиков мог сознательно запускать демагогические лозунги, уверенный, что в любой момент может от них отказаться.

Это был человек, отчетливо видевший не только свою цель, но и способы ее достижения.

Ленин пишет и пишет из подполья статьи, записки, письма, указания. Еще три месяца назад он категорически

заявлял, что не допустит сепаратного мира. А сейчас, перебегая от укрытия к укрытию (вблизи спасительных путей ухода на Запад), утверждает: «99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир»⁶⁶.

Ничего святого, нерушимого, постоянного. Кроме революции и власти.

В сентябре 1917 года Ленин еще более определен: «Победа восстания о б е с п е ч е н а теперь большевикам: мы можем (если не будем «ждать Советского съезда») ударить в н е з а п н о и из трех пунктов: из Питера, из Москвы, из Балтийского флота... девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо не п о й д у т войска против правительства мира»⁶⁷.

Чувствуя, что ЦК медлит, колеблется, проявляет нерешительность, Ленин, после принятия особых мер безопасности, в начале октября возвращается в Петроград. Он не может больше ждать. Мощный ум Ленина, просчитывая варианты, подсказывает: его партии представляется уникальная, редчайшая возможность не просто захватить власть, а просто подобрать ее на мостовых Петрограда. Пока этого не сделал какой-нибудь более удачливый генерал, чем Лавр Корнилов...

А.Ф. Керенский предпринимает последние судорожные попытки что-то изменить в трагическом ходе вещей: проводит совещания с думцами, шлет депеши на фронт с целью остановить его распад, интересуется, не задержан ли Ленин. С целью усиления демократических начал, по его настоянию 1 сентября 1917 года Временное правительство объявляет: «Государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский», а посему Россия «есть республика». Далее в постановлении говорится, что «Временное правительство своею главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии»⁶⁸.

Дезертирство под влиянием большевистской пропаганды, однако, нарастало. Как писал Н. Полторацкий, «Россия в 1917 году рухнула от р а з л о ж е н и я войска»⁶⁹. Большевики набирали силу. В воздухе витало: заговор, переворот, мятеж... Ленин в своих многочисленных пись-

менных выступлениях перешел на конкретные директивные указания. Порой его призывы, нагнетая ярость, носят истерический характер:

«...После захвата юнкерских школ, телеграфа, телефона и прочее, — требует Ленин, — нужно выдвинуть лозунг: «Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля». Стратегические пункты должны быть заняты «ценой каких угодно потерь»⁷⁰.

Поражает легкость призывов Ленина к жертвенности, тем более «ценой каких угодно потерь». Черта большевизма: жизнь человеческая не более как статистическая единица.

10 и 16 октября 1917 года состоялись чрезвычайно важные заседания ЦК РСДРП, на которых Ленин настоял на принятии решения о вооруженном восстании. Из 21 члена ЦК 10 октября присутствовали только двенадцать человек. Ленин был настолько напорист, решителен и энергичен, что лишь двое из присутствовавших, Зиновьев и Каменев, выступили против. Эти два большевика проявили завидную осторожность и проницательность: нужно ждать созыва Учредительного Собрания, которое шире отразит политические умонастроения гигантской страны. Каменев заявил: «Партия не опрошена. Такие вопросы десятию не решаются».

Эта реплика лишь подчеркнула огромную политическую греховность стремлений вождя. Бланкизм XX века, который так рельефно выразил Ленин, и не требовал «опроса» партии. Более того, впредь это не будет иметь в истории партии н и к а к о г о значения.

Через несколько дней Ленин с соратниками, представляющими ничтожное меньшинство в России, захватит власть. Отныне семь десятилетий великой страной будут руководить люди, которых н и к т о не уполномочивал «н а в л а с т ь». Никто! Просто клан «профессиональных революционеров» будет отныне передавать большевистский скипетр из рук в руки. Иногда после жестокой вершущей схватки на самом верху или запутанных дворцовых интриг. Ленин положил начало этой печальной «традиции».

На протяжении семи десятилетий в советской стране много писали о «ленинской теории социалистической революции». Собственной, синтезированной, цельной тео-

рии как таковой нет. Но, внимательно прочитав многие десятки его статей, речей, писем, памфлетов, можно выделить нечто главное в этой ленинской «технологии» революции.

— Максимально возможная обработка общественного мнения, своеобразный «массаж» обывденного сознания.

— Исступленное культивирование образа классового врага (царь, буржуазия, меньшевики, либералы).

— Разложение армии и государственного аппарата с помощью ничем не ограниченной демагогии.

— Подталкивание к хаосу, распаду государственности и власти.

— Переворот в момент, когда государственная власть окончательно обессилена и скомпрометирована.

— Установление жестокой диктатуры, отменяющей «буржуазные свободы и права».

— Террор как решающий метод сдерживать миллионы людей в узде диктатуры.

— Война без правил — безбрежная гражданская война.

Конечно, мы назвали лишь несколько ключевых звеньев ленинской технологии. Осуществляет ее дисциплинированная, организованная, закаленная партия-орден, возглавляемая «профессиональными революционерами». Такими, как Ленин. Только они будут способны принимать решения, подобные этим: «Наличный паек уменьшить для неработающих по транспорту; увеличить для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена»⁷¹. Жестокая логика технологии Ленина: погубить одних, чтобы «спасти» других...

Ленин оказался «гением» своей технологии.

Но нужно отдать должное его тактической проницательности: именно Ленин абсолютно точно определил момент, когда власть будет полностью парализованной, незащищенной. Ленин понимает, что, если большевики не подберут валяющуюся власть, ее подберут другие...

Джон Рид, ставший американским героем на русской революционной земле, повторяет слова, которые Ленин высказал 3 ноября (стиль новый): «6-го ноября будет слишком рано действовать; 8-го будет поздно. Нужно действовать 7-го, в день открытия съезда»⁷². Точный расчет времени и порядка захвата власти, личная огромная воля, невероятная нацеленность на самые решительные дей-

вия делают Ленина главным творцом переворота, который позднее стал по своему значению крупнейшей социальной революцией. Известный историк Э. Карр справедливо утверждает: «Триумф партии можно приписать почти исключительно Ленину, сумевшему навязать ей свою личную волю и увлечь за собою часто колебавшихся товарищей»⁷³.

Но Ленин до последнего момента в душе не верил в успех грандиозной политической операции. Один из самых глубоких западных историков России Ричард Пайпс справедливо пишет: «Ленин не решался появляться на публике, пока кабинет (включая Керенского, о бегстве которого он не знал) не захвачен большевиками. Большую часть 25 октября он провел с перебинтованным лицом, в парике и очках. Когда проходившие мимо Ф. Дан и М. Скобелев узнали его, несмотря на этот маскарад, он вновь удалился в свое укрытие, где дремал на полу, а Троцкий время от времени входил и докладывал о событиях»⁷⁴.

С этими суждениями крупного историка, а также и второго лица в русской революции трудно не согласиться. Но тем выше греховность свершенного. России, в трудное, переломное время вставшей на путь демократического, цивилизованного развития, помешали это сделать. Ее ввергли из самодержавного абсолютизма в абсолютизм большевистский. Еще никто не знает, что революционный спазм в России приведет к созданию новой псевдокультуры, совершенно новой политической реальности, новой идеологической атмосферы. Начнется долгий, мучительный, кровавый эксперимент по насильственному осчастливливанию миллионов людей.

Гибнувшая власть еще успеет подать по радио и в «Рабочей газете» 29 октября 1917 года сигнал бедствия, которое будет долгим и беспросветным:

«Всем! Всем! Всем!

Временный совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами «свобода и социализм» на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в том числе и министров-социалистов... Кровь и

анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу и республику...»⁷⁵

Долгий «поход» за «светлым будущим» пройдет под знаком греховного величия Ленина. При этом русская революция сохранила традиционную народную связь мистики и практики. Мистикой стали догматы Ленина, а практикой низвержение всего и вся. Оно, низвержение, было тотальным. «Было разрушено все, кроме традиции, кроме плана, чертежа, злобы и несломленной воли вождя, — писал Е. Богданов. — Остальное сделала народная стихия, питательный бульон, который с микробиологической быстротой размножил «палочки» большевизма в России... Народ наплевал на свободу и демократию, которые были ему предложены (февралем 1917 года. — Д.В.), и успокоился только в новом, тяжелейшем рабстве...»⁷⁶

Октябрьский переворот 1917 года в каком-то смысле та же пугачевщина, перенесенная в век двадцатый. Пугачев не знал, как «оседлать» слепые стихийные силы, а Ленин знал, ибо был и умнее, и циничнее. Он помог родиться бунту и придал ему смысл.

Россия духовно была оскоплена большевистским экспериментом. Пройдет немало времени, пока она освободится от бесовского, греховного наваждения.

Соратники Ленина

У Ленина было много соратников. Разных. К одним он питал явную симпатию, к другим был более сдержан, к третьим приятельски снисходителен. Как вспоминала Н.К. Крупская, с «людьми, которых растил, был очень тактичен». Но «спуску» соратникам не давал, «реагировал очень сильно». Впрочем, «реагировал» бурно он не только на своеволие соратников. «В Брюсселе после столкновения с Плехановым немедленно сел писать ядовитые замечания на ядовитые замечания Плеханова, несмотря на уговоры пойти гулять: «Пойдем собор смотреть»⁷⁷.

До того как Ленин стал всероссийски знаменит, а произошло это после покушения на него 30 августа 1918 года, соратники могли с ним остро спорить, возражать, едко критиковать ленинскую позицию. Он еще не был земным богом, каковым стал после смерти.

...Поздним вечером 6 марта 1918 года в Таврическом

дворце открылся VII съезд РКП. Он был почти секретным. Ленин то и дело бросал, выступая:

— Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать⁷⁸.

Обсуждался вопрос о Брестском мире — печальном итоге национального предательства большевиков, своей политикой добившихся, как с гордостью заявил на съезде Ленин, «превращения империалистической войны в гражданскую»⁷⁹ ценой поражения своего отечества в войне, чего так страстно добивался творец октябрьского переворота.

Это полностью совпадало с интересами Берлина. «Большевистское правительство устраивало Германию как никакое другое...» В Германии считали, пишет Р. Пайпс, что «большевикам следует помогать как единственной партии, которая готова идти на почти неограниченные территориальные и экономические уступки и которая, вследствие своей некомпетентности и непопулярности, поддерживает в России состояние перманентного кризиса»⁸⁰. Ленин практически всегда шел навстречу интересам Германии: и раньше, и теперь. Его можно было бы увенчать титулом «Большого друга немцев».

Впрочем, многие в зале, где проходил седьмой съезд партии, понимали истинную цену «мирного договора». В.В. Оболенский (Осинский) прямо об этом заявил. «Я утверждаю, что та сделка между Россией и германским империализмом, которую тов. Ленин хочет заключить за счет подчинения германскому капиталу, не создаст спасения для остальной части»⁸¹.

Но мне хотелось сказать, вспоминая то, теперь такое далекое, заседание VII съезда РКП, как реагировали некоторые соратники на ленинские предложения о «мире».

Особенно не стеснялся Н.И. Бухарин, справедливо называя утверждения Ленина «спекуляциями», говоря, что тот живет «иллюзиями», что «перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема». Бухарин резок против демагогии лидера: «Когда т. Ленин постоянно прибегает к такому аргументу, как «вот это поймет любой солдат», «это поймет любой мужик», и думает «убить» нас этим аргументом, то он жестоко ошибается»⁸².

Спорили и не соглашались с вождем и некоторые другие его соратники. Ленин являлся тогда первым, но не

единственным лидером. В партии в то время были весьма популярны Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Крестинский, Свердлов, Радек, Иоффе, Сокольников, Урицкий, Крыленко, Ломов, Луначарский, Дзержинский, Коллонтай и некоторые другие руководители, которые могли считаться соратниками Ленина. Вождь, как выразилась Н.К. Крупская, «растил» соратников, был к ним внимателен и заботлив, но никто не мог называться его другом. Таковых у него просто не было, как, впрочем, их обычно не имеют и другие вожди крупного калибра. На самой вершине власти всегда тесно; места там достаточно лишь для одного...

Конечно, все соратники были «профессиональными революционерами», кастой людей, для которых главной целью стало разрушение старого, ниспровержение устоявшегося и завоевание столь желанной власти. Это ленинское «изобретение» сразу придавало высокий смысл людям, которые никогда в жизни не работали, ничего для людей не сделали, фактически ничего не умели. Кроме, естественно, умения нелегально подтачивать царский режим, вести споры в прокуренных кафе о путях грядущей русской революции, перебиваться скудными эмигрантскими харчами в надежде на лучшее будущее.

Основная масса высших руководителей русской революции — люди оторванные как от народа, так и привычного для миллионов людей труда. Но ни у кого из них в 1917 году даже не возникла мысль: по какому праву они завладели властью, почему они решили, что гражданская война принесет счастье людям, а беспощадное уничтожение целых социальных групп России — это и есть «революционная необходимость»? Как подобострастно писал большевистский фигляр Карл Радек: Ленин — это «Моисей, который вывел рабов из страны неволи и вошел вместе с ними в землю обетованную»⁸³.

Из «страны неволи» вождь вел рабов в «землю обетованную» не один, а со своими соратниками. Ближе других за рубежом были для него Зиновьев и Каменев. Ленин их (до октябрьского эпизода 1917 года, когда соратники поставили под сомнение целесообразность вооруженного переворота) ценил особо. Он считал их «писателями-большевиками»⁸⁴, как и революционерами-практиками.

Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский) примк-

нул к большевикам после II съезда партии, лично познакомившись с Лениным в 1903 году. Как и Ленин, он долгие годы прожил в эмиграции, послушно исполняя волю будущего вождя русской революции. Его бесцветные статьи в «Пролетарии», «Социал-демократе» были всегда в русле ленинских установок борьбы с «ликвидаторством», «отзовизмом», «каутскианством».

В известном смысле Зиновьев был тенью Ленина. Поехал «в первую русскую революцию» Ульянов-Ленин, потянулся туда и Зиновьев. Как и вождь, его соратник не оказал на нее заметного влияния. Ленин после поражения революционеров собрал чемоданчик и вместе с Н.К. Крупской вновь уехал в милую для него эмиграцию. Зиновьев с женой З.И. Лилиной, конечно, последовал следом. Ленин с супругой в декабре 1908 года перебираются в Париж, где вскоре оказались и Зиновьевы. Когда они не вместе, Ленин много пишет своему послушному соратнику. Сохранилось более 200 писем и телеграмм вождя «Григорию».

Ленин едет читать лекции на Капри, туда же отправляется Зиновьев; Ленин в партийной школе Лонжюмо под Парижем, там же дуэтом с ним «Григорий». В Кракове, куда Ленин перебрался в 1912 году, Зиновьевы жили некоторое время с Ульяновыми в одном доме; Ленин переезжает в Швейцарию, как на веревочке, за ним тянется Зиновьев.

В Россию Ленин, конечно, с помощью немецких властей, поехал не один, а в окружении тесной компании, в которой был, разумеется, и Зиновьев. Прибыв во «вторую русскую революцию», Ленин с Зиновьевым 5 (18) апреля 1917 года, словно оправдываясь (а так оно и было, ведь доставил их фактически воюющий противник России), опубликовали в «Правде» и «Известиях» статью «Как мы доехали». Статья в «Правде» вышла с подзаголовком «Сообщение, сделанное Исполнительному Комитету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии»⁸⁵.

Все попытки Ленина оправдать использование услуг Берлина совершенно не производили должного воздействия на общественное мнение. Наконец, после июльской попытки захвата власти Ленину (и вновь с ним Зиновьев!) пришлось скрыться, уйти в подполье. Судя по многим при-

знакам, Ленин посчитал, что шансов захватить власть осталось немного. Он был готов вновь уехать в Европу. Но власть Временного правительства оказалась слабее, чем можно было предполагать...

Единственный заметный зигзаг в сторону от ленинской линии Зиновьев допустил в октябре 1917 году по вопросу о вооруженном восстании. Они с Каменевым выступили против и даже огласили свое мнение в газете «Новая жизнь». Возможно, это было, исходя из того, что сегодня мы знаем, наиболее истинной позицией среди всех, кто тогда окружал Ленина? Было ли то предчувствием начала исторической беды или элементарной осторожностью и даже трусостью? Этого сегодня уже никто с полной уверенностью не скажет.

Впрочем, Ленин оценил позицию большевистского «друзья» весьма однозначно: «...Товарищами их обоих больше не считаю»⁸⁶. Правда, после увенчавшегося успехом переворота Ленин вновь «подобрел» к Зиновьеву и Каменеву, но прежней близости, как в эмиграции, уже никогда не было. Если до этого эпизода Ленин свои записки и письма адресовал: «Дорогой друг!», «Дорогой Григорий», то теперь они стали официальными: «т. Зиновьев!», «Товарищу Зиновьеву» и пр.

Тем не менее Зиновьев, будучи членом политбюро, последовательно исполнял волю Ленина, возглавляя Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Правда, при обсуждении вопроса «о мире и войне» на заседании ЦК РСДРП 11(24) января 1918 года Зиновьев вновь допустил некоторый отход от ленинской линии. В его выступлении прозвучали слова: «...мы стоим перед тяжелой хирургической операцией, так как миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабим движение везде на Западе. А дальше виднеется другая перспектива — это гибель социалистической республики»⁸⁷. Но затем Зиновьев вновь «исправился» и стал следовать ленинскому курсу спасения большевистской власти ценой национального предательства.

Сохранилось много записок Ленина Зиновьеву с указаниями по самому разному поводу. Впрочем, таковых сохранилось немало с дореволюционного периода.

За год до февральского спазма в Петрограде Ленин в марте 1916 года пишет записку Зиновьеву, в которой дает

указания, как использовать его тезисы. «Радеку дайте (если Вы хотите еще иметь с этой сволочью дело), но не иначе, как только на 1/2 дня для переписки. Иначе я абсолютно не согласен. Эта сволочь до сих пор тормозит (месяц!) сговор наш с левыми о тезисах». Обругав одного из соратников, Ленин дает указание, что, если Гримм не напечатает их протеста в бюллетене, «тогда ни копейки ему денег»⁸⁸.

Зиновьев исполнитель: «сволочь» получает тезисы лишь на полдня, а Гримм, не желая терять ленинской оплаты, публикует его протест. При внешнем равенстве отношения Ленина с Зиновьевым, как и с другими соратниками, это были отношения властного лидера с подчиненными. Правда, Ленин умел облекать свои указания в товарищескую форму, не отказываясь от императивности указаний:

«т. Зиновьев!

Раз уж прислали мне корректуру, доведите дело до конца:

- 1) Назначьте лицо, ответственное за правку.
- 2) Пришлите мне его имя и адрес.
- 3) Верните мне вместе с № журнала прилагаемую корректуру...

(Без этого «советская» сволочь ни черта не сделает!)...

Привет! Ленин»⁸⁹

Часто записки Ленина Зиновьеву подобны властным командам:

«Петроград. Смольный. Зиновьеву. Члены ЧК детско-сельской Афанасьев, Кормилицын и другие избличены, по словам Луначарского, в пьянстве, насилении женщин и ряде подобных преступлений; требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне имена особых следователей, ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский совет комиссаров. Афанасьева арестовать.

Предсовнаркома Ленин.

7.1.1919 г.»⁹⁰.

Ленин, вновь используя выражение Н.К. Крупской, «растил» своих соратников. Когда в критические дни октября 1919 года Зиновьев попросил у Ленина подкрепле-

ний для разгрома Юденича, Ленин шлет записку Троцкому для передачи указаний Зиновьеву в Питер. Там, в частности, говорится:

«...Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»⁹¹

Ну, разумеется, публикация этого письма в 51-м томе полного собрания сочинений была осуществлена с купурой; слова «плюс ...сот» были опущены. Разве можно было бросать тень на земного бога?

Те, кого Ленин «растил», получали советы в соответствии с методологией российского якобинца. Зиновьев получал подобных указаний множество: «Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные... губернии»⁹².

Как точно писала мятежная и молитвенная Зинаида Гиппиус о том, «ленинском времени»:

Нет революций краснее нашей:

На фронт иль к стенке, одно из двух⁹³.

Зиновьев принял предложенные Лениным правила общения и во время заседаний политбюро строчил во множестве записки вождю и другим сотоварищам. В архиве сохранилось два тома записок, сочиненных Зиновьевым на заседаниях высшего партийного синклита!

Зиновьев написал много, оставив еще больше незавершенного. Но написанное соратником Ленина малосодержательно, поверхностно, декларативно. Хотя помощник Зиновьева Р. Пикель, как и другие члены аппарата председателя Исполкома Коминтерна, приложил немалые усилия к выпуску многотомного собрания сочинений патрона. Сделать этого они не успели. После смерти Ленина генсек Сталин, коварно используя Зиновьева и Каменева в борьбе с Троцким, постепенно отодвинул их далеко от вершины партийной власти. Зиновьев, правда, продолжал славить Ленина и партию, но голос его был слышен все глуше.

В своей книге «Ленинизм» Г.Е. Зиновьев уделил особое внимание развитию ленинского положения о диктатуре

партии. «Согласно учению Ленина, диктатура пролетариата осуществляется через диктатуру авангарда, через диктатуру пролетарской партии... В этом смысле у нас диктатура партии»⁹⁴.

Именно Зиновьеву принадлежит первенство в попытке создать первую биографию Ленина, в которой он напишет, что в хаосе 1918 года, когда все висело на волоске, спас положение Ленин. «Надо вспомнить все эти тревожные, все эти переломные моменты, чтобы уяснить себе, что, не будь тогда товарища Ленина — неизвестно, что было бы с нашей революцией»⁹⁵. Пожалуй, соратник Ленина прав: воля и устремленность вождя позволили большевикам удержаться власть.

С уходом Ленина с политической сцены карьера Зиновьева, Каменева, да и других соратников вождя стала быстро закатываться. Сталин давал (и отбирал) бывшему все-сильному члену политбюро мелкие должности: члена Президиума Госплана РСФСР, затем члена Совета института имени В.И. Ленина, члена коллегии Наркомпроса республики. Последняя его должность, где он пробыл четыре месяца, член редколлегии журнала «Большевик». В ноябре 1927-го, октябре 1932-го, декабре 1934 года (уже окончательно) Зиновьев исключался из партии, которую он создавал вместе с Лениным.

Соратник Ленина был обречен: он находился слишком близко к «первому вождю» и много знал о Сталине и всех делах «партверхушки». По неписаному правилу диктаторов лишь главный вождь мог обладать таким знанием. Те десять лет тюрьмы, которые Зиновьев получил в 1934 году, сменились в августе 1936 года на высшую меру наказания — расстрел.

Не знаю, вспоминал ли Зиновьев на закате своей жизни Ленина, с которым провел бок о бок долгие годы своей жизни? Пронеслось ли перед его мысленным взором быстротечное время триумфа захвата власти и «руководящей деятельности» на высоких постах в государстве, партии и Коминтерне? Едва ли. В последние часы своей жизни «профессионального революционера» Зиновьев надеялся только на милость Сталина, которого он так недооценил ..

Когда вечером 24 августа 1936 года Зиновьева под руки увели из зала суда, где он выслушал вместе с Л.Б. Каменевым, Г.К. Евдокимовым, И.П. Бакаевым, С.В. Мрачков-

ским, В.А. Тер-Ваганяном, И.Н. Смирновым, Е.А. Дрейцером, И.И. Рейнгольдом, Р.В. Пикелем, Д.И. Круглянским, В.П. Ольбергом, К.Б. Берманом, М.Н. Лурье, Н.Л. Лурье беспощадный как сама смерть приговор, он еще на что-то надеялся. Ведь уже однажды Сталин заменил смертную казнь 10 годами... В одиночной камере внутренней тюрьмы НКВД ломающимся карандашом в деревенеющих от страха руках Зиновьев с трудом написал:

«Заявление

О совершенных мною преступлениях против Партии и Советской власти я сказал до конца пролетарскому суду. Президиуму ЦИК они известны.

Прошу мне поверить, что врагом я больше не являюсь и остаток своих сил горячо желаю отдать социалистической родине.

Настоящим я прошу Президиум ЦИК СССР о помиловании меня.

24 августа 1936 г. Г. Зиновьев

4 часа 30 м. утра»⁹⁶.

Жить Зиновьеву с Каменевым, как и его подельцам, оставалось несколько часов. Еще до того как несчастные взяли в свои руки тюремные карандаши для сочинения бесполезных заявлений о помиловании, М.И. Калинин, председатель ЦИК СССР, и Н.К. Уншлихт — за секретаря ЦИК СССР подписали постановление об отклонении еще не написанных ходатайств. Заранее.

Такой будет судьба большинства ленинских соратников. Все они создали такую систему, в топке которой всегда должны быть жертвы.

Пожалуй, еще ближе к Ленину был Каменев. Он не обладал качествами трибуна, «теоретика», как Зиновьев, но был более основателен и, вероятно, более мужествен. Лев Борисович Каменев раньше других рассмотрел диктаторские замашки Сталина и пытался его остановить еще при жизни Ленина.

На заседании политбюро, которое состоялось 15 мая 1920 года, Каменев написал Ленину четыре(!) записки и получил три ответа. Обсуждался вопрос реорганизации Наркомата национальностей и определения отношений с Башкирской республикой⁹⁷.

В одной из записок Каменев пишет Ленину, что вопросы, связанные с национальными отношениями, «всегда бу-

дут неподготовлены, пока в центре не будет человека, постоянно и систематически знакомящегося с этим делом. Сталин только эксперт. Ставлю, — если это не будет обиды для Сталина, — свою кандидатуру...»⁹⁸.

Ленин, однако, не желает «обижать» Сталина:

«НКНац Вас нельзя; не создать ли комиссию? Или не ввести ли Вас членом коллегии НКНаца?»⁹⁹

Каменев не сдается. Предлагает Ленину кроме комиссариата по национальным вопросам образовать Совет из представителей всех национальностей. «Быть председателем его согласен»¹⁰⁰, — пишет в очередной записке Каменев. Ленин вроде и не против, но в постановлении о реорганизации наркомата Сталин остается во главе комиссариата, прибавив к своему посту и «должность Председателя Совета национальностей»¹⁰¹.

Хотя Ленин не был так близок (в житейском плане) к Каменеву, как к Зиновьеву, вождь очень ценил своего соратника. Установлено, что более двух с половиной сот писем, телеграмм, записок он адресовал Каменеву, нередко давал ему деликатные поручения. Например, дела, связанные с семьей, близкими Ленина¹⁰² (дрова, поездки, памятник И. Арманд, квартирные вопросы и т.д.). Именно Каменеву вождь предлагает организовать работу так, чтобы «брать в учителя немцев»¹⁰³. Когда Ленин решился на подписание сепаратного мира с немцами, то пытался свое предательство союзников как-то «сгладить» посылкой Каменева в январе 1918 года в Лондон. Тот, однако, не был принят там; его арестовали и выслали из Англии. В итоге после интернирования в Финляндии Каменев добрался до Москвы лишь в августе того же года.

Первое издание ленинских сочинений редактировалось именно Каменевым и начало выходить еще при жизни вождя. 20 томов в 26-ти книгах. Причем весь личный архив Ленин сам передал Каменеву. Мало кто помнит, что еще в 1907 году Каменев пытался издать ленинский трехтомник «За 12 лет». Вышел один том, но спроса на него совершенно не было, и остальные два не увидели света.

Зиновьев и Каменев были близки к Ленину, и лидер большевиков заботился об их материальном благополучии в эмиграции, подполье, чаще, чем кому-либо, выделял средства из партийной кассы. Однажды, в 1913 году, он даже предложил «Правде» выплачивать Каменеву, как по-

стоянному автору газеты, по 75 рублей в месяц. Доверие и преданность нужно было оплачивать.

Разногласия этих соратников с Лениным были временными. Пожалуй, они, более чем кто другой ревностно, проводили ленинскую линию в большевистской политике. Без этих людей трудно представить Ленина как вождя...¹⁰⁴

Ленину приходилось постоянно маневрировать в политбюро и ЦК, с тем чтобы не дать разгореться страстям и ослабить неизбежные трения вождей второго плана. Особенно много хлопот ему доставляли Троцкий и Сталин, почти открыто враждовавшие и не скрывавшие взаимной неприязни. Такой характер отношений в немалой степени был порожден Троцким, не без основания считавшим, что его роль в революции, перевороте уступает только Ленину. И сам вождь не раз публично высоко оценивал роль Троцкого в революции и Гражданской войне.

Председатель Реввоенсовета не скрывал своего покровительственно-снисходительного отношения к другим соратникам Ленина. Это терпели, но за это и не любили Троцкого. Интеллектуальное «превосходство» редко прощают. В конце августа 1918 года Председатель Совнаркома вместе со Свердловым шлют телеграмму Троцкому:

«Измена на Саратовском, хотя и открытая во время, вызвала все же колебания крайне опасные. Мы считаем абсолютно необходимой немедленную Вашу поездку туда, ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию...

Ленин. Свердлов»¹⁰⁵.

И хотя из Саратова получено сообщение от комиссаров А.К. Пайкеса и Б.П. Зорина, что заговор обезврежен и заговорщики расстреляны, Ленин направляет Троцкого на угрожающий участок кровавой гражданской схватки. Поезд Председателя Реввоенсовета метался между фронтами. Троцкий с летучим отрядом затянутых в кожу красноармейцев своим присутствием обеспечивал прилив новых духовных сил сражающимся бойцам. Ленин весьма ценил мобилизующие возможности своего соратника, сыгравшего в годы Гражданской войны не меньшую роль, чем Ленин.

Сам Председатель Совета Народных Комиссаров ни разу не выехал на фронт, да и не пытался это сделать. Он привык влиять на положение дел «издалека», плохо разби-

рался в конкретных оперативных вопросах военного дела, да и не хотел рисковать своей жизнью.

Ленин руководил своими соратниками, «растил» их, мирил, критиковал, одобрял, помогал искать компромиссы. Надо сказать, что часто это ему удавалось, за исключением отношений Сталина и Троцкого.

Так, у А.В. Луначарского были неоднократные трения с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым главным образом из-за административного отношения этих членов политбюро (как и самого Ленина) к вопросам культуры, и в частности к театрам. Например, летом 1919 года Луначарский протестовал против административных предписаний Каменева в отношении театров. Конфликт обострился, когда Московский Совет постановил закрыть ряд театров столицы, формально ссылаясь на нехватку топлива¹⁰⁶. Луначарский, естественно, пожаловался Ленину. Каменев расценил это как «интриганство» и обратился, в свою очередь, к двум «главным» вождям октябрьского переворота.

«Ленину и Троцкому.

Я до глубины души возмущен письмом Луначарского. Никто никогда не обвинял меня в интриганстве при всех столкновениях. Луначарский делает это второй раз за спиной, поддерживая самые лучшие отношения. Ей-ей, это невыносимо. Я буду теперь с ним беспощаден. Вокруг него грязно.

Л. Каменев»

Ленин примиряюще добавляет к записке Каменева несколько строк: «Ни тени обвинения в интриганстве у него нет»¹⁰⁷, кладя сей фразой конец препирательствам, грозящим перерасти в ссору. Ленин любил натравливать своих врагов друг на друга, но это совсем не входило в его планы, когда дело касалось соратников.

Ленин никого не приближал к себе до дружески-фамильярных отношений; был внешне тактичен, корректен, но всех держал на должной дистанции. Ценил усердие и преданность, неординарность окружавших его людей. В этом смысле он был весьма высокого мнения о Чичерине и Ганецком. Их трудно назвать «соратниками», скорее, помощниками, но Ленин был с ними весьма откровенен и, как и Каменеву, давал этим людям самые щекотливые поручения.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин

очень хорошо понимал Ленина с полуслова и был последовательным проводником его политики. Больной, немовверно растолстевший Чичерин интересовался только внешней политикой и музыкой. Кстати, нарком не оставил своих воспоминаний о становлении советской внешней политики, но зато написал книжку о гениальном Моцарте, где выразил всю музыкальность своей натуры. Чичерин, будучи сам хорошим музыкантом (аристократическое происхождение!), считал Моцарта «идеалом красоты и воплощением космического чувства Вселенной, пламенной настоящей жизни, человеческого духа и безбрежности».

Как писал замечательный биограф Ленина Луис Фишер, лично знавший Чичерина, «у него были антизападные, в особенности — антианглийские предубеждения, напоминавшие те, что были распространены при царе, и простиравшиеся из англо-русского соперничества в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Британская интервенция в советской России только укрепила эти предубеждения. Европа интересовала Чичерина своим могуществом, Азия — своими возможностями»¹⁰⁸. Правда, когда поход на Варшаву, предпринятый по инициативе Ленина, потерпел провал, Чичерин предлагает вождю бредовую идею: попытаться создать из английских рабочих «добровольческие отряды» для помощи Красной Армии... Ленин соглашается, но, естественно, дело ограничилось лишь этими записками¹⁰⁹.

Чичерин полностью поддерживал план Ленина в отношении Германии, ее использования против как англо-французских интервентов на территории России, так и белых генералов.

Ленин писал в августе 1918 года: «... Помощи» никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами...»¹¹⁰

Как при подготовке октябрьского переворота Ленин опирался на немецкие финансовые возможности, так и в возникшей Гражданской войне, к которой стремился, он использовал «германский фактор». Не случайно очень близким другом Чичерина был германский посол в Москве граф Брокдорф-Ранцау, с которым нарком любил вести за чаем долгие ночные беседы. Граф был ярым сторон-

ником «активной восточной политики» Германии, что отвечало интересам Ленина. Вождь русской революции всегда считал, что, если получится «революционизировать Германию», мировой пожар потушить никому не удастся.

Пока Ленина не приковала к постели болезнь, он едва ли не чаще, чем с кем-либо другим, говорил с Чичериным по телефону, откровенно обсуждая дипломатические планы в тесной связи с революционными делами.

Накануне Генуэзской конференции чрезвычайная сессия ВЦИК 27 января 1922 года утверждает на нее советскую делегацию во главе с Лениным. Однако Л.Б. Красин и Я.А. Берзин в телеграмме Чичерину из Лондона сообщают: «Приезд Ленина в Италию считаем недопустимым, ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание...» Ленин тут же соглашается (он никогда лично не любил рисковать) и пишет в политбюро: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева»¹¹¹.

Чичерин предлагает принять некоторые условия организаторов конференции, но выставить контрпретензии по долгам. Затем, понизив «наши контрпретензии и их претензий», получить новый заем¹¹².

Ленин более радикален. Он пишет секретное письмо Чичерину, где, в частности, говорится:

«Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали. . но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и черкните мне. Конечно, писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Например, дура Гендерсон и К° очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем...

Ваш Ленин»¹¹³.

Чичерин осторожно возражает: «...нам до зарезу, ультра-настоятельно нужна помощь Запада: заем, концессии, экономическое соглашение... А если это так, нужно не расплеиваться, а договориться... Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией... Если мы будем в Генуе бить стекла, они шарахнутся прочь от нас...»¹¹⁴.

Однако Ленин хочет многого: и «стекла побить», и заем

получить. Чичерин более цивилизован и либерален, чем Ленин, но его не смущают частые жесткости вождя. Когда в Россию летом 1920 года захотел приехать знаменитый Нансен, как уполномоченный Лиги Наций по делам военнопленных, Чичерин поддерживает просьбу последнего. Ленин, однако, думает по-другому:

«По-моему, пока не пускать. У нас следить некому. Мы прозеваем».

Если другие члены политбюро за выпуск, то я вношу поправку: с ним абсолютно никого»¹¹⁵

Ленин уже больше чекист, чем сам Дзержинский...

Хотя во многих других случаях Чичерин действует, как Ленин. Когда в июле 1921 года в советскую Россию собиралась приехать американская журналистка Битти, Чичерин пишет записку вождю: «Приезд Битти ничего, кроме вреда, не принесет. Главное соображение — придется пустить многих американцев. В настоящее время лучше не допускать непосредственного наблюдения нашей действительности...»¹¹⁶ Ленин согласен: к чему демонстрировать «коммунистическую действительность», да и следить надо...

Другой дипломат А.А. Иоффе, с которым у Чичерина были нередко трения, но это не мешало Ленину высоко его ценить, оставил отрывки своих неопубликованных воспоминаний. В них полнее освещается роль Ленина в советской внешней политике. Первые годы, пишет А.Иоффе, у Ленина вся внешняя политика преломлялась через «ставку на мировую революцию». «Перед отправкой меня послом в Берлин, — вспоминал Иоффе, — Ленин тщательно инструктировал: как совпосольство должно готовить и распространять в Германии агитационные материалы по созданию революционной ситуации, как использовать деньги для этих целей, как «бросить жирный кусок» российской интеллигенции, находящейся там и согласной на нас работать...»¹¹⁷

Иоффе не был близким соратником Ленина, но имел возможность немало с ним встречаться и переписываться, как видный дипломат большевиков. Воспоминания ленинского дипломата, покончившего с собой в конце двадцатых годов, показывают Ленина циничным и прагматичным политиком, для которого не существовало ничего святого, кроме власти и революции. Об этом хорошо в свое время сказал Ф. Степун: «Для всей психологии Ленина характер-

нее всего то, что он, в сущности, не видел цели революции, а видел всегда только революцию как цель»¹¹⁸.

В ленинском окружении в предреволюционные годы и после переворота внешне незаметную, но весьма важную роль играл Яков Станиславович Ганецкий (он же Фюрстенберг, он же Борель, Гендричек, Франтишек, Николай, Мариан Келлер, Куба...). На заседаниях политбюро вопросы, связанные с Ганецким, обсуждались более двух десятков раз: назначения на новые посты, командировки в западные столицы по финансовым делам, руководство денежными ревизиями, отъезды на лечение за границу, поездки за ленинскими бумагами в Варшаву и т.д. Это был человек хотя и второго плана, но весьма известный и влиятельный. Это был близкий, возможно, самый близкий доверенный и в денежных делах вождя. У Ленина от Ганецкого в данных вопросах не было тайн, и он полностью полагался на незаметного соратника. Именно Ганецкий вместе с Парвусом обеспечили поступление немецких денег в большевистскую кассу «для пропаганды мира», именно этот человек вел денежные дела на различных переговорах с зарубежными делегациями, исполнял личные финансовые поручения вождя. Не раз Ганецкого уличали в каких-то махинациях его сотоварищи, рассматривали «личное дело» на заседаниях ЦК, однако Ленин всегда становился на сторону своего финансового агента. Как писал летом 1918 года Председатель Совнаркома послу в Берлине А.А. Иоффе: «Красин и Ганецкий, как деловые люди, Вам помогут и все дело наладится»¹¹⁹.

Ленинский «казначей», выезжая за границу, выполнял самые деликатные поручения вождя, приобретал, например, «по списочку (побольше)» вещи и продукты для Надежды Константиновны, самого Ленина¹²⁰.

Ганецкий хорошо знал состояние большевистской казны как до переворота, так и после, и приходится лишь удивляться, как он мог так долго прожить после смерти своего покровителя.

Когда в июле 1937 года Ганецкого арестовали, то у человека, ворочавшего большевистскими миллионами, при обыске нашли всего... 2 доллара и кучу старинных пистолетов, которые он коллекционировал. Обвинение было стандартным: «агент германской и польской разведок». Но когда на допросах несчастный стал приводить факты своей близости к Ленину и расположения вождя к нему,

Ганецкому, слово «германской» из обвинения исчезло. Слишком опасно было затрагивать германскую тему в связи с Лениным.

Ганецкий, его жена Гиза Адольфовна, сын Станислав в годы сталинского террора были расстреляны. Дочь Анну арестовали прямо в театре и в праздничном летнем платье отправили на Север, где она провела долгие-долгие годы. В память о ленинском казначее лейтенант госбезопасности Шевелев оставил в его деле коротенькую справочку:

«Приговор о расстреле Ганецкого Якова Станиславовича (он же Фюрстенберг) приведен в исполнение в гор. Москве 26 ноября 1937 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том 2, лист 395...»¹²¹

Мало кто из ленинских соратников уцелел после его смерти. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Крестинский, Раковский, Бубнов, Курский, Ломов, Сокольников, Шляпников и многие, многие другие испили ту же чашу, что и Ганецкий.

Соратники Ленина... Часто на силуэте того или иного большевика, близкого к вождю, видим блики, отсветы, тени, отбрасываемые фигурой большевистского лидера. Как правило, все «профессиональные революционеры» из обоймы «соратников» дополняли Ленина, бывшего в эпицентре внутрипартийной борьбы, революции и Гражданской войны. В их судьбах эволюция, свершения, драмы и трагедии большевистского эксперимента в России, осуществленного Лениным. Но Ленин был так масштабен, значителен для своего дела, что фаланга его соратников (возможно, кроме четырех-пяти «вождей») была лишь дополнением, антуражем к портрету главного героя.

Без Ленина только Троцкий и Сталин имели самостоятельное историческое значение.

Портретная галерея соратников Ленина, все больше погружающаяся в историческую тьму, — это длинный ряд теней людей, поверивших в химеры большевистского вождя.

**«Мировая
революция»**

Утопии обычно выражают ересь. Поэтому они и бессмертны. Некоторые из них живут очень долго. Идеи Томаса

Мора, Оуэна, Кампанеллы всегда имели своих продолжателей спустя многие годы после их ухода с политической

сцены. Ленин не был их продолжателем в прямом смысле этого слова. Но он стал отцом потрясающей утопии, которая жила долгие десятилетия в XX веке. Она не просто жила в умах людей, во имя ее реализации вождем русской революции были предприняты беспрецедентные усилия. Одно время мираж мирового революционного пожара, казалось, обретал самые реальные контуры: Россия, Германия, Венгрия, Италия, Персия, Индия, Китай, Испания...

И об этом желанном пламени Ленин неустанно говорил с момента захвата власти. Выступая на заседании Исполкома Коминтерна 17 июля 1921 года, Ленин заявил: «Победе коммунизма во Франции, Англии и в Германии можно помешать только глупостями»¹²². Речь пролежала десятилетия в совершенно секретных хранилищах большевиков. То ли по тактическим соображениям, то ли из-за неверия соратников в бред своего вождя.

Приехав в марте 1919 года в Петроград на похороны М.Т. Елизарова, мужа своей старшей сестры Анны, он выступил вечером 13 марта в так называемом «Железном зале» Народного дома. Ленин своему «бреду» придал еще большую конкретность. Размахивая рукой, словно обрубая революционные фразы, Ленин заявил, что Версальский мир приведет к дальнейшему усилению противоречий между победителями: «Франция готова броситься на Италию, они не поделили добычу, Япония вооружается против Америки... Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово Советы на свои языки... Победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира...

Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики...»¹²³

Кроме газетного отчета в «Северной коммуне» в марте 1919 года, авантюристическая, ирреальная речь Ленина более не увидела света. Его соратники предпочитали держать в тайных архивах болезненные международные видения Ленина.

По большому счету, не Ленин автор идеи «мировой революции». Лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяй-

тесь!», сформулированный Коммунистическим манифестом основоположников «научного социализма», брал в плен всех членов этого всемирного ордена, перед которым пресловутое масонство кажется опереточной группой мелких заговорщиков.

Интересно отметить одно обстоятельство жития идеи «мировой революции». Как ни странно, Ленин особенно отдавался ей в конце своей эмиграции в Швейцарии. Оторванный от России, живя мелкими заботами нейтральной страны, занимаясь традиционными «склоками», увлеченный в это время бесконечной перепиской с И.Ф. Арманд, В.А. Карпинским, С.В. Равич, А.М. Коллонтай, Я.С. Ганецким, Г.Я. Беленьким, Н.Д. Кикнадзе, М.Н. Покровским, Г.Л. Шкловским, другими большевиками, несколько месяцев до своего сенсационного выезда из Берна через Германию в Стокгольм Ленин был увлечен именно идеей «мировой революции».

То ли от вынужденного безделья, то ли от смещения, аберрации политического зрения или огромного отрыва от сложившихся реалий Ленин перенес свое внимание на социал-демократию Швейцарии. Ленин писал тезисы, письма, обращения к лидерам швейцарской социал-демократии Е. Клэтли, П. Граберу, Э. Нобсу, Ш. Нэнте, Р. Гримму с целью поддержки курса на пораженчество буржуазных правительств в войне и даже требований... «поставить на очередь дня пропаганду немедленного социалистического переворота в Швейцарии...»¹²⁴.

Увлеченный, Ленин полагает, что социалистическая революция в Швейцарии возможна, более того, реальна. Но тут же задается вопросом:

— Но ведь великие державы никогда не потерпят социалистической Швейцарии, и первые же зачатки социалистической революции в Швейцарии (даже после работы многочисленных редакторов, заметьте, в ленинских трудах сплошная тавтология. — *Д.В.*) будут подавлены колоссальным перевесом сил этих держав!

На этот резонный вопрос Ленин сам и отвечает: если великие державы вмешаются в дела маленькой страны, то это «явилось бы лишь прологом к тому, чтобы революция вспыхнула во всей Европе»¹²⁵.

Вот так... Мало кто знал о идее «европейской революции», хотя этот бред был опубликован со временем в пол-

ном собрании сочинений вождя, но обыкновенно Ленина читали узко, выборочно, по указанию пропагандистских ведомств. Ленин не исключал начать европейскую революцию, а затем и мировую из теплой, сытой, гостеприимной Швейцарии..

Утопии бессмертны и потому, что они всегда оригинальны в своей беспомощности.

Даже в начале 1917 года, когда Ленин публично заявил в цюрихском Народном доме о том, что он (как и другие старики) не доживет до грядущей революции, эмигрант продолжал твердить о своем. В пространном письме швейцарскому оппоненту Г. Грейлиху в середине января 1917 года Ленин утверждал, что перед пролетариатом Швейцарии два пути. Первый — находиться в состоянии угрозы быть втянутыми в войну, «зарегистрировать 100 000 убитых, положить в карманы швейцарской буржуазии новые миллиарды военных прибылей...».

Второй путь — «вызвать социалистическую революцию»¹²⁶

Как все это похоже на Ленина-максималиста и радикала до мозга костей. Не случайно эти авантюрные псевдо-революционные упражнения, очень смущавшие его соратников, не увидели света на русском языке при жизни Ленина.

Ведь не всякий додумается попытаться превратить Швейцарию в детонатор мировой революции! При этом Ленин был искренне убежден, что своими взглядами выражает интересы подавляющего числа, нет, не только кучки его сторонников, но и «трудящихся» всей планеты! В декабре 1916 года он писал, что нужно принести «величайшие жертвы за социализм. За интересы 9/10 всего человечества»¹²⁷ Откуда заштатный эмигрант мог знать, что девяносто процентов землян жаждут «его» социализма и даже должны принести во имя этого жертвы?!!

Сейчас Ленин пытается говорить от имени большинства, а затем в своей стране узурпирует власть у этого большинства, даже не спрашивая, хотят ли они его. Б.В. Савинков, человек парадоксальной и изломанной судьбы, писал в 1920 году в Варшаве: «Ленин, Троцкий, Дзержинский возникли помимо воли и желания народа. Их не и з б и р а л н и к т о»¹²⁸.

Ленин был человеком крайностей; он мог в пустяке уви-

деть смертельную угрозу или, наоборот, в первом, робком сигнале — начало огромнейшего события. Ошибался часто и вновь пророчествовал, пророчествовал...

Почти все свои выступления после захвата власти в октябре 1917 года вожь сопровождал утверждениями, что мировой пролетариат «идет большевикам на помощь», что классовая солидарность «обеспечит победу над буржуазией». Но общие призывы не давали конкретной отдачи. Нужна была международная коммунистическая организация, в дело создания которой активно включился лидер большевиков, впервые заговоривший о ней еще осенью 1914 года в Швейцарии. Но из кого создавать эту организацию? Только в России утвердилась большевистская партия, да Спартаковский союз в Германии был ей родственным. Ленин, взявшись за образование «всемирной партии диктатуры пролетариата», порой сам впадал в пессимизм: кого объединять? Анжелика Балабанова, человек с необыкновенной судьбой, вспоминала, что Ленин, размышлявший об этой всемирной партии, вдруг заявлял: «вероятнее всего, из этой истории ничего не выйдет»¹²⁹ Подключил к реализации идеи Г.Е. Зиновьева, буквально kloкочущего энергией.

В результате в феврале 1919 года несколько раз в эфир запустили обращение о созыве в Москве международной коммунистической конференции, на которую приглашались те, кто «разделяет взгляды русских социалистов, пришедших к власти». То был революционный крик из Москвы, похожий на писк комара. Его, этот «писк», никто не услышал, да и некому, по сути, было замечать. Из Берлина выехало только два делегата: Левине и Эберлейн. Добрался до Москвы лишь последний. Зиновьев в это время лихорадочно «создавал» из сочувствующих военнопленных солдат компартии Австрии и Венгрии. «Сформировали» также делегации России, Украины, Белоруссии, Латвии, Польши, Финляндии, Армении, немцев Поволжья и даже не очень ясную — «народов Восточной России», как и малопонятную — представителей различных «международных групп». Наскребли целых 52 делегата конференции, среди которых с правом решающего голоса (тех, кто был уполномочен что-либо подписывать) было лишь 34 человека. Конференция получилась вся пророссийская. Известных международных деятелей социалистического

движения было немного: Ленин В.И., Эберлейн Г., Куусинен О.В., Платтен Ф., Скрышник Н.А., Садуль Ж. Большинство были малоизвестными статистами. В российской делегации на конференции, открывшейся 2 марта 1919 года, восседали, кроме Ленина В.И., Воровского В.В. и Чичерина Г.В., известный чекист Уншлихт И.С., которого потом заменил царевубийца Юровский Я.М.

В повестке дня было много вопросов: о платформе международной коммунистической конференции, буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, о политике Антанты, белом терроре и другие.

Естественно, на конференции солировал Ленин. По инициативе большевиков, но озвученной другими «партиями», конференция решила «конституироваться как III Коммунистический Интернационал». Отныне у партии большевиков, ее центрального комитета возник международный придаток. Нет, не российские большевики, по большому счету, были членами Интернационала; эта международная организация с первого же конгресса (а их состоялось до ее кончины семь) попала в полную зависимость от Москвы.

Открывая первый конгресс, В.И. Ленин заявил, что «наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает (!! — Д.В.) крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом»¹³⁰.

Ленин говорит об этом («гражданская война стала фактом»), как о величайшем революционном достижении. Таков был образ мышления революционеров того времени...

Естественно, лидер большевиков начал с главного: пролетариату следует «осуществить свое господство». А оружие для этого есть: «советская система с диктатурой пролетариата». Выдавая желаемое за действительность, Ленин неожиданно заявил, что «советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы—Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — в Англии»¹³¹. Даже наметки того, что Советы рабочих депутатов в ряде стран пытались заявить о себе как экономические организации, Ленин расценил как «победу советской системы»!

На конгрессе Зиновьева избрали председателем созданной международной организации, а Балабанову секретарем. Председатель, пользуясь каждым удобным случаем, делал заявления, обращения, призывы, слушая которые можно было представить, что земной шар уже весь объят пламенем пожара мировой революции.

«...Победа коммунизма во всей Европе совершенно неизбежна. ...Движение идет так головокружительно быстро, — выкрикивал слова сильным, звонким голосом Зиновьев, — что можно с уверенностью сказать: через год мы начнем забывать, что в Европе была борьба за коммунизм, ибо через год вся Европа будет коммунистической. Натиск против твердых капитализма начался. Революция уже наступила!»¹³²

Фанатики идеи так в нее верили, что полагали: достаточно прокричать ее в пространство, как она сама реализуется...

Часовой доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, прочитанный лидером большевиков 4 марта 1919 года, был выдержан в тонах жесткого антипарламентаризма. Все, что не укладывалось в понятие диктатуры пролетариата, Ленин предал коммунистической анафеме. Особенно досталось так называемой «чистой демократии» с ее свободой собраний, свободой слова, свободой печати. Все это, по Ленину, «есть пустая фраза».

Нужно отдать должное Председателю Совнаркома: с октября 1917 года и на десятилетия вперед «трудящиеся» России больше не будут во власти «пустых лозунгов чистой демократии». Но этого покажется мало; Ленин хотел, чтобы такой порядок был установлен на всей планете. Сомнений в этом, судя по всему, у него не было. Когда 6 марта 1919 года вождь российской революции закрывал конгресс, его последние слова заключительной речи были искренними: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»¹³³.

Нынешние российские коммунистические руководители хотят стыдливо отмежеваться от феномена мировой революции. В программе «Коммунистической партии Российской Федерации», принятой в 1994 году, утверждается: «Лжекоммунисты призывали превратить молодую республику в базу экспорта революции, в горячий материал

для «мирового пожара»¹³⁴. То ли лидеры нынешних коммунистов не читали Ленина, то ли, как всегда, надеются на «короткую» память людей. Записав Ленина — нечаянно — в «лжекоммунисты», авторы программы посчитали, что они отмежевались от идеи мировой революции, стоявшей стране столь великих жертв... Но именно Ленин, человек, которому мы все верили, загнипотизировал миллионы химерой: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена...»

Эти же мотивы звучали в словах Ленина, когда он писал в «Правду» о I конгрессе Коминтерна, выступал на торжественном собрании представителей разных ветвей большевистской власти в Москве. Раз от разу убежденность в «международной победе коммунизма» росла, а формы ее конкретизировались. На объединенном торжественном собрании пяти различных коммунистических органов власти в Москве Ленин был уже более чем определен: скоро «увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов»¹³⁵. Ленин, как это бывало с ним часто, переоценивал свой опыт. Фактически все начало международной деятельности захвативших власть российских коммунистов, а затем и Коминтерна, который они возглавили, прошло под знаком абсолютизации роли Советов. Ленин видел в «советизации» (а по сути, коммунизации) важнейший революционный метод, способный окрасить планету в багровый цвет пожара. Это навязывание собственного опыта чем дальше, тем больше отталкивало от ленинцев тех, кто вначале им искренне сочувствовал.

Дело осталось за «малым»: реализовать на практике эту уверенность.

Мысль Ленина была слишком инерционна, но вождь не любил быстро забывать любимые мифы. Все знали, что главную ставку на раздувание пламени мировой революции, после России, кремлевский лидер делал на Германию. Ведь все так хорошо складывалось!

Поражение кайзеровского государства привело к быстрой радикализации умонастроений уставшего от войны немецкого пролетариата. Через год после октябрьского переворота, 9 ноября 1918 года, Карл Либкнехт провозгласил образование Германской советской республики. В Киле восстали матросы, тысячи рабочих вышли на улицы

Берлина. Казалось, Либкнехт исполнит «роль» Ленина в Германии. Но нет. Более трезвые и не так зараженные чумой максимализма немецкие социал-демократы, и прежде всего Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман, постарались направить «революционный поток» в спокойное русло. Они не стали расправляться с генералами, как Ленин с Духоным, а попросили у них поддержки для сохранения знаменитого немецкого «порядка». Союз был установлен. По имеющемуся московскому образцу правительство назвали Советом народных комиссаров. Однако влияние социалистов быстро падало. И хотя в январе Берлин пережил несколько дней гражданской войны, сотрясаясь от канонады и перестрелок, последователям Ленина в Германии не удалось «превратить империалистическую войну в войну гражданскую».

У нас никогда не писалось о том, что советское посольство в Берлине во главе с известным дипломатом А.А. Иоффе, по его словам, «было главным штабом германской революции». По воспоминаниям советского посла, в разгар революции он «заплатил 100 000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались в совпосольстве... Почти каждый день социалисты тайком приходили в посольство, чтобы получить советы»¹³⁶. Однако все было напрасно. Основная масса народа не поддавалась демагогии. Зловещее убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, брошенных затем в канал, знаменовало поражение радикального, «российского» варианта революции. Большая денежная помощь Москвы германской революции, закупка оружия рабочим, «инструктора» большевизма не помогли.

Конечно, Ленин и большевики обвинили в предательстве социал-демократов. Но дело было в другом: ни рабочие, ни интеллигенция не видели в ленинском «примере» подходящего для них образца, а армия, чиновничество, крестьянство были враждебны революции. Армия в Германии, несмотря на поражение в войне, осталась не разложившейся, как это случилось в России. Здравомыслящие немцы стали защищать Веймарскую республику Эберта и Шейдемана значительно лучше, чем либералы и армия в России защищали республику Керенского.

Ленинские схемы революции не были взяты на вооружение социал-демократией, да и внутренняя обстановка

коренным образом отличалась от российской. Пресловутые «общие закономерности» перехода от капитализма к социализму, на которых так долго паразитировал послеленинский мир коммунизма, оказались весьма поверхностными. Луис Фишер пишет в своей книге вполне определенно: «Большевизм в России отбил у социал-демократов и у Каутского еще остававшийся у них вкус к революции. Большевизм нуждался в коммунистической Германии, но сделал ее создание невозможным»¹³⁷. Не «ренегат Каутский» повинен в поражении германской революции.

Однако Ленин даже в самые отчаянные моменты борьбы советской власти за выживание не переставал смотреть на Германию. Он искренне верил, что если удастся «разгромить» предателей — социал-демократов, то революционный пожар на немецкой земле все же можно зажечь. И именно с «германской идеей» была связана одна из самых крупных ленинских авантюр.

Ленин, почувствовав, что большевики выиграли Гражданскую войну, настаивал, чтобы революционный заряд победы был направлен в сторону инициирования мировой революции. Как вспоминал Троцкий, «мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывание штыком буржуазно-шляхетской Польши»¹³⁸.

Анализ документов, особенно тех, что лежали семь десятилетий в особых секретных фондах КПСС, свидетельствует: Ленин был главным инициатором «похода на Варшаву» с целью «советизации Польши» и «революционирования Германии». На заседаниях политбюро он вел себя как азартный игрок, который уже получил крупный выигрыш, но хотел его удвоить. Правда, и возражали соратники Ленину слабо. На каком-то этапе вождь большевиков, очень плохо разбиравшийся в тонкостях военной стратегии, фактически взял в свои руки руководство кампанией, окончившейся унижительным поражением.

...По прямому проводу 17 марта 1920 года Ленин дает директиву Сталину, находящемуся на юге: «...Операцию на Крым нельзя затягивать... Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города*. Кто победит неизвестно, но для нас

* В действительности в Берлине вспыхнул так называемый «Капповский путч», 10—17 марта 1920 года, который был подавлен. Организатор мятежа В. Капп бежал в Швецию.

необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам»¹³⁹.

Ленин отдает многочисленные распоряжения, в соответствии с которыми без серьезной подготовки принимается решение «прошупать штыком буржуазно-шляхетскую Польшу». Вождь возбужден, о чем свидетельствуют его разноречивые записки и указания по «польскому вопросу». Он уже мысленно видит бойцов с красными звездами в Варшаве, Берлине, тянущих за собой багровый шлейф советизации капиталистической Европы.

...Уполномоченному по польским делам И.С. Уншлихту, находящемуся на Западном фронте, идет секретная директива от Ленина:

«Сообщить Вашу и других польских товарищей оценку такой тактики:

1. Мы заявляем очень торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта.

2. Мы напрягаем все силы, чтобы добить Пилсудского.

3. Мы входим в собственно Польшу лишь на кратчайший срок, чтобы вооружить рабочих, и уходим оттуда тотчас.

4. Считаете ли вероятным и как скоро советский переворот в Польше.

Ленин»¹⁴⁰.

Документ сколь откровенный, столь и циничный. Ленин готов пойти на новые территориальные уступки за счет России, чтобы завоевать поддержку польских «рабочих и крестьян». Оказывается, ввод войск в Польшу нужен только для того, чтобы вооружить «рабочих»... Но все же: когда будет «советский переворот в Польше»? Пока поход в Германию не выпячивается. Ленин всегда любил секреты, хотя какие уж тут тайны? Советская Россия, не успев еще одолеть всех своих неудачливых противников внутри страны, готова взяться за главную задачу: надуть мехи революции в Европе, а затем и в мире.

Полубестолковые, но напористые записки Ленина идут в военные советы и штабы.

«Э.М. Склянскому.

Не надо ли указать Смильге, что надо поголовно (после сбора хлеба) брать в войско всех взрослых мужчин.

Надо».

Следом идет еще: «Мобилизовать поголовно белорусских крестьян. Тогда вздуют поляков и без Буденного...»¹⁴¹

Варшава рядом... Кажется, триумф близко. Ленин через голову Реввоенсовета, главкома шлет свои указующие записки, часто даже не успевая их привычно «засекретить». В эти дни — больше всего заместителю Председателя Реввоенсовета Э.М. Скланскому.

Речь идет о дивизиях, которые с юга и из-под Петрограда спешат к Бресту. Ленин торопит, торопит...

«...Если с военной точки зрения это возможно (Врангеля без этого побьем), то с п о л и т и ч е с к о й архиважно добить Польшу...»

Скланский уже чувствует грозящую беду под Варшавой: главком Тухачевский производит отправку новых войск на Варшаву «не столько для того, чтобы добить поляков, сколько, чтобы не дать им развить свой успех и переть нас назад...».

Но Ленин не хочет даже слышать, что нас могут «попереть назад», он уверен, что можно «вздуть поляков». Ведь он думает не столько о Варшаве, сколько о мировой революции или, по крайней мере сейчас, о европейской.

Его лаконичные послания Скланскому по-прежнему нетерпеливы:

«...Надо нажать: во что бы то ни стало взять Варшаву в 3—5 дней...»¹⁴² Тем более что Ленин, который как никогда часто подходит к оперативной карте, специально принесенной в его кремлевский кабинет, знает: красная конница уже приближается к германской границе, она близка от Пруссии...

«Э.М. Скланскому

Немцы пишут, что Красная Армия близко от Грауденца. Нельзя ли там налечь и в о в с е отрезать Польшу от Данцига?

17 августа 1920 г. Ленин»¹⁴³.

По настоянию Ленина принято решение направить на фронт новые тысячи коммунистов. Большевицкая «головка» в Кремле 19 августа 1920 года передает по прямому проводу Петроградскому комитету РКП:

«...Польско-врангелевский фронт требует высшего напряжения сил. ЦЕКа предлагает Вам сосредоточить все

силы и средства для фронта, от которого зависит на долгие годы судьба международной революции... Нужны тысячи коммунистов и коммунисток... Не теряйте ни часу. Подайте новый пример партийным организациям всей страны.

Ленин. Крестинский. Троцкий. Сталин. Бухарин¹⁴⁴.

Ленину нужна была, конечно, не Варшава, а «международная революция», которую он судорожно пытался «организовать», используя польские шляхи на пути к Германии. Авантюра стоила более 120 тысяч жизней крестьян, мобилизованных в Красную Армию. Дивизии, брошенные к Варшаве и границам Пруссии, шли фактически без снарядов и патронов, без всякого разведывательного, инженерного, транспортного обеспечения. Многие, очень многие погибли, когда, как писали поляки, произошло «чудо под Варшавой». Десятки тысяч красноармейцев оказались в плену. Судьба более 30 тысяч из них неясна и по сей день...

Ленина никогда не мучили сомнения и раскаяния в содеянном. Он, конечно, ни разу не вспоминал о красноармейцах, гибнущих в польских бараках для военнопленных, куда они попали во имя ленинской химеры «мировой революции». «Сентиментальность, — по его мнению, — есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество»¹⁴⁵. Об этом же говорил и Виктор Чернов, хорошо знавший вождя лично: «Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности...»¹⁴⁶ Они с Троцким почти по-детски радовались, когда удалось войну империалистическую «перелить» в войну гражданскую. То, что она стоила для России 13 миллионов человеческих жизней, двух миллионов изгнанных соотечественников, Ленина никогда не заботило. Жестокая философия большевизма «освободила» вождя от мучений совести. Тот же В. Чернов писал, что «Ленин по совести разрешал себе переноситься по ту сторону совести»...

«Вождя мирового пролетариата» не мучили приступы стыда по поводу того, что, помимо всего прочего, он страшно унизил Россию, которая проиграла войну своей бывшей провинции и выплатила ей огромную контрибуцию... Десятки миллионов рублей золотом. Ленин лишь просматривал доклады о регулярной отправке очередной части контрибуции в Варшаву. Вот секретарь комиссии по

золотому фонду Совета труда и обороны Новицкий докладывал: в Польшу вновь отправлено 5 010 900 золотых рублей¹⁴⁷. Впрочем, золото, драгоценные камни, разбазаренные им за годы революции в фантастически огромных количествах, вождь не добывал на рудниках...

По «Рижскому договору — Польша за линией Керзона, — писал А.Ф. Керенский, — включает в свои пределы 15 уездов целиком и части еще 11 уездов России... Живет на этих землях 6 млн. 750 тыс. жителей (поляков лишь 400 тысяч)...»¹⁴⁸. Вот так «пощупал» штыком Польшу Ленин. Добыл беспрецедентный позор, пожертвовал во имя химер мировой революции множеством человеческих жизней, выбросил в очередной раз на ветер огромные национальные богатства.

Впрочем, деньги для Ленина были не столько элементом рынка, полностью разрушенного большевиками, сколько политическим орудием, средством достижения коминтерновских целей.

Вскоре после образования Коминтерна Ленин заразился идеей: максимально использовать золотые, денежные запасы, захваченные большевистской Россией у царского самодержавия, для создания все новых и новых компартий, подрыва влияния социал-демократии в европейских странах, для инициирования революционных выступлений пролетариата и колониальных народов против своих угнетателей. Деньги, драгоценные камни в глазах Ленина стали едва ли не главным инструментом революционирования отдельных стран и целых континентов. Царские золотые запасы хищнически разбазаривались для «революционных целей». Конфискованное у буржуазии, церковью золото, ценности в огромных количествах прямоком шли на коминтерновские дела, очень часто оседая в руках предприимчивых дельцов, которых изрядно кружилось вокруг российских богатств. Многие миллионеры и миллиардеры за пределами России свои первичные капиталы получили от Ленина.

Пока Ленин был здоров, он часто запрашивал Гохран, Народный комиссариат внешней торговли, Главзолото республики о наличии, движении, реализации ценностей России, значительная часть которых шла на нужды Коминтерна.

В июне 1920 года Ленину, например, докладывают о ко-

личестве ценностей для реализации за рубежом на «революционные нужды»:

«Золото в монетах	— 383 448 144
Дополнительно	— 101 000 000
Бриллиантов	— 140 006 036 карат».

Ленин плохо ориентируется в соотношении количества и объема ценностей и пишет резолюцию:

«Т. Литвинов!

Дайте, пожалуйста, Ваш отзыв на этой же бумаге и пришлите мне архисекретно.

Ваш Ленин»¹⁴⁹.

Литвинов, Альский предложили Ленину использовать не только традиционные ценности за рубежом, но и ценные бумаги; поставить под более жесткий контроль добычу золота на Бодайбо*.

Документов, подобных приведенному, очень много. Вот, например, доклад вождю об «отсортированных» в течение 10 дней в Гохране ценностях и готовых к использованию, пересылке, направлению в «резерв», к передаче «по обязательствам», главным образом международного характера (репарации Польше, поддержка компартий, для «подкупа агентов» и т.д.).

«Бриллиантов на сумму	— 55 887 000 руб. золотом
Жемчуга	— 160 000 штук
Золота (лом)	— 91 827 пудов
Изделий из золота	— 1 362 087 штук
Серебра	— 309 224 пуда» ¹⁵⁰ и т.д.

Захватив власть, большевики только по первым данным обнаружили в Государственном банке золота (слитки и монеты) на сумму 1 064 300 000 золотых рублей, не считая 117 миллионов так называемого «румынского золота»¹⁵¹. Сюда не вошло большое количество ценностей, хранившихся вне Государственного банка, не вошли платина, серебро и драгоценные камни, которые с беспримерной расточительностью и «революционной» бесконтрольностью стали транжирить большевики. Именно из этих сумм, благодаря «гениальному решению» Ленина, Россия, не потерпевшая поражения в войне с Германией (!!!), подписала

* Центр золотопромышленного района в Иркутской области. Основан в 1864 году. — *Прим. ред.*

акт о выплате Берлину контрибуции в размере 6 миллиардов марок. Платили золотом (около 245,5 тонны).

Трудно найти в истории примеры большего национального преступления...

Однако вскоре после захвата власти по решению Совнаркома (20 мая 1918 года) значительная часть золотых запасов для «безопасности» была перевезена из Москвы, Тамбова, Нижнего Новгорода и Самары в Казань. Большевики все же побаивались захвата ценностей в столице немцами, поэтому легкомысленно бросили большое количество национальных ценностей на периферию, отнюдь не озаботясь их сохранностью. Но там 40 тысяч пудов золотых и платиновых слитков и 30 тысяч пудов серебра быстро попали в руки восставших чехословаков и белогвардейских войск¹⁵². Правда, в феврале 1920 года, с крушением Колчака, советские войска вроде вернули «революционному народу» 18 вагонов ценностей: 5143 ящика и 1678 мешков с золотом и драгоценными камнями¹⁵³. Но одна треть из первоначального объема национальных ценностей уже бесследно исчезла.

Как убедительно показали в своей книге «Красные конкистадоры» О.Ю. Васильева и П.Н. Кньшевский, большевики за короткий срок «промотали» фантастические богатства российского народа, в том числе и на «мировую революцию»... Но история ничему не научила российских коммунистов. В своей новой программе КП РФ, где говорится об «уроках российской истории», есть патетические восклицания: «Российская история полностью подтверждает взгляд на роль революций как локомотивов истории»¹⁵⁴. Этот «локомотив» раздавил десятки миллионов человеческих жизней, превратил великую страну в «архипелаг ГУЛАГ», уничтожил тысячи церквей, создал подневольное сословие крепостных XX века, разбазарил огромные национальные ценности на «революционные дела». Сегодня мне, бывшему коммунисту, трудно понять, как удалось Ленину взять в духовный плен миллионы людей, всех нас, которые готовы были верить, что национальное предательство (например, «Брестский мир») есть «вершина государственной мудрости» вождя.

Проследить, как использовались ценности для «нужд» Коминтерна, для мировой революции, нелегко, ибо часто огромные суммы выдавались просто по ленинским запис-

кам, иногда даже на основании вербальных (устных) распоряжений вождя или соответствующей «Комиссии ЦК РКП».

Вот, например, письмо Ленина Ш.З. Элиаве — председателю Комиссии по делам Туркестана, написанное 16 октября 1919 года. Ленин советует создать в Туркестане базу снабжения колониальных народов Востока оружием, литературой. Нужно организовать «помощь народам Востока в борьбе с империализмом...». При этом указывает, что «вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать)». В письме сообщает: «Денег мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет...» Рудзутак «везет кое-что». В конце еще фраза: «Извещайте меня о важнейших событиях и требованиях»¹⁵⁵.

Для работы в Европе Ленин делал упор на оказание финансовой помощи в деле «революционной пропаганды». Так, в своем письме в октябре 1918 года (еще до образования Коминтерна) российскому послу в Швейцарии Я.А. Берзину он уведомляет:

«...не жалейте миллионов на нелегальные связи с Францией и агитацию среди французов и англичан»¹⁵⁶.

В другом письме, написанном Берзину через несколько дней, настоятельно рекомендует, как послу уделять 3/4 времени «на руководство агитацией», используя при этом немцев, итальянцев, французов. А «русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера, как делали эти идиоты до сих пор». Советует вызывать левых из разных стран. «Из них назначьте агентов, платите и за поездки и за работу архищедро. На официальщину (дипломатическая работа посла. — Д.В.) начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки maximum внимания...»¹⁵⁷

Секретарь Коминтерна Анжелика Балабанова после эмиграции из России вспоминала, что Ленин от зарубежных сотрудников (а она была послана в Швецию для «работы» в скандинавских странах) и от нее конкретно требовал: «Я умоляю Вас, не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов». Мне разъяснили, писала Балабанова, что я должна щедро использовать деньги для поддержки левых организаций, подрыва оппозиционных групп, дискредитации конкретных лиц и т.д.¹⁵⁸. И Балабанова «не

экономила». Ленину докладывали: «По сообщению Балабановой, Грунзбергу дано полмиллиона ценностей и пятьдесят тысяч иностранной валютой.

18 декабря 1919 г. Я. Берзин. Клиnger»¹⁵⁹.

Так большевиками обворовывался народ — единственный хозяин и собственник огромных, фантастических ценностей.

С момента образования Коминтерна, чисто промосковской «мировой» организации, самое прямое влияние на его деятельность стали оказывать нарождающиеся спецслужбы ленинского государства. Со временем ГПУ, НКВД будут держать под контролем всю работу руководящего органа «всемирной коммунистической партии», как поначалу любили называть эту промосковскую организацию большевистские вожди.

Некоторые партии (точнее, их верхушка) с момента своего возникновения поступили на полное содержание ЦК РКП (а по сути, спецслужб Советской России). Это считается почти нормальным, хотя внешне и маскируется. Например, Литвинов в телеграмме Сталину предупреждает, что «в Лондоне записывают номера банкнот, которые мы получаем в банке. Эти деньги на коминтерновские цели использовать нельзя. Тем не менее у арестованного Бордиги (один из руководителей итальянской КП) обнаружили фунты стерлингов из Лондона...»¹⁶⁰.

Один из руководителей финской компартии Э.А. Рахья пишет Ленину из Хельсинки: нужны деньги для «зарплаты» функционерам. Просит конкретную сумму: 10 миллионов финских марок. Резолюция Ленина лаконична: «Согласен». На эту сумму Гохран выделяет царские драгоценности.

Зависимость многих партий от ЦК РКП была полной. «Вождь» Коминтерна Г.Е. Зиновьев, отдыхая в январе 1923 года в Сухуми, шлет распоряжения: нужно «приступить к выработке программ для партий, которые их еще не имеют»¹⁶¹. Компартии (по крайней мере, многие из них) играют марионеточную роль по отношению к «старшему брату». Порой они не самостоятельны принимать даже безобидные, рутинные решения.

В августе 1921 года «малое бюро» ИККИ под председательством Ракоши решает провести в начале октября в секциях международной организации так называемую

«партийную неделю». И запрашивает политбюро ЦК РКП о целесообразности проведения такой недели в России.

Из ЦК РКП следует указание Зиновьева: «Перенести «неделю» на 7—15 ноября. Ограничиться в «неделе» только пропагандой...»¹⁶²

Руководители национальных секций, аппарат ИККИ, люди, связавшие себя с Москвой, полностью зависимы от ленинского «штаба». Даже снабжение сотрудников Коминтерна значительно хуже, чем аппарата ЦК РКП. По просьбе коминтерновцев Ленин и его соратники не раз рассматривают вопросы увеличения работникам ИККИ пайков муки, мяса, рыбы, мыла и т.д. Например, такой вопрос обсуждался на заседании политбюро 3 ноября 1921 года¹⁶³. «Карманный» Интернационал штамповал нужные большевикам решения: об усилении борьбы с международным меньшевизмом, парламентской социал-демократией, давал указания о методах революционной борьбы на Западе и Востоке. ЦК РКП просто хозяйничает в «мировой коммунистической организации». С самого начала. Например, предстоит II конгресс Коминтерна. Политбюро под председательством Ленина назначает дату его созыва, место, определяет повестку дня, докладчиков, пополнения в аппарат¹⁶⁴. Marionеточная организация, едва родившись, стала сразу же перерождаться и вырождаться в международную секту большевистских агентов, исполнителей, агитаторов, доверенных лиц РКП в «братских» партиях и профсоюзах.

Но особенно Ленин верит в агитацию. Ему кажется, что стоит «разъяснить угнетенным массам» цели Коминтерна, уроки Советов в России, показать универсальность диктатуры пролетариата, как тысячи, а затем и миллионы трудящихся встанут на тропу, ведущую к мировой революции. Разрабатываются самые различные проекты в этом отношении. По предложению Ленина ответственный работник НКВД Карахан готовит положение, согласно которому ЦК РКП должен регулярно выделять крупные суммы для оплаты большевистских агитаторов, засылаемых в страны Востока. Устанавливается такса (выплачивается предусмотрительно лишь по возвращении): «командировка» в Северный Китай и Корею — 10 тысяч рублей золотом, в Южный Китай — 20 тысяч. Своя шкала существует и для Персии, Индии, других азиатских стран¹⁶⁵.

Не случайно, что на II конгрессе Коминтерна, проходившем в июле—августе 1920 года в Москве, Ленин в своем пространном докладе поставил задачу: начать организацию «советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся»¹⁶⁶. Но конечная цель, провозглашенная Лениным в марте 1919 года, осталась прежней: создание всемирной Советской республики.

Ленин, повторю, верил в большевистскую агитацию. Однажды он чуть не «клянул» на предложение некоего Е. (работника Коминтерна на Балканах). Тот докладывал в Москву: «Можно захватить Константинополь руками распропагандированных врангелевцев, в глазах которых престиж советской России очень велик. Затем отдадим его кемалистам... * Врангелевцы без труда займут Андрианополь, Салоники, там появятся наши комиссары, и едва держащиеся балканские правительства будут опрокинуты, что может иметь громадный эффект и дальше Балкан». Е., разумеется, просил еще денег, денег...

Ленин колебался. А вдруг мировую революцию можно зажечь с этого, неожиданного конца. Посоветовался с Чичериным и Троцким. Последний, будучи революционером до мозга костей, тем не менее назвал предложение Е. полной «авантюрой». Ленин с сожалением согласился с «военным мозгом» революции...¹⁶⁷

Почему Ленин делал такую ставку на мировую революцию? Почему первые годы советской власти он буквально был помешан на этой идее, а затем, незадолго до своей кончины, стал остывать к ней?

Дело в том, что Ленин долго сомневался, что большевики устоят. Для него мировая революция была прежде всего помощью России, ее защитой и спасением, а затем уже вписывалась в дальние, стратегические цели русских коммунистов. Ленин верил, искренне верил в то, что «советская власть России сумела завоевать чувство поддержки, внимания всего мира», а это значит, говорил Ле-

* Сторонники А.Кемаля Ататюрка, возглавившего турецкую буржуазно-национальную революцию (1923 г.), в результате которой Турция была провозглашена республикой. — *Прим. ред.*

нин в Петрограде в марте 1919 года, что «победа за нами обеспечена полная»¹⁶⁸.

В 1919—1921 годах Ленин действовал как азартный игрок, бросая в угли классовых конфликтов людей, деньги, золото, агитаторов, свой авторитет с целью раздуть пламя мирового пожара. Польский поход подействовал на Ленина отрезвляюще. Но постулаты, бредовые идеи о «мировой революции» жили после Ленина еще долгие десятилетия, трансформировавшись от необходимости прямого штурма цитадели капитализма к ее долгой и планомерной осаде.

Уже будучи смертельно больным, в конце марта 1922 года с удовлетворением подчеркивал слова речи Г.В. Чичерина, которую нарком по его поручению должен был произнести на Генуэзской конференции:

...Мы, коммунисты, считаем неизбежным насильственным переворот и применение кровавой борьбы...

...Мы, которых историческая концепция включает применение насильственных мер...

...Мы, которых историческая концепция предполагает неизбежность новых мировых войн...¹⁶⁹

Вот такая новая сила пришла к власти в гигантской стране, что постепенно привело к двуполюсности мира, чудовищной конфронтации, новой мировой войне, кошмарному ядерному противостоянию. Все складывалось по «исторической концепции» Ленина. Сколь бессмысленным, чудовищно опасным был этот глобальный конфликт! Земляне рисковали потерять все и исчезнуть. Во Вселенной могло не остаться ни одного живого существа, способного уронить хотя бы одну слезу... Яростная воля Ленина, воспаленный мозг сокрушителя, дьявольская цепкость политика смогли создать столь сильные революционные дрожжи, что почти весь XX век испытывал их вулканическое брожение.

Так называемое «мировое коммунистическое движение» было фикцией. Кроме Китая, Италии, Франции, нигде не удалось создать массовые партии. Их было несколько десятков, похожих на вымирающие секты. Как правило, руководители этих «партий» жили на деньги Москвы и были готовы при очередном «историческом съезде КПСС» в Кремле произнести речь, отредактированную на Старой площади в аппарате ЦК.

Видимость массовости движения была нужна советским руководителям для многих целей: иллюзии массовой поддержки СССР, обреченности «старого строя», «неисчерпаемости» ленинизма. До самых последних дней распада великой страны ко многим компартиям по-прежнему проявляли повышенный интерес спецслужбы ленинской страны.

Утопии бессмерты. Но идея мировой революции выродилась и тихо зачахла. Бессмертие ей не угрожает.

За кулисами У каждого человека есть своя «личная жизнь». Ее трудно отделить от того, чем занимается личность, но тем не менее эта сфера бытия обычно полужакрыта. Как бывают закрытыми и многие конфиденциальные, тайные деяния лидеров. Все это остается как бы «за кулисами». Если сама политическая сцена, где солировали коммунистические вожди, более или менее освещена (конечно, только в выгодном для них свете), то, что происходит за самими кулисами, известно лишь самому узкому кругу людей.

Личная жизнь всегда, в той или иной мере, тоже находится «за кулисами». Это естественно. Семейный мир с его противоречиями, сложностями, радостями, интимной жизнью — мир личный.

Что касается Ленина, то его «личная жизнь» не представляет особых загадок. Он был однолюб. И тем не менее эта жизнь далеко не та, какой ее долго изображали официальные историографы.

До 1909 года его жена, Надежда Константиновна Крупская, была единственной любимой женщиной-другом и партийным товарищем. По сути, фанатичная преданность Ленина партийным и политическим делам не оставляла достаточно времени столь тонкой сфере человеческих отношений, как любовь, увлечения женщинами. До женитьбы в июле 1898 года в Шушенском на Надежде Крупской известно лишь одно заметное «ухаживание» Владимира Ульянова. Его серьезно привлекала подруга Крупской — Аполлинария Якубова, тоже социалистка и учительница, как и его будущая жена.

Уже не очень молодой Ульянов (ему тогда перевалило за двадцать шесть) сватался к Якубовой, однако встретил вежливый, но твердый отказ. Судя по ряду косвенных при-

знаков, неудачное сватовство не стало заметной драмой - будущего вождя российских якобинцев.

В последующем Ленин не раз встречался за границей с А.А. Якубовой, ставшей женой социал-демократа К.М. Тихтерева, обменивался с ней письмами. Правда, были эти послания сугубо партийными, хотя едва ли респонденты забыли, что их судьба могла, возможно, сложиться совсем иначе, стань они мужем и женой.

Известна еще одна увлеченность Ленина (до встречи с И. Арманд), молодой француженкой в Париже. В тридцатые годы, когда Сталин особенно активно добивался возвращения всех ленинских рукописей под свой контроль, посланцам из Москвы удалось прочесть в Париже у Г.А. Алексинского несколько писем Ленина французской писательнице весьма личного, интимного характера. Но тогда была еще жива Н.К. Крупская, и знакомая Ленина свои письма отказалась продать Москве.

Однако вернемся к порогу века. Приехав в Шушенское, мать Крупской Елизавета Васильевна настояла, чтобы брак был заключен без промедления, добившись при этом, чтобы свершился он «по полной православной форме». Двадцативосьмилетний В.И. Ульянов и Н.К. Крупская, которая была старше жениха на один год, подчинились воле матери. Атеисты Ульяновы терпеливо снесли все церковные формальности и зажили спокойно и умеренно. Хорошо знавший Ленина А.Н. Потресов вспоминал, что Ульянов «в своей личной жизни — скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведущий ежедневную, не лишенную комизма борьбу со своей тещей, — она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивавшим свою личность...»¹⁷⁰.

Жизнь текла размеренно: ни громких ссор и долгих размолвок, ни попыток разорвать брачный союз (по крайней мере, до знакомства Ульянова с Арманд) и создать новый в семье революционеров не было. Со стороны могло показаться, что Ульяновы — просто партийные товарищи, делающие общее дело. Надежда Константиновна была заботливым другом, взявшим на свои плечи хлопоты по домашнему хозяйству в их бесконечных эмигрантских скитаниях.

Супруги никогда ни с кем не делились своей болью: без-

детностью Надежды Константиновны, страдавшей базедовой болезнью, и, как пишет сам Владимир Ильич, не только ею. В письме к матери любящий сын сообщает: «Надя, должно быть, лежит (она в то время не была с ним в Пскове. — *Д.В.*): доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2—6 недель лечь. Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы...»¹⁷¹

Порой боль супруги Ленина о неиспытанном счастье материнства косвенно прорывается в ее письмах, воспоминаниях. Говоря о Вере Засулич, Крупская отмечала: «Потребность же в семье у нее была громадная... Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким мальшом, сынишкой Димки (сестры П.Г. Смидовича) ...»¹⁷²

В «Воспоминаниях о Ленине» Н.К. Крупская предпочитает говорить о друзьях и знакомых, революционной работе, городах, где жили супруги во время эмиграции, партийных делах, которым оба посвятили всю свою жизнь. Пожалуй, подробнее она говорила о семье лишь в связи с болезнью супруга, об их жизни в Горках, где Ленин и скончался. В своих бесхитростных воспоминаниях «Последние полгода жизни Владимира Ильича» она, по сути, написала «моральную историю болезни». Наступило в 1923 году время, когда Крупская стала главным толкователем смысла жестов, звуков, нечленораздельного мычания вождя русской революции. «Отгадывать было возможно потому, что, когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, об его теперешней политической позиции»¹⁷³.

О совместной жизни Крупская пишет очень скупое, чуть раскрываясь, лишь когда описывает свои путешествия с мужем. Рассказывая, как Владимир Ильич устал от борьбы с меньшевиками в преддверии III съезда партии, Надежда Константиновна вспоминает: «Мы с Владимиром Ильичем взяли мешки и ушли на месяц в горы.. Побродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые бросались в постель и моментально засыпали... Мешки были тяжеловаты: в мешке

Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем — столь же тяжелая французская книга, которую я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады»¹⁷⁴.

В конце декабря 1909 года супруги после долгих колебаний переехали в Париж, где Ленину было суждено встретиться с яркой, волнующей личностью — Инессой Арманд. Эта молодая женщина, «русская француженка», оставила глубокий сердечный шрам в душе лидера большевиков. Крупская не могла не знать, что у сорокалетнего мужа бурно вспыхнули нерастратенные чувства. Есть свидетельства, в частности Коллонтай, что она хотела уйти и предоставить свободу супругу. Но тот, почти без колебаний, сказал: «Нет, оставайся». Как рассказывала А. Коллонтай, «вообще Крупская была *«au courant»* (в курсе. — *фр.*). Она знала, что Ленин был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее»¹⁷⁵.

Может быть, поэтому, говоря о пребывании во Франции (встреча Ленина с Арманд), Крупская считала, что «в Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции»¹⁷⁶. Но, к чести Крупской, она не стала устраивать мещанских сцен ревности и смогла установить с красивой француженкой внешне ровные, даже дружеские отношения. Та отвечала Крупской тем же.

Жена Ульянова в своих воспоминаниях, например, писала: «Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой. В ней было много какой-то жизнерадостности и горячности. ...К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса»¹⁷⁷.

Арманд, по удачному выражению А.И. Солженицына, став «подругой Ленина», приняла правила игры «трех». Она смогла проявлять дружеские чувства и к жене любимого ею человека. Вот начало письма И. Арманд к Крупской:

«Дорогая моя Надежда Константиновна!

Дорогая Н.К., как я о тебе соскучилась...»¹⁷⁸

Знакомая с перепиской Ленина и Арманд (значитель-

ная часть которой сохранилась), убеждаешься, что отношения этих людей были озарены светлыми чувствами.

Большевистская мораль, фарисейская по своей сути, не могла допустить, чтобы в биографии вождя были сомнительные штрихи. Письма Ленина к Арманд и французенки к лидеру русской революции, опубликованные в собраниях сочинений, полны купюр... Многие из их переписки не было никогда опубликовано, хотя именно эти письма показывают Ленина как человека, которому были не чужды страсти, увлечения, интимные переживания. Впрочем, Ленин был сам очень осторожен и, вероятно, уничтожил многие письма от Арманд и свои тоже. В июле 1914 года Ленин пишет Инессе (конечно, в Полном собрании сочинений эти строки опущены): «Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привезти с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. И так далее...). Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама и мы поговорим об этом»¹⁷⁹.

Конечно, Ленин стремится заполучить собственные письма не с целью перечитать их вновь. Он осторожен и совсем не хочет, чтобы об их близкой связи знали другие.

В своей книге «Ленин» я достаточно подробно рассказал об отношениях этих двух людей, чье влечение друг к другу было чистым и возвышенным. Об этом, например, свидетельствует письмо Арманд Ленину из Парижа в Краков. Послание очень велико, поэтому приведу лишь его фрагменты.

«Суббота, утро.

Дорогой, вот я и в Ville Lumière (светлый город. — Д.В.) и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем — серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно слышанные разговоры, и даже французский язык... Грустно было потому, что Ароза была чем-то временным, чем-то переходным. Ароза была еще совсем близко от Кракова, а Париж — это уже нечто окончательное. Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана

с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, и только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно... Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. Я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...

Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К., брату, Зине (жене Г.Е. Зиновьева. — Д.В.).

Неужели никто ничего не получил?

Крепко тебя целую.

Твоя Инесса»¹⁸⁰.

Письмо (а их немало) более чем красноречиво свидетельствует о подлинном характере отношений Инессы Арманд, матери пятерых детей, и Владимира Ульянова — большевистского «моралиста». Марксистские схемы нравственности быстро отступили перед реальными, сильными чувствами, которые захватили двух эмигрантов. Из этих неопубликованных писем двух не очень уже молодых людей и из купюр, сделанных партийными издателями, можно составить целый сборник... Книгу о любви двух революционеров, о необычном «треугольнике», в котором все (даже Надежда Константиновна) сохраняли благообразные отношения.

Жена Ленина, находившаяся в самой трудной позиции, по словам А.И. Солженицына, «воспитывала в себе последовательность: не отклонять с пути Володю ни на волосок — так ни на волосок. Всегда облегчать его жизнь — и никогда не стеснять. Всегда присутствовать — и в каждую

минуту как нет ее, если не нужно... О сопернице не разрешить себе дурного слова, когда и есть что сказать. Встречать ее радостно, как подругу, — чтобы не повредить ни настроению Володи, ни положению среди товарищей...»¹⁸¹.

У Ленина был трудный выбор: между чувствами и долгом, между огромным влечением и нормами приличия. Он смог, как не раз делал в политической жизни, найти компромиссные решения. Он сохранил семью и сохранил для себя Инессу.

Весной 1912 года чета Ульяновых засобиралась в Краков, поближе к России. Заторопилась в Польшу и Инесса. Она стала тенью семьи... Крупская вспоминала, что Инесса «много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять»¹⁸². Арманд временами была похожа то на тень, то на члена семьи. В 48-м томе Полного собрания сочинений есть одно из писем Ленина к Арманд. В предпоследнем абзаце — многоточие. Значит, очередное изъятие. А там сказано: «...безграничная дружба, абсолютное доверие укрепились во мне и ограничиваются у меня только по отношению к 2—3 женщинам. Это совершенно взаимные, совершенно взаимные деловые отношения...»¹⁸³.

Ясно, по-моему, одно, что в числе «2—3 женщин» почти наверняка Крупская и Арманд. Ленин был обречен делить свою любовь между двумя женщинами. В этом утверждении нет осуждения; судьба человека такова, что в ней есть вещи, в которых прямолинейные оценки могут оказаться столь же неверны, как и умолчание.

Когда Арманд нет вблизи, Ленин пишет ей письма. Пожалуй, мало кому он написал так много писем, как Инессе. Иногда это многостраничные послания.

...В июле 1914 года Ленин отправляет большое письмо к «подруге» своего сердца. В нем так много тем: о предстоящем докладе Инессы, о Вандервельде, Розе Люксембург, Ягелло, Каутском, других социал-демократах. В текст одновременно вкраплены очень личные излияния. Сразу же после рассуждений о ликвидаторах, профессиональных союзах и страховых кассах Ленин, например, пишет (на французском): «О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов:

я вполне уверен, что ты одержишь победу. Искренне твой В.Л.». (Иногда Ленин, как, например, в письме 12 (25) июля 1914 года, обращается к Арманд особо подчеркнуто: «Мой дорогой, самый дорогой друг!») Ленин продолжает в письме:

«Я забыл о денежном вопросе. Мы оплатим письма, телеграммы (пожалуйста, телеграфируй почаще) и железнодорожные расходы, расходы на гостиницу и т.д. Помни об этом»¹⁸⁴.

Конечно, в Полном собрании сочинений Ленина опубликована лишь та часть письма, где не говорится о «поцелуях».

В письмах к Арманд Ленин особенно размашисто, хлестко говорит о своих оппонентах, людях, с которыми он имеет дело: «Мерзавец, сволочь Попов»; «дурачок Радек», «старый дурень Кон», «глупая полковая дама» (о Р.С. Розмирович), «дурак Трояновский», «негодяй Мартов»¹⁸⁵ и т.д.

Ленин в письмах к Арманд пишет не только о делах личных, но и о самых острых партийных, финансовых, литературных. Инесса для революционера уже стала частью его духовной жизни; без нее он уже не представлял своего существования. После приезда в Россию, «в революцию» (Инесса, конечно, была с семьей Ульяновых в знаменитом «пломбированном вагоне» в одном купе), Ленин, захваченный вихрем событий, встречался с Арманд уже реже, чем за рубежом.

Когда решался вопрос о возвращении из Швейцарии в Россию с помощью германских властей, Ленин писал Инессе 6 (19) марта 1917 года: «Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари, что дадут!»¹⁸⁶

Лидер большевиков знал, что у Берлина и его, Ленина, партии одна цель: «повалить Россию», как выразился военный мозг немецкой нации Людендорф, добиться ее поражения. Тогда путь к революции, к власти будет открыт. Поэтому Ленин хорошо знал, что писал Инессе; специальный вагон для вождя большевиков немцы обязательно «дадут». Ведь он «загружался» взрывной силой революции планетарной мощности.

Но революция быстро надорвала силы не только Ленина, но и его любимой. Инесса горячо бралась за любое дело, какое ей поручали партийные руководители. Сил у нее

оказалось меньше, чем было нужно в это сумасшедшее время. Дети, трудный быт, новая обстановка, революционный ритм жизни менее чем за три года после октябрьского переворота опустошили душу женщины и подорвали ее физические силы. В своих дневниковых записях Инесса, совсем незадолго до кончины, записала:

«...Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые... Я живой труп, и это ужасно»¹⁸⁷.

Бесовство революции искалечило миллионы судеб. В ее жернова угодило и такое хрупкое, нежное и милое существо, как Инесса Арманд. Ленин в Москве и Петрограде все реже встречался с «русской француженкой». Он уже не принадлежал себе, а только своему божеству — революции. Правда, вождь Октября писал довольно часто записки Арманд: справлялся о здоровье Инессы и ее детей, посылал продукты, покупал ей калоши, отправлял на Арбат, угол Денежного и Глазовского, дом 3/14, квартира 12, своего личного врача для «пользования» заболевшей Инессы, распоряжался отремонтировать у нее телефон...

Ленин, видимо, чувствует, что Инессу опустошили беспросветность борьбы, хаос и тяготы бытия. Давно известно, что топка революции ненасытна; она требует все новых и новых жертв. Инесса стала одной из бесчисленного их множества.

Осенью 1920 года Арманд сдала совсем. В своем дневнике 9 сентября она запишет: «Мне кажется, что я хожу среди людей, стараясь скрыть от них свою тайну, — что я мертвец среди живых, что я живой труп... Сердце мое остается мертво, душа молчит, и мне не удастся вполне укрыть от людей свою печальную тайну... Так как я не даю больше тепла, так как я это тепло уже больше не излучаю, то я не могу больше никому дать счастья...»¹⁸⁸

Она хотела поехать в родную Францию, хоть ненадолго вырваться из объятий революции и восстановить растраченные силы. Ее тянула к себе родина. Арманд чувствова-

Старший брат Александр, казненный в Шлиссельбургской крепости в 1887 г.

С членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1878 г.

Речь в Таврическом дворце. Апрель 1917 г.

*На заседании ВРК по обсуждению вооруженного восстания.
Октябрь 1917 г.*

*Заседание первого советского правительства. Ноябрь 1917 г.
Вожди революции: Ленин, Троцкий, Каменев*

*С делегатами II конгресса Коминтерна.
Петроград. 1920 г.*

*В.И. Ленин, Н.И. Бухарин и Г.Е. Зиновьев на заседании II конгресса
Коминтерна*

Инеса Арманд

С В.Д. Бонч-Бруевичем во дворе Кремля. 1918 г.

Трибун

*Речь на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу.
Москва. 1918 г.*

...Выступает с балкона Моссовета, произносит речь на Красной площади. 1919 г.

На похоронах М.Т. Елизарова. 1919 г.

Обходит строй почетного караула. 1920 г.

С английским писателем Гербертом Уэллсом. 1920 г.

*Ленин, Демьян Бедный и делегат Панфилов на VIII съезде РКП(б).
1919 г.*

На испытании первого советского электропуга. Москва. 1921 г.

*Закладывает первый камень в основание памятника К. Марксу.
Москва. 1920 г.*

*В.И. Ленин, Н.К. Крупская и А.И. Ульянова-Елизарова с
племянником Виктором и дочерью рабочего Верой
На прогулке в Горках*

Трагедия вождя

«Живее всех живых»?

Финал трагедии

ла, что погибает от груза тягот, навалившихся на ее хрупкие плечи. Она позвонила Ленину, тот был занят и позже ответил запиской:

«Дорогой друг!

Грустно было очень узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь; побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию...

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное устроит. Он там власть... Подумайте об этом...»¹⁸⁹

Инеcса «подумала» быстро; она не только любила Ленина, но и, как всякая любящая женщина, полностью полагалась на него. Получив записку, Арманд позвонила: я согласна поехать на юг...

Тут же, 17 августа 1920 года, Ленин продиктовал официальное распоряжение Председателя Совнаркома:

«Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению писательницы тов. Инеcсы Федоровны Арманд, с большим сыном.

Прошу оказать этим, лично мне известным, партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие»¹⁹⁰.

Кто мог знать, что, отговорив Арманд от поездки во Францию, он пошлет ее туда, где Инеcса встретит свою смерть?

Судьба человека загадочна. Она, похоже, как некая внешняя сила, знающая наше будущее, ведет нас своей роковой рукой по узкой тропе в определенном направлении, к своему финалу. Ленин, по воле судьбы Инеcсы, своей рукой повернул ее лицом к югу, на Кавказ, к Серго, который — «власть». А оттуда через месяц пришла телеграмма:

«Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холеринной товарища Инеcсу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров»¹⁹¹

Вероятно, Ленин пережил мучительные часы после получения рокового известия. Серго еще пару дней назад общал: «У Инессы все в порядке». И вдруг такой страшный финал... Холера, смерть, гроб... Потрясение Ленина было огромным. Подруга Арманд Александра Коллонтай прямо утверждала: «Он не мог пережить Инессу Арманд. Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой...»¹⁹²

Похоронили Инессу в Москве, в Кремлевской стене. Везли ее с Кавказа в столицу почти три недели... Та же Коллонтай рассказывала, что когда 12 октября 1920 года «мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами и казалось — вот-вот упадет»¹⁹³. Кто мог знать (судьба!), что пройдет всего три с небольшим года и человек, к которому, по словам умершей, у нее до конца осталось «горячее чувство», будет самым необычным способом «похоронен» здесь же, на Красной площади... Сейчас она — в тени мавзолея, усыпальницы земного бога. Это соответствует той исторической участи, что выпала на долю этой незаурядной женщины: быть вечно в тени вождя русской революции.

У каждого обычного человека есть своя личная жизнь. Но она интересует, как правило, столь малый круг людей, что их можно усадить всех на одном диване. Известные, тем более знаменитые, лица становятся объектом самого пристального внимания людей, а в демократических странах — и журналистов. И такое любопытство, любознательность — оправданны. Политический лидер, фигуры первой величины в науке, культуре, бизнесе, дивы эстрады, звезды спорта только тогда предстают в обществе цельной личностью, когда люди их знают не только с «парадной» стороны, с той, что знаменитости выгодно, но и с тех сторон деятельности, что обычно находятся за кулисами.

За кулисами находится не только «личная жизнь», какая-то ее часть, но и многие деяния, совершаемые втайне от людей. Особенно если эта жизнь — политика. Чем более цивилизованно, демократично общество, тем меньше «закрытого» происходит за кулисами. Дело Профьюмо (связь английского министра с любовницей), Уотергейтский скандал в США, связанный с подслушиваниями в предвыборной борьбе, получили огромный общественный

резонанс с серьезными последствиями. Ничего подобного не могло быть в обществе, государстве, системе, созданной Лениным. Люди знали лишь то, что «положено» им было знать. То, что происходило за кулисами политики, редко выходило наружу. Или «выходило» в препарированной, нужной для одобрения или неодобрения форме.

Ленин, сформировавшийся в обстановке уважения к партийной конспирации, наложил свою печать пристрастия к сохранению тайн и секретов. Откройте, допустим, 54-й том Полного собрания сочинений. То тут, то там: «Не следует ли созвать из архинадежных людей совещание тайное о мерах борьбы?» Даже о ревизии отдела животноводства: «Пришлите секретно на имя Фотиевой»; или: «Не предложить ли тотчас секретно всем постпредам прозондировать почву...» Из письма Сокольникову: «...Альского надо прогнать (никуда не годен)». Здесь же: «Посылаю Вам сие секретно»¹⁹⁴.

Любовь к секретам у Ленина — поразительна. Не случайно большевики, следуя ленинской политической методологии, огромные сферы жизни СССР сделали со временем абсолютно закрытыми, секретными. Судите сами. К секретным и особо секретным областям относились: жалование членов политбюро, количество закупаемого зерна за границей, объем добычи золота в стране, количество заключенных в тюрьмах, результаты переписи населения, число исключенных коммунистов из партии, сумма помощи зарубежным родственным организациям, динамика и статистика преступности, персональные дела на партийных бонз и многое, многое другое. Словно власть хотела всю жизнь засунуть «за кулисы» таинственности. В этом одна из сущностных черт тоталитаризма — всеобщий контроль, который невозможен без господства «секретов»: государственных и нелепых, национальных и надуманных, военных и бюрократических. Ленин «приложил руку» к этой сущностной традиции системы. 5 января 1920 года вожь шлет телеграмму члену Реввоенсовета республики Г.К. Орджоникидзе:

Секретно

«Т. Серго! Получил сообщение, что Вы и командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю...

Скандал и позор! А я-то Вас направо и налево нахваливал! И Троцкому доложено...

Ответьте тотчас:

1) Кто Вам дал вино?

2) Давно ли в Рев. военном совете пьянство?

С кем еще пили и гуляли?

3) — тоже — бабы?

4) Можете по совести обещать прекратить или (если не сможете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 — пьяница? Неисправим? Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет. Ваш Ленин»¹⁹⁵.

Орджоникидзе обиделся и, конечно, все отрицал. Эпизод завершился 3 апреля 1920 года еще одной ленинской телеграммой: «Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще и до личного свидания бросите неуместный тон обиды»¹⁹⁶. Ленин уже как бы извиняется. Да это и понятно: попавшие в партийную «номенклатуру» всегда имели основание рассчитывать на снисхождение.

Приведем еще несколько записок Ленина из числа конспиративных.

«Т. Сталин! ...Кстати. Не пора ли основать 1—2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы. Потратить на это золото; тратим же и будем долго (подчеркивая эту мысль, Ленин не ошибся. — Д.В.) тратить на неизбежные поездки в Германию. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев.

19/V. Ленин».

Ниже следует приписка: «В Зубалово, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне дачу к осени, надо добиться починки жел. ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и конспиративное (Ленин опять подчеркнул. — Д.В.) сношение круглый год...»¹⁹⁷

Ленин не случайно создаваемые привилегии партийной верхушке относил к сфере особо тайного, закулисного. Ведь все начиналось с объявления «войны дворцам», а уже весной 1918 года вождь большевиков со своим окружением и челядью превратили национальную святыню Кремль

в свои жилые апартаменты... Параллельно пролетарские вожди обзаводились великолепными дачами, своими санаториями, снабжением, особой медициной и другими «презренными» капиталистическими атрибутами. Естественно, распоряжения, подобные выпшеприведенному, могли быть известны только тем, кто находился за «партийными кулисами».

Из Берлина совпредставитель Комп пишет Ленину, Троцкому и Чичерину о том, что немцы предлагают в обход Версальских соглашений начать военное сотрудничество, выгодное Германии и советской России. Для этого, сообщает Комп, «привлечены на условиях строжайшей конспирации фирмы «Блом и Фосс» (подводные лодки), «Альбатросверке» (воздушный флот) и «Крупп» (обычное оружие).

Ленин накладывает резолюцию:

«Т. Склянский! Черкните, ответили и как. Я думаю, да. Верните это. Ленин. Секретно. Февраль 1921 г.»¹⁹⁸

Ленин словно забыл, что, прежде всего в результате Версальских соглашений, Россия вернула миллион квадратных километров, услужливо отданных большевиками Германии по предательскому Брестскому миру. А теперь Ленин вновь готов затеять секретную игру с Берлином, которую доведет до позорного конца (пакт Молотова—Риббентропа, «секретные протоколы», договор о «дружбе» с Германией и т.д.) его кровожадный продолжатель.

Закулисная политика для Ленина — одна из существенных характеристик большевизма. Даже в сфере гуманистической ленинские «классовые принципы» неизменны.

...Обрушившийся в 1921—1922 годах на Россию страшный голод заставил большевиков отодвинуть на второй план заботу об «идеологической чистоте» своей революции и принять помощь от капиталистов. Особенно существенной она оказалась со стороны Соединенных Штатов Америки. Миллионы россиян были спасены от голодной смерти благодаря деятельности АРА* В разгар своей деятельности АРА обеспечивала питанием ежедневно до 10 миллионов россиян. Огромная заслуга в этих благоотво-

* АРА, сокращ. от англ. American Relief Administration — «Американская администрация помощи», действовавшая в 1919—1923 годах. Была создана с целью оказания помощи европейским государствам, пострадавшим в Первой мировой войне. — *Прим. ред.*

рительных делах принадлежит Герберту Гуверу. Но Ленин и тут усмотрел опасность. В своей записке, адресованной 23 августа 1921 года В.М. Молотову, конечно, с грифом «секретно», Председатель Совнаркома пишет:

«Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев.

Надо позаботиться о надзоре и осведомлении (подчеркнуто Лениным. — Д.В.). Предлагаю политбюро постановить:

Создать Комиссию с заданием подготовить, разработать и провести через ВЧК и другие органы усиление надзора и осведомления за иностранцами...»¹⁹⁹

Впрочем, еще задолго до этого, в июне 1919 года, Председатель Совета обороны В. Ульянов подписал постановление, согласно которому «всех проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет, заключить в концентрационные лагеря»²⁰⁰. Исключение допускалось лишь в отношении «лиц, доказавших свою преданность советской власти».

Типично большевистский прием: следить даже за гостем, другом; во всех иностранцах видеть прежде всего врагов, ибо «бдительность» классовая превьше всего. Скоро сыскательство, доносительство, тайное «сотрудничество» с «органами» станет еще одной из самых сущностных черт ленинской системы. Достаточно сказать, что забота Председателя большевистского правительства «о надзоре и осведомлении» за советскими и иностранными гражданами достигнет своего апогея при Сталине — «Ленине сегодня». В год смерти тирана в 1953 году количество нештатных, так называемых «секретных сотрудников» (а попросту согладатаев, окрещенных народом «сексотами») в СССР достигнет одиннадцати миллионов человек... Целое государство в государстве... У истоков его рождения стоял Ленин, почитавший ЧК не меньше, чем свою партию. А ведь она, по Ленину, — «ум, честь и совесть эпохи». По крайней мере, очень странное понятие о «честь и совести».

На заседаниях политбюро Ленин выступал не часто, но всегда его слова, предложения оказывались решающими. Как правило, были они радикальными. Накануне заседания политбюро ЦК РКП 27 августа 1921 года Ленину ста-

ло известно, что в Монголии пленен генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг.

Вторым вопросом (первый — об аресте не коммунистов — членов комитета помощи голодающим) Ленин предложил рассмотреть: «О предании суду Унгерна» Возражать, естественно, никто не стал, столь большевистски монолитным был состав присутствующих: кроме вождя — Троцкий, Каменев, Зиновьев, Молотов, Сталин.

Ленин тут же внес конкретный проект постановления: «Добиться солидности, и если доказанность полнейшая, в чем не приходится сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять»²⁰¹.

Рассмотрение вопроса на политбюро занимает две минуты, и решение (естественно, с грифом «строго секретно») тут же принимается. В Сибирь, в Новониколаевск, идет депеша, где предлагается приступить к подготовке процесса над 35-летним генерал-лейтенантом.

При огромном скоплении народа 15 сентября 1921 года, в полдень, начался суд над Унгерном. Высокий, стройный барон спокоен, хотя прекрасно знает, что его ждет. На «классовый» вопрос: чем отличился на русской службе род Унгернов-Штернбергов? — ответил лаконично: в войнах за российские интересы погибло 72 члена рода.

Как и требовал Ленин, «солидность обвинения» была «достаточная», скорость процесса — высокая (три часа) приговор был сформулирован Председателем Совнаркома еще в Москве на заседании политбюро 27 августа. При его объявлении в зале театра, где проходил «суд», трудящиеся встретили его «бурным одобрением»

Как видим, хотя суд и был «гласным», его исход предрешен за политическими кулисами, как и судьба династии Романовых и многих, многих других классовых врагов.

Конечно, строго «конспиративно», как Ленин любил, всегда за кулисами обдeldывались и денежные дела. Роспись Ленина или его лаконичное «за» решали вопрос о передаче миллионов золотых рублей на инициирование мировой революции, создание новых компартий, их поддержку, проведение секретных операций за рубежом. В этих случаях Ленин всегда был «за»

По инициативе вождя 15 октября 1921 года принимает ся специальное решение политбюро о том, что «ни один

расход золотого фонда не может быть произведен без особого постановления ПБ»²⁰². Основные ценности, по предложению А. Шлихтера, одобренного Лениным, перевезли летом 1921 года в Кремль в количестве 1878 ящиков, куда позже доставили и ценности царской семьи на сумму 458,7 миллиона золотых рублей²⁰³. А уж тратить «народное достояние» новоявленные властители России умели. Благо, нажито было не ими и все делалось «за кулисами».

Чичерин обращается к Ленину с предложением выделить туркам один миллион 100 тысяч рублей золотом. Председатель советского правительства щедр: «Секретно. Тов. Сталин. По-моему, дать... 7.11.21. Ленин»²⁰⁴.

Карахан предлагает направлять большевистских агитаторов в Китай, Персию, Индию для пропаганды коммунистических идей. Коммунистических миссионеров щедро оплачивать²⁰⁵.

Ленин, конечно, не возражает. Мираж мировой революции еще не развеялся, а деньги... Что их жалеть, ведь они «царские».

Иногда решения о финансовых вопросах Ленин принимает и сам, без политбюро:

«Т. Карахан!

По-моему, надо дать 500 000 рублей товарищу Роту. Задавать архитцательно, переговорите заранее со Свердловым. Привет! Ленин»²⁰⁶.

Часто принятые решения формально закрепляют постановлениями политбюро. Так, 1 сентября 1920 года решено передать по просьбе Лежавы «для реализации за рубежом 200 пудов золота»²⁰⁷.

Этот скорбный и преступный перечень разбазаривания российских национальных богатств большевиками, при самом активном участии Ленина, можно продолжать очень долго. Мне удалось установить, что значительная часть российских богатств в конечном счете осела в сейфах предприимчивых дельцов, не имевших никакого отношения к ленинским авантюрам. А та, другая часть ценностей, дошедшая до компартий, иных зарубежных организаций, контролируемых Москвой, не смогла помочь создать чего-то существенного для реализации ленинских идей во всемирном масштабе. За исключением 3—4 стран, созданные компартии выродились в секты, десятилетиями подкармливаемые большевистскими руководителями.

«За кулисами» прошел и последний год жизни вождя. Ленинский организм не смог вынести сверхперегрузок, которые обрушились на него как руководителя партии и главу правительства. Многочисленные симптомы серьезного заболевания появились еще в 1921 году: несколько «ударов» болезни в конце концов превратили лидера большевиков в беспомощного младенца.

Началось последнее испытание вождя на прочность в конце 1922 года.

Как пометил в своих записках невропатолог профессор В. Крамер, «мимолетные параличи конечностей, наблюдавшиеся у Владимира Ильича в конце 22-го года, как и нарушения в речи, становились день ото дня глубже и продолжительней и привели 6 марта 1923 года, без всяких видимых к тому причин, к двухчасовому припадку, выразившемуся полной потерей речи и полным параличом правых конечностей. Такой припадок повторился затем 10 марта и привел, как уже известно, к стойким изменениям как со стороны речи, так и правых конечностей... В период между 10 и 21 числами марта... у Владимира Ильича наступил новый удар... поведший к явлениям так называемой сенсорной афазии, т.е. затруднению понимания обращенной к нему речи»²⁰⁸.

А из регулярно публикуемых бюллетеней о состоянии здоровья нельзя было понять истинного положения вождя. Большевики никогда не любили правды: она у них всегда была усеченной, «отредактированной», «удобной».

Вот, например, какой бюллетень, предварительно откорректированный в ЦК, подписали 17 марта врачи В. Крамер и А. Кожевников, а также нарком Н. Семашко.

«Бюллетень N 6

о состоянии здоровья Владимира Ильича

Вместе с продолжающимся улучшением со стороны речи и движений правой руки наступило заметное улучшение и в движениях правой ноги. Общее состояние здоровья продолжает быть хорошим»²⁰⁹.

А слухи шли иные. Местные вожди запрашивали всюду ЦК об истинном положении со здоровьем вождя. Шли депеши и из-за границы. В это же время, когда была опубликована информация врачей, приведенная выше, советский полпред прислал из Лондона шифровку:

«Передайте копию Красину. Здесь все кому не лень со-

чиняют бюллетени о здоровье Ленина. Например, сегодня сообщено, что Ленин, потерявший способность речи, посажен в сумасшедший дом и заменен тройкой из либерала Каменева, отца нэпа Рыкова и турка Сталина. Ввиду отсутствия сведений мы лишены возможности что-либо сказать. Прошу держать нас в курсе состояния здоровья Ленина»²¹⁰.

В тот же день, 17 марта, когда Семашко с врачами подписали утвержденный в ЦК текст бюллетеня о «хорошем» состоянии здоровья Ленина, генсек Сталин пишет записку членам политбюро. В ней он сообщает, что больной Ленин настойчиво требует цианистый калий. Надежда Константиновна «упорно настаивала не отказывать Ильичу в его просьбе». Мол, Крупская даже «пробовала дать калий, но не хватило выдержки», ввиду чего требует поддержки Сталина.

Сталин в конце записки пишет, что, хотя он считает передачу калия «гуманной миссией, выполнять он ее не будет»²¹¹.

Тайны болезни Ленина, которого «пользовали» более двадцати российских и зарубежных врачей, десятилетиями хранились в архивах ЦК, как особый государственный секрет. Закрытость лечения, которым «руководило» политбюро, настроило и некоторых врачей на особые оценки течения болезни у вождя. Тот же В. Крамер, уже после смерти лидера большевиков, запишет: «У выдающихся людей, как гласит внедрившееся в сознание убеждение, все необычно: как жизнь, так и болезнь течет у них всегда не так, как у других смертных»²¹².

Не случайно после смерти Ленина политбюро приняло решение об изучении мозга вождя с целью получения «материальных доказательств гениальности вождя...». Уже априори, до проведения исследования, профессора А.А. Демин, В.В. Бунак, Б.С. Вейсброд, Л.С. Минор, А.И. Абрикосов, В.В. Крамер, О. Фохт дали положительный ответ²¹³. Как можно перечить всесильному политическому бюро?

У святого должны быть и болезнь, и мозг, и смерть необычными, святыми.

Хотя Н.К. Крупская, более других знавшая о Ленине, описала кончину первого вождя печально-прозаически и обреченно. «В понедельник пришел конец... — писала На-

дежда Константиновна в своих записях с грифом «совершенно секретно», установленным хранителями тайн в ЦК. — Часов в 11 попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович[...] и Петр Петрович[...] держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было»²¹⁴.

Обычная семейная трагедия, которой отныне надлежало стать на многие десятилетия глубокой партийной тайной.

Власть времени — власть абсолютная.

Боги на небе не знают возраста. Кто может сказать, сколько лет было Зевсу, Афродите, Афине Палладе, Фемиде? Может быть, для них время застыло? Или имеет даже «обратный ход»? Потому они и боги, что стоят над абсолютно невозможным — над временем.

А земные боги смертны. Хотя десятилетиями мы говорили: «Ленин жив...», подразумевая его дела и свершения. Но и они не вечны.

Я уже говорил однажды, что судьба Ленина в изображении его соратников похожа на монумент, освещенный солнцем с одной стороны. Что было в действительности на стороне теневой — никому не положено было знать.

Разумеется, автор смог лишь приподнять полог над тем, что происходило за партийными, политическими кулисами партии-монополиста, личной жизнью и трагедией вождя. Закулисную жизнь рождает боязнь света правды, истины.

На протяжении десятилетий «ленинское политбюро» решало в самом узком кругу вопросы, дела, «расхлебывать» которые приходилось всей стране: «поход на Варшаву», коллективизацию сельского хозяйства, кровавую чистку в обществе, преступные соглашения с Гитлером, Катынь, советско-финляндская война, антиеврейские про-

цессы, корейское побоище, ссора с Югославией, Карибская авантюра, интервенции в Венгрию и Чехословакию, Афганистан, подготовка к вторжению в Польшу и многое, многое другое. Все решалось «за партийными кулисами». Народу предоставлялось лишь право «проявлять инициативу», «советский патриотизм», «выдвигать новые починь» в реализации решений, принятых втайне в Кремле или на Старой площади в Москве.

Ленин явился основателем закрытого общества, где в полной мере общественного мнения не существовало, оно целенаправленно формировалось и им управляли. Заговорщицкая партия до 1917 года (легальные способы борьбы были вспомогательными) перенесла свои антидемократические методы на государство, в котором большевики сказочно легко захватили власть.

По воле Ленина в России возникло государство, состоящее как бы из двух этажей. На верхнем — «творили» вожди, их деятельность подавалась, естественно, как только «мудрая», «ленинская», «единственно правильная». Они избирали сами себя на самый высший пост в партии и государстве, не несли никакой ответственности за свои деяния, строго следовали ленинским догмам. Партийная номенклатура обладала тотальной властью.

На этаже нижнем творили «массы», которые, в свою очередь, тоже были поделены на пролетариат (высшая страта) и крестьянство (естественно, низшая), с какой-то интеллектуальной «прослойкой», имевшей социально подчиненное положение по отношению к двум «основным классам трудящихся».

Такая конструкция оказалась устойчивой только в условиях экстремальных, когда диктаторские методы использовались в полной мере. И наоборот, в сфере мирного соревнования, экономического соперничества, реального обеспечения прав человека конструкция оказалась сильно уязвимой и исторически нежизнеспособной. Когда Ложь и Насилие оказались после 1985 года потесненными, выяснилось, что ленинское творение без них существовать не может.

Закулисная жизнь тем объемнее и влиятельнее, чем выше тоталитарность общества. Это, по сути, выражение его закрытости и антидемократизма. Ленинский совет: посылать в нужное место, в нужное время автодрезины ВЧК

«архиспешно и архиконспиративно»²¹⁵, в условиях гласности бесполезен.

Перед лицом истины сила чаще всего оказывается бес- сильной.

Творец Системы

Неожиданно для всех 18—19 октября 1923 года Ленин приехал из Горок в Москву. Получилось это спонтанно, вне плана врачей и близких. Вцепившись в шею санитаря, больной Ленин знаками, звуками, жестами рук требовал усадить его в автомобиль. Когда просьба беспомощного вождя была исполнена и он устроился на заднем сиденье машины, то стал требовать от шофера В.И. Рябова, как все догадались, поездки в Москву. Попытки отговорить не дали результата.

«Путешествие», занявшее два часа, закончилось приез- дом в Кремль, где Ленина в его коляске провезли по коридорам Совнаркома, доставили по очереди во все комнаты пустующей квартиры. Больной удовлетворенно повторял свое однообразное: «Вот... воот... воот», нечленораздель- но мычал. Врачи гадали о причинах столь страстного же- лания Ленина побывать в Москве, как оказалось впослед- ствии, в последний раз в своей жизни. Потом вполголоса говорили всякое (написанное очевидцами о поездке увиде- ло свет лишь через много десятилетий): приезжал, мол, попрощаться со столицей; гадали — решил напомнить крем- левским вождям, что он еще жив; иные думали, что просто хотел посмотреть на Москву большевистскую, какой она стала после таких бурь революции...

Вечная тайна? Нет: вечные тайны существуют только для человека, но не для Провидения...

На другой день, проснувшись в 11 часов, Ленин потре- бовал, чтобы его подвезли к книжным шкафам библиоте- ки, где он отобрал десятка два книг. Проехали под дождем на машине по территории Кремля, по улицам столицы, до- ехали до выставки. Дождь усиливался. Больной Ленин из закрытого автомобиля пристально рассматривал идущих по тротуарам хмурых людей, смотрел на вывески совет- ских учреждений, косые струны осеннего дождя, прида- вавшие сумрачный колорит давно оставленной им Москве.

Зачем он приехал в столицу новой империи, созданной им на месте старой, разрушенной? Что Ленин хотел уви-

деть в покоренной им Москве? Едва ли его ослабевший от болезни мозг мог ответить на эти простые вопросы. Спонтанная больная прихоть парализованного и немощного человека позволила «вождю мирового пролетариата» за три месяца до физической смерти побывать в последний раз в Москве. Никто из его соратников, несомненно узнавших об этой неожиданной выходке больного вождя, не поспешил к приехавшему лидеру. Логическое, нормальное общение с Лениным было практически невозможным; к тому же уже почти не осталось среди кремлевских руководителей тех, кто хотя бы слабо верил в его активное возвращение в реальную политику. Ленин в их глазах политически был уже мертв.

Хотел того или не хотел первый Председатель Совета Народных Комиссаров, а скорее всего, просто не сознавал, что его приезд явился весьма символическим. Он побывал в столице «революционного» государства, с созданной им большевистской системой. Еще немногие могли предположить, что она окажется очень жизнестойкой, многолетней, совершенно необычной в истории человеческой цивилизации. В каждом параметре этой угрюмой системы, ее гранях, механизмах, особенностях были видны «заветы», идеи, постулаты, оставленные вождем октябрьского переворота 1917 года своим наследникам.

В годину трагического краха российского государства, как только власть оказалась в руках Ленина, его мыслью и руками были совершены деяния, положившие начало существованию нового общества и нового порядка. Никто не мог вначале и подумать, что полуфантастические, полубредовые идеи Ленина «прорастут» в конкретных делах, положат начало «ленинскому пути», ленинской методологии мышления и действий. Основы общества, которые не умерли полностью и сегодня, были заложены самим Лениным.

Как верно отметил Ричард Пайпс, «...политическая система, родившаяся в октябре 1917 года, стала как бы воплощением его личности. Партия большевиков была ленинским детищем; как ее творец, он создавал ее по своему образу и подобию и, подавляя всякое сопротивление извне и изнутри, вел по пути, который определил сам... Коммунистическая Россия с момента своего появления была диковинным отображением сознания и воли одного человека;

его биография и история слились и растворились друг в друге»²¹⁶. Трудно с этим не согласиться.

Прежде всего, Ленин, придерживаясь марксистских схем по национальному вопросу, добился начала ликвидации губернского деления, лежавшего в основе российской империи. Возможно, это было одним из самых роковых решений большевизма. Вначале, захватив власть, большевики не могли предотвратить распада империи. Еще до прихода Ленина к власти Временное правительство в марте 1917 года объявило о независимости Польши, а сама Россия в сентябре 1917 года была провозглашена демократической республикой. Так что большевики в октябре 1917 года не только свергали Временное правительство, но и рушили «демократическую республику».

В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров, возглавляемый Лениным, заявил о признании Народной Украинской Республики, а также государственной независимости Финляндской Республики (утверждено ВЦИК 4 января 1918 года). К слову: когда Ленин находился в Кракове, накануне империалистической войны, он поддерживал связь с организацией «Союз за освобождение Украины», за спиной которого стояла Австрия. Нет, не любовь к Украине двигала в данном случае Лениным; он поддерживал всех, кто выступал против царизма. Именно на этой основе большевики стали фактическими союзниками Германии, воевавшей против их родины — России...

В декабре 1918 года Москва признала независимость Эстонии, Латвии, Литвы. В 1920 году Совнарком признал независимость Белорусской, Азербайджанской, Армянской советских республик, а в феврале 1921 года — Грузинской советской республики.

Правда, Ленин и его соратники, с внешней легкостью соглашаясь с «независимостями» республик, тут же советовали своим сторонникам «советизировать» их, установить «власть рабочих и крестьян», держаться «пролетарского центра» в Москве. Вождь Октября, разрушая многовековую державу, пытался тут же ее воссоздать, но на иной, большевистской основе. Читая письмо А.А. Иоффе к Н.Н. Крестинскому, Ленин подчеркнул понравившиеся ему слова: «...То, что здесь действительно нужно, это фактическое подчинение Украины с сохранением формальной самостоятельности»²¹⁷.

Вскоре РСФСР стала заключать двусторонние договора с «независимыми» республиками, пока 30 декабря 1922 года, когда Ленин уже был тяжело болен, не была подписана Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Ленинский курс оказался причудливым: от развала Российской губернской империи к воссозданию ее на советской, «интернациональной» основе. Через размежевание к воссоединению. На другой базе. Но «национальное строительство» быстро вызвало трения, противоречия. Большой Ленин 30—31 декабря 1922 года диктует М.А. Володичевой одну из своих последних работ «К вопросу о национальностях или об «автономизации»²¹⁸. Угасающий вождь пытается исключить в деле объединения республик проявления как великодержавного шовинизма, так и регионального национализма²¹⁹.

Ни при жизни Ленина, ни много позже статья не увидела света на его родине и впервые была опубликована лишь в 1956 году в партийном журнале «Коммунист». Правда, меньшевики, уже затравленные победителями, напечатали статью в своем издании «Социалистический вестник», выходившем в Берлине, когда Ленин был еще жив — в декабре 1923 года.

Ленин ратует в своей статье за создание и укрепление союза социалистических республик, подробно рассуждает, как нужно уладить дела «своими уступками по отношению к инородцу» и ослабить то «недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации».

Однако все рассуждения Ленина, которые кажутся порой мудрыми, провидческими, глубокими, уже лишены позитивного смысла. Его просьбы к Троцкому «взять на себя защиту грузинского дела»²²⁰, попытки подготовить «записку и речь» в поддержку Мдивани, Махарадзе²²¹, перепалка между Троцким и Сталиным по поводу статьи Ленина²²² уже ничего не меняют. Почему?

Ликвидация губерний — дело решенное. Процесс создания национальных образований в России переводит проблему в совсем иную плоскость. Под видом «интернационализма» и внешне именно в этой форме завершается процесс разрушения уникальных основ государства — губерний, способных до минимума ослабить национальные про-

тиворечия. Исторический пример США, с их огромной многонациональностью, показывает, что именно штаты позволили возникнуть а м е р и к а н с к о м у народу. Советский народ «как новая историческая общность», что было торжественно провозглашено, не возник. События после августа 1991 года это подтвердили. Как только появились условия для действия центробежных националистических сил, союз, созданный Лениным и его соратниками, в одночасье рухнул. Межнациональные связи образований в виде республик оказались значительно более слабыми, нежели они были бы при наличии губерний. Ленинская система, возникнув, имела в своем фундаменте органические, роковые слабости.

Ленин следовал марксистской схеме, а не историческому опыту российской государственности. Впрочем, порой решая частные, конкретные вопросы национального характера, он думал иначе. На телеграмму Сталина о «необходимости оккупации Грузии» и возможных издержках Ленин 18 ноября 1920 года отозвался: «...надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить...»²²³.

В конечном счете Ленину и его последователям, разрушившим российскую империю, удалось создать новую — советскую, но на совершенно другой основе. Пока СССР был унитарным государством (фактически именно так и было), национальный антураж не имел никакого значения. Но эти скрепы между республиками оказались прочными лишь в условиях тоталитарности, диктатуры, монополии на власть одной политической силы.

Этой политической силой оказалась большевистская партия — центральное ядро ленинской Системы. Возможные союзники — меньшевики и эсеры — были быстро и беспощадно ликвидированы. Не просто политически, но и физически.

Вчерашние союзники, друзья, почти единовѳрцы ссылались в провинцию, отправлялись в концлагеря, сажались в тюрьмы, высылались за границу. Ленин был главным инициатором этих гонений и репрессий. В его бумагах множество записок, резолюций, докладов, преследующих одну цель: как «извести» российских социалистов, отличающихся своим мировоззрением от большевиков. По указанию Ленина Уншлихт в июне 1921 года докладывает в по-

литбюро: «...в первую очередь ВЧК предполагает продолжать свою систематическую работу по разрушению организационного аппарата партий эсеров и меньшевиков, вылавливая как отдельных подпольных работников, так и руководителей организации. Необходимо провести массовые операции по указанным партиям в государственном масштабе...»²²⁴.

Ленин согласен. Вскоре политбюро, по докладу того же Уншлихта, решает усилить высылку меньшевиков в «уездные города», не возражая одновременно против высылки членов этой партии и за границу²²⁵.

Так печально заканчивала свой путь в России социал-демократия. Может быть, поэтому она никак не может понастоящему возродиться и ныне, потенциально имея и сейчас определенные исторические шансы...

Ленин, сделав ставку на «железную» партию с высочайшей степенью централизации, не ошибся: политическую борьбу он выиграл. Но исторически проиграл ее уже в самом начале.

В своем публичном выступлении 20 ноября 1922 года на проходившем в здании Большого театра пленуме Моссовета, Ленин был очень откровенен. К слову, о его выступлении было сообщено лишь в газетном отчете²²⁶, а сама стенограмма речи не публиковалась никогда. Она была слишком шокирующей и для того времени.

Устоявший в бурях революции Ленин октябрьским вечером последний раз в своей жизни общался лицом к лицу со своими единоверцами. По сути, в этой речи изложены основные постулаты нового строя, новой Системы, которую создавал Ленин.

Социализм — «вот задача, которую мы себе поставили», заявил больной вождь. «Есть маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией, которая за это взялась... Ничтожное зернышко во всем количестве трудящихся масс России. Это ничтожное зернышко поставило себе задачей, а именно — переделать все, и оно переделало»²²⁷.

Действительно, фантастическая задача «переделать все». И «ничтожная кучка людей» — все «переделала», все перевернула. Отмечая этот исторический факт, нельзя не отдать должное невероятной воле Ленина и его фанатичной целеустремленности. В гигантской стране перевернуть все вверх дном! А во главе — «маленькая, ни-

чтожная кучка людей, называющая себя партией...». Вот то главное, чего добился Ленин: о д н а , е г о партия властвует в гигантском государстве, став его важнейшей частью! Как только партия оказалась во властном одиночестве, сосредоточив в своих руках все мыслимые и немыслимые рычаги управления, она стала быстро превращаться в государственный тоталитарный орден.

В этот вечер Ленин, словно чувствуя, что ему больше не придется говорить в гулких залах е г о революции, был очень прям и решителен. «...Мы выработали свой государственный строй более чем трехгодовой работой... для того, чтобы доказать и показать, что это старое течение международной жизни мы ломаем во что бы то ни стало, и переломали. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать — не ломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не было ли много жертв, потому что жертв было достаточно много...»²²⁸

Едва ли Ленин знал, что кровавым итогом Гражданской войны будет гибель 13 миллионов соотечественников и изгнание 2 миллионов за рубежи отечества. По Ленину, это всего-навсего «достаточно много». Машина кровавого террора, уже хорошо отлаженная и запущенная во второй половине 1918 года, обеспечила большевикам повиновение огромных масс людей: крестьянства, буржуазии, белого офицерства.

В этот ноябрьский промозглый вечер 20 ноября 1922 года Ленин, появившись в последний раз перед большевистскими единоверцами, счел возможным заявить, что новый государственный строй, новая политическая система уже созданы. Да, созданы. Не все тогда обратили внимание на эти слова Ленина, а в кратком газетном отчете об этом заявлении, опубликованном на следующий день в «Правде», сказано о главном достаточно глухо. Но Ленин знал, что говорил. По сути, он видел — возможно, еще только он! — что главные параметры системы уже определены. Отныне его последователям придется лишь укреплять, «обогащать», воплощать, развивать, «защищать» ленинские «заделы». А они были впечатляющими.

Прежде всего — монопольное господство большевистской партии. Ее решения на всех уровнях становились обязательными для любых государственных исполнителей. Политбюро, Центральный Комитет партии стали выразителями нового, идеологического и политического а б с о-

л ю т и з м а. Экономика, финансы, военное дело, дипломатия, государственные назначения, социальные вопросы, наука, культура и все, все остальное стали прерогативой ленинской партии. С момента захвата власти она быстро превратилась в главный государственный институт. Целым рядом решений это монопольное положение партии большевиков было неоднократно закреплено специальными постановлениями. Когда Ленин отошел от управления партией и государством, его соратники подтвердили своим решением от 14 июня 1923 года высшие властные полномочия политбюро²²⁹.

Вскоре родились и пресловутая номенклатура № 1 и № 2, по которым назначения в ВСНХ, Госплан, комиссариаты, ГПУ, Верховный суд, в армии, бесчисленные бюрократические конторы производились только с ведома и одобрения ЦК партии и его отделов. В специальном Постановлении Центрального Комитета оговаривается, что «партработники укрепляют основные органы госаппарата» во всех сколько-нибудь значащих должностях²³⁰. Бюрократия партии становилась бюрократией государства. Монополия, говоря ленинскими словами, «ничтожной кучки людей»²³¹ превратилась в монополию мощной идеологической организации, главной целью которой навсегда осталось: сохранить и укрепить свою власть. Никто и никогда на протяжении десятилетий не будет избирать лидера государства, других должностных лиц; все станет решать узкий круг высших единоверцев. От Ленина до Горбачева власть просто передавалась внутри «священного клана» ленинцев как эстафетная палочка. Уже здесь были заложены генетические корни неизбежного краха Системы, созданной Лениным.

Еще одним элементом ленинской Системы стали органы террора, или, как более «изящно» выражался Сталин, «карательные органы». Постепенно превратившись в столь многочисленные, что охватили своими щупальцами буквально всю страну, весь народ, все общество. К концу правления Сталина, повторюсь вновь, только осведомителей всех уровней насчитывалось в стране 11 миллионов! Тотальный контроль и наблюдение. Всех за всеми. «Органы» стали олицетворением Системы. Ничего подобного в истории не было. Сам Ленин дал пример особой заботы о чекистах.

В своей записке И.С. Уншлихту 21 сентября 1921 года

Ленин пишет: «...видел сегодня Радека, только что вернувшегося из Питера. Говорит: город необычно оживлен. Порт. Подкуп иностранцами сугубый, в том числе г о л о д н ы х и р а з д е т ы х чекистов. Опасность тут величайшая.

Создать парткомиссию (ВЧК + Петроградская ЧК + Питерская организация РКП + ЦК) — достать денег (золота придется дать) и подкормить и одеть чекистов в Питере, Одессе, Москве и т.п. Обязательно и спешно...»²³².

Уншлихт не медлит. Вскоре он запрашивает у Ленина 4 356 690 золотых рублей, «чтобы пошить обмундирование для 105 000 сотрудников ВЧК»²³³. Ленин, естественно, разрешает. Отпускаются затем дополнительно 792 000 и 340 000 рублей золотом на другие нужды чекистам²³⁴. А в будущем это станет самым «надежным отрядом партии».

Одели. Подкормили. Партия сразу же после революции стала обладателем «самого верного революционного отряда». Ликвидация буржуазии? Разоблачение контрреволюционных заговоров? Проведение классовой линии? Обеспечение хлебозаготовок? Везде чекисты Ленина не подводили, как и другие инструменты власти. Выступая с речью на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 года, Ленин, говоря о «хлебозаготовках», необходимости решительных мер в этом деле, заявил: «...мы не остановились перед тем, чтобы тысячи перестрелять, мы не остановимся и перед этим и спасем этим страну»²³⁵.

Чтобы не было «затруднений» при расстрелах, политбюро рядом своих решений дает ВЧК, ГПУ право «внесудебных расстрелов», как и право на «ссылку и заключение в концлагеря»²³⁶. Ленин все это называет укреплением «революционной законности».

Такая методология уже нравилась последователям, потому что заключительные слова о «тысячах перестрелянных» были встречены аплодисментами...

Ленин понимал, что захваченную власть он в состоянии удержать, лишь применяя безбрежное «революционное насилие». Мы, воспитанные на «священном писании» ленинизма, видели оправдание этой классовой жестокости в самих «обстоятельствах», «условиях», «конкретной обстановке», напрочь отбрасывая ту реальность, что она была создана прежде всего самими большевиками. Так уж сложилось с ленинских времен: готовность и способность к

насилию во имя «высоких целей» были всегда оправданны. Трудно даже представить, что в начале века Ленин был социал-демократом и вроде бы уважал традиционные ценности движения!

Самое страшное — к насилию (политическому, идеологическому, физическому) все привыкли. Ленин сам давал пример беспощадности как выражению высшей революционной добродетели.

Правда, большевики несколько раз «пытались» отменить смертную казнь. В своей речи на совещании председателей губернских и уездных исполкомов 1 февраля 1920 года Ленин демагогически утверждал, что Совнарком делает все, «чтобы применение смертной казни в России стало невозможным»²³⁷. Однако уже во время кронштадтского восстания моряков и солдат против большевистского засилья Ленин явился инициатором жестокого подавления стихийного выступления обманутых людей. Расстреливали за одно то, что люди находились в крепости или на кораблях Кронштадта. Например, 20 марта 1921 года заседанием Чрезвычайной тройки было заслушано дело по обвинению 167 военных моряков линкора «Петропавловск». Все представшие перед «тройкой» приговорены к расстрелу. Приговор немедленно приведен в исполнение. На другой день на этом же корабле расстреляли еще 32 человека, а 24 марта — 27 моряков этого же линкора...²³⁸ Работали десятки «судов» и трибуналов. Только Петроградская губчека приговорила к расстрелу 2103 человека, осмелившихся возвысить голос против партийного засилья об обмане матросов и солдат — вчерашних крестьян²³⁹.

Командующий 7-й армией Тухачевский приказал начать штурм: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами»²⁴⁰. Да «жаль», снаряды не успели подвезти... К лету 1921 года было приговорено к расстрелу 2103 человека, к тюрьмам и высылке — 6459 участников кронштадтского восстания²⁴¹. Позже, когда большевистский порядок наводил уже Сталин, практически все сосланные были расстреляны.

Так Ленин «боролся» с террором и смертной казнью. Его власть не могла обходиться без них; она просто бы рухнула без насилия.

В декабре 1919 года в советской России сложилось на-

пряженное положение с топливом. Ленин подписывает мандат о назначении А.В. Эйдука особоуполномоченным Совета обороны по заготовке и отгрузке топлива. Привлекались для этого, естественно, «буржуи»: чиновники, творческая интеллигенция, царское офицерство, другие обнищавшие при советской власти «бывшие». Как правило, все они лишены продовольственных карточек по социальному признаку. Являлись обычными картины, когда обессиленные люди, закутанные в остатки бывших роскошных одежд, неумело грузили на железнодорожные платформы стылые бревна под присмотром какого-нибудь «уполномоченного». Эти люди из «бывших», в соответствии с решениями политбюро (и, в частности, от 20 апреля 1921 года), были «уплотнены» в своих жилищах, а то и попросту лишены их, как и всего самого необходимого²⁴². Несчастные, естественно, пытались использовать любой повод, любую лазейку для уклонения от «революционной» повинности. Церковные праздники вроде давали такую возможность.

В ленинской записке А.В. Эйдуку 25 декабря 1919 года, в частности, говорится: «...мириться с «Николой»* глупо: надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы».

Немедленно нужны экстренные меры:

- 1) чтобы поднять погрузку,
- 2) чтобы предупредить прогулы на Рождество и Новый год. Сообщите мне сегодня же, какие экстренные меры принимаете.

Ленин»²⁴³.

Как читатель понимает, записка, опубликованная в официальной историографии, содержала купюру. Подобно всему остальному политическому творчеству Ленина, весьма густо пересыпанному требованиями расстрелов и казней. Но Ленин не ценил жизни не только буржуа, но и большевиков. Методология мышления вождя была одномерной; для достижения поставленной цели допустимо абсолютно все.

Выступая перед профсоюзными работниками 12 января 1920 года, он очень одобрительно отозвался о Троцком,

* Имеется в виду православный праздник, отмечаемый 19 декабря, Николин день — День святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. — Прим. ред.

который на фронтах борьбы с Деникиным и Колчаком широко и решительно применял смертную казнь. И вообще, «мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десять тысяч белогвардейских офицеров и этим спасли страну»²⁴⁴. Эти методы, напомнил Ленин, нужно не забывать, а «применять».

И применяли. В ноябре 1920 года Дзержинский докладывает Ленину о новых трудностях: «...республике предстоит организовать изоляцию в лагерях около 100 000 пленных с Южного фронта и *громальных масс* (курсив мой. — Д.В.), выселяемых из восставших станиц Терека, Кубани, Дона...»

В записке Енукидзе Дзержинский конкретизирует: «Сегодня прибыли в Орел из Грозного 403 человека мужчин и женщин казачьего населения возраста 14—17 лет для заключения в концлагерь... Принять нет возможности ввиду перегруженности Орла...»²⁴⁵ Казачество по воле Ленина, его мужская часть, было уничтожено почти на одну треть. Даже дети отнесены к разряду «врагов», что широко практиковал в последующем и «продолжатель Ленина» — Сталин.

Гражданская война жестока, беспощадна. Она быстро формирует в общественном сознании людей установку: жертвы, насилие, репрессии — естественная норма жизни. Этот постулат настойчиво утверждался в повседневности всеми идеологическими средствами большевиков. Для этого, конечно, пришлось сразу же отказаться от лозунгов свободы слова, свободы печати, с которыми большевики шли к власти. Первые же шаги Ленина после октября 1917 года были направлены на закрытие небольшевистских газет. Ну а в последующем даже сама мысль о возможности «свободы печати», как и о правах личности, считалась глубоко еретически-ущербной и контрреволюционной.

В письме к Г.И. Мясникову в августе 1921 года Ленин наставляет: «свобода печати» — это «оружие в руках мировой буржуазии»²⁴⁶. Поэтому естественно, что, когда «красные печатники» в апреле 1919 года решили бастовать, добиваясь улучшения условий жизни, Ленин вместе с Каменевым быстро набросали проект резолюции Московского комитета РКП(б): «Московскую чрезвычайную комиссию обязать произвести аресты беспощадно, не считаясь с прошлыми соображениями, среди забастовщиков и делегатов»²⁴⁷.

Со временем борьба со «свободой печати», «свободой слова» дойдет до столь абсурдно-чудовищных форм, что с трудом будет вериться, что еще летом 1917 года Ленин был за эти высокие принципы. Во времена сталинской деспотии одно неудачное, двусмысленное, неопределенное слово в тексте статьи, книги, речи могло стоить жизни.

В том же письме Мясникову, который написал две статьи, где ратовал за предоставление элементарных демократических свобод рабочим, и прежде всего свободы слова и свободы печати, Ленин сразу же почувствовал опасность для его режима подобных взглядов и идей. Он тут же откликнулся большим письмом, опубликованным в книге «Дискуссионный материал». Ленин, как всегда, категоричен: «Мы над «чистой демократией» смеемся».

В чем следует согласиться с вождем, так это с его утверждением: «Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем лучше всех в мире»²⁴⁸.

Тут Ленин прав на все сто процентов. Чтобы полностью подорвать влияние «попов» и «помещиков», их надо было просто физически уничтожить. Но поражает легкость отказа Ленина даже от декоративных демократических лозунгов, после того как власть оказалась у его сторонников. Г.И. Мясникова, конечно, исключили из партии, и от последующих неизбежных чисток его спасло только бегство за границу. Вообще слово «свобода» при большевизме стало весьма опасным, ибо сразу же следовал вопрос: для кого? от кого? какая свобода?

В ленинской Системе слова «частная собственность» постепенно стали синонимами контрреволюционности, перерожденчества, идейной неполноценности. Не случайно Ленин хотел вытравить из общественного сознания само упоминание о частной собственности, как о чем-то социально-еретическом. Еще в октябре 1918 года вождь дал прямое указание народному комиссару юстиции Д.И. Курскому уничтожить в архивах все документы частной собственности. Но советовал сделать это, как всегда любил вождь, «тайно, без огласки». Со знанием дела, как былой собственник, Ленин предлагал в первую очередь уничтожить «акты о землевладениях», «фабриках», «недвижимости» и прочее и так далее»²⁴⁹.

Однако ленинская Система, основанная на жесткой централизации и директивной экономике, поначалу никак не могла обойтись без «частной собственности». Бесшабашная национализация, непрерывные изъятия и конфискации не смогли накормить голодную Россию. Скрепя сердце Ленин, поддавшись объективным обстоятельствам катастрофы большевизма и настояниям наиболее трезво мыслящих соратников, решился-таки на послабления «собственникам». Правда, Ленин не дал никому усомниться, какова цель его новой экономической политики.

В цитировавшейся нами последней публичной речи 20 ноября 1922 года (стенограмма), которая никогда не была опубликована, утасаящий вождь был откровенен:

«Мы делаем определенный жест, определенное движение. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики... нэп становится главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня...»²⁵⁰

На нэп Ленин смотрел весьма специфически, что определялось тактическими соображениями его введения. В письме Л.Б. Каменеву 3 марта 1922 года Ленин напоминал: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому»²⁵¹. И как мы знаем, угроза эта была реализована в широких масштабах.

Нэп спас ленинскую Систему. Но нужно отдать должное российскому лидеру: в критическую минуту полного краха военного коммунизма он вновь проявил поразительные способности тактического маневра, умения отказаться (на время!) от того, что для него было священным.

Создавая свою Систему, Ленин без колебаний мог отбросить в случае нужды то, что еще недавно в его программных установках представлялось незыблемым. Рассуждая об экономических основах социализма, Ленин всегда напирал на рабочее самоуправление, высмеивал администрирование, бюрократическое управление производством. Но уже сам «военный коммунизм» стал экономической формой беспощадной диктатуры. Советы, Комиссии, Коллегии, так бурно насаждавшиеся после триумфа октябрьского переворота, постепенно уступили жесткой авторитарности и государственной бюрократии.

Выступая перед профсоюзными руководителями 12 января 1920 года, Ленин в своей речи едко высмеял Ломова, Рыкова и Ларина, ратовавших за коллегиальность в работе и децентрализацию управления. «Болтовня» о централизации и децентрализации, заявил Ленин, «это вздорный, жалкий хлам, что стыдно и позорно тратить на это время». Однако в конце примирительно заключил: «Мы будем употреблять иногда коллегиальность, иногда единоначалие. Коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для отсталых, для неразвитых; пускай покалякают, надоест и не будут говорить...» Ленин, естественно, высказался за централизацию и единоначалие²⁵². Он-то прекрасно понимал, что большевики смогли победить в Гражданской войне в огромной мере и потому, что смогли сконцентрировать в единых руках беспощадную власть, которая не останавливалась ни перед террором, ни перед жесткими диктаторскими методами управления в минуты опасности.

Такой власть и осталась после Ленина. Формально были и Советы, и Коллегии, и Комиссии, и много других антуражных форм эфемерного самоуправления. А в действительности руководила всем диктатура партии во главе с вождем. В стране властвовало партийное единоначалие, опиравшееся на всесильное ВЧК—ГПУ—НКВД, НКГБ—КГБ. Ленинская Система обеспечивала управление из одного центра в сочетании с тотальным контролем за всеми сферами жизни общества. В результате стали совсем «ненужными» многие общечеловеческие ценности: народовластие, свобода, права человека.

При создании своей Системы Ленин искренне верил, что российский пример заразителен: мол, опыт большевизма распространяется по всему миру. Вождь русской революции наивно полагал, что крах капиталистической системы уже начался. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин с пафосом воскликнул: «Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержат его от падения не может никакая сила»²⁵³.

Захваченный глобальной целью утверждения большевистской системы не только в России, но и на всей планете, Ленин все дальше и дальше отодвигал интересы конкретного, простого человека. Он весь жил грядущим. «...Скажу за себя — думаю, и за ЦК, — историками быть не собираемся, а интересуется нас настоящее и будущее»²⁵⁴.

А «будущее» достижимо лишь «массами». Ленин мыслил категориями эпох, континентов, масс. И простой, обычный человек как-то сразу терялся в колоссальности этих планетарных измерений.

Нет, Ленин мог поговорить с ходоком, написать записку посетителю, чтобы тому дали талон в столовую, позаботиться, чтобы вагон с его собственными родственниками вовремя прицепили к военному эшелону. Но когда речь заходила о действительной заботе, касающейся конкретных людей, тут Ленин мог быть непреклонен, если это ущемляло «общественный интерес».

В 1921 году происходило крупное сокращение Красной Армии сразу на 500 тысяч человек. Тут же подсчитали: развезти по домам — сильно загрузить железные дороги. А если ждать постепенного «развоза» по домам, то этих людей надо кормить, одевать, обогревать...

Ленин пишет по этому поводу записку Г.Е. Зиновьеву: «Надо в корне изменить: переставать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежды, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди 1 год на 1/8 фунта и без одежды, без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком...»²⁵⁵

И что же? Политбюро ЦК РКП(б) на другой день после письма Ленина Зиновьеву, 6 апреля 1921 года, принимает постановление: «Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не везти демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим ходением...»²⁵⁶

И потянулись красные «гренадеры» по сельским дорогам, словно и не добывали они власть большевикам... В этом факте политический цинизм и бездушие Ленина не требуют никаких комментариев.

В отношении вождя к массе Ленин — психолог. Когда заменили продразверстку продналогом, Ленин забеспокоился; а ну как опять те же люди с маузерами у пояса поедут в село за хлебом? Ведь примелькались... Тут же следует распоряжение А.Д. Цюрупе:

«Политически необходимо перетасовать личный состав компрода п е р е д началом новой кампании. Чтобы к р е с т ь я н е видели других людей. Не старые чиновники компрода, ненавистные крестьянству, а д р у г и е должны проводить н о в у ю политику... Обдумайте, как это сде-

дать (перетасовать из губернии в другую), и черкните мне быстро.

27 марта 1921 г. Ваш Ленин» 257.

Однако «перетасовки» быстро растущего аппарата мало что изменяли. Бюрократия растет и множится по своим законам. А тем более в системе, где все строилось на основе не учета объективных реалий и закономерностей, а директив и постановлений ЦК и иных партийных органов. Ленин, отдавший массу сил борьбе с «волокитей», «саботажем», «бюрократией», так и не понял, что созданная им система была органично поражена этими пороками. Это приводило порой вождя в отчаяние; он требовал над волокитчиками-чиновниками гласных судов, арестов, расстрелов. Но... все тщетно. Бюрократия крепла.

Бесплодность борьбы с бюрократизмом системы вызвала у Ленина ненависть к «комчванству», другим подобным явлениям, негативный характер которых он объяснял российскими, советскими склонностями. В декабре 1919 года, запрашивая у Г.Е. Зиновьева корректуру своего материала для проверки и требуя жестких мер к лицам, задержавшим набор, Ленин в сердцах пишет: «...Без этого советская сволочь ничего не сделает!»²⁵⁸ Известно и его письмо Берзину в Швейцарию, где он советует «русским дуракам раздать работу попроще»²⁵⁹. И вообще, Председатель Совнаркома приходит в феврале 1922 года к выводу: «По-моему, надо не только проповедовать: «учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!» — но и брать в учт е л я немцев. Иначе одних слова...»²⁶⁰

Подобные репризы, — а их можно привести немалое количество, — свидетельство не только ленинского отчаяния перед монстром нового, большевистского бюрократизма, но и презрительно-оскорбительного отношения ко всему отечественному, российскому.

Ленин был пленником Цели. Все было подчинено ей. Он смог за исторически короткое время сделать так много, что верится с трудом: по силам ли это одному человеку? Партия стала государством в государстве. Диктатура партии превратилась в норму. Религию заменила жесткая большевистская идеология ленинизма. Партийный абсолютизм заменил самодержавие. Насилие стало перманентным. Демократия, права человека, свобода слова и печати превратились в «буржуазные проявления». Ценность

человеческой жизни предстала бездушной статистической единицей. Коминтерновское мышление стало обязательным. Догматизм общественного сознания быстро «затвердевал».

По окончании Гражданской войны милитаризм после небольшой паузы стал набирать силу. Партийно-государственная бюрократия быстро окрепла. Снизу доверху выстроилась иерархия большевистских вождей. После спасительной оттепели нэпа экономика на долгие десятилетия встала на директивные, «плановые» рельсы. Великая иллюзия коммунизма превратилась в историческую, стратегическую цель. Партия лелеяла два главных «отряда»: армию и спецслужбы. Контроль в обществе приобрел тотальный характер. Историческая летопись была быстро вся «пересмотрена». «Социальная справедливость» выразилась в гарантированной бедности. Ликвидирована безграмотность. Возникло закрытое общество. Сделана грандиозная попытка создать новую натуру человека. Все возникающие проблемы — из-за происков внутренних и внешних врагов...

Как справедливо заметил в своем провидческом романе «1984» Дж. Оруэлл: для господствующего клана «власть стала не средством, а целью». Идеалом стала сама Система. В ней можно было критиковать все, что не затрагивало параметры системы, а они (смотрите выше) безгранично широки. В ленинской системе было полностью использовано то, что работало на большевизм: община, царистские убеждения, уважение к государственной силе, авторитаризм образа жизни, привычка к догме и склонность к анархизму.

Ленинская система оказалась поразительно живучей. Некоторые ее проявления пугали еще при Ленине отдельных его сторонников.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин написал Л.Д. Троцкому записку, которую тот показал Ленину. Нарком, в частности, писал: «Теперь «Управление делами» — государство в государстве. Карахана и меня отшили от хозяйства — ранее была «бессистемность», а теперь «система», т.е. каждая мелочь выходит и нисходит по 5—6 иерархическим ступеням, пишется масса бумаг, а приезжающие иностранные миссии оказываются без кроватей, и все журналисты сбежали за границу от голода, я

же сбежать за границу не могу и потому дошел до крайней слабости и постепенно гасну во славу «системы».

В те годы, когда рождалось советское государство, Чичерин, одаренный, но в личном плане очень одинокий человек, был незаменим для Ленина. Их сближало и то, что оба усматривали в Германии особую роль для России. Пожалуй, было время, когда Ленин ни с кем так часто не советовался, как с Чичериным; вождь чувствовал постоянную потребность общаться с этим больным и тучным человеком. Записка Чичерина Троцкому удивила Ленина.

Прочитав горестные излияния Чичерина, вождь пишет, в свою очередь, управляющему делами Н.П. Горбунову:

«Посылаю Вам это с е к р е т н о и л и ч н о. Верните по прочтении. И черкните 2 слова: 1) Нельзя ли обеспечить Чичерина питанием получше? Получает ли из-за границы он «норму»? Как Вы установили эту норму и нельзя ли Чичерина, в виде изъятия, обеспечить этой нормой в п о л н е, на усиленное питание?»²⁶¹

Н.П. Горбунов тут же отвечает Ленину, что он виноват, так как «посадил» некоторых руководителей с «дипломатического-инострannого пайка на несколько уменьшенных». Принятые им меры конкретны:

«Сегодня ему доставлены все продукты для обычного стола, а с завтрашнего дня будут регулярно доставляться молоко, яйца, шоколад, фрукты и прочее...»²⁶²

Не касаясь «заграничных норм» снабжения для руководителей, обращает на себя внимание жесткая бюрократическая хватка аппарата — каркаса ленинской системы. Чичерин, касаясь сугубо личного вопроса, пишет о жесткой иерархии власти, контроле, бумагах, которые характеризуют крепнущую «систему». Пройдет немного времени, и все станут ее пленниками, в том числе и сам ее автор. «Система», между прочим, позаботится об особом снабжении, лечении, проживании, охране многочисленного руководящего состава партии, что станет ее особой традицией. Привилегии верхушки будут столь значительны, что ЦК со временем станет оберегать всю информацию о них как тайны высшей государственной важности. До момента краха системы вся эта документация хранилась в «Особых папках». Даже простой инструктор райкома партии ежегодно получал бесплатную путевку в санаторий, пакет с дополнительным денежным содержанием, различные

пайки. Система была сцементирована партийным аппаратом, а о нем следовало особо заботиться...

Ленин стоит у истоков традиции организации спецлечения партверхушки, регулярных выездов к врачам в Германию, распределения загородных особняков для членов ЦК и наркомов, распределении персональных вагонов. Но при этом, верный себе, Ленин не хотел огласки; ведь революция «делалась» под лозунгом борьбы за равенство. Когда, например, Ленин узнал в мае 1921 года, что создан еще один Дом отдыха Совнаркома, то тут же послал записку В.М. Молотову:

«Я боюсь, что это вызовет нарекания. Прошу Оргбюро рассмотреть этот вопрос внимательно. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру: «Дом отдыха номер девять...» Иначе боюсь нареканий»²⁶³. В последующем аппаратчики ЦК научатся хорошо маскировать от народа свои санатории, больницы, поликлиники, ателье, столовые, магазины-распределители и т.д. Это будет элитный, закрытый мир со своей иерархией привилегий.

Ленинская Система, возникнув, не могла обходиться без чрезвычайщины, государственных кампаний и новых «революций»: в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, социальной сфере, идеологии. Классовые догмы, развившие социальный расизм, оправдывали любое насилие над обществом, моралью, человеком. Поэтому с самого начала своего создания Система была обречена. Но она просуществовала семь десятилетий благодаря жесткому авторитаризму, силовым методам, манипуляции общественным сознанием, директивному мышлению миллионов. В критические моменты (война) она даже продемонстрировала некую эффективность, которая, однако, не могла скрыть растущего, непреодолимого противоречия между этой Системой и самим Человеком. Крах ленинского государственного феномена был предопределен.

Видимо, прав Плутарх, заметивший о гибели Цезаря: «То, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым»²⁶⁴.

Судьба

ленинизма

Ленинизм — это огромный и сложный мир. Это методология революционного мышления и действия, которая во имя эфемерной цели оправдывает мировой пожар бунта, ликвидацию целых классов и сословий, уничтожение во имя

сохранения власти миллионов людей. Родившись в лоне марксизма — одной из социальных и экономических теорий XIX века, — ленинизм реализовал на практике многие постулаты Карла Маркса, но в сугубо русифицированной форме.

Второй человек в русской революции Л.Д. Троцкий писал: «Маркс весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале»... Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала»²⁶⁵.

Троцкий в данном случае прав. Не ленинские многочисленные работы, написанные на злобу дня и дышащие развязной критикой своих оппонентов, сделали вождя русской революции гигантом истории. Не утопии «Государства и революции», схоластика «Материализма и эмпириокритицизма», компиляции «Философских тетрадей» превратили Ленина в знаменитого «теоретика» и вождя русской смуты. Он смог так препарировать концепцию классовой борьбы Маркса, постулаты диктатуры пролетариата и социальной революции, что они стали реальными, действенными средствами в главном деле его жизни — захвате власти в гигантской стране.

Политический вооруженный переворот в октябре 1917 года, по своему историческому значению ставший одной из величайших революций в человеческой цивилизации, был апогеем судьбы Ленина. То, что казалось утопией, безжизненной схемой кабинетных революционеров, он смог превратить в оплот эпохальных свершений. Никто в XX веке не оставил такого глубокого шрама на лице истории, как Ленин. Ни одно социальное, политическое, экономическое учение современности не имело столь глубоких планетарных последствий, как теория и практика лидера русской революции.

Беликий наш писатель Иван Алексеевич Бунин в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года, назвал Ленина «планетарным злодеем», желая обозначить масштабы содеянного лидером большевиков. Он призвал не соглашаться «на новый похабный мир с нынешней ордой»²⁶⁶.

В XX веке мир изменился в огромной мере в результа-

те ленинского вмешательства в естественное течение исторического потока. Одна часть человечества стала «жить по Ленину», тщетно пытаясь создать «рай» на земле, другая — в страхе и ужасе отшатнулась, отпрянула от самой возможности повторить большевистский эксперимент. Желание избежать своего «октября» инициировало политические силы многих стран к поиску приемлемых эффективных реформ, социальных изменений, концентрации усилий на экономическом росте своих систем, расширению прав и свобод граждан.

Надо сказать, что не пушки и колючая проволока, огромные армии и современный полицейский аппарат свободных, цивилизованных стран остановили своих людей перед соблазнами революций, призрачного равенства и химер большевистского «народовластия». Нет и еще раз нет. Достижение неизмеримо более высокого уровня жизни народов, гарантированное соблюдение основных прав и свобод, отсутствие политических монополий на власть сделали бесперспективными все усилия большевиков и их сторонников создать советскую модель на всей планете. А Ленин так желал и был уверен в этом!

Выступая 13 марта 1919 года на митинге в Петрограде, Ленин нарисовал самые радужные перспективы большевистского движения на всех континентах. Он не очень заботился о точности и корректности того, что говорил. Вождь утверждал, например, что «рабочие всех стран поняли», что такое советская власть. В условиях «голода» в странах Антанты рабочие на Западе знают, что им «помочь может только рабочая власть». Поэтому, утверждал Ленин, «мы говорим, что победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира, везде надежды возлагают только на то, что они устроят Советы; надежду видят в том, что возьмут власть в свои руки... Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе...»²⁶⁷.

Люди, пришедшие в Народный дом, где выступал Ленин, зажигались верой быстрого пришествия нового чуда. Слова Ленина прерывались «шумными аплодисментами». Казалось, еще одно усилие, еще натиск — и старый мир рухнет навсегда и везде; тогда ничто не мешает комму-

нистам на планете организовать справедливую, достойную, обеспеченную жизнь. Так думали те, кто поверил или хотел верить большевикам.

Ленин, не гнушаясь самой примитивной, дешевой демагогией, откликаясь на самые низменные чувства, мобилизуя созданную им партию, смог захватить сознание миллионов россиян. Он смог, как писал философ Федор Августович Степун, организовать «встречу просвященско-рационалистической идеологии Карла Маркса с темной мастью русской народной души». В этой, как пишет Степун, «совершенно невероятной, совершенно фантастической встрече кроется все значение ленинизма, раскрывается вся глубина и все исступление страшного, вражьего подвига Ленина»²⁶⁸.

Ленин фанатично верил в схемы и догмы марксизма. Как отмечал его талантливый критик, лидер эсеровской партии Виктор Чернов, «Ленину было абсолютно отказано в творческом таланте, он был только умелым, ярким и неутомимым проводником в жизнь теорий других мыслителей, обладал настолько узким мышлением, что можно было бы говорить об ограниченности его интеллекта. Однако в этих рамках он был способен на проявление силы и оригинальности»²⁶⁹. Поставив цель, Ленин был способен мобилизовать не только свои способности, но и всех своих соратников для ее достижения.

Русский вариант, русская версия марксизма, который справедливо называть ленинизмом, глубоко пустил корни в России в силу не только «исторических обстоятельств», «особенностей самодержавной империи», «неповторимости психологического типа русского человека», но и совершенно исключительных качеств вождя октябрьского переворота.

Возможно, главное из них заключалось в том, что он олицетворял себя со своим делом; большевизм и личная судьба Ленина синтезировались не только в его собственном сознании, но и в общественном мироощущении миллионов.

Приведу еще некоторые рассуждения Ф.А. Степуна из его замечательной книги «Мысли о России». Оригинальный русский мыслитель, в 1922 году навсегда высланный Лениным из отечества, имел возможность несколько раз слушать вождя русской революции, наблюдать его деятельность в России после трагедии Октября. Степун через

долгие размышления пришел к выводу, что Лениным «все исходные точки марксизма принимаются на веру». (Десятилетия мы все, советские люди, поступали точно так же.) Далее Степун пишет, что «догматы экономического материализма он утверждает и с сектантским исступлением, и с фельдфебельским искусством».

Разве не такими были и мы? Судьбу ленинизма нельзя понять, если не увидеть в ней судьбу миллионов людей, попавших в духовный плен идеологии, обреченной на знание конечных истин... Можно было только утверждать, «защищать», изучать, реализовывать идеи ленинизма. Но... никогда в них не сомневаться. Даже «развитие», «углубление» отдельных положений ленинизма позволялось лишь партийному съезду, на худой конец — генеральному секретарю партии.

Но мне, чтобы глубже понять судьбы ленинизма, хотелось бы еще раз вернуться к проницательным наблюдениям Ф.А. Степуна. Для Ленина, вспоминает философ (а воспоминания — это всегда созерцание былого в зеркале нынешнего времени), была свойственна «какая-то нечетность и нескладчатость мысли, производящая временами впечатление не только ловкости мысли, но уже и ловкости рук, какого-то не вполне доброкачественного фокусничества. Со страстно хваткостью изобличает он, например, всех своих противников в оппортунизме; но, когда он сам вынуждается к утверждению оппортунистических позиций, он, не задумываясь, определяет свой оппортунизм как диалектику...

Во всем, что он говорит о своих политических противниках, начиная с «Николая Кровавого» и кончая «лакеем и социал-предателем Каутским», нет ни слова правды, ни йоты той психологической меткости и портретной точности, на которые был такой мастер Герцен. Почти все его характеристики — в конце концов никого и ничего не характеризующие грубые издевательства. Они не сливаются с характеризуемыми образами, а ложатся рядом, как на дешевых литографиях краснота губ съезжает на подбородок, а синева глаза на середину щеки...»²⁷⁰.

Главный идеолог ленинизма своей безапелляционной верой в постулаты марксизма положил начало образованию на их основе светской религии. Превратив Россию в атеистическую страну (организованный по инициативе Ленина погром Церкви был страшным, кровавым), боль-

шевики из ленинизма — русифицированного марксизма — создали «новую религию». Ее особенность — программный характер незыблемых догматов. История, «подлинная», начиналась лишь с октября 1917 года. Все истины изложены в ленинизме. Все ответы на самые жгучие вопросы бытия находятся там же. Постепенно русло жизни было намертво сковано бетоном ленинской идеологии.

В стране быстро выросли десятки тысяч идолов-памятников «вождю международного пролетариата», множество ленинских музеев, мемориальных комплексов, заповедников. Бронзового, гипсового, бетонного, каменного, чугунного Ленина можно было увидеть повсюду: на площадях городов, в скверах райцентров, на заводских дворах, в речных портах, дворцах культуры, университетах, на вокзальных площадях. Коренастый человек, с неизменной кепкой на голове или в руке, с вздернутой рукой, зовущей куда-то в дальнюю даль, словно оккупировал страну. Он был везде, повсюду, как и его высказывания, формулы, цитаты из многотомья книг и речей.

При том, что ленинские сочинения, изданные сотнями миллионов томов, заполнили общественные библиотеки, ленинские комнаты и кабинеты начальников, по своей воле Ленина практически никто не читал. Никто.. Было осуществлено издание пяти собраний сочинений Ленина. В каждом новом регулярно добавлялось 10—15 томов. Последнее, пятое, насчитывало 55 томов. Это было как волшебство, мистика... В 1991 году в Институте теории и истории социализма ЦК КПСС (бывший Институт марксизма-ленинизма) началась подготовка шестого (!) издания сочинений В.И. Ленина, предположительно в 70 томах! И это при том, что существуют еще 40 томов Ленинских сборников... Уже давно начали публиковать работы в ленинских сочинениях, принадлежащие другим авторам, но удостоенные помет, подчеркиваний, ругани вождя...

Но, слава Богу, августовские события 1991 года остановили выпуск нового, самого массового и неиссякаемого в мире собрания сочинений, как и выпуск нового десяти-томного издания слащавых «Воспоминаний о В.И. Ленине».

Кстати, это одна из немногих областей общественной жизни, где за семь десятилетий советской власти достигнуто изобилие. Изобилие не только книг. Нельзя было найти города, поселка, крупного села, где не было бы ули-

цы, носившей имя вездесущего вождя. Были написаны тысячи книг о Ленине и его «вкладе», создании «основ», свершении «коренных переворотов». Тысячи людей обрели ученые степени и звания, описывая «гениальность» и «прозорливость» человека-бога. Ордена, медали, премии, стипендии его имени еще сильнее подчеркивали избранную исключительность вождя. Все научные форумы, партийные и иные съезды начинались с заклинаний верности «заветам Ленина»... Ленин и ленинизм стали светской религией, в которую уверовали атеисты. Догматы этой религии ядовиты, совсем не безобидны. Нетерпимость, непримиримость, ненависть ко всему «не ленинскому» десятилетиями была чертой характера миллионов людей.

В то же время о Ленине было положено знать дюжину мифов, легенд, идеологических штампов. Так, каждый школьник в стране знал, что «Ленин скрывался от ищеек Временного правительства в Разливе». Скрывался в знаменитом шалаше в одиночестве, разрабатывая планы революции. Хотя в действительности он там был вместе с Зиновьевым... Но после опалы, а затем и уничтожения Г.Е. Зиновьева соратник Ленина буквально испарился из книг, фильмов и, конечно, из священного шалаша. Как и десятки других «ленинцев», уничтоженных Сталиным, растворились в небытии и незнании.

Канонизация вождя большевиков стала не только партийной, но и государственной политикой. Ленинизм превратился, повторюсь еще раз, в светскую религию. Из текстов ленинизма, естественно, было удалено все то, что могло скомпрометировать вождя, его учение, сам «светлый облик» марксистского гения.

Но по мере наполнения духовной жизни общества ленинскими изречениями, картинами, фильмами, портретами, всевозможной символикой общественное сознание просто привыкало к этому имени, этим упоминаниям, этим догматам. Постепенно у людей рождалось не только стабильное отношение к этому существу, как к чему-то иррационально-святому, но и устойчивое равнодушие к человеку, идеологии, где не было ничего неправильного, ошибочного, спорного. Такое отношение к ленинскому наследию стало постепенно рождаться еще в 30-е годы, когда иконизация ленинского образа, распространение трудночитаемых и еще более труднопонимаемых книг земного

бога стало частью образа жизни, быта, новых светских идеологических ритуалов.

В своей статье «Советские вожди на языке острологов» Дора Штурман пишет, что люди в советское время часто выражали свое негативное отношение к действительности, большевистской политике, ее вождям в фольклорной, анекдотической форме. Было, правда, это далеко не безопасно. При Сталине такие вольности могли стоить очень дорого, даже жизни. Приведем один анекдот из упомянутой статьи Д. Штурман.

«На колхозном торжественном собрании вручают по дарки за хорошую работу:

— за отличную работу в поле товарищ Иванова награждается мешком зерна (аплодисменты);

— за отличную работу на ферме товарищ Петрова награждается мешком картошки (аплодисменты);

— за отличную общественную работу товарищ Сидорова награждается собранием сочинений Ленина (смех, возглас: «Так ей, б..., и надо!»)»²⁷¹

Мир ленинизма, пишет ученый Г.Н. Александров, похож на «огромный монастырь... Во главе монастыря — непрекаемый авторитет, подчинение которому для всех обитателей обязательно без каких-либо сомнений и обсуждений. Подчинение настоятелю монастыря отождествляется с признанием веры в религиозное учение. Непременное и достаточное условие для занятия всех управленческих должностей — приобщение к религии, т е к идеологии марксизма»²⁷²

Этот монастырь российского марксизма в форме ленинизма со временем весьма расширил свои владения, захватив в орбиту влияния почти все континенты, множество стран и миллионы людей.

Ленинизм не «диверсия» российских якобинцев, не жалый товар политэмигрантов, вернувшихся из Европы. Ленинская концепция революционного развития одержала верх в России потому, что другие варианты не имели столь энергичного, фанатичного, одержимого политического лидера, как Ленин. Ведь даже самая верная теория без энергии воплощений не может стать плотью бытия. Ленин был сгустком такой энергии.

К 1917 году просматривалось три основных пути исторического развития России: конституционная монархия, что оказалось в конце концов невозможным, ибо самодер

жец упустил подходящий момент принятия этого решения; буржуазная, либеральная, конституционная демократия, не созревшая, однако, до той кондиции, что могла бы позволить повести общество; и, наконец, радикальный, диктаторский путь. При определенных условиях он мог стать «генеральским». Не исключено, что Россия могла бы на рельсах постсамодержавной диктатуры выбраться из глубокого кризиса. Но царские генералы оказались весьма плохими специалистами в политических, гражданских делах. Они не смогли даже стать серьезными оппонентами большевизму.

Радикальный рецепт перехода России на новые, неизведанные рельсы развития перехватили большевики, сумев уловить глубокую «масту русской души», смертельно уставшей от чуждой ей войны, непонятных лозунгов кадетов, болезненной непривлекательности возвращения помещиков и иных владельцев к государственным рычагам власти.

Злой гений Ленина не в заговорщицких тайнах, а в дьявольском учете глубинных интересов самых различных групп людей. В этой сложной комбинации он просчитал все варианты, но выбрал один, фантастически редкий, тот, который смог привести его с партией к власти.

Часть россиян поверили Ленину, не подозревая, что, заканчивая войну империалистическую, он тут же развяжет трехлетнюю гражданскую. Рабочие, провозглашенные высшей социальной кастой, останутся такими же бесправными. Крестьяне еще не знали, что земля будет национализирована и их многократно оберут так, как еще никогда не грабили. Они уже после смерти Ленина превратятся в крепостных XX века. А интеллигенция... Будет раздавлена или рассеяна. Как писала Зинаида Гиппиус в январе 1918 года:

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть — или проснуться,
Но так же жить! Но так же жить!²⁷³

Радикальные взгляды в социал-демократии были окреплены «ленинизмом» еще в начале века, однако пропущены через горнило «революционных свершений» только после октября 1917 года. Придя к власти, Ленин быстро изменился. Политический почерк его стал импульсивным, часто крайне жестким, безнравственным, отталкиваю-

щим. Ленина не терзали муки совести, когда он рекомендовал политбюро принять 4 мая 1922 года решение: «Применять к попам высшую меру наказания»²⁷⁴. Еще раньше, по инициативе Ленина, было принято постановление: «Дать сводку мятежных поповских попыток, а зачинщиков расстреливать»²⁷⁵. Это уже не просто безнравственность, а преступный образ мышления и действий.

В сформировавшемся ленинизме просматривался ряд черт, которые сохранились (в разной мере) на долгие десятилетия существования системы, созданной по его чертежам.

Ленинский антилиберализм и антидемократизм стали в высшей степени последовательными и глубоко осознанными. Выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Ленин всячески пропагандировал единоначалие и высмеивал коллегиальность²⁷⁶. К слову, речь никогда не публиковалась. Все атрибуты демократии и рабочего контроля были сведены на нет. Дело дошло до того, что политбюро устанавливало, утверждало для самой массовой организации трудящихся даже мелкие, пустяковые вопросы. Например, на заседании политбюро 15 апреля 1920 года было установлено заседания Президиума ВЦСПС проводить по средам в 11 часов. А повестка дня и материалы очередного заседания должны рассылаться всем членам политбюро²⁷⁷.

Впрочем, диктат большевистского руководства не ограничивался собственными профсоюзами. Профинтерн (международная профсоюзная организация под контролем Москвы) был в том же положении. Достаточно сказать, что именно на заседании политбюро 23 февраля 1922 года генеральным секретарем Профинтерна был назначен Рудзутак...²⁷⁸ Исполкому международной организации оставалось лишь проштамповать решение свыше.

Так на все общественные организации надевался строгий намордник. Несогласные с партийным диктатом тут же устранялись со своих постов. Ленин последовательно превращал диктатуру пролетариата в диктатуру партии, которую Сталин со временем превратит в диктатуру одного вождя.

Ленинизм всегда олицетворялся с революционной диалектикой. Но в действительности это был способ политического оправдания быстрой смены лозунгов, отказа от одних формул и обожествления других, переход к совер-

шенно новым установкам, нежели те, что были провозглашены ранее. Это не диалектика, а прагматизм человека, для которого высший критерий — власть. Ленин никогда не был великим философом. Его философия политична, полемична, социальна, но предельно узка и ограничена «классовыми рамками». Прочтя Гегеля, он заменил его «Дух» на «Материю». Дальше все было делом «техники», которая свела гегелевскую диалектику к трем сакраментальным законам.

Ленин был отцом «военного коммунизма» в 1918—1920 годах. Пребывая в состоянии революционного нетерпения, он хотел форсированно построить коммунизм. По его словам, они «решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»²⁷⁹. Не вышло: все окончилось крахом, полным развалом экономики. А ведь это было государственной политикой, у истоков которой стоял сам Ленин. Еще летом 1921 года, когда его соратники настаивали разрешить торговлю, он держался за безденежный обмен продуктов города на продукты села²⁸⁰. «Ведь свобода торговли — это возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно»²⁸¹.

Прижатый обстоятельствами вызванной большевиками экономической катастрофы к стене, Ленин вынужден был согласиться на новую экономическую политику. И это мы называли блестящим примером революционной диалектики! Этак любую неудачу, преступление, провал можно оправдывать диалектикой...

Еще в апреле 1917 года Ленин утверждал, что никакого сепаратного мира с Германией быть не может, а через полгода это стало сутью внешней политики большевиков. Это не «диалектика» и не «новые обстоятельства», а манипулирование принципами, как это было и в отношении Учредительного Собрания, союза с эсерами, свободы печати, отношений с союзниками России. Это придавало в значительной мере импульсивный характер политике большевиков, молившихся лишь одной «ценности» — завоеванию и сохранению власти.

В 1922 году большевики объявили политику примирения в Туркестане, гарантируя жизнь и свободу сдавшимся

добровольно руководителям антиправительственных сил. Однако ленинское политбюро следом принимает 6 июня 1922 года решение, которым Средне-Азиатское бюро ЦК «не должно выпускать из рук главарей-басмачей и немедленно передать их суду Ревтрибунала, имея в виду применение высшей меры наказания»²⁸². Так было и с добровольно сдавшимися белыми офицерами в Крыму, казаками на Дону, матросами в Кронштадте. Диалектика...

Ленинская «диалектика» — это не только анализ антиномий высоких социальных материй, но и беспримерная политическая жестокость. «Революционная диалектика» оправдывала коварство, беспощадность, непримиримость, если это было в интересах большевистской власти. Хотя сам Ленин, будучи апологетом жестокой философии, был трусливым человеком, что, кстати, в жизни встречается часто. Как пишет Р. Пайпс, «оборотной стороной жестокости Ленина была трусость»²⁸³. Доказательством тому — множество фактов. Он никогда не выезжал на фронт, не возглавлял демонстраций и шествий против царизма, при любой опасности был готов бежать за границу Полтора десятка лет, проведенных за рубежом, — не результат преследований, а боязнь «осложнений» на родине. Как писала Т. Алексинская, она лично видела, как Ленин летом 1906 года быстро, панически ретировался с митинга, когда прошел слух, что есть опасность облавы²⁸⁴.

Ленинизм немыслим без террора. Вождь русской революции, внешне мягкий, даже добродушный, решительно выступил против отмены смертной казни, обещанной большевиками. И хотя формально отмена была произведена в послеоктябрьские годы, в большевистских судах, как правило, была одна мера наказания — расстрел.

Троцкий вспоминал, как Ленин, узнав об отмене смертной казни, бурно негодовал:

— Вздор. Как же можно совершить революцию без расстрелов? ...Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?

Ленина утешали: мол, смертная казнь отменена только для дезертиров. Все было напрасно. Он настойчиво твердил: ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия...

Порешили на том, что если нужно, то «лучше всего

просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет». На том и остановились²⁸⁵.

Ущербность ленинизма не только в том, что он поощрял террор. Главное выражается в жестокости самой философии ленинизма.

Лидер большевиков считал возможным отправить на Северный Кавказ членам Реввоенсовета фронта И.Т. Смильге и Г.К. Орджоникидзе в феврале 1920 года такую, например, телеграмму: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут нефть и нефтяные промыслы, и, наоборот, даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости»²⁸⁶.

Какие слова: «перережем всех», «даруем жизнь»... Слова и слог, достойные феодала раннего средневековья. Таков стиль Ленина, который он усвоил сразу же после переворота.

В записке, также связанной с нефтью, Ленин пишет, чтобы члену Главного нефтяного комитета С.М. Тер-Габриэлянцу сообщили его, главы советского правительства, указание: «Можете ли Вы еще передать Теру, чтобы он в с е приготовил для с о ж ж е н и я Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку»²⁸⁷.

Человек, внутренне не готовый к массовым жестокостям («сожжение Баку...»), не мог бы отдавать таких указаний. Если собрать все подобные директивы вождя, получится антология бесчеловечности, равную которой едва ли можно найти. Еще раз повторяю: террор родился не из «реалий гражданской войны» и «неповторимых обстоятельств», как любят говорить «защитники» Ленина, а из предельно жестокой философии ленинизма. Эта страшная печать античеловечности останется навсегда позорной метой на явлении, называемом ленинизмом.

Ленинизм — это проповедь тотального контроля: за производством и потреблением, школой и печатью, мыслями людей. Никому и никогда в истории не удавалось создать столь всеобъемлющий контроль за самыми разными сферами человеческой жизни. Для Ленина это было едва ли не главной чертой, сутью его мироощущения. В своей знаменитой статье, которую советские люди, в соответствии с указаниями свыше, в разных формах политической учебы настойчиво штудировали, Ленин написал: «Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два

главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно.

Как осуществлять этот контроль за «паразитами»? Ленин конкретен: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за в р е д н ы м и людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве...»²⁸⁸ Хорош «теоретик», додумавшийся расстреливать одного из десяти, словно рядовой каратель! А мы всю эту бесчеловечную мерзость читали без ропота...

А чтобы действовать против богатых и жуликов без промедления, по предложению Ленина 14 мая 1921 года на заседании политбюро принимают решение «О расширении прав ВЧК в отношении применения высшей меры наказания»²⁸⁹.

И раньше ленинское карательное детище не очень заботилось о соблюдении законов (которых фактически не было), руководствовалось «революционной совестью», а теперь ночной треск выстрелов в подвалах ВЧК стал еще более интенсивным. Ленин мог быть доволен: контроль за «богачами и жуликами» после этого памятного решения политбюро стал еще более действенным.

Для ленинизма свойственно утопическое видение перспектив грядущего и одновременно прагматичный реализм в решении задач текущего момента.

В первые годы после октябрьского переворота Ленин исключительно высоко оценивал перспективы мировой революции. В январе 1919 года Ленин вместе с Троцким, Свердловым, Сталиным и Бухариным отправил приветствие в Германию группе «Спартак» и компартии Австрии. В нем говорилось: «Гибель буржуазии и победа пролетариата одинаково неизбежны. Неизбежна ваша победа, товарищи! Мы верим и знаем, что вместе с вами мы добьемся того, что на развалинах капиталистического разбоя мы построим новый мир настоящего человеческого братства и солидарности всех народов». Большевицские вожди далее выражали твердую убежденность в близкой мировой

революции и образовании международной социалистической республики²⁹⁰.

В пространном манифесте II конгресса Коммунистического Интернационала, написанном Троцким по поручению Ленина и одобренном им, прямо говорилось: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»²⁹¹.

Ленин, вдохновленный совершенно фантастическим результатом октября 1917 года, верил, что с такой же легкостью большевики и их союзники захватят власть в ряде стран Европы, а затем и на всей планете. В какой-то момент, в 1919-м — первой половине 1920 года, большевиков охватила эйфория от предвкушения близкой, «обеспеченной победы». Зиновьев называл сроки победы мировой революции, исчисляемые несколькими месяцами. Утопия действительно обретала вроде бы реальные черты... Революционные выступления в Китае, Индии, Персии, Венгрии, Италии, Германии создавали мираж возникновения в ближайшем будущем мирового пожара.

Ленин, прочтя вечером 23 июня 1920 года очередную сводку об успешном наступлении Красной Армии на Варшаву, шлет Сталину в Харьков шифровку: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаю, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию... Сообщите ваше подробное заключение»²⁹².

Именно по энергичному настоянию Ленина решили «советизировать Польшу», чтобы дать революционный импульс Германии.

Попутно замечу: вождь с легкостью распоряжается российскими землями. В 1918 году без особых колебаний отдал Германии 1 млн. квадратных километров по преступному Брестскому миру; в письме эмиру Афганистана Аманулле-хану 27 ноября 1919 года выражает готовность к практическим действиям «для исправления русско-афганской границы, в смысле расширения афганской территории»²⁹³, уступил туркам «кусок» армянской территории, теперь вот готов отдать земли полякам «восточнее линии Керзона...»²⁹⁴.

Пришлось не только уступить российские территории, но и выплатить огромную контрибуцию. Однако Ленин умел любой большевистский позор превращать в три-

умф... Диалектика... Ленин фактически ничего не сделал для возвращения из польского плена более тридцати тысяч красноармейцев, судьба которых печальна: большинство сгинули, не оставив следов. Это давняя история, но она и сегодня требует честного ответа и разбирательства.

Ленин совершенно не испытал нравственного дискомфорта от поражения под Варшавой, наступление на которую он так торопил...

Десятки тысяч жертв принесла польская авантюра, тридцать миллионов рублей золотом контрибуции²⁹⁵, исчезнувшие бесследно тридцать тысяч плененных красноармейцев, моральное осуждение всей Европы никак не повлияли на Ленина, считавшего все это «в порядке вещей».

Выступая на IX конференции РКП(б), Ленин в заключительном слове по своему докладу, касаясь «неудачи» в Польше, обронит: «Мы на этом будем учиться наступательной войне. Будем помогать Венгрии, Италии и при этом рискуем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем поминать, где остановиться»²⁹⁶.

Впрочем, остановились в Польше недостойно; когда соединения и части Первой конной армии покатались назад, то метили свой путь на российской земле многочисленными еврейскими погромами. Ленину докладывали специальной шифровкой: «1-я и 6-я дивизии Первой конной армии на своем пути уничтожали еврейское население, грабя и убивая на своем пути...»²⁹⁷ Ленин отреагировал лаконично: «в архив».

Утопия рождает авантюризм. Поражения, неудачи — большевистский «реализм». Суть его — поиск новых решений, которые оставляют как бы за «скобками» огромные издержки, жертвы, лишения. Утопия в союзе с большевистским «реализмом» есть преклонение перед целью, достичь которую нужно любой ценой.

Но «фонарь ленинизма», о котором писал Троцкий, всегда высвечивал не столько реалии, сколько миражи грядущего.

Таков ленинизм. Такова его судьба. На протяжении десятилетий он опирался прежде всего на военную мощь советской империи. Вместе с тем нельзя отрицать, что ленинизм нес и несет огромную способность убеждать людей благодаря изощренной школе демагогии, постоянному перенесению ожидаемых благ в неопределенное, туманное будущее. Людям всегда свойственно верить. Особенно сс-

ли мышление одномерное, догматическое, привыкшее пропагандистские мифы принимать за реалии.

Ленинизм агонизирует, но далеко не умер. И, видимо, не скоро умрет. Люмпенизированная, «пролетарская» часть населения России по-прежнему видит выход из тотального кризиса, в котором находится страна в посткоммунистическую эпоху, в новых экспроприациях, переделах, возвращении вульгарного равенства. После завышенных ожиданий, связанных с приходом к власти неопытной, незрелой, неумелой демократии, у многих возникло устойчивое разочарование в рынке, свободах, отсутствии удобных бюрократических опор в жизни. Этим пользуются опытные аппаратчики бывшей КПСС, стремясь на волне отрицания, сенсационных разоблачений и щедрых посулов вновь завладеть общественным сознанием. Опасность реставрации (хоть на какое-то время) реальна.

У России — великой, самобытной, духовно необъятной — трудно отнять ее приоритеты на страдания, нелепости, смуты.

В программе Коммунистической партии Российской Федерации, принятой 22 января 1995 года, лишь трижды стыдливо упоминается Ленин. При всей отчаянной защите человека и его учения, принесших России самые страшные беды в XX веке, звать «назад, к Ленину» сегодня уже не с руки. Всем видна полная несостоятельность этого учения, основанного на антиреформизме, антилиберализме, антидемократизме, антигуманизме, антиисторизме, антипарламентаризме. Новым лидерам коммунистов сегодня выгоднее утверждать просто бредовые вещи, вроде той, что «русская идея» есть идея глубоко социалистическая!

В программе КП РФ оправдывается ускоренная коллективизация, создавшая новое сословие крепостных XX века, не осуждаются страшные многомиллионные репрессии коммунистического режима; оказывается, к «мировой революции» призывал совсем не Ленин, а «лжекоммунисты», а среди союзников компартии ныне провозглашаются «религиозные объединения всех традиционных конфессий»! Словно и не было чудовищного погрома тысяч храмов большевистской инквизицией и призыва Ленина: «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...»²⁹⁸.

Каждый пункт этой программы ленинский, хотя, повторюсь, на него уже стыдятся прямо ссылаться; слишком черна его роль в Истории России.

Правда, один раз в программе следовало бы сослаться на И.В. Сталина, «славного» продолжателя Ленина, когда в ней утверждается: «...в значительной мере оправдалось предвидение о том, что по мере созидания социализма сопротивление враждебных ему сил не только не затухает, но приобретает нередко самые ожесточенные и уродливые формы»²⁹⁹.

Сталин, как известно, эту реакционнейшую идею выразил на печально знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года другими словами: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пако-стить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных»³⁰⁰.

Коммунистам, в основном ветеранам войны и труда, нынешние руководители компартии, ленинские наследники, вновь предложили ленинско-сталинские догмы, реакционность которых подтверждена всей семидесятилетней историей СССР и КПСС, принесшей неисчислимыя беды великому народу.

Ренессанс ленинизма не будет ни сейчас, ни в будущем. Даже укрепление политических позиций ленинцев, что не исключено, может быть только временным.

История имеет одну коренную особенность: в прошлое вернуться не дано никому. Можно попасть туда только мысленно. Но этот возврат, если взор направлять на конкретные деяния РКП — ВКП(б) — КПСС и ее лидеров, не может быть радостным. Террор, лишения, кризисы, голод, вечные нехватки, одномыслие, отсутствие прав и свобод не дают шансов нынешним реставраторам. Им нечего предложить народу, кроме очередей, карточек, нового передела, прежнего одномыслия и какого-то варианта ГУЛАГа.

Ленинизм и партии, которые его исповедуют, — призраки прошлого. Хотя те из бывших коммунистов, кто наберется мужества пойти по тропе либеральной, социаль-

ной демократии, имеют исторические шансы. Я в это верил раньше, верю и теперь.

Судьба ленинизма — грозное предупреждение грядущим поколениям. Тем более что на руинах коммунизма вновь появились всходы не просто красные, но и с коричневым оттенком. Беспощадный радикализм ленинцев прошлого и настоящего был и останется носителем Лжи и Насилия. А на этой основе нельзя построить храм Добра и Истины, что подтверждает судьба и второго большевистского вождя — И.В. Сталина, «самого верного ленинца» XX века.

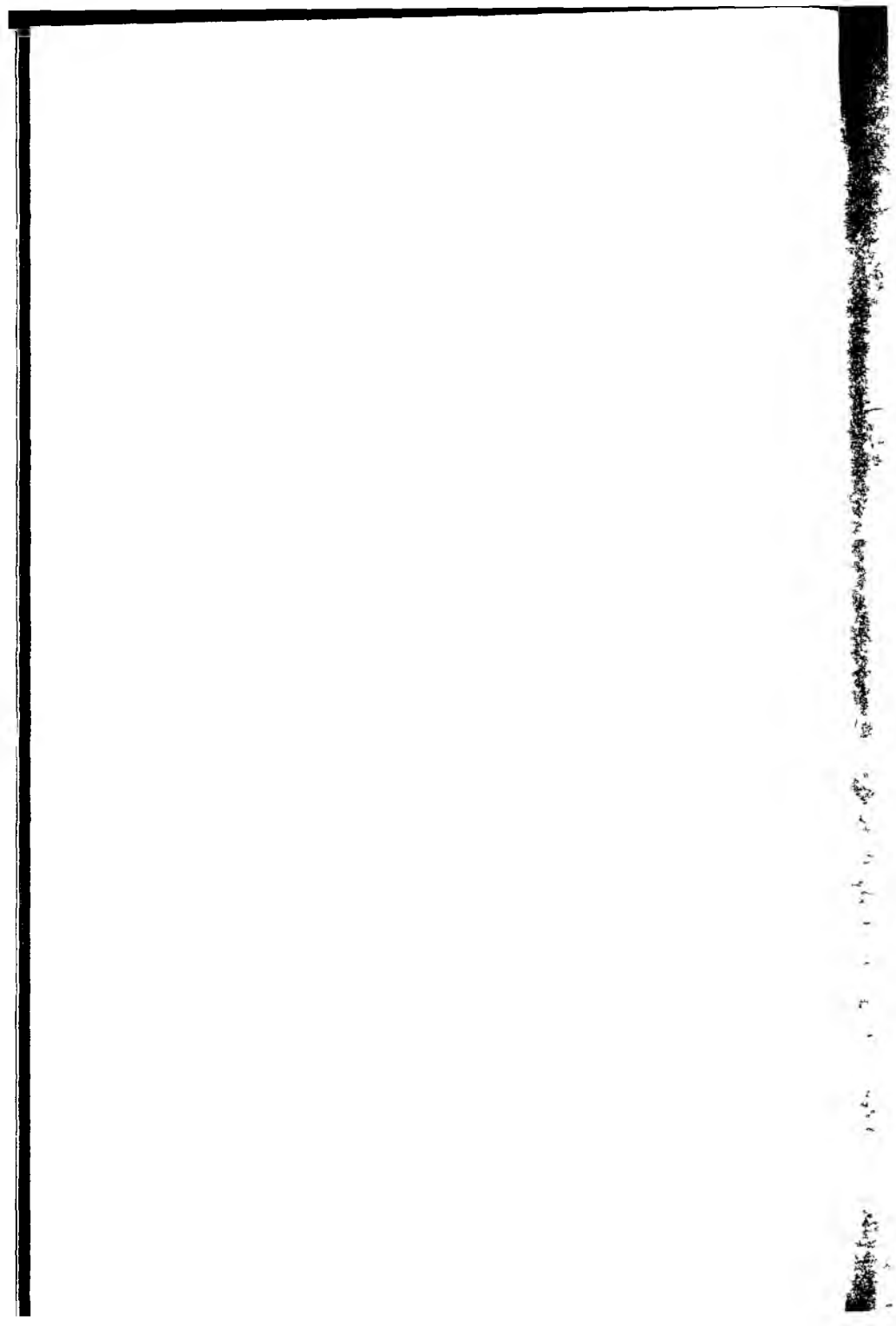
Именно этот вождь, придавив Ленина мавзолеем и монополизировав его наследие, стал на долгие годы неуязвимым.

Вожь в ВТОРОЙ:

Иосиф СТАЛИН

*Сталин — государственный восточного,
азиатского типа.*

Н. Бердяев

Почти два десятилетия спустя после октябрьского переворота 1917 года безоговорочный лидер СССР Иосиф Виссарионович Сталин 25 ноября 1936 года выступал с докладом на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Когда Сталину было предоставлено слово и он неторопливо прошел к трибуне, зал взорвался овацией. Вскопившие на ноги депутаты не жалели ладоней, и под сводами Кремля слышались надрывные крики: «Ура товарищу Сталину!», «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует великий Сталин!», «Великому гению товарищу Сталину ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Товарищу Сталину слава!»¹

Оглядев прямоугольник кричащих голов, Сталин посмотрел на президиум, выждал две-три минуты и наконец отработанным жестом вождя заставил замолчать зал. Как это уже сделал с великой страной.

Доклад, как и все сталинское, был разрезан на части с подзаголовками. В свою очередь разделы рассечены на неизменное: «первое», «второе», «третье»... Уже после развенчания Сталина на XX съезде в 1956 году его многочисленные поклонники в разговорах между собой по-прежнему негромко восторгались: Как ясно писал! Как понятно говорил! Все разложено по полочкам!

А человек в партийном френче «раскладывал по полочкам» третий раздел доклада «Основные особенности проекта Конституции». Голос в зрительном зале звучал негромко, заставляя всех до боли в ушах вслушиваться в сталинские слова, бросаемые в звенящую тишину...

«...Пятую особенность проекта новой Конституции со-

ставляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм...»

«...Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав...»

Покончив с «особенностями» его, «сталинской» конституции, вождь так же педантично разбил буржуазных критиков советского основного закона на несколько групп. И так же негромко, но уничтожающе разделался со всеми разновидностями критиков.

«...Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР (*бурные аплодисменты*)... В СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит, и для свободы этих партий... В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов...»

«...Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией»².

Сталин, рассуждая об «особом демократизме», который существует в СССР, конечно, не упоминал о том, что регулярно Ежов или Ягода докладывали ему о решениях Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел. Сотни, тысячи, десятки тысяч осужденных по спискам без всякого суда. Чтобы разгрузить «центр» от этой палаческой работы, второй вождь в истории СССР в мае 1935 года разрешил распространить права Особого совещания и на создаваемые в областях, краях, республиках печально знаменитые «тройки» НКВД. Вначале эти органы могли выносить приговоры о заключении граждан в исправительно-трудовые лагеря, о ссылке, высылке «всего» до 5 лет. Затем самая «демократическая власть», в результате классового совершенствования, существенно продвинулась дальше.

Например, в преддверии своего «славного» семидесятилетия Сталин еженедельно получал вот такие доклады:

«ЦК ВКП(б)

Товарищу Сталину И.В.

Докладаваю: 2 сентября Особым Совещанием при

МВД рассмотрено 197 дел. Осуждено: на 25 лет — 10 человек, на 20 лет — 2 человека... К 20 годам каторжных работ — 30 человек...

С. Круглов»³

Каторжные работы (да, именно «каторжные работы») были введены на основании «сталинской конституции» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года вроде бы для «шпионов и изменников Родины», но под эту гильотину мог попасть любой подозреваемый.

Сталин иногда подчеркивал цифры в подобных документах, словно подсчитывая, сколько людей без суда расстреливаются, отправляются на советскую каторгу. Например, своим синим карандашом он отметил, что Особое совещание отправило 10 сентября 1949 года на двадцать лет каторги 52 человека, 16 сентября — 31 человека, 24 сентября — 76 человек, 22 октября — 17 человек...⁴. И так бесконечно. Монстр беззакония, конечно, не упоминаемый самой «демократической» конституцией, без сбоев работал до 1 сентября 1953 года, пока «Особые совещания», уже после смерти Сталина, были ликвидированы.

Ленинская система, которую первый вождь спроектировал и заложил ее фундамент, строилась Сталиным и его партией. Диктатура пролетариата уже давно, до принятия «самой демократической конституции», превратилась в диктатуру одной партии, которая, в свою очередь, стала диктатурой одного вождя.

Сталин к концу своей жизни стал зловещим олицетворением не только возникшего строя, которому была посвящена вся его жизнь, но и символом образа мышления и действий. Самое парадоксальное заключается в том, что люди, страна в е р и л и всему тому, что внушалось им большевистскими властями. Люди терпели огромные лишения, переносили невиданные страдания, мирились с чудовищными жертвами во имя эфемерного будущего. Они верили в него... Во всяком случае, очень, очень многие.

Однودумство, господство одной политической силы, система обязательных идеологических мифов исподволь формировали э л е м е н т а р н ы х людей. Генезис сталинизма, как материализация ленинских идей, находится не только в особенностях российской истории, специфике марксизма на отечественной почве, традициях царизма,

народничества, поклонении якобинству, но и в огромной мере заключается в феномене идеологической веры. Россия всегда была страной веры. Советская Россия — тем более, но веры антихристианской. Сталин стал идеальным выразителем устремлений идеологической веры ленинской системы. К чему это привело?

Прежде всего к абсолютизации и догматизации ленинизма. Теоретическая социал-демократия еще Лениным была переосмыслена исключительно через призму классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Сталин воспринял это в полной, максимальной мере.

Далее, российский традиционный радикализм нашел последовательных исполнителей в лице большевиков сталинского типа. Во имя «торжества» идеи считалось допустимым, оправданным приносить в жертву все: историю, культуру, жизнь множества людей.

Наконец, борьба за «чистоту» ленинского учения привела к абсолютной безальтернативности развития. Даже сам термин «социальная эволюция» воспринимался большевиками как социальная ересь. Революционные решения в направлении одного-единственного вектора, указанного Лениным, сделали сталинизм исторически обреченным. Почему?

Сталинизм, родившийся как теория и практика исполнения «ленинских заветов», с самого начала обрек себя на заостенелость догматизма.

Сталинизм, делавший ставку на симбиоз партийного и государственного аппарата, постепенно «переплавил» легионы «революционеров» в огромную армию бюрократии.

Сталинизм, делавший ставку на революционное историческое опережение естественного хода вещей, привел страну в конечном счете к реальному историческому отставанию.

Но вера, как интеллектуальное чувство, в результате тотальной демагогии, подспудного страха, давления, родившейся политической псевдокультуры превратилась в иррациональное качество миллионов людей. Они верили и партии. Верили в ленинизм. Верили в Сталина... И он знал об этом. Широко и цинично этим пользовался, еще больше укрепляя эту веру.

...Большой театр 11 декабря 1937 года. Здесь состоялась встреча Сталина с его избирателями. Зал и все ярусы

великого храма искусства переполнены. Никто тогда не знал, что каждый десятый «избиратель» на встрече сотрудник (тайный или явный) ведомства Ежова. Приведу несколько фрагментов из ткани того события, описанного большевистской печатью.

«...Появление на трибуне товарища Сталина встречается избирателями бурей оваций, которая длится в течение нескольких минут. Весь зал Большого театра стоя приветствует товарища Сталина...» Возгласы уже традиционные. Послушав вдоволь проявления идолопоклонства, Сталин переходит к умелому «массажу» сознания сидящих перед ним людей.

«...Товарищи, признаться, я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич (Хрущев. — Д.В.), можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь...»

Конечно, можно было бы сказать эдакую легкую речь обо всем и ни о чем (*легкий смех*)... Говорят, что мастера по таким речам имеются не только там, в капиталистических странах, но и у нас, в советской стране (*смех, аплодисменты*)... И все же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что (*шумные аплодисменты*)...»

Степень доверия к этому невысокому, с рябоватым лицом и отдающими желтизной зрачками человеку столь велика, что одно игривое его желание создать атмосферу благожелательности и преклонения перед вождем тут же встречает горячий и искренний ответный отклик у людей.

«...Меня выставили кандидатом в депутаты, и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы зарегистрировала меня как кандидата в депутаты... Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой (*бурные, продолжительные аплодисменты*). Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (*бурная, долго не смолкающая овация*...)».

Почти половину времени, что выступал Сталин, зал сотрясали аплодисменты, овации. Люди общались с земным богом. Любимец «масс» говорил банальные большевистские вещи, но их и хотели слышать избиратели. Никто и не замечал «шероховатости» речи вождя: «выставили кан-

дидатом», ответственность «принимаю с охотой». Перед ними стоял «великий вождь» в своей простоте, доступности, ясности. Элементарное, примитивное сознание принимало все, что говорил генсек, без малейших сомнений, на веру. Безоговорочную веру. Люди, сидящие в зале, уже стали одномерными.

«...Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера (*аплодисменты*)... наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире (*шумные аплодисменты*)»⁵.

Менее чем за неделю до своей «исторической» речи он прочтет одно из бесчисленных донесений НКВД, на этот раз от заместителя наркома внутренних дел Фриновского о подозрениях в троцкистских взглядах председателя Калмыцкого ЦИК Хомутичкина, тоже кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Своим страшным карандашом наискось доклада легли сталинские строки:

«Т. Фриновскому. Если Хомутичкин является кандидатом в Верховный Совет, его не стоит сейчас арестовывать (с ним можно расправиться после выборов). Если же кандидат — арестовать через две недели. 6.12.37»⁶ Впрочем, подручный палача Фриновский скоро будет и сам расстрелян.

Вождь, держащий речь в округе, носящем его имя, прекрасно знает, что все кандидаты в депутаты назначены сверху по должностям; список будущих «слуг народа» предварительно утвержден им самим. Но нужен политический спектакль, чтобы до конца убедить людей, что «в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов. Никогда!». Выборы без абсолютно какого-либо выбора будут восприниматься оболваненными за два десятилетия людьми как действительно «самые демократические».

Вера без истины действительно становилась иррациональной. Люди становились ее пленниками, превращались в бесформенную «массу».

Несостоявшийся священник, не проработавший в обычном смысле слова до октябрьского переворота ни одного дня в своей жизни, но поверивший Ленину и обладавший

дьявольской хитростью и коварством, этот человек управлял великой страной.

Но вернемся еще раз к той, далекой уже теперь, речи Сталина в декабре страшного 1937 года. Позабавив слушателей, расположив их еще больше к себе, «доказав», что они живут «в самой демократической стране», Сталин дал им пару советов. Вот этот наказ и был главным в его выступлении.

«...Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы... они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин (*аплодисменты*), чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин (*аплодисменты*), чтобы они были свободны от всякой паники... как был свободен Ленин (*аплодисменты*), чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин (*аплодисменты*), чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин (*аплодисменты*), чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин (*аплодисменты*)».

Сталин звал избирателей, влюбленно смотревших на него, к Ленину. А точнее, к себе, Сталину. Ведь в фойе театра висел лозунг, написанный метровыми буквами: «Сталин — это Ленин сегодня». Не случайно в зале во время бесчисленных аплодисментов и оваций неоднократно раздавался хорошо поставленным голосом выкрик:

— А мы все за товарищем Сталиным!⁷

Исторический соблазн миллионов людей, инициированный большевиками, в кратчайшие сроки осуществить вековую мечту человечества о справедливости, равенстве и братстве, привел к утрате многого из того, к чему они успели едва прикоснуться после февраля 1917 года. Такими людьми управлять было легко, что блестяще и продемонстрировал второй вождь во время своего выступления в Большом театре 11 декабря 1937 года. Народ уже давно был отчужденным от власти и свободы.

С ленинских времен началось время потрясающих исторических парадоксов: огромная, искренняя тяга простых людей к новой жизни все больше сопрягалась с жесткой социальной регламентацией всего бытия; провозглашенные высокие цели с беспощадностью средств их достиже-

ния; выискивание все новых и новых внешних и внутренних врагов с готовностью идти на бесконечные жертвы.

Сталин ничего нового в ленинизме не «выдумал». Он конкретизировал и материализовал своего первого учителя. Написав еще до перестройки двухтомник «Сталин», я глубоко заблуждался, как и большинство моих соотечественников, полагавших, что все наши беды от забвения Ленина. Мол, деспот Сталин «искажил Ленина». В этом все дело... Так думали мы долго. М.С. Горбачев, коммунист-реформатор, начиная и ведя перестройку, многократно говорил: «Когда опять читаешь Ильича, а его нельзя не читать... приходишь к выводу, что ведь надо от него идти и к нему»⁸.

В начале восьмидесятых годов я решил написать книгу о Сталине. Все отговаривали меня от этого занятия, кроме жены. Когда я обратился к секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину помочь получить возможность ознакомиться с архивами сталинского фонда, он, помолчав, назидательно сказал мне:

— Не под силу это одному человеку. Придет время, ЦК сам решит, какой институт писать будет. Затея твоя ненужная...

Книгу я в конце 1983 года все же закончил. Но о Ленине и Октябрьской революции написал в традиционном ключе. Но даже в таком виде она не увидела света до 1988 года.

Думаю, не все устарело в той книге, но для меня она свидетельство нашего постепенного прозрения, освобождения от большевистских химер, в плену которых мы так долго находились.

Маршал Д.Т. Язов, человек с хорошей военной биографией, прочитав книгу, сказал мне:

— Бьешь не только по Сталину, но и по системе, созданной Лениным. Согласиться с этим не могу...

Хотя в действительности тогда я еще был «ленинцем». Но освобождение в конце концов от ленинских догм считаю главным достижением собственной жизни...

То было наше общее, глубокое заблуждение, существовавшее семь десятилетий. Ведь Ленин — духовный отец Сталина. Сталинизм — разновидность, конкретизация и материализация ленинизма. Мы обманывались. Но мы этого сами хотели.

Жить проще, казалось, когда за тебя решают все: кого любить и кого ненавидеть, что читать и что говорить, что знать и о чем не ведать. Мы все повинны в чудовищном ослеплении. Но справедливости ради скажем: в общественном сознании, замусоренном ленинизмом и сталинизмом, всегда существовали крохотные оазисы свободомыслия, достоинства, исторической проницательности. Порой это выражалось самым необычным образом. Например, в политических анекдотах, своеобразном советском явлении, оглашение которых даже в узком кругу было чрезвычайно опасным. Так, еще в 30-е годы, пишет Д. Штурман, среди интеллигенции гулял такой анекдот:

«...Октябрьская праздничная демонстрация. Пенсионер Рабинович вышел с плакатом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». К нему тут же ринулись чекист с парторгом: «Ты что, с ума сошел? Старик, какое детство? Когда ты был ребенком, товарищ Сталин еще не родился!»

— Вот за это ему и спасибо!»⁹

Мы не должны забывать тех, кто не принял октябрьский переворот 1917 года, кто возвысил против него свой голос. Даже такой хрупкий, поэтический, как у Зинаиды Гиппиус, но оказавшийся исторически более верным, чем у многих. Спустя год после трагедии переворота она так выразила к нему свое отношение:

Напрасно все: душа ослепла.

Мы преданы червю и тле,

И не осталось даже пепла

От «Русской правды» на земле¹⁰.

Подобный слабый протест, как выражение исторического неприятия тотальной диктатуры, не повлиял, конечно, на семидесятилетнее господство системы, основанной Лениным и построенной Сталиным, но подтвердил истину: у совести всегда есть шанс.

У Греха есть вечный союзник — Оправдание. Но можно ли его найти у строителя ГУЛАГа? В тех оациях политического ослепления, которые шли рядом с первым ленинцем? В «великих стройках коммунизма?» Атомной бомбе?

Тот, кто и сегодня приемлет подобные аргументы Оправдания, забывает о миллионных, многомиллионных жертвах, у которых отобрали жизнь.

К душе людей тоже может налипать грязь. Отмыть ее можно лишь с помощью Бога.

«Выдающийся ученик Ленина» Духовным отцом Сталина был не Иисус Христос, а Владимир Ильич Ленин. Название этой подглавки — «Выдающийся ученик Ленина» — взято из текста, лично одобренного и отредактированного Сталиным.

В краткой биографии И.В. Сталина, вышедшей в 1939 году к шестидесятилетию «вождя народов» и изданной при жизни диктатора общим тиражом около 18 миллионов экземпляров(!), об «ученичестве» говорится вполне определенно. Причем второе издание собственной биографии кропотливо редактировал сам герой книги. Как обычно, синим карандашом...

В седьмой главе биографии на странице 93 есть фраза: «Знамя Ленина, знамя партии высоко поднял и понес дальше Сталин — выдающийся ученик Ленина, лучший сын большевистской партии, достойный преемник и великий продолжатель дела Ленина». Так вот, слова «выдающийся ученик Ленина» вписаны собственноручно Сталиным.

В этой же главе биографии «выдающийся ученик» делает четким почерком более пространную вставку: «В своем интервью немецкому писателю Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей родины, Сталин просто заявляет о себе: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником».

Подобных «обогащений» прижизненного панегирика в тексте биографии много. В конце книги редактор собственного исторического облика существенно переделывает расхожую в то время фразу: «Сталин — это Ленин сегодня». После вмешательства «ученика» на полях страницы 240 появляется уже другое предложение: «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня»¹¹.

С этой парадоксальной фразой нельзя не согласиться; ведь парадокс всегда любимый плод интеллекта. Сталин оказался не только талантливым учеником первого вождя, но и его бесспорным «продолжателем». До «перестройки» автор этой книги, как и множество его соотечественников, наивно полагал, что Сталин «искажил» Ленина, предал

забвению его «заветы» и стоит вернуться к подлинному «первому вождю», как «великое дело» оживет и быстро пойдет вперед.

Деформированное общественное и индивидуальное сознание с огромным трудом освобождалось от большевистской мифологии и легенд. Спустя годы стало совершенно очевидным, что Сталин всегда был «Лениным сегодня». Он ничёго принципиально нового не «выдумал», а лишь «творчески», дьявольски изобретательно применял и развивал ленинские постулаты и идеи: о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, революционном терроре, монополизме коммунистической партии, тотальном сыске, однообразной духовной пище, уточненном «военном коммунизме», мировой революции и т.д.

Для понимания роли Сталина в советской истории важно понимать эволюцию и характер отношений этих вождей. Почему именно Сталин унаследовал ленинский скипетр вождя? Где истоки его неуязвимости во внутрипартийной борьбе за власть? Существовала ли, как об этом много писали, «великая дружба» двух вождей?

Эти люди давно погрузились в глубины вечности, но навсегда остались в истории. О них писать сегодня, в известном смысле, проще, чем, допустим, о Горбачеве. Но проникнуть в духовный космос давно ушедших в иные миры людей так же трудно, как разгадать тайны клинописей доисторического человека. Но, к счастью для исследователей, эти люди оставили многочисленные письменные следы и, к несчастью, трагическую память о последствиях их владычества. Прошлое вечно; от него нельзя «отказаться» или его изменить. Это фатальная данность. Ее нужно понять и оценить.

До октябрьского переворота 1917 года Джугашвили-Сталин был для Ульянова-Ленина лишь одним из многих большевиков, «профессиональных революционеров». В 1915 году Ленин в своем письме к Г.Е. Зиновьеву вопрошает: «Не помните ли фамилии Кобы?» «Гриша» (Зиновьев) не знает. Ленин спрашивает о том же В.А. Карпинского: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т.д.) фамилию «Кобы» (Иосиф Дж...?? Мы забыли)...»¹²

Совершенно ясно, что до октябрьских событий «трогательной дружбы» между будущими вождями не было. Хотя встречи и эпизодическая переписка существовали. В

ноябре 1912 года Джугашвили приезжает к Ульяновым в Краков, рассказывает лидеру большевиков, что работает над статьей «Национальный вопрос и социал-демократия». Судя по письму, которое в начале 1913 года Ленин отправил Горькому, Джугашвили произвел на него весьма благоприятное впечатление. Там сообщалось: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью...»¹³

После возвращения Ленина в апреле 1917 года в Россию встречи его со Сталиным стали довольно частыми. А после переворота, и особенно в ходе Гражданской войны и позже, Сталин — один из самых близких соратников Ленина.

Как мне удалось установить, Лениным отправлено Сталину около 180 телеграмм, писем, записок и документов со своими резолюциями. После того как Ленин соглашается с предложением Зиновьева и Каменева, именно Сталин становится в апреле 1922 года первым генеральным секретарем ЦК РКП(б). Отныне он сосредоточит в своих руках, как признает и продиктует в «Письме к съезду» 24 декабря 1922 года Ленин, «необъятную власть».

Почему Ленин остановился на фигуре Сталина, ничем себя не зарекомендовавшего в октябрьском перевороте, но добросовестно исполнявшего волю ЦК в ходе Гражданской войны? Ленину нужен был человек, который бы организовал работу аппарата Центрального Комитета, был послушным орудием его воли. Все как будто так и было. Но внимательный глаз уже тогда мог заметить, что Сталин не удовольствовался только ролью высокопоставленного исполнителя и не раз и не два резко возражал Ленину, вел с ним серьезные споры. После того как стало ясно, что лидер партии большевиков серьезно болен, Сталин еще больше стал проявлять свою «независимость» и «своеволие». Генсек, видимо, понимал, что после удара в мае 1922 года Ленин не в состоянии осуществлять полномасштабное руководство партией и государством.

Сталин, правда, не шел на прямые столкновения с Лениным, но неоднократно исподволь действовал и высказывал свое мнение, которое расходилось с линией первого лица. Так было в вопросе образования СССР (Сталин фактически придерживался принципа большей унитарности госу-

дарства), монополии внешней торговли, национальной политики в Закавказье, в других делах. Больной Ленин пересылает через Каменева записку в политбюро о принципах устройства федеративного государства. Генсек весьма неуважительно оценивает ленинские предложения:

«...т. Ленин, по-моему, «поторопился», потребовав слияния наркоматов в федеральные наркоматы... Торопливость даст пищу «независимцам»... По параграфу 5-му поправка Ленина, по-моему, излишняя...»¹⁴.

Сталин обвиняет Ленина в «торопливости», но и лидер партии отвечает ему тем же. В продиктованной Лениным 30—31 декабря 1922 года статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» он выражает тревогу в связи с «грузинским инцидентом». В данном случае «тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»¹⁵.

Думаю, дело не в «торопливости» Ленина или Сталина в решении национальных проблем, а в стремлении решать их в партийном центре, без учета реальных и конкретных интересов людей разных национальностей. Разрушив вековую устоявшуюся административную систему (губернское деление России), большевистские лидеры безответственно экспериментируют, больше полагаясь на силу диктатуры, верхушечные решения, нежели на глубинные национальные и социальные потребности людей.

На одном из многочисленных заседаний «партверхушки» в Кремле, где обсуждался вопрос о дальнейшем укреплении союзного государства, один из второстепенных вождей большевиков Томский прислал Сталину записку со своим стихотворением, в котором изложил понимание Союза, отдельных республик и роли ЦК.

Не может каждая самостоятельно

Ребят учить, судить, лечить,

Воюем вместе — это обязательно!

А наше право лишь руководить!¹⁶

Сталину, видимо, очень понравилась последняя строчка, и он сохранил в своем архиве эти бесхитростные вирши человека, который в годы кровавой чистки, спасаясь от сталинской гильотины, покончит жизнь самоубийством.

Трения между Лениным и Сталиным были не только в политической сфере, но и в личной не все проходило гладко. Сталин, никогда не возвращавшийся в цивилизованном обществе, в начале своей карьеры был весьма хамоватым, грубым, невыдержанным человеком. М.А. Алданов в своем очерке о наследнике Ленина пишет: «Чего именно не хватает Сталину?»

Культуры. Но думаю, зачем этим людям культура? Их штамповальный мыслительный аппарат работает сам собою у всех приблизительно одинаково...»¹⁷ В отношениях с коллегами Сталин нередко проявлял капризность, обидчивость, неуступчивость. Его неприязнь к кому-либо бывала устойчивой. Он был мстителен.

Сталин, в частности, невзлюбил Крупскую, считая, что ее работе на культурном, просветительском фронте Ленин слишком «потакает». Не случайно именно после того, как Ленин продиктовал 4 января 1923 года свое знаменитое «Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.», о чем генсек тут же узнал, несмотря на «секретность» записки, Сталин обрушивается по телефону на Крупскую с грубой бранью: почему, дескать, она позволила больному вождю это делать? За Лениным, и больным, как теперь выясняется, следили. Содержание «Добавления», где Ленин предлагает «обдумать способ перемещения Сталина с этого места», ибо он груб, стало тут же известно «ученику». «Нужно найти такого человека, — пишет Ленин, — кто более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»¹⁸ Но прямые стычки Сталина с Лениным случались и раньше.

Так, за год до ставшей теперь столь известной ссоры вождей в декабре 1922 года Сталин пишет Ленину письмо. Подоплека его такова. Крупская, как председатель Главполитпросвета, подает в политбюро записку, в которой предлагает четче разграничить обязанности возглавляемой ею организации и отдела пропаганды ЦК РКП(б).

Сталин, узнав о содержании записки Крупской, пишет Ленину нервное, раздраженное письмо: «Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием...», обвиняет Надежду Константиновну в торопливости. Закljučая письмо, Сталин не смягчает тона: «Сегодняшнюю записку... я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навя-

зали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что не должен возражать против ухода. Но если вы поставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя, и меня. Троцкий и другие подумают, что вы делаете это «из-за Крупской», что вы требуете «жертву»...»¹⁹

Сталин раздражен и предупреждает вождя, что тот может поставить себя в «неловкое положение»...

Спустя десятилетие после смерти Ленина хранитель ленинских фондов и директор Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) В. Адоратский прислал письмо Сталину с просьбой разрешить опубликовать в сборнике его речь на чествовании Ленина в день пятидесятилетия. Как известно, в ней «ученик» говорил о умении «учителя» исправлять свои просчеты. Резолюция Сталина на письме была красноречивой: «Тов. Адоратский! Речь записана по существу правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича. И. Ст.»²⁰.

Как видим, отношения двух вождей не были безоблачными. Проживи Ленин еще несколько дееспособных лет, едва ли Сталин стал бы первой фигурой. Хотя природа самой системы от этого мало бы изменилась: своего «сталина» она бы тут же нашла. Однако даже сравнительно короткое пребывание Сталина подле Ленина, в том числе и больного, его многому научило, многое позволило сделать. Генсек, с его немалыми способностями интриг и коварства, видел в деятельности Ленина яркий пример того, как нужно бороться за власть, учился политической целеустремленности, прагматизму и хитрости. Сталин убедился, что в критическую минуту борьбы за власть Ленин ни перед чем не остановится: широкомасштабным террором, подталкиванием собственного отечества к поражению, не испугается преступного «мира».

Ленин мог в самый короткий срок сменить политические лозунги (как это было, например, в отношении Учредительного Собрания), без явных личных следов провести чудовищную акцию, которая и сегодня холодит кровь (ликвидация семейства Романовых), в нужный момент беспощадно расправиться с обузой «революционных союзников» (партией эсеров). Сталину было чему учиться у

своего патрона. Надо отдать ему должное, он оказался весьма прилежным учеником.

Еще при жизни Ленина Сталин, учитывая огромный авторитет первого вождя в партии, почувствовал, что здесь кроются для него невиданные возможности. Он видел, знал, что исторические часы живого Ленина сочтены, в то же время в партии уже началась канонизация его учения, его «заветов», его стиля деятельности. Стало готовиться к изданию первое собрание сочинений Ленина; появились первые улицы его имени; немало бронепоездов и революционных отрядов начертали на своих знаменах имя «Ильича» Генсек, приезжая от больного Ленина в Москву (а он чаще других бывал в кремлевской квартире вождя и в Горках), передавал на заседаниях политбюро коллегам от него приветы, а пока вождь большевиков мог адекватно реагировать на ситуацию, и «указания».

Исподволь складывалось впечатление особой доверительности в отношениях умирающего Ленина и «чудесного грузина» Сталин смог с помощью Зиновьева и Каменева (в ту пору они были его союзниками) ослабить, сблизить и фактически нейтрализовать роль ленинского «Письма к съезду», долго рассматривавшегося как завещание вождя.

Не все почувствовали в то время, как Сталин незаметно, но упорно тянул на себя тогу «защитника Ленина», а затем и единственного толкователя его идей. Эта тога стала непробиваемым идеологическим панцирем, сделавшим Сталина неуязвимым в жестокой внутрипартийной борьбе за власть. В решающий момент смерти Ленина Сталин, указав в телеграмме неточную дату похорон, смог задержать Троцкого на юге. По сути, именно тогда, 26 января 1924 года, на II съезде Советов Сталин сделал очень важный, возможно, решающий шаг к тому, чтобы его признали «продолжателем Ленина».

Генсек сам готовил свое выступление на этом съезде, несколько раз его переделывал, переписывал, пока не нашел неотразимую для данного момента полукатеизисную, полурелигиозную форму (вот где пригодились знания, полученные в семинарии!).

В притихшем зале звучали сталинские пассажи в форме торжественной клятвы партии умершему вождю. Но клятву произносил Сталин...

«...Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!...»

Семь раз прозвучало из уст невысокого, малозаметного на людях, рябого человека за трибуной слово «клянемся» Сталина никто не уполномочивал говорить от имени партии, но клятвы его звучали именно таким образом: «Хранить единство нашей партии как зеницу ока», «Хранить и укреплять диктатуру пролетариата», «Укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян», «Укреплять и расширять союз республик», «Укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот», «Укреплять и расширять «Коммунистический Интернационал»²¹

Сталин, оглядывая желтыми глазами притихший зал и бросая в него свои «клянемся», закладывал идеологический ритуал почитания умершего вождя, «заветам» которого теперь должны следовать все. Ленин и ленинизм усилиями большевистской верхушки и особенно Сталина превращались в псевдорелигию, в свод революционных догматов, сознательное нарушение которых в тридцатые годы уже каралось смертью.

«После кончины Ленина, — писал Р. Редлих, — Сталин остался на земле единственным средоточием абсолютной мудрости и абсолютной благодати»²². Менее чем через десяток лет именно таким и будет Сталин. Но первые кирпичи в здание умопомрачительного идолопоклонства закладывались вместе со смертью Ленина: языческий мавзолей, тысячи памятников идеологического идола, миллионы томов сочинений «святоши ада», замусоренное догматами общественное сознание. Сталин, придавив Ленина мраморным могильником, монополизировал его наследие.

Генсек настойчиво, самозабвенно трудился на этой ниве не потому, что «очень» любил Ленина. Нет. Известны его весьма малопочтительные высказывания в узком кругу о Ленине в 30-е годы. Для него это было теперь не опасно. Но только для него! Посмертный культ умершего вождя нужен был Сталину как важнейший инструмент, орудие его власти. Теперь было достаточно найти подходящую цитату из все более пухнувшего ленинского «наследия» чтобы обосновать тезис об обострении классовой борьбы, необходимости коллективизации, социальной природе

«врагов народа», важности «сталинской конституции» или доказать любой другой вопрос. Система ленинских догматов, сцементированная «материалистической диалектикой», превратилась в безотказный политический инструментарий большевиков.

Еще при жизни Ленина Сталин научился у него действовать, руководствуясь лишь «революционной целесообразностью», «революционной совестью», «революционной законностью». Вот, например, одна из телеграмм, подписанная генсеком в то время.

«Ташкент. Среднеазбюро ЦЕКа Гусеву.

Старая Бухара ЦК Бухары Соколову.

Получено Ваше сообщение об аресте заговорщиков и главарей бандитских шаек тчк ЦЕКа предлагает не выпускать из рук арестованных зпт передать их суду Ревтрибунала и при наличии улик применить высшую меру наказания тчк ЦЕКа уверен что такой способ расправы является при нынешних условиях единственным средством проучить врагов бухарского народа и прочистить почву для советской государственности и революционной законности в Бухаре.

14/VII-22 г. Секр. ЦЕКа Сталин»²³.

«Ученик» и «продолжатель» оказался очень способным. Но генсек понимал, что, придя к власти как «защитник» и «толкователь» ленинизма, он должен и «развивать» его. Какой же он вождь, если не теоретик?

Это представление о «вожде» стало традиционным в СССР; каждый генсек, даже очень малограмотный, считал своим долгом выпускать пухлые фолианты «своих» трудов, хотя нередко не удосуживался даже прочесть их перед публикацией. Писали их, естественно, многочисленные референты. Сталин стал «теоретиком», комментируя, разъясняя и «развивая» Ленина, большевистского «святого». Наиболее характерны в этом отношении две сталинские работы «Об основах ленинизма» и «Вопросы ленинизма».

По себе помню: будучи курсантами танкового училища, мы от корки до корки штудировали шестисотстраничную книгу речей, статей и докладов «И. Сталин. Вопросы ленинизма». Курсанты не просто читали сталинские работы, но и усиленно их конспектировали в специальные тетради. Преподаватели обращали на это особое внимание; более

пространный конспект, да еще с подчеркиваниями цветными карандашами наиболее важных мыслей Сталина, гарантировал весьма высокую оценку. Мы тогда, конечно, не понимали, что внешне ясный, простой, схематичный стиль изложения «вопросов» и «основ» ленинизма скрывал глубокий примитивизм и даже интеллектуальную убогость сталинской «теории».

Это была идеологическая пища, на которой вскармливались миллионы людей: революция—контрреволюция, социализм — империализм, друг—враг, белое — черное... И хотя после смерти Сталина его книги уже не заставляли переписывать в пухлые тетради, духовная пища мало изменилась. «Вернулись» к Ленину.

Более сложный, тяжеловесный, порой косноязычный «основатель партии и государства» был так же одномерен и однозначен. Люди впитывали не просто политические знания, им прививалась большевистская псевдокультура, нетерпимость ко всему не социалистическому, не материалистическому, не советскому. Миллионы людей искренне верили, что в СССР «самая демократическая в мире конституция», что Советский Союз «передовое во всех отношениях государство в мире», что «победа коммунизма в мировом масштабе неизбежна», что «чем выше успехи СССР, тем коварнее становятся враги народа» и т.д.

Ленинская система формировала элементарно мыслящих людей, слепо верящих в догматы ленинской псевдорелигии типа: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», «Политика есть концентрированное выражение экономики», «Ленинизм — это марксизм эпохи империализма». Вскормленные этой пищей люди верили, что генетика и кибернетика — лженауки, войны неизбежны, капитализм обречен, что в СССР нет эксплуатации человека человеком и т.д.

Таковыми воспитывали советских людей труды Ленина и его «продолжателя» Иосифа Виссарионовича Сталина.

По себе знаю, до XX съезда партии мы все считали, что Ленин и Сталин нерасторжимы в своем большевистском единстве. И это представление было правильным, как это ни странно теперь покажется. Но XX съезд разъединил их, оставив Ленина на пьедестале поклонения и свергнув с него Сталина. А надо было удалить обоих... Но так мы думаем только сейчас. И то не все.

А тогда... Н.И. Бухарин, находясь в одиночной камере тюрьмы, написал в 20-ю годовщину октябрьского переворота строки, рассчитанные на «дарование» жизни: «На долю ленинского гения выпала эпоха перехода к социализму, и он воплощал эту бурную эпоху в ее мощных движениях... Но эпоха издает себе нужных людей, и новые шаги истории выдвинули на его место Сталина, центр тяжести мысли и действий которого — следующий перевал истории, когда социализм победил под его руководством навсегда. Все основные жизнедеятельные функции синтезированы в победоносном завершении великих сталинских пятилеток, и теория объединяется с практикой во всем гигантском общественном масштабе...»²⁴

Незадолго до своего ареста Бухарин побывал в Париже, выполняя задание Сталина: поиск и спасение архивов Маркса, Энгельса и некоторых других. После долгих колебаний Бухарин тайно посетил семью одного из лидеров меньшевиков Федора Ильича Дана. Его жена Лидия Осиповна Цедербаум (к тому же сестра Ю.О. Мартова) вспоминала о встрече так. Коснулись Сталина. Бухарин, волнуясь, начал: «...Вот вы говорите, что мало его знаете, а мы то его знаем... Он даже несчастен от того, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех... Если кто лучше говорит его, он обречен, он уж не оставит его в живых, ибо этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше пишет — плохо его дело... Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, нет, не человек, а дьявол»²⁵

Так думал и говорил один из мучеников лжеидеи — талантливый Бухарин, когда на миг освободился от личного страха — непереносимого психического продукта любой диктатуры и деспотии.

Было бы справедливо заметить, что у многих советских людей существовал и в те времена как бы «нижний этаж» сознания, где находил свое тайное убежище политический скептицизм как глухой внутренний протест против несвободы личности. Нередко политическая совесть уходила в подсознание и, удерживаемая там страхом, «дремала». После смерти Сталина страх стал отступать; появился целый жанр «кухонных» диспутов и анекдотов, которые при жизни диктатора были просто смертельно опасны. Как рассказывает Ю. Боров, соберутся вечером в коммунальной

кухне пришедшие с работы люди, и какой-нибудь смелый остряк заводит разговор:

«А знаете, Козловский, ведая, что Сталин любит слушать его песни, обратился к нему с просьбой:

— Я никогда не был за границей. Хотел бы съездить.

— Не убежишь?

— Что Вы, товарищ Сталин, да для меня родное село дороже, чем вся заграница!

— Правильно. Молодец! Вот и поезжай в родное село!»²⁶

Стало возможным форму духовного протеста против режима выражать и через «внутреннюю эмиграцию». Чем больше времени проходило после смерти Сталина, тем число «внутренних эмигрантов» множилось.

Основные «теоретические» труды Сталина о ленинизме невелики:

«Об основах ленинизма» — около восьми десятков страниц, «Вопросы ленинизма» и того меньше — полсотни. Но автор сумел втиснуть сюда в самой элементарной форме всего Ленина: это и исторические корни ленинизма, и классовая борьба, и диктатура пролетариата, крестьянский и национальный вопросы, стратегия и тактика в революции, теории о возможности победы социализма в одной стране, мировой социалистической революции, учение о партии и другие вопросы.

Сталину удалось в предельно сжатой и элементарной форме изложить весь «ленинизм» на 120—130 страницах! Например, раздел «Главное в ленинизме» (конечно, это диктатура пролетариата.— *Д.В.*) занимает менее двух страниц! Нужно отдать должное вождю — он умел упрощать, предельно примитивизировать и лаконизировать самые сложные вопросы до сухой и короткой, как выстрел, фразы. Раскладывая теорию по примитивным «полочкам» своей схемы, он это делал не только для доступности. Сталин и мыслил так же: схематично, бинарно, классово-элементарно.

Везде у Сталина «первое противоречие», «второе противоречие», «третье противоречие»; «догма первая», «догма вторая», «догма третья» (речь идет об «оппортунистах» II Интернационала); вся «теория пролетарской революции» уместается в «положение первое», «положение второе», «положение третье»; учение о партии укладыва-

ется в несколько особенностей: «партия, как передовой отряд рабочего класса», «партия, как организованный отряд», «партия, как высшая форма классовой организации», «партия, как орудие диктатуры пролетариата», «партия, как единство воли» и т.д.

Популяризатор и толкователь ленинизма смог все богатство социальных и политических отношений, духовной жизни, экономических реальностей загнать в прокрустово ложе псевдорелигиозной методологии.

Конечно, Сталин смакует ленинскую идею-определение: «диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией ...», видя в нем ключ к построению социалистического общества. Но при этом генсек придерживается ленинской утопической идеи о том, что диктатура пролетариата «способна подготовить отмирание государственности» при коммунизме. Для Сталина крестьянство является (он ссылается на ленинизм) только «резервом пролетариата», а национальный вопрос — это всего лишь часть «вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата».

Примечательны размышления Сталина о стратегии и тактике партии в классовой борьбе. Вдумайтесь: до февраля 1917 года «основной удар — изоляция либерально-монархической буржуазии»; с марта 1917-го до октября 1917 года «направление основного удара — изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры)»; а после октября «основной удар — изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала»...

Таким образом, большевики, стремясь к власти, направляли основные усилия не против крупной буржуазии, а против либеральных, демократических сил, главных приверженцев свободы в России.

Конечно, Сталин, как и его учитель, против реформ. «Революционер приемлет реформу для того, — пишет генсек, — чтобы использовать ее как зацепку для сочетания легальной работы с работой нелегальной, чтобы использовать ее как прикрытие для усиления нелегальной работы...»

Красноречие первого ленинца не нуждается в комментариях. Готовясь к беседе с Пальмиро Тольятти, он записал в своем блокноте: «Реформизм — забвение конечной

цели и основного средства для достижения конечной цели, т.е. диктатуры пролетариата»²⁷. Радикализм мышления не мог смириться даже с мыслью о реформаторстве.

Сталин с ленинской определенностью формулирует постулат о том, что «партия есть орудие диктатуры пролетариата». Этим «орудием» Сталин пользовался виртуозно. Когда в конце 20-х годов участились побег советских граждан за рубеж, а многие работники совучреждений, опасаясь репрессий, стали отказываться возвратиться в СССР, Сталин от имени политбюро предложил ЦИКу принять постановление, в котором говорилось: «Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного; б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности... Настоящий закон имеет обратную силу». Указания Сталина выполнялись быстро; 21 ноября 1927 года ЦИК СССР принял соответствующее постановление почти дословно.

По этому закону не расстреливали, а тайно убивали за рубежом лиц, которых считали опасными для режима. Часто это были хорошо инсценированные самоубийства, автотатастрофы, загадочные исчезновения... Такова судьба белых генералов Кутепова, Миллера, Дутова, Врангеля и многих других русских патриотов. Сколько было таких? Никто теперь этого точно установить не может.

Сталин сам демонстрировал, что такое «партия, как орудие диктатуры пролетариата». Именно генсеку принадлежит идея, «развивающая» ленинизм, о «приводах» и «рычагах» в системе диктатуры пролетариата. Сталин поясняет: это профсоюзы, советы, кооперация, союз молодежи. Конечно, в этом комплексе и партия основной элемент диктатуры. Так «ученик» Ленина и его «великий продолжатель» делал ленинизм более точно «доходчивым», понятным и эффективным. Все мы становились винтиками гигантской и беспощадной машины, превращая великую страну в «архипелаг ГУЛАГ», сами же и заселяя его жуткие острова. И то, что замолчавшему почти на семь десятилетий российскому народу удалось в условиях, когда все эти «вопросы» и «основы» ленинизма действовали как политические и нравственные директивы диктатуры, сохранить достоинство и волю к освобождению, заслуживает глубокого уважения.

Сталин редко допускал вольности в своих «трудах». Одна из них содержится в разделе «Стиль в работе» главного сочинения генсека. «Ученик и продолжатель», составляя светский катехизис, неожиданно утверждает, что «особый тип ленинца-работника» характеризуется двумя особенностями: «русский революционный размах и американская деловитость».

Автор политической и элементарной ленинианы пишет, что «американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа»²⁸.

Если бы эти слова кто-либо из советских людей произнес в пору охоты за космополитическими ведьмами, думаю, он бы горько пожалел об этом. Но «продолжатель» писал «гениальный труд» еще в середине двадцатых годов, а то одиннадцатое издание (!), из которого мы делали это извлечение, вышло в 1945 году. Союзнические симпатии к американцам еще не исчезли, и их деловитость была как бы к месту.

Конечно, развитие ленинизма Сталиным не ограничилось этими двумя работами. Ученик Ленина где только мог ссылался на учителя и «обогащал» его теорию, порой этот вклад был зловецким. Выступая в 1937 году на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», Сталин сделал теоретический вывод, который на «практике» стоил жизни миллионам людей. В седьмом пункте «Наших задач» доклада второй вождь заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных...».

Далее докладчик говорил об опасности этих «отчаянных вылазок» и необходимости ужесточения борьбы с врагами народа. «Этих господ придется громить и корчевать беспощадно...» — требовал главный ленинец. «Так

учит нас история. Так учит нас ленинизм»²⁹, — заключил Сталин.

В своей статье «Сталин — это Ленин сегодня» один из его долгих соратников в политбюро А.И. Микоян писал: «Товарищ Сталин, как ортодоксальный ученик Ленина, не только доказал, что он всеми своими мыслями и действиями стоит на почве творческого марксизма, но он обогатил и поднял на небывалую высоту теоретическую науку марксизма-ленинизма»³⁰. Стоит согласиться с тем, что Сталин — «ортодоксальный ученик Ленина» во всех отношениях, в том числе и в отношении демагогических способностей. Здесь ленинцам нет равных. Впрочем, об этом можно судить, коснувшись лишь одного забытого эпизода из жизни Сталина.

В сентябре 1927 года в Москву приехала американская рабочая делегация. Ее хорошо встретили, обласкали, придали большое значение, рассчитывая, что через такие делегации можно будет оказать коминтерновское влияние на рабочее движение в США. Об американцах писали «Правда», «Известия», сообщало советское радио.

Девятого сентября делегацию в Кремле принял сам генеральный секретарь. Сталин в беседе все нажимал, в частности, почему в США нет «специальной (читай ленинской. — Д.В.) массовой рабочей партии?», надеясь на перенесение большевизма на североамериканскую землю. Во время встречи, длившейся более четырех часов, шестеро американцев задали вопросы, на которые Сталин не смог бы дать удовлетворительного ответа, не замени он их классической ленинской демагогией.

На вопрос, контролирует ли компартия советское правительство, Сталин тут же ответил, что у нас нет «финансовых тузов», «денежных мешков» и их контроль «над правительством немислим». Но партия у нас руководит правительством. А руководство это удастся потому, что партия пользуется у нас доверием большинства рабочих и трудящихся вообще и она имеет право руководить органами правительства от имени этого большинства.

Сталин говорит так, как будто в СССР состоялись всеобщие выборы в верховный орган страны и ВКП(б) одержала победу над другими партиями.

Американцы сразу же замечают глубокую некоррект-

ность ответа Сталина: «Откуда Вы знаете, что массы сочувствуют коммунизму?»

Генсек проявляет дьявольскую изобретательность и добрых полчаса говорит, что во время октябрьского переворота 1917 года (да, Сталин так и говорил, «переворота»), Гражданской войны, в нынешний мирный период коммунисты одержали победу и возглавляют все руководящие органы в государстве. Разве случайно партия большевиков оказалась победительницей? В профсоюзах, комсомоле руководят коммунисты. Разве это случайно? Разве случайно на конференциях, собраниях так велико влияние коммунистической партии? «Вот откуда мне известно, что широкие массы рабочих и крестьян сочувствуют коммунистической партии».

Сталин, конечно, не мог прямо сказать американцам, что при неограниченной диктатуре большевиков не имеет никакого значения, «сочувствуют или не сочувствуют» рабочие и крестьяне СССР коммунистической партии. Разумеется, генсек не стал говорить, например, о «не сочувствии» кронштадтских матросов, восставших против монополии одной партии в стране. Тысячи расстрелянных и тысячи сосланных, не согласных с «линией партии», в лагерь — весьма красноречивое свидетельство отношения людей к коммунистам в советской России. Сталин мог бы добавить, что он сам был одним из инициаторов решений политбюро о создании специальных лагерей для «расселения кронштадтских бандитских матросов» в Ужте и под Холмогорами³¹.

Подчеркнув, что в капиталистических странах стремление к прибыли является двигателем производства, американцы спросили: «А каков стимул в СССР?» Сталин не моргнув глазом ответил: «Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство». Ответ вызвал невольные улыбки у Брафи, Дугласа, Бребнера, других членов делегации. Вот так, систематически повышая «сознательность», компартия эксплуатировала миллионы рабочих.

Весьма щекотливым для Сталина оказался вопрос: посылает ли ВКП(б) деньги в Америку для поддержки американской компартии и ее газеты «Дейли уоркер»? Генсек был определен: «Я должен заявить, что я не знаю ни одного случая, когда бы представители американской компартии обращались за помощью к компартии СССР. Вы

можете считать это странным, но это факт, говорящий о слишком большой щепетильности американских коммунистов»³².

Он словно забыл, что политбюро начиная с 1919 года отправляло крупные суммы в золотых рублях (а затем в долларах) в Америку через конкретных лиц: Котлярова — 209 000 руб., Хавкина — 500 000 руб., Андерсона — 1 011 000 руб., Джона Рида — 1 008 000 руб. (инициалы в документы не указаны. — Д.В.). И это только в 1919—1920 годах³³. И так продолжалось до 1991 года... Впрочем, с момента создания Коминтерна такие же денежные инъекции осуществлялись в десятки других стран для инициирования революционного движения и создания компартий. Слишком хотелось тогда мировой революции... А позже — хотя бы мощного комдвижения... И так, повторю, до 1991 года...

В таком же духе Сталин, не будучи «щепетильным», как американские коммунисты, ответил еще почти на десяток других вопросов; демагогически-лживо, как обычно умели делать большевики. Оказалось, что служить ленинской утопии можно только с помощью лжи и насилия. Насилия и лжи. Причем эти два главных «инструмента» тоталитаризма использовались одновременно, вместе, комплексно.

Выступая с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года, Сталин продемонстрировал, как большевикам удалось создать тесный союз лжи и насилия.

«...В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали советской власти 99,4 процента всех участников голосования...»

Этим в высшей степени чудовищным примером Сталин «доказывает», что «очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей» ведет к укреплению советского государства...³⁴ А в действительности это свидетельствует, что без лжи и насилия ленинская система существовать не может. Выборы без выбора в условиях кровавой вакханалии расправ создали перманентную обста-

новку липкого, устойчивого страха, при которой почти стопроцентное «голосование» было естественным результатом.

Тотальный террор Сталин не «выдумал». Он знал, что Ленин не колеблясь прибегал к нему после октябрьского переворота. Ведь линия первого вождя «превратить государство в учреждение для принуждения творить волю народа. Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся»³⁵. Свои демагогические слова Ленин говорил так, словно народ, «трудящиеся» уполномочили его это делать на всероссийском референдуме, всеобщих выборах... Сталин не забыл, что Ленин, выступая на заседании Президиума Петроградского Совета и представителей продовольственных организаций 14 (27) января 1918 года, был жестоко лаконичен: «...пока мы не применим террора — расстрел на месте, — к спекулянтам, ничего не выйдет... С грабителями надо так же поступать решительно — расстреливать на месте». В резолюции заседания вновь: «расстрел», «расстрел»³⁶. Сталину было у кого учиться. Караться должны были многие: «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступлений»³⁷. Ленин действовал в соответствии со своей установкой: «диктатура означает — примите это раз и навсегда к сведению... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть»³⁸. Разумеется, той же установкой руководствовался и Сталин.

Сталин был, как он написал при редактировании собственной биографии, «выдающимся учеником Ленина» и его великим продолжателем³⁹. В этом не приходится сомневаться, если в словах «великий» и «выдающийся» видеть только масштабы его деяний. Точнее, злодеяний.

Самое страшное, что идеи и поступки «учителя» и «ученика» были духом и плотью государственной политики великой страны, методологией мышления и действий миллионов людей, были формой чудовищного отчуждения от свободы. Выступая 17 ноября 1935 года на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев, Сталин и не скрывал своей издевки над высшей духовной ценностью — свободой. «Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой (*одобрительные возгласы, аплодисменты*). Чтобы можно было жить хорошо и весело, необ-

ходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными...»⁴⁰ Для Сталина свобода не высшая ответственность человека перед собой и обществом, а всего лишь красивая фраза, антураж «революционности», косметика диктатуры.

Партия, по словам Сталина, являвшаяся «орудием пролетарской диктатуры»⁴¹, под неумолимым напором губительных общечеловеческих факторов была вынуждена уже после смерти диктатора внести уточнение в соотношение первого вождя и его продолжателя. Но сделано это было с целью пожертвовать учеником и сохранить учителя. В докладе 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев беспощадно развенчал «ученика», сведя все его преступления к «культу личности». А «учитель» еще больше воссиял, будучи между тем личностной первоосновой всех бед великого народа в XX веке.

С тех пор более трех десятилетий всеми генсеками продолжалась сизифова работа по «восстановлению ленинских принципов»⁴², по возвращению «назад, к Ленину». Но «учитель» и «ученик» стояли друг друга. Именно они были последовательными проводниками самой жесткой ортодоксальной линии большевизма, при которой обожествлялись высшая цель и вождь, к ней ведущий. Партия же была орудием, а человек лишь механическим средством социального движения.

Благодаря Ленину человечество воочию убедилось, что коммунизм — великая Утопия. Это путь в Никуда. Но теперь без этой утопии нельзя представить XX век. Тем более что Система, созданная «учеником» и «учителем», оказалась бесчеловечной и не реформируемой.

Сталин обладал таким же большевизмом души, как и его «учитель». Он стал наиболее ярким выразителем ленинских догм в действии.

Сталинская система

Человек, личность, индивид — по отношению к ним ленинизм (в том числе и в форме сталинизма) проявил себя в высшей степени бесчеловечно. Это не просто ахиллесова пята большевизма, но и одна из важнейших его сущностных черт.

Сталин, как «Ленин сегодня», подобно «отцу-основате-

лю» большевизма, мыслил категориями классов и масс, не снисходя до отдельного «простого» человека, опускаясь в своем революционном прагматизме лишь до понятия «кадры». Хотя общих рассуждений о «рядовом коммунисте», «рабочем», «бедняке-крестьянине» в ленинизме (сталинизме) предостаточно. Приглядевшись, видишь, все это — строительный материал для созданного в сознании вождей эфемерного храма коммунизма.

Весь путь Ленина и Сталина, большевистской партии вымощен костями многих миллионов людей, ввергнутых их революционной волей и практикой из войны империалистической в войну гражданскую. Затем в грандиозные по масштабам кампании индустриализации и коллективизации, для чего пришлось вновь развязать кровавую войну против собственного народа. Счет шел на тысячи и миллионы. Отдельный человек (кроме руководителей, деятелей культуры, военачальников «врагов народа») Сталина интересовал лишь как объект для демагогии, пропаганды, демонстрации своего «человеколюбия».

Выступая 4 мая 1935 года в Кремле на выпуске слушателей военных академий, Сталин завел речь о том, что «у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры». Он вспомнил случай во время своей сибирской ссылки. В половодье крестьяне ушли ловить лес, унесенный разбушевавшейся рекой.

«...К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что «тридцатый остался там... утонул, стало быть». И тут же один из них начал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить».

На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу...»⁴³

Пример, приведенный Сталиным, дал ему повод заявить: «...Из всех ценных капиталов, имеющихсся в мире, самым ценным и самым решительным капиталом являются люди»⁴⁴. Сталин вроде бы забыл, что только-только закончилось безумие коллективизации, изломавшее судьбу 9,5 миллиона человек. Более трети от этого числа были расстреляны, замучены, сгинули на этапе, умерли в

стылой Сибири и на бескрайнем Севере. «Ценный капитал» при «руководящем» участии Сталина закапывался в безвестные и бесчисленные могилы...

Сталин считал миллионами. Отдельный человек был для него, для большевиков лишь бездушной статистической единицей. Еще 28 марта 1924 года для «срочного» и безотлагательного рассмотрения судеб этих «единиц», из коих складывался «самый ценный капитал», были созданы Особые совещания при ОГПУ в составе трех человек.

Сталин, занимаясь «массой», «классами», конечно, не видел «ценности» в таких людях, как Мартемьян Никитич Рютин. Большевик, называвший себя «интеллигентным пролетарием». А этот ленинец, наивно боровшийся за «чистоту» идеалов большевизма, усматривал в диктатуре Сталина смертельную угрозу «пролетарским принципам». Сталин несколько раз имел возможность видеть и критиковать этого секретаря Краснопресненского райкома партии, который проявлял, по словам генсека, «примиренчество» к «врагам партии». Начались проработки, аресты, лагеря, закончившиеся 10 января 1937 года заседанием военной коллегии Верховного суда СССР, приговорившей Рютина к высшей мере наказания. В тот же день человек, пожелавший иметь свое мнение о партии, ее политике и верховном руководителе ВКП(б), был расстрелян⁴⁵. Сталинский серп не занимался только одиноким стеблем. В бессчетной массе несчастных погибли жена Рютина и два его сына.

Даже «самый ценный капитал», заклеянный тавром «врагов народа», подлежал безжалостному уничтожению. Так было до последних дней жизни Сталина.

Сталинская система — это гигантский лагерь, где «личностью» имела право быть лишь одна персона — верховный вождь.

Такую систему еще накануне Второй мировой войны некоторые проницательные писатели и ученые стали называть т о т а л и т а р н о й, имея в виду всеобъемлющий контроль власти над всеми сферами человеческого бытия*. В конце тридцатых годов и значительно позже появились книги, словно копирующие, зеркально отражающие жизнь советской России и фашистской Германии.

* Totaliter (лат.) — полный.

Это работы Евгения Замятина, Артура Кестлера, Олдоса Хаксли и особенно Джорджа Оруэлла.

Глубоко мыслящие люди напряженно и тревожно всматривались в страну-казарму, страну-концлагерь. Это не просто было вначале увидеть. За кумачом революционных праздников и факельных шествий, всевластия секретарей и фюреров, лозунгов о «мировой революции» и «мировом господстве» просматривалось нечто злое — милитаризованные государственные машины, где могла себя чувствовать относительно спокойно только одна личность.

Сталин в СССР формировал систему, в фундаменте которой находились: безгрешная, универсальная, «единственно истинная» идеология; партия — огосударствленный орден с легионами бюрократов; единственный и всеильный вождь, почти земное божество; огромная военная машина; тотальный политический сыск с его «карательными органами». В этом обществе было все... кроме свободы человека, личности. Аморфную, обезличенную толпу облачили в единое идеологическое одеяние, духовную униформу, сделав ее послушным орудием достижения утопических целей. Самое страшное: многие, очень многие верили в эти идеалы.

Сталин не скрывал, что для него «компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского...»⁴⁶. Только такой орден способен стать политической базой большевистских преобразований. С помощью, по выражению Сталина, «приводов» и «рычагов» (профсоюзы, Советы депутатов, кооперация всех видов, союз молодежи) партия охватывает своим влиянием «массы». Благодаря этому, признается генсек, «ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии»⁴⁷. В этих условиях личность низводится до роли «винтика», простого исполнителя высшей диктаторской воли.

Правда, эта воля исполняется с помощью гигантского партийного аппарата, местных секретарей, которых Сталин любил именовать на военный лад. Выступая с погромным докладом на пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1937 года о путях ликвидации врагов партии, генсек заявил:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руково-

дящие слои, имеется 3—4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»⁴⁸.

Стремление надеть на руководителей, страну, бюрократию военную униформу весьма распространенный признак тоталитарных систем.

Тоталитаризм оказался удобной политической формой широкой технической модернизации страны ценой полного подавления личности и превращения людей в послушную, молчащую массу. Естественно, что в этом контексте либерализм, классический парламентаризм, реформизм, свободный рынок были не просто преданы анафеме, но и физически уничтожены.

Благодаря созданной по чертежам Ленина политической системе стало возможным осуществление сверхиндустриализации, тотальной коллективизации сельского хозяйства, перманентной милитаризации, отупляющей до абсурда идеологизации общества. В результате сформировался элементарный (в политическом плане) человек, способный без размышлений исполнять «центральную» волю. По мысли Сталина, массово закреплённой затем на практике, пропаганда и агитация готовят и обосновывают лозунги, которые затем становятся «п р я м о й д и р е к т и в о й»⁴⁹.

Это оказалось для советского государства очень удобной формой управления: партийная директива определяла все: когда начинать сев, кого считать «врагами народа», как разворачивать в области стахановское движение, какие сведения сообщать по поводу «ликбеза» и т.д. Директива (команда) — действие (исполнение). Сталин видел в этом алгоритме огромную силу ВКП(б). «Кадры партии, — говорил генсек, — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, они являются также командным составом руководящих государственных органов»⁵⁰. Прямолинейно и совершенно откровенно.

Постепенно складывался тотально-бюрократический механизм реализации «высшей воли». В самом низу — исполнитель, по выражению Сталина, «винтик». Вверху —

вождь. Между основанием пирамиды и ее вершиной — «приводные ремни». Эти «ремни» двигаются в «густой» партийной, большевистской среде. На каждом этаже пирамиды, в каждом ее секторе — недремлющее око все- сильных чекистов, осуществляющих тотальный контроль: за благонадежностью «винтиков», преданностью идее и вождю руководителей отдельных «приводных ремней», наличием или отсутствием «вражеской работы». Не только государственные органы превращались в инструменты насилия, но и производственные, сельскохозяйственные объединения. Выступая 11 января 1933 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с речью «О работе в деревне», Сталин заявил: «С точки зрения ленинизма, колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие и только оружие»⁵¹.

С тех пор «оружие» на селе всегда было. Но хлеба и с «оружием» всегда не хватало...

Конечно, кроме «абсолютно верной» Идеи Коммунизма, которой молятся все, часто на обыденном уровне, сводя ее к тому, что «там можно будет досыта есть», в Системе есть План. Он, этот План, одобряется вождем и становится законом для всех: наркомов, членов политбюро, директоров, бригадиров, стахановцев, «зэков». Главный План — это пятилетний. Даже если он не будет выполнен, во всех газетах, по радио, на собраниях скажут, что пятилетка «перевыполнена». Так, например, в январе 1933 года Сталин, подводя итоги первой пятилетки, вопреки реальным данным, заявил, что она «выполнена в течение четырех лет и трех месяцев».

План — это все. Плановость экономики и вообще всей социалистической жизни считалась «главным преимуществом» системы. Вождь имел, тем не менее, право в самые «дерзновенные планы» вносить исторические коррективы. Выступая 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом, Сталин заявил: «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства (!? — Д.В.) и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении (т.е. по производству продукции на душу населения). Мы это можем сделать, и мы это должны сделать... у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от

первой фазы коммунизма ко второй его фазе...» Для этого требуется, продолжал речь Сталин перед замороженным и притихшим залом: «...неукротимое желание идти вперед и готовность пойти на жертвы...»⁵².

Еще не закончилась «большая чистка», унесшая миллионы жизней, а вождь говорит о новых «жертвах». Никакие объективные экономические законы абсолютно не учитываются. Все решает «высшая воля», определяющая «генеральную линию» партии. Экономика, политика, хозяйственная жизнь подчиняются Цели. Она, цель, сформулирована в идеологии и благодаря популяризаторству Сталина приняла характер массовой идеи. Все становятся ее пленниками.

В обиходе торжественных собраний, рапортов о достижениях, популярной литературы — это прославление коммунизма, большевистской партии, «товарища Сталина», рабочего класса, выражение твердой уверенности в «окончательном торжестве дела Ленина—Сталина». Элементарная, предельно примитивная идейная пища, главной частью которой был пресловутый «Краткий курс» (история ВКП(б), широкая система духовной обработки (политическая учеба всего населения), повседневное «классовое воспитание» формировали так называемого «нового человека». Наиболее характерными чертами его являлись вера в большевистские мифы, черно-белое отражение многострунной и многоцветной действительности, следование многим классовым «табу», агрессивная воинственность при столкновениях не только с явно враждебными феноменами, но и с просто непонятными, готовность к «разъяснениям», «указаниям» из Центра. Рациональный слой индивидуального сознания обеднен и «законсервирован» множеством пропагандистских штампов. Не случайно идеологической промывке мозгов Сталин придавал огромное значение, если не сказать больше. Он всегда лично «курировал» эту сферу партийной деятельности.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), генсек заявил, что «...если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры... то имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными»⁵³. Системе нужны были послушные, бездумные исполнители, слепо верящие в большевистские установки. Сталин и его партия чрезвычайно преуспели в этом направлении. Поэтому

можно еще раз сказать: сталинский режим в качестве главной цели своей деятельности видел не человека, а его превращение в «атом» класса и «массы». Весь партийный и репрессивный механизм решали главную задачу в тотальном контроле этого процесса. Угроза репрессий, состояние постоянного страха превращали народ в молчаливый, притихший. Широко распространялась защитная мимикрия, рождались массовая подозрительность и нетерпимость к тем, кто «назначался» на роль очередного врага: троцкисты или бухаринцы, шпионы или вредители, космополиты или «отравители».

Вместе с тем душевное затмение не было полным. Как говорил А.И. Солженицын, сидя в лагере, он с близкими друзьями был уверен в конечном крахе большевизма. По свидетельству архивов, в высшие органы нередко приходили анонимные письма с выражением неприятия и осуждения большевистского курса. Не случайно, что после окончания Второй мировой войны почти миллион советских граждан сделали все, чтобы избежать участи возвращения на родную землю. Конечно, были среди них и такие, которые боялись наказаний за свои деяния, но, вероятно, большинство оставшихся на Западе — те, кто уже не верил в сталинский «рай» и искал свободу. Даже ценой утраты родины.

Мне, в частности, удалось документально установить, что еще в 1952 году только в Европе находилось 452 тысячи бывших советских граждан, которые не просто страшились возврата в свое отечество, но и решительно отвергали его порядки. Естественно, что духовный сталинизм, тоталитарное мышление в меньшей степени охватили сознание миллионов «жителей» ГУЛАГа.

Сталинская система, положив в основу своего функционирования выполнение воли партийной диктатуры ВКП(б), предстала как некая тотальная псевдокультура, сделавшая судьбу конкретной личности эфемерной, а власть государства подавляющей. Вместе с тем эта псевдокультура давно (и сегодня тоже!) паразитирует на христианской идее социальной справедливости, популистской идее защиты бедных, «пролетариата»: обращается к трактатам утопистов прошлого, внушая, что «золотой век» — это грядущий коммунизм. При всей эклектичности ленинизма и сталинизма как его конкретной временной разно-

видности они выделили из марксизма то, что там не являлось главным, — идею диктаторской власти. Эта псевдокультура не является ни европейской, ни азиатской, а представляет собой нечто особенное, уродливо-неповторимое, со своей идеологией, политикой, «ценностями».

Из семи десятилетий существования этой системы лишь первая половина (с 1917 по 1953 год) была в известном смысле классически тоталитарной. Основная «заслуга» в достраивании и «совершенствовании» ленинского тоталитарного здания принадлежит Сталину.

При всей чудовищной антигуманности, закрытости сталинского общества оно таило в себе и некую «привлекательную загадочность», на которую «клевали» не только Г. Уэллс, но и множество простых людей на Западе. Пропаганда о «государстве рабочих и крестьян» в России, осуществляемая зависимыми от ВКП(б) компартиями, поддерживала среди отдельных слоев и социальных групп капиталистических государств определенное доверие к большевистской власти. Можно даже сказать, что в «сталинские годы» СССР, Москва, режим излучали некий «бордово-темный свет», который одновременно пугал и притягивал. Такие мастера пера, как Анри Барбюс, своими книгами распространяли лживый миф о гении и на Западе. Барбюс писал о Сталине, что «кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках человека, который бодрствует за всех и работает, человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата»⁵⁴.

«Акварель» А. Барбюса насколько красочна, настолько и ложна. Сталин никогда не был таким.

Для повышения респектабельности режима, по инициативе Сталина, в 1935 году началась подготовка новой Конституции СССР. Страна пока жила по конституции, принятой в год смерти Ленина в 1924 году. Естественно, эту волю второго вождя освятили специальным постановлением VII съезда Советов 6 февраля 1935 года. Сталин обосновывал необходимость нового конституционного процесса целым рядом объективных обстоятельств: созданием новой индустриальной базы государства, разгромом кулачества, победой колхозного строя, завершением ликвидации частной собственности и т.д.⁵⁵.

Думаю, что Сталин не сказал на съезде двух очень важных вещей.

Во-первых. Диктатор почувствовал свою огромную силу. Но он хотел и международной популярности. Его встречи и долгие беседы с западными писателями Роменом Ролланом, Эмилем Людвигом и Гербертом Уэллсом преследовали цель создать привлекательный образ вождя СССР для Запада. Собеседники это сразу поняли. Людвиг тут же сказал генсеку: «В течение более 20 лет я изучаю жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей...»⁵⁶ А знаменитый фантаст Уэллс в самом начале беседы заявил, что он недавно «имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом... Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир...»⁵⁷. Сталин, как и всякий диктатор, настойчиво искал международной личной популярности.

Но он хотел, чтобы и создаваемая им система тоже была привлекательной, манящей, «вдохновляющей пролетариат». Конституция, е г о конституция, по мысли вождя, могла помочь решению этой, как теперь знаем, невыполнимой задачи.

Под бурные, просто иступленные аплодисменты делегатов VIII Всесоюзного съезда Советов Сталин заявил в своем обычном тавтологическом ключе, говоря о конституции: «Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, уже осуществлено в СССР. Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах...»⁵⁸ И мы знаем, что 5 декабря 1936 года с т а л и н с к а я конституция были «принята». Во-вторых. Заботясь о «демократической» респектабельности своей системы, личной привлекательности как вождя гигантского «государства рабочих и крестьян», Сталин исподволь, параллельно с подготовкой конституции готовил в стране гигантскую кровавую чистку.

Многие люди до сих пор не могут понять: зачем она была нужна ему? Власть его стала незыблемой. Вся явная оппозиция была разгромлена. Общество притихло, со страхом и восторгом (!) глядя на портреты низкорослого вождя (к слову, все советские семь вождей низкорослы; лишь Брежнев и Горбачев «дотягивают» до среднего роста), который создал «самое» сильное государство, «са-

мую» сильную армию, «самую» передовую науку и культуру и сейчас готовит жизнь, в которой всем будет «радостно и весело». Почему Сталин решил устроить всесоюзную кровавую баню? Как он решился на нее?

Нужно знать Сталина: всю жизнь, когда после смерти Ленина стал реально влиять на историю, он «пришпоривал» ее. Он торопил время. Его маниакальной идеей было «обогнать» всех. «Пробежать» 100 лет за 10 лет... Так заявил лидер партии в феврале 1931 года. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Сталин жил идеей исторического опережения естественного хода событий. Но люди меняются медленно. А кроме того, сколько еще в стране живет выходцев из российской буржуазии, бывших офицеров, едва ли разоружившихся членов различных партий, движений, группировок, скрытых вредителей и шпионов... Тем более, ведь он доказал, что налицо «обострение классовой борьбы»⁵⁹. Система должна пройти генеральную чистку. От этого она станет крепче, однороднее и сможет ускорить «переход ко второй фазе коммунизма».

Поэтому появление «единственной в мире до конца демократической конституции»⁶⁰ и «расчистка» для ее действия социального поля — вещи тесно взаимосвязанные. Сталинская конституция была предтечей большого террора. Действительность «подгонялась» под нее. На все времена.

Сталинская система была такой, что выполнение основных ее экономических, социальных и политических задач в области индустриализации, милитаризации, коллективизации, ликвидации кулачества, идеологизации общества были невозможны без перманентных чисток, террора, постоянной войны против собственного народа. У нас обычно «большой террор» ассоциируется только с 37—38-м годами. Это не так.

Весь период владычества И.В. Сталина в советском государстве был кровавым. Но эпицентром террора были тридцатые годы целиком. Инициировал бесконечные «дела» сам Сталин; он хотел расчисткой, «санитарной» обработкой обеспечить большее «морально-политическое единство общества» и его однородность. Молчащий народ (правда, громко скандировавший дикие лозунги, когда ему приказывали) привел к появлению и «выкорчевыванию» бесчисленных враждебных групп.

...В 1932—1933 годах ОГПУ начало дело о так называ-

емом «союзе марксистов-ленинцев» во главе с М.Н. Рютиным, В.Н. Каюровым, А.Н. Слепковым. Марксисты «романтичного» толка полагали, что возвращение к Ленину позволит преодолеть кризис в партии и убрать с поста ее генерального секретаря И.В. Сталина. Аресты, внесудебные расправы, тюрьмы, лагеря. Мартемьян Никитич Рютин, не в пример многим, проявил исключительное мужество. В последнем письме в ЦИК СССР Рютин писал, что «не боится смерти», даже будучи в руках аппарата НКВД полностью «беззащитным, бесправным, связанным по рукам и ногам, наглухо закупоренным от внешнего мира». Духовное сопротивление мученика было прервано расстрелом 10 января 1937 года вместе с единомышленниками.

Сталин, узнав о «закрытии дела», бросил:

— Давно надо было прикончить...

...С начала 20-х годов (еще при Ленине), а затем «раскрученные» Сталиным велись дела о так называемом «национал-уклонизме». Грузинский, татарский, белорусский, казахский, башкирский, украинский, «бухарский» и иные «национализмы» были постоянно на эшафоте сталинской системы. Даже понимая, что сам по себе национализм — сфера, где много негативного, категорически нельзя согласиться со сталинскими методами. На протяжении многих лет Сталин и его чекистские опричники отстреливали «националистов», часто единственной виной которых было стремление сохранить национальную культуру и национальное самосознание своих народов. Были сметены в небытие М.Х. Султан-Галиев, Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Чихладзе, Г. Элиава, С.В. Косиор, М.М. Хатаевич, А. Икрамов, Ф. Ходжаев, У. Ашуров, Н. Максум, А. Рахимбаев, Е.Я. Чаренц, А.Г. Ханджян и многие, многие другие.

«Националисты» были уничтожены, ибо подозревались в отсутствии лояльности к сталинскому национальному курсу. Ведь диктатор хотел ускорения, опережения текущих темпов истории и в национальной сфере, форсируя реализацию сумасшедшей, дикой идеи о «слиянии наций». Система выравнивала, нивелировала, однообразила людей. Но на национальном поле сделать это оказалось особенно трудным.

...Карательные органы открывали промышленные, аг-

рарные, идейные «дела». Не хватало военного. В летние дни 1937 года возникло и такое. Сталин не просто вдохновлял «дело», но и лично руководил его ходом. Вначале диктатор, как это он делал не раз, играя с жертвой, вызвал к себе в Кремль Маршала Советского Союза М.Н.Тухачевского после доноса К.Е.Ворошилова. Принял Тухачевского 13 мая 1937 года в 17.05, беседовал сорок пять минут в присутствии Молотова, Ежова, Ворошилова, Реденса, Кагановича. Тухачевский вышел от вождя бледным как мел и молча удалился. А 22 мая лично Сталин распорядился немедленно его арестовать вместе со многими другими военачальниками.

Меньше чем через неделю самого молодого маршала сломили, и он «сознался» в «шпионаже», встрече в Лондоне с сыном Троцкого, продаже себя фашистам и т.д. Для расправы создали специальное судебное присутствие Верховного суда. Система уже набила себе руку на абсолютно незаконных делах. Сталин лично несколько раз инструктировал А.Я. Вышинского, В.В. Ульриха и других палачей. Суд состоялся 11 июня 1937 года. В ходе процесса, до вынесения приговора, В.В. Ульрих в 16 часов был вызван к Сталину⁶¹. Беседа была короткой: «во всем сознался, как и другие». Сталин одобрил приговор. В 23 часа 35 минут В.В. Ульрих объявил приговор. Естественно, всех к расстрелу. Уже через неделю после расстрела Тухачевского и всех его семи «подельцев» были арестованы 21 командир корпуса, 37 командиров дивизий, 29 командиров бригад, многие десятки командиров полков и комиссаров. Военный «заговор» оказался широкомасштабным.

Процесс был командой: в армии и на флоте в течение двух лет, что документально подтверждено (см. Протоколы Верховного Суда СССР, дела Военной Коллегии), репрессировали свыше сорока тысяч командиров и политработников. Из состава Военного Совета при наркомате обороны, состоящего из 85 человек, избежали репрессий лишь девять военачальников... А 68 членов Совета были расстреляны.

Сталин хотел с помощью этой чистки освободиться от всех сомнительных, «неустойчивых», «запятнанных» связями с «врагами народа». Обезглавив армию перед лицом угрозы большой европейской войны, вождь был намерен довериться новой генерации командиров. Новой волне вы-

движенцев, не знающих бывших оппозиций и бывших вождей, не имеющих военного, боевого опыта. Государственная гильотина не должна была бездействовать.

...Было и «кремлевское дело», и дело группы «рабочей оппозиции», дело «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и много-много других «дел». Война, поставившая на карту само существование системы, приостановила сталинскую машину террора. Хотя уже осенью 1941 года жертвами сталинской методологии стали советские немцы, сосланные в Сибирь и Казахстан. Репрессии при Сталине не прекращались никогда. Как только исход войны стал ясен, началось выселение других народов, заподозренных сталинскими органами в неверности.

Есть серьезные основания полагать, что незадолго до смерти Сталин намеревался осуществить новую крупномасштабную чистку. Он больше, чем кто-либо, понимал, что два главных механизма его власти — Ложь и Насилие — не должны замирать ни на минуту. Иначе последствия могли быть для него печальными: ослабнет хватка липкого страха и у людей постепенно может начаться прозрение... Это было недопустимо.

...По личной инициативе Сталина в мае—июне 1952 года военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела «дело» Еврейского антифашистского комитета. Как всегда, обвинение было стандартно — шпионаж. Сразу же была «забыта» большая работа комитета в годы войны по мобилизации мирового общественного мнения, финансовых средств на борьбу с фашизмом.

Суд, конечно, состоялся без участия представителей государственного обвинения и защиты. Еще до суда Сталин «обговорил» на «своем» политбюро это очередное «дело». Решили: расстрелять всех, кроме академика Лины Соломоновны Штерн. Остальные несчастные: С.А. Лозовский, И.С. Фефер, И.С. Юзефович, Б.А. Шимелиович, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, Д.Н. Гофштейн, В.Л. Зускин, Л.Я. Тальми, И.С. Ватенберг, Э.И. Теумин, И.С. Ватенберг-Островская — были осуждены и расстреляны. В связи с этим делом была арестована и получила пять лет лагерей в Сибири и жена Молотова — П.Жемчужина за «связи с членами антифашистского комитета». Молотов постыдно промолчал, не заступившись

за жену, которая, находясь на отдыхе в Сочи, писала мужу: «береги как самого себя нашего дорогого Иосифа Виссарионовича...».

Как и возникшее вскоре «дело врачей», позорный процесс над Еврейским антифашистским комитетом не только начинал новую сталинскую волну террора, но и подогревал традиционный антисемитизм большевистских властей. Естественно, после «главного дела» начались аресты граждан еврейской национальности различных профессий; последовали новые расстрелы, приговоры о направлении в скорбный архипелаг ГУЛАГ на 15, 20, 25 лет...

Тоталитарная система, возникнув после октябрьского переворота на волне беззаконий, террора, демагогии, не могла позволить себе остановиться. Ведь «50—100 лет надо было пробежать за 10 лет...». Гонка за эфемерным идеалом укрепляла абсолютную власть партийного ордена и его вождя, поставив за скобки здравого смысла элементарную мораль и судьбу конкретного человека. Тотальный контроль за состоянием умов людей диктовал и тотальные действия по поддержанию идейного однообразия в общественном и индивидуальном сознании. А сегодня, когда партийные архивы ВКП(б) — КПСС стали доступны, выясняется, что полного «однообразия» мышления довольно часто не было.

...Сталинская конституция, венчавшая «юридическое» оформление системы, была, разумеется, триумфально принята. А между тем секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД доносил в политбюро высказывания людей по этому поводу.

Вот несколько выдержек из отчета по Ивановской области:

Колхозник Логинов Я.С. «Что нам дает ваша конституция? Что там написано Сталиным, так оно и будет, а не по-нашему... ведь жить-то становится совершенно нечем... Есть самим нечего, а тут все отдавай государству».

На ткацкой фабрике им. М. Горького создали собрание по обсуждению проекта конституции. «Чтобы удержать рабочих, заперли двери. Подмастер Скурихин с группой рабочих, обманув сторожа, с криком отворили двери, и человек 40 ушли с собрания... Кто не успел уйти, спал до конца собрания».

Член правления колхоза деревни Карики на собрании

заявил: «Конституцией нас не оденете, а вот частную торговлю ликвидировали и товаров не стало...»⁶²

Подобных высказываний — сотни. И это только те, что попали в донесения секретно-политических отделов ОГПУ, созданных в марте 1931 года. Разумеется, реакция начальства была однообразной:

«Усилить борьбу с враждебными элементами».

Само бытие советской общности в этих условиях стирало грани между ложью и истиной, насилием и властью. Псевдокультура меняла все: христианские представления о добре и зле, несправедливости и счастье, прекрасном и безобразном. Может быть, мы до сих пор плохо поняли изнутри шизофрению ленинско-сталинской системы? Может быть, например, социалистический реализм это и есть просто ленинский «авангард»? А жуткие убийства миллионов невинных людей — ритуалы тайного идеологического смысла?

Но нет. Мистика здесь только кажущаяся. Власть идеи — это не идея власти. Власть политических уголовников особенно наглядно видна, если в руки берешь стенограммы материалов пленумов ЦК ВКП(б) тех сумасшедших лет.

Известно, что в декабре 1936 года проходил пленум ЦК, обсуждавший вопрос о троцкистских и правых антисоветских организациях⁶³, а в марте 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»⁶⁴.

Ознакомление с докладами, выступлениями, репликами, диалогами создает жуткую картину иррационального мира, где то и дело слышатся слова: «сволочи», «гады», «уничтожить физически», «шпионаж», «диверсии», «громить и корчевать», «оголтелая банда»...

Словно не руководители великого государства собрались на свое совещание, а сборище вурдалаков, упырей, уголовных преступников, коим абсолютно неведомы достижения цивилизации, элементарные нормы человеческих отношений, даже ими же провозглашенные принципы и идеалы в «самой демократической конституции».

Подобные сборища сталинских соратников (правда, большинство из них вождей во имя своих химер отдал позже на заклатие службам НКВД) лучше всего характери-

зуют власть, существующую во имя уродливой идеи, а не человека.

Сталинская система, между тем, продолжала излучать свой зловещий «бордово-темный свет»...

Жезл До нападения гитлеровской Германии на Советский Союз оставалось полтора месяца...

В германском рейхстаге 4 мая 1941 года с большой речью выступил фюрер нации. Речь Гитлера многократно прерывалась аплодисментами. За трибуной был бесспорный победитель. Он вновь торжествующе рассказал, как были сокрушены Польша, Франция, оккупированы Норвегия, Бельгия, Голландия, рассказал о победоносной кампании немецких войск в Греции, политике Берлина на Балканах и в отношении своих союзников. Как всегда, острие его угроз было направлено против «еврейского капитализма», «английских и американских поджигателей войны», непосредственно против У. Черчилля.

О СССР прямо — ни слова... Гитлер, готовясь к этой важной речи, мог вспомнить, «как ему удалось в августе 1939 года, решительно вмешавшись в переговоры Советов и так называемых «западных демократий», быстро «уломать» Сталина, подписавшего почти тут же не только пакт о ненападении, но и через месяц «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Гитлер добился от Сталина всего, чего хотел, фактически он получил невоюющего союзника против Запада.

Тогда, 20 августа 1939 года, Гитлер продиктовал шесть пунктов жесткой, даже ультимативной телеграммы Сталину. Послание заканчивалось: «Я считаю, что в случае намерения обоих государств вступить друг с другом в новые отношения, целесообразно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, а самое позднее в среду, 23 августа...»⁶⁵ Гитлеровский ультиматум.

Почему два диктатора так быстро договорились? С Англией и Францией за долгие месяцы никак не могли согласовать даже исходных позиций, а здесь за 2—3 дня все решили...

Сегодня нам ясно, что молниеносные договоренности двух диктаторов стали возможны в силу родства их тоталитаризма.

литарных душ. Оба вожди, оба имели мировые планы, оба ненавидели демократию и любили сверхвооружения, и тот и другой ловко орудовали тоталитарными инструментами — ложью и насилием. Правда, вождь из Москвы был расист социальный, а из Берлина — этнический.

Уже поздно вечером 23 августа взволнованный Риббентроп звонил Гитлеру прямо из кабинета Молотова о том, что «все свершилось...». А свершилась договоренность о «разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», о фактическом соглашении поделить независимую Польшу. Германия, отказавшись затем от «куска» Литвы, в январе 1941 года получила письменное доказательство Москвы о готовности СССР выплатить Берлину компенсацию в размере 31 миллиона 500 тысяч золотых германских марок. Циничный торг и полюбовное соглашение коммунистического вождя и фашистского фюрера подготовили роковое развитие событий в Европе и мире.

А сейчас, в своей речи 4 мая 1941 года, Гитлер ни словом не упомянул о фактическом не воюющем «союзнике» Сталине, с коим его связывал договор о «дружбе». Впрочем, нет. Глухая угроза в адрес восточного друга прозвучала: «Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться тогда и там, когда и где это будет необходимо». Тем более что «для немецкого солдата, заявил Гитлер, нет ничего невозможного!»⁶⁶.

На другой день, 5 мая 1941 года, Сталин должен был выступить в Кремле на выпуске слушателей военных академий. Буквально за полчаса до начала банкета вождю доложили секретную телеграмму из Берлина с кратким изложением речи Гитлера. Как мы увидим, Сталин на встрече с «академиками» дал на нее ответ. Правда, речь советского лидера не публиковалась.

Почему Германия побеждает? — вопрошал Сталин, выступая в Кремле. Он отметил хорошую организацию и боевую технику немцев, глубокомысленно намекнул на наличие у нее «союзников». Однако в результате побед в германской армии (здесь он «отвечал вчерашней речи Гитлера») «появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает от нашей...».

Было на банкете много тостов, здравниц. Три тоста произнес и сам Сталин. Когда разгоряченный спиртным гене-

рал-танкист предложил выпить «за мирную сталинскую внешнюю политику», Сталин не спеша поднялся и остановил выступавшего:

— Разрешите внести поправку.

Медленно подбирая слова, жестикулируя здоровой рукой, лидер гигантской страны заявил: «...Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону до тех пор, пока не перевооружили нашу армию... А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»⁶⁷.

Естественно, «бурные аплодисменты» офицеров были ответом вождю.

Кое-кто, прочитав эти строки, скажет: «Вот видите, Суворов — автор книги «Ледокол» — был прав. Сталин готовился к нападению на Германию». Как я уже неоднократно и письменно, и устно публично говорил: в том, что Сталин, большевики всегда, подчеркну — в с е г д а, готовились только к наступательной войне, нет и не было никакого секрета. Данная позиция, исходя из ленинской установки на мировую революцию, опирается на коминтерновское мышление, стремящееся всю планету сделать красной. Сталин готовился к войне с Германией. Это несомненно. Возможно, он и хотел упредить Гитлера. Тоже возможно. Когда? Сроки, однако, не определялись. Нет ни одного известного документа, где бы об этом говорилось. Если бы были директивы о начале нападения СССР на Германию 6 июля 1941 года, как утверждает Суворов, это, в конечном счете, было бы невозможно скрыть. Многомиллионная Красная Армия имела бы в округах, армиях, в других высоких штабах соответствующие директивы в «Особых пакетах». Генштаб, все военные ведомства вели бы между собой секретную переписку, следы которой непременно бы остались. А история, как и математика, —

наука точная. Версии еще не доказательства. Возможно, они и есть, но нам пока неизвестны.

Нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков 14 мая 1941 года отправляют директивы «особой важности» командующим войсками Западного, Прибалтийского, Киевского военных округов. Главная задача определена так: «К 20 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать детальный план обороны (курсив мой. — Д.В.) государственной границы...» Нигде ни слова о готовности удара по немецким войскам, никаких данных о превентивном нападении СССР на Германию. А совершить широкомасштабное нападение на немецкого «друга» без детальной оперативно-документальной проработки, создания соответствующих группировок, иных многочисленных мероприятий — невозможно. Вербально, устно, бросить в бой можно лишь подразделение, часть, а не многомиллионную армию. Если Сталин и готовился напасть на Гитлера первым, что, конечно, нельзя исключать, то собирався сделать это позднее. Сроки? Повторю, они нам неизвестны. Пока это тайна истории, если действительно такие сроки и были определены.

Версия Суворова о намерении напасть на Германию 6 июля 1941 года не подтверждается пока никакими известными ныне документами и планами. Есть ли они вообще? Ни опровергнуть, ни подтвердить этого не могу. Нужны документы. Словно опасаясь обвинений, которые в будущем могут возникнуть в отношении его истинных намерений, Сталин счел необходимым заявить, выступая по радио 3 июля 1941 года: «...наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла встать на путь вероломства»⁶⁸. Диктатор к тому моменту был не готов «брать на себя инициативу...». А когда смог бы? Возможно, в 1942, 1943 годах. Никто теперь этого не узнает

Даже Гитлер в своем откровенном письме Муссолини 21 июня 1941 года не упоминает, не говорит о «превентивности» своего нападения. «Сотрудничество с Советским Союзом, — пишет фюрер, — сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами...»

В этой истории, связанной с истоками, началом войны,

главную роль сыграл Гитлер. Сталин был подыгрывающей стороной. На все времена, навечно в исторической летописи сказано: ранним утром 22 июня 1941 года войска германского вермахта и его союзников совершили, вопреки пакту, нападение на Советский Союз. Этот факт не опровергнуть никакими версиями, фактически оправдывающими Гитлера.

Какой она была, эта война, теперь все знают. Но о сущности Сталин заранее хотя бы ряд необходимых мер, о которых его просили генералы, разведчики, предупреждал Уинстон Черчилль⁶⁹, кровавая война была бы совершенно иной: более короткой и менее жертвенной. Даже если бы за неделю до нападения вермахта войска СССР были приведены в состояние полной боевой готовности, заняли заранее намеченные районы и позиции для обороны, удар гитлеровской машины был бы в решающей степени амортизирован. Может, и попятись бы советские войска на 100—150 километров в глубь своей территории, но никогда бы оккупантам не бывать ни в окрестностях Москвы и тем более на Волге. Сталинские просчеты носят столь огромный, катастрофический, поражающий воображение характер, что им невозможно найти историческую аналогию подобного масштаба. На донесении Зорге, который 15 июня 1941 года сообщал о точной дате нападения — 22 июня, Сталин начертал: «немецкая дезинформация». Следующее донесение от начальника первого управления НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности) Фитина, последовавшее 16 июня 1941 года: «Подготовка вооруженного выступления против СССР полностью закончена, и удар можно ожидать в любое время»⁷⁰ вождь оценил следующей резолюцией: «Т-щу Меркулову. Может, послать вам «источник» из штаба Герм. авиации к яб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор И. Ст.»⁷¹.

Можно с полным основанием сказать, что, находясь в плену культивируемой им самим шпиономании, Сталин оказался не в состоянии оценить разнообразную информацию, которая обильно поступала ему накануне войны в Кремль. Глубокая переоценка своих интеллектуальных возможностей, подогреваемая апологетикой его имени, полностью исключила возможность свободного коллективного обсуждения стратегических проблем Генетичес-

кий исток этого вождистского порока кроется в ущербности самой большевистской Системы.

Сталин уверовал в то, что его оценки и желания совпадают с объективными потребностями партии и страны, в которых он хозяйничал как неограниченный монарх. Все последующие первые лица советского государства, хотя и не в столь абсолютистской форме, но также несли личину непогрешимости и пользовались огромной властью. Без этого скрепа ленинская система не могла бы функционировать.

Столь трудная, вымученная, жертвенная победа советского народа в войне объясняется не только мощью и вероломством Германии, сколь крупными просчетами военно-политического руководства СССР. Автор книги уже упомянул выше некоторые роковые дипломатические ошибки Сталина, как и его крайне искаженную оценку точнейшей информации, поступавшей в Кремль от советской разведки.

Но не менее тяжелыми по последствиям оказались ошибочные выводы о направлении главного удара германской военной машины в случае войны. Разработчики плана обороны СССР, среди которых выделялись Б.М. Шапошников и А.М. Василевский, исходили из необходимости быть готовыми отразить нападение агрессора как на Западе, так и на Востоке. Генеральный штаб полагал, памятуя, что во всех выпитанных кампаниях Гитлер шел по прямой линии к столицам поверженных стран, что нужно ждать основной удар вермахта на минско-смоленском направлении. Так оно впоследствии и получилось. Но Сталин при обсуждении «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940—1941 годы» высказал сомнение в реальности предположений Генштаба. По его мнению, следовало ждать главного удара на юго-западе.

Аргументы вождя были из арсенала Гражданской войны: «уголь Донбасса», «хлеб Украины», прямой «путь к нефти» и т.д. Военные, давно отученные возражать и спорить, сразу же согласились с доводами Сталина. Решили серьезно усилить Юго-Западное направление и перебросить туда еще 25 дивизий с Западного.

Первый стратегический эшелон, согласно «Соображениям», предусматривалось построить по глубине равно-

мерно: войска прикрытия — 57 дивизий, вторая линия — 52 и резерв — 62 дивизии. В последующем это позволило гитлеровским соединениям легко прорывать слабую диафрагму фронта, ибо в узловых пунктах не было высокой концентрации войск, и нанести поражение советским объединениям по частям...

Позже Сталин все эти просчеты свалит на военных. Катастрофическое начало войны требовало «козлов отпущения». Очень многих. Десятки генералов были арестованы. Символом судьбы этих людей стала трагедия 44-летнего генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, Героя Советского Союза, в свое время облащенного и высоко вознесенного вождем. Как писал спустя десять лет после окончания войны генерал-полковник Сандалов: «Поражение войск наших западных округов произошло вследствие более слабого технического оснащения и более слабой подготовки войск и штабов Красной Армии по сравнению с армией гитлеровской Германии...»⁷² Старый генерал еще не решился сказать свое слово в адрес московских руководителей.

В своем последнем слове на молниеносном суде 22 июля 1941 года (ровно через месяц после начала войны) бывший командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов скажет: «...Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне». Генерал вел себя с достоинством, решительно отвергнув стандартное обвинение в злом умысле и предательстве. Его настойчиво вынуждали признать, что он, Павлов, участвовал в «военном заговоре» с целью «преднамеренно открыть фронт» противнику. Следовательно Павловский и Комаров все же «добились», что Павлов 7 июля «признал» наличие в своих поступках «вражеской деятельности», но на суде генерал решительно отмежевался от этих своих «выбитых» показаний. Через несколько часов после «суда» разжалованный Павлов, как и другие его «подельцы» генералы В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев и А.А. Коробков, будет расстрелян.

Такой же трагической оказалась судьба Маршала Советского Союза Г.И. Кулика, еще одного выдвигенца Сталина, малограмотного военного, которого вождь знал еще со времен Гражданской войны.

Уже в первые месяцы войны Кулик разочаровал Сталина, по сути, не выполнив должным образом ни одного приказа и распоряжения Верховного Главнокомандующего.

Роковой для Кулика оказалась его поездка по приказанию Сталина в Керчь с задачей удержать этот крымский город. 11 ноября 1941 года маршал прибыл в осажденную Керчь. Оборонявшиеся там 271, 276-я и 156-я стрелковые дивизии имели, собственно, лишь «номера» соединений, ибо личного состава в них было по 200—300 человек. Естественно, что деморализованные, почти не управляемые остатки советской группировки войск не смогли противостоять 42-му армейскому немецкому корпусу⁷³. Маршал с его весьма посредственными данными полководца бесслен. 15 ноября Керчь пала.

По указанию Сталина Специальное присутствие Верховного суда СССР 16 февраля 1942 года лишило Кулика звания маршала и всех наград. Ему грозил, как и Павлову, расстрел. Но в последний момент Сталин, что совсем не похоже на него, проявил «снисхождение». В его рабочем дневнике того времени сохранилась запись: «Сегодня. Вопрос о Кулике в Сибирь?»⁷⁴

Но и Сибири маршал избежал — стал генерал-майором и пребывал на второстепенных должностях. Завершая после войны свою службу в Приволжском военном округе, как-то в частной беседе с опальным генерал-полковником В.Н. Гордовым, у которого он был заместителем, «оплакал» раз-другой горечь своей судьбы. Этого оказалось достаточно, чтобы они оба в компании с третьим генералом Ф.Т. Рыбальченко, начальником штаба округа, были арестованы и 24 августа 1950 года расстреляны⁷⁵.

Благодаря «карательным органам», которые не бездействовали ни минуты, каждый военнослужащий на фронте подвергался смертельной опасности со стороны не только врага, но и недремлющего ока «особых отделов». Об атмосфере того времени, особенно в первый период войны, красноречиво свидетельствует донесение Сталину командующего 43-й армией генерал-майора К.Д. Голубева. В документе есть строки: «Армия перестала бежать и около 20 суток бьет морду противнику... Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо — обласкать... Просьба: перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые пять дней. На

второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии»⁷⁶.

Если мерить сталинскими мерками, вождь сам в числе первых попадал в категорию дрогнувших, растерявшихся. В книге «Сталин» я утверждал, что вождь в конце июня под влиянием катастрофических неудач на фронте впал в прострацию и несколько дней не появлялся в Кремле. Меня оспаривали, не соглашались, утверждали, что Сталин ни на один час не выпускал государственных рычагов управления. Сейчас я документально могу подтвердить выдвинутую мной версию, которая в результате проведенного анализа превращается в научно доказанный факт.

Дело обстояло следующим образом. Приехав к обеду 28 июня 1941 года в Кремль, Сталин до 00.50 29-го принял 21 человека. Подавляющее большинство из них военные. Тимошенко, Жуков, Голиков, бывшие у диктатора в кабинете с 21.30 до 23.10 (Голиков, начальник Главного разведывательного управления, был отпущен на полчаса раньше). Они ему доложили (а авиационные начальники Жигарев и Супрун затем подтвердили), что немецкие танки уже замечены в о с т о ч н е е Минска... Пораженный Сталин не хотел этому верить:

— Как у Минска? Вы что-то путаете...

Трагическая информация подтвердилась. Сталин по инерции принял еще члена политбюро А. Микояна и наркома госбезопасности СССР В. Меркулова и отпустил их около часу ночи. Уехав к себе на дачу, в Кунцево, Сталин до 1 июля в Кремле не появлялся⁷⁷. Когда к нему утром 1 июля приехали Молотов, Берия, Маленков, Каганович, Микоян, он попятился от них со следами испуга на лице. Вождь решил, что его приехали арестовать. Но у них был ряд конкретных предложений по организации отпора агрессору. Сталин постепенно пришел в себя, и состояние психологического шока его покинуло. В эти дни он сам подпадал под действие своих «карательных органов». Первое лицо в государстве пребывало в прострации и не руководило страной, находящейся в отчаянном положении, в течение трех дней.

Война, как апогей человеческого насилия, жестока сама по себе. Сталин делал ее еще более жестокой. Это было чертой его «полководческого» стиля. Благодаря своим

беспрецедентным просчетам в политической и военной областях ему удалось справиться с ситуацией не только за счет невиданной самоотверженности советских людей, но и массового террора военных властей в отношении тех, кто дрогнул, кто смалодушничал, проявил временную растерянность. А это происходило чаще всего из-за утраты управления войсками. На разных уровнях. Сталинские приказы № 270 и 227 были актами беспредельно жестокого отчаяния, но с помощью которых в конце концов удалось стабилизировать обстановку на фронте и в прифронтной полосе.

В Главное политуправление Красной Армии ежедневно шли донесения с фронтов и из армий об исполнении приказа № 227, продиктованного, лично отредактированного и подписанного Сталиным 28 июля 1942 года. В соответствии с приказом на фронтах стали быстро формироваться штрафные батальоны, куда направлялись за «проявление паникерства» старшие и средние командиры, а также штрафные роты для рядовых бойцов и младших командиров. После выхода из окружения офицеры направлялись в Люберецкий, Подольский, Рязанский, Калачский, Котлубанский, Сталинградский, Белокалитвенский, Георгиевский, Угольный, Хонларский, другие спецлагеря. Численность стрелковых батальонов, которые формировались из офицеров, вышедших из окружения, составляла по 929 человек⁷⁸.

Сталин нервно требует докладов об исполнении его приказа, который был назван на фронте «ни шагу назад», грубо разносит командующих, приказывает беспощадно расправляться с «паникерами», активнее использовать заградотряды. Когда командующих звали к аппаратам связи с Москвой, те шли к ним с тяжелым сердцем, заранее зная о зловещей тональности очередных указаний и требований Верховного. Никто не был уверен, что вызов закончится благополучно для «собеседника» Сталина. Телеграфные ленты переговоров фиксируют часто одни и те же вопросы: почему не выполняется приказ № 227? Что делаете для этого лично Вы?

В каждом политуправлении фронта, политотделе армии ежедневно готовят донесения в Москву. Вот лишь одно из них, отправленное со Сталинградского фронта.

«С 1 по 10 августа армейскими заградотрядами задержа-

но 2099 чел., в том числе бежавших с поля боя 378 чел., вышедших из окружения — 713, членовредителей — 94, отставших от частей — 914 человек.

Из задержанных направлено в штрафные роты — 517, в спецлагеря — 111, пересыльные пункты — 82, арестовано — 104, расстреляно перед строем трусов, паникеров и членовредителей — 83 человека...

Гуревич»⁷⁹.

За это же время заградотрядами одного Сталинградского фронта расстреляно 140 человек. А всего в 1941—1942 годах (страшно сказать!) военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека...⁸⁰ Вдумайтесь: почти 158 тысяч человек! Шестнадцать полнокровных дивизий... Когда я говорю об этом, меня сталинисты называют «очернителем»... Выходит, надо делать вид, что этих людей никогда не существовало! Вина большинства этих «паникеров» — в утрате управления, крупных просчетах высшего руководства. А сколько было расстреляно без суда?

Сталин собственноручно направлял внимание фронтовых «органов» на командиров, требующих, по его мнению, такого «внимания». В одном из своих блокнотов, который он вел в дни Сталинградской эпопеи, Верховный Главнокомандующий записал: «Сомнительные: Скульский, Пинчук, Гермуни, Матвейшин, Камынин, Кочетков»...⁸¹ ...Сегодня можно точно сказать, повторюсь еще раз, что большинство несчастных, попавших под расстрел, оказались в ситуации, положении беспорядочного отступления из-за утраты командованием различных уровней оперативного управления. Так Сталин «исправлял» свои бесчисленные роковые ошибки.

Так же беспощадно подавлялись случаи трусости, малодушия в тылу. Например, осенью, особенно в октябре 1941 года, в Москве было немало людей, которые, теряя веру во власть, дрогнули, пытались самовольно оставить предприятия, бежать из столицы. Военная комендатура, в частности, докладывала, что в октябре и ноябре в Москве арестовано, преимущественно военнослужащих и военнообязанных (Д.В.), 6678 человек; направлено в маршевые роты — 32 599; расстреляно по приговорам военных три-

буналов — 357; расстреляно на месте — 15 человек (так в документе)⁸².

Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары. Сталинский приказ, по сути, выразил идею Троцкого, заявившего в 1918 году при создании заградотрядов: «Они дают возможность умереть с почетом впереди или с позором в тылу». В минувшей войне, повторяюсь, военные репрессии по отношению к собственным военнослужащим явились террористическим способом компенсации Сталиным своих крупных и непростибельных стратегических ошибок в политической и военной областях.

Как только удалось остановить врага, а затем и перейти в контрнаступление, у заградотрядов работы резко побавилось. Стал действовать древний, как сами войны, закон: успех на поле брани окрыляет, поднимает и укрепляет духовные силы сражающихся войск. Это лучший способ сохранения нравственных сил на высоком уровне. Именно на это и рассчитывал Сталин. Он не только призвал на помощь тени великих предков, славные традиции россиян, милостиво взглянул на религию, стал щедро одаривать отличившихся наградами, но шел и на другие неординарные шаги. Например, по инициативе Сталина, Государственный Комитет Обороны 12 ноября 1942 года приказом № 2507с принял решение выдавать по 100 граммов водки на человека в частях и на кораблях, непосредственно ведущих боевые действия, и по 50 граммов — полковым и дивизионным резервам... Диктатор понимал, что настраивание человека на фронте далеко не последнее дело.

Заботился и о партверхушке. Когда Ленинград бился, почти конвульсируя, в смертельной блокаде, вышло несколько особо секретных распоряжений из Москвы, исполненных Ждановым, «О спец-снабжении продтоварами руководящих партийных и советских работников» несчастного и героического города⁸³.

Комментировать здесь нечего.

Система, созданная Лениным и достроенная Сталиным, была такой, что от решения человека, находящегося на самой вершине пирамиды власти, зависело очень и очень

многое. Сталин, ставший Маршалом Советского Союза, а после войны, в июне 1945 года, и Генералиссимусом, не был в полном смысле полководцем. Он являлся исторически крупным политическим деятелем, призванным заниматься военными вопросами. Война многому научила Сталина. Ее уроки были ужасно кровавы; методом проб и ошибок он постепенно, на третий-четвертый год войны, постиг немало такого, чего никогда не знал, особенно в области подготовки и проведения крупных стратегических операций группами фронтов. Стратегическое зрение вождя было «дальтоническим»; он хорошо видел политические аспекты принимаемых решений и значительно хуже — военные. Мог долго не понимать, не принимать оригинальной идеи, как это было с замыслом знаменитой Сталинградской операции на окружение армии Паулюса. Жукову и Василевскому пришлось трижды докладывать Верховному Главнокомандующему, чтобы тот «рассмотрел» оригинальную, очень смелую идею перейти в контрнаступление в самый критический момент, когда новое, тяжелое поражение, казалось, было неизбежной реальностью.

Верховный Главнокомандующий, будучи умным и хитрым человеком, уже вскоре после начала войны выработал выгодную для него манеру поведения как полководца. Без докладов военачальников он редко принимал и оглашал свои решения. Выслушав предложения, чаще всего соглашался с ними, правда, при этом обязательно добавляя «кое-какие» мысли о «более эффективном применении авиации и артиллерии». Если одобренное Сталиным решение успешно выполнялось, то, естественно, он был «отцом» успеха. В случае провала, поражения, неудачи по исполнению замысла, одобренного Верховным Главнокомандующим, вождь обязательно находил виновных, уличал исполнителей в плохом использовании артиллерии и авиации, безобразии фронтового или армейского руководства. Таким образом, в случае успеха или неуспеха его реноме, образ полководца не страдали...

Сталина как полководца учила война и «учили» выдающиеся военачальники, находившиеся с ним рядом все эти годы: Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Правда, нередко Верховный мог загореться какой-либо идеей, которая затем оказывалась ложной, непродуманной, необоснованной.

Сталин был очень вдохновлен успешным контрнаступлением под Москвой в конце 1941 года. Когда докладывали об освобождении новых населенных пунктов в самом сердце России, военное окружение в Ставке впервые за полгода могло поймать у него на лице хмурую улыбку.

На совещании, которое состоялось в Ставке в начале января 1942 года, обсуждались стратегические задачи на текущий год. Выслушали военачальников. Все сходились на том, что вдохновляющую «запевку» под Москвой нужно поддержать, развить. Предлагалось провести ряд последовательных операций, с тем чтобы окончательно вырвать у захватчиков стратегическую инициативу. На основании обсуждения в узком кругу, в присутствии Василевского, Молотова, Маленкова, еще ряда лиц, подготовили «Директивное письмо». Оно было в духе прошедшего накануне совещания. Зачитали еще раз вслух весь текст. Все замолчали и выжидающе смотрели на Сталина. Он должен был, как высший судья, одобрить или не одобрить. Сталин, как обычно, мягко прохаживался по ковру кабинета, размышляя. Наступила напряженная тишина. Вдруг Сталин остановился и, указывая потухшей трубкой на текст директивной бумаги, сказал:

«Пишите: «Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полной разгром гитлеровских войск в 1942 году»⁸⁴.

Нескладная, неуклюжая, длинная фраза, где слово «резервы» повторялось три раза, перевернула все согласованные ранее планы. Во-первых, Сталину перечить никто не смел. Во-вторых, разве мог кто-нибудь возразить против исключительно привлекательной цели обеспечить «полный разгром» агрессора в 1942 году?

Абсолютная нереальность сталинского замысла заложила грядущие тяжелейшие весенние и летние поражения Красной Армии. После сталинских новых указаний, по сути, решили без оперативной паузы после наступления под Москвой перейти к общему наступлению на широком фронте от Черного моря до Ладожского озера. С 7 января по 30 апреля несколько фронтов в соответствии с указа-

ниями Сталина пытались осуществить ряд наступательных операций с решительными целями.

Как отмечается в исследовании А.А. Волкова, «все 12 фронтовых наступательных операций, проведенных в период общего наступления на трех стратегических направлениях, остались незавершенными»⁸⁵. Достаточно назвать такие незавершенные, а попросту неудачные операции, как Курско-Обоянскую (Юго-Западный фронт), Любаньскую (Ленинградский и Волховский фронты), Орловско-Болховскую (Брянский фронт), Сычевско-Вяземскую (Калининский фронт), Демянскую (Северо-Западный фронт), Болховскую (Западный и Брянский фронты), Крымскую (Крымский фронт и Черноморский флот) и некоторые другие, не достигшие поставленных целей. А они, эти оперативные цели, были впечатляющими: прорыв блокады Ленинграда, овладение Крымом, освобождение городов Курска, Старой Руссы, Орла, Харькова, Ржева и многих, многих других. Не удалось осуществить и главного плана — разгромить основные силы группы армий «Центр» и другие оперативные объединения.

В итоге малоуспешных операций все фронты (с 7 января по 30 апреля 1942 года) понесли крупные потери (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). Впрочем, судите сами. Без учета потерь в ВВС, ВМФ, в войсках НКВД фронты отдали на алтарь двенадцати незавершенных операций 2 миллиона 352 тысячи человек...⁸⁶ Об этом никогда не принято было писать.

Конкретно фронты потеряли: Карельский — 58 733 человека, Ленинградский — 132 440, Волховский — 233 388, Северо-Западный — 188 761, Калининский — 327 060, Западный — 524 910, Брянский — 202 500, Юго-Западный — 162 982, Южный — 179 930, Кавказский (Крымский) — 352 000 человек...⁸⁷

Вы помните заявление Сталина, что к весне «у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов...»? Как оказалось в действительности?

Немецкие войска понесли потери более чем в четыре раза меньшие, чем советские фронты. Воевать еще по-настоящему тогда не умели... А главное — руководили войсками плохо.

В основе стратегии лежала сталинская Цель. Какие средства потребуются для этого, сколь масштабными ста-

нут человеческие потери, было для Сталина делом второстепенным. Эту мысль вполне подтверждает его вставка в одну из шифротелеграмм 1942 года в Сталинград. «Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова, — продиктовал Сталин, — не цадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами». Это было незыблемое кредо кремлевского маршала: «не останавливаться ни перед какими жертвами»⁸⁸. Цель — прежде всего, а средства (жертвы) — вещь производная, второстепенная. Так воспитывал Сталин и своих военачальников: он не разносил их за крупные потери, необоснованные жертвы, но не прощал оперативных оплошностей и неисполненных приказов.

Здесь нужно сделать одно отступление. Еще до начала знаменитого наступления под Сталинградом в ноябре 1942 года советская внешняя разведка, которая всегда была традиционно сильной и вездесущей, донесла Берии сведения чрезвычайной важности. Впрочем, человек в пенсне, с немигающими, как у ящера, глазами, так об этом доложил Сталину:

«6 октября 1942 г.

Сов. секретно

Тов. Сталину

В капиталистических странах началось изучение вопроса использования атомной энергии для военных целей»

Далее говорилось об уровне этих работ в Англии и США, о людях, возглавляющих абсолютно секретные проекты.

Берия предлагал по совету советских ученых-физиков: «Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном Комитете обороны из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления всех работ по вопросам атомной энергии. Необходимо ознакомить через органы НКВД видных специалистов с целью оценки и «соответствующего использования этих материалов». Берия, в частности, по рекомендации ученых предложил привлечь академиков Скобельцына, Капицу, профессора Слуцкого и некоторых других. Но «некоторые другие», как М.П. Бронштейн, А.А. Витт, уже погибли в лагерях, а академики И.В. Обремов, Л.Д. Ландау, В.А. Фок и другие еще тянули свою горькую ношу в ГУЛАГе.

Сталин, которому популярно рассказали о возможностях оружия, основанного на использовании «урановой энергии», загорелся.

— Нельзя ли все ускорить для использования в войне с фашистами?

Записка И.В. Курчатова в ГКО, составленная на основе анализа группы ведущих физиков, остудила головы в Кремле. В ней говорилось:

«1. В исследовании проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки...

2. Имеющиеся в распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы считать возможным практическое осуществление или неосуществление задачи производства урановых бомб. За рубежом определенные выводы сделаны. (...)

5. Возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена. Но представляется необходимым широко развернуть работу по проблеме урана».

Курчатов предлагает привлечь к работе большую группу крупных физиков: Иоффе А.Ф., Капицу П.Л., Семенова Н.Н., Алиханова А.И., Харитона Ю.Б., Зельдовича Я.Б., Александрова А.П. и других специалистов.

Сталин отдает распоряжение активизировать работу разведки в этом направлении. Вскоре работы приняли государственный размах. Сталин спросил однажды: «Узнайте, сколько стоит одна такая бомба?» Через день ему доложили запиской Фитина (НКВД), что по английской оценке — 236 000 фунтов стерлингов. Сталин промолчал. Для него цифры трат и жертв никогда ничего не значили.

Шла жестокая война. Немцы были у Волги, но ученые и разведчики «озадачили» вождя, на которого произвели громадное впечатление возможности освобожденной атомной энергии в военных целях. Вождь кивнул: делать! И быстрее.

Так решались многие судьбоносные вопросы: воля вождя превыше всего. Создали специальную лабораторию по атомному ядру и поставили задачу: в 1944—1945 годах накопить 100 тонн урана. Получить в 1945 году урана-235 в количестве 200—300 кг, накопить «тяжелой» воды 2—3 тонны. Начинали с малого... Но вернемся к его «провидчеству» и стратегическому планированию.

Сталинская импровизация с постановкой задач на 1942 год, не подкрепленная тщательными оперативными расчетами и глубоким стратегическим видением панорамы войны, не только не привела к «полному разгрому» немецких войск, но и поставила советские войска в тяжелейшее, критическое положение летом и осенью этого года. Что, впрочем, не помешало после великой победы над фашизмом, добытой советским народом в 1945 году ценой огромных жертв и самопожертвования, объявить Сталина «величайшим полководцем всех времен».

Теоретический официоз ВКП(б) журнал «Большевик» в статье «Великий вождь и учитель коммунистической партии и советского народа» писал в декабре 1949 года: «С невиданной в истории мощью сталинский военный гений проявился во время Великой Отечественной войны. О таланте полководца судят по значению выигранных им сражений, по масштабу и характеру тех задач, которые ему пришлось решать, по объему трудностей, которые пришлось преодолеть, по умению находить и использовать все возможности, чтобы организовать победу. Во всех этих отношениях товарищ Сталин — полководец Советского государства — не имеет себе равных в истории»⁸⁹.

Сталин вроде бы «доказал», что и без уничтоженного им в конце 30-х годов Военного Совета при народном комиссаре обороны СССР, куда входил цвет советского командования, он обошелся... Но «Большевик» стыдливо умолчал, что военный гений во все времена в первую очередь проявлялся не только в значимости достигнутых целей, но и в цене затраченных на это средств, и прежде всего — человеческих жертв. Для ленинцев это никогда не имело решающего значения. Люди для Системы, построенной Лениным и Сталиным, никогда не были высшей ценностью, что бы фарисейски ни говорили эти вожди о «кадрах», «пролетариате», «российских революционерах»...

Война, народ, тяжелейшие обстоятельства выдвинули на полях сражений за свободу и независимость новую плеяду офицерства вместо тех 44 тысяч командиров и военачальников, репрессированных большевистской карательной машиной в предвоенные годы. Но кто скажет, скольких дополнительных жертв стоило это выдвижение? Генералиссимус, упомянувший 9 мая 1945 года в своем Обра-

щении к народу «алтарь отечества»⁹⁰, позаботился, чтобы недостатка в жертвах там не было.

Более половины из 26 миллионов 452 тысяч соотечественников, погибших в войне, — это мирное, гражданское население: женщины, старики, дети. Сталин, система не только ответственны за катастрофическое начало войны, провал многих крупных операций, стремление достичь цели, «не считаясь с жертвами», но и виновны в сдаче врагу огромных территорий страны, на которых проживало около 80 миллионов человек, что и предопределило многомиллионную гибель самой незащищенной части населения. Об этом в нашей литературе, историографии почти не принято говорить. Но, возможно, это самая страшная, горестная, печальная часть цены нашей Победы. Достаточно упомянуть лишь один, не главный «роковой» момент. На протяжении десятилетия жители западных областей СССР обязательно указывали в различных анкетах: был ли человек «на оккупированной территории». Как будто он повинен в этом! Ну а для «органов» сия графа была важной: классовая, политическая бдительность превыше всего...

Тайные диалоги

Незадолго до полуночи в кабинет В.М. Молотова вошел И.В. Сталин. Вместе с ним был и К.Е. Ворошилов.

За окном стоял стылый февраль 1938 года. Трое поговорили, не рассаживаясь в кресла. Точнее, больше говорил Сталин. Молотов и Ворошилов слушали, иногда вставляя свои реплики в неторопливую речь вождя.

Бесшумно возник помощник хозяина кабинета и доложил, что «китайца привезли». Речь шла о специальном представителе Чан Кайши, приехавшем в Москву. Вошедший в кабинет Сунь-Фо был среднего роста, с пронзительными глазами, улыбчив. Поздоровались. Сталин, как всегда, осведомился через переводчика, хорошо ли добрались до Москвы, как здоровье Чан Кайши, готов ли гость для беседы.

Расселись с одного края длинного стола для совещаний, какие стояли в кабинетах всех высоких советских руководителей.

Было 12 часов ночи. Обычно в это время или на час раньше кремлевские вожди назначали приемы «гостей»:

заслушивали наркомов; руководителей, которых они вызывали для отчета; совещались между собою по важным вопросам. Ночь своим покровом словно должна была подчеркнуть важность и таинственность встреч, бесед, переговоров.

После короткого ритуального начала Сталин прямо спросил: какие вопросы волнуют Чан Кайши? Чем они, большевистские руководители в Москве, могут быть полезны Бэйпину?

Сунь-Фо после очередных традиционных витиеватых приветствий Сталину и его соратникам заявил, что привез специальное послание лидера дружественного Китая. Переводчик начал длинное чтение текста, которое было им уже заранее изложено на русском языке.

Чан Кайши просил у Сталина советников, оружия, много оружия, но главное, чтобы СССР... объявил войну Японии. Это выгодно, по его мнению, не только Китаю, но и СССР...

Сталин перебил переводчика и сразу же заявил:

— Объявлять Японии войну нам нецелесообразно. Прежде всего по политическим соображениям. Се й-ч а с, — он сделал ударение на данном слове, — это делать не следует.

Переводчик переводил. Сунь-Фо быстро выстраивал в своем блокноте иероглифы.

Что же касается оружия, продолжал Сталин, то надо смотреть на дело капитальнее. Дадим что можем. Но вам надо построить 1—2 авиазавода, 1—2 завода для артиллерийского вооружения. Окажем помощь.

Беседа в том же духе длилась долго. Китаец просил — Сталин отвечал. Иногда поддакивали Молотов и Ворошилов и «подкрепляли» Сталина доводами, аргументами, цифрами. Было уже три часа ночи, когда Молотов, обращаясь к участникам переговоров, заявил:

— Есть предложение поужинать у меня дома. Жена уже давно ждет...

Конечно, «вождями» все было расписано заранее. В том числе и почти «утренний» ужин. Дружно поднялись и отправились к Молотову. Вскоре туда приехали вызванные А.И. Микоян, Н.И. Ежов. Ночная пирушка длилась до 5.15 утра. Все изрядно захмелели, выпив по дюжине рюмок «за товарища Сталина», «вождя китайского народа

Чан Кайши», «дружбу двух великих государств». Кровавый пигмей Ежов, слывший наверху пьяницей, быстро опьянел и что-то бормотал про «важность укрепления карательных органов». Сталин и Ворошилов очень высоко отзывались о Чан Кайши, как о полководце, хотя, нажимали собеседники, в борьбе с Китайской Красной Армией было принесено много напрасных жертв...

Переводчик, самый трезвый из компании, еще успел зафиксировать прощальный тост Сталина:

— История любит шутить. Она иногда выбирает дурака, как палку, которая подгоняет исторический прогресс. Японская военщина представляет дурака. Япония не завоеует Китай. Я пью за сильный Китай, который будет включать в себя и Синьцзян, и Внешнюю Монголию!⁹¹

Вновь дружно выпили.

После «ужина» вожди разъехались отсыпаться. Когда же Сталин вновь встретился с Сунь-Фо через три месяца, 23 мая 1938 года, он уже был готов дать Чан Кайши многомиллионный заем в долларах под оружие, военное производство.

Так большевистские вожди теперь предпочитали вести свою международную политику; ни через Коминтерн, международные конгрессы или Лигу Наций, а путем тайных переговоров, закрытых сделок, взятие взаимных обязательств со странами, которые, по мысли кремлевских руководителей, могли быть полезными в их глобальных планах.

Мы коснулись китайского сюжета не случайно. Именно в китайских вопросах Сталин считал себя особо большим специалистом. Достаточно напомнить его известные и весьма претенциозные речи в ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) 30 ноября 1926 года «О перспективах революции в Китае» и 24 мая 1927 года о «Революции в Китае и задачах Коминтерна». В тридцатые, сороковые годы Сталину все время приходилось маневрировать между Гоминданом и компартией, максимально используя «китайский вопрос» для «разгрома» (любимое сталинское выражение) своих оппонентов в лице то Троцкого, то Зиновьева и Каменева, то Бухарина. Правда, десятилетие спустя после упомянутой беседы «Правда» напишет: «Проникая взором гениального стратега», Сталин укажет, «что реакционные гоминдановские

круги давно пошли на сделку с кровными врагами китайского народа — американскими и английскими империалистами». Чан Кайши теперь уже в контрреволюционном лагере...⁹²

От прямой атаки на цитадель империализма с целью зажечь там пожар мировой революции большевики перешли к стратегии длительной осады крепости, не отказываясь от идеи советизации всей планеты. Сталин уверен, что «мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств...». В этих условиях СССР превращается «в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма»⁹³.

Этой установке, сформулированной Сталиным в декабре 1924 года, он остался верен до конца своей жизни.

Хотя, когда американский издатель Р. Говард задал 1 марта 1936 года вопрос:

— Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию? — вождь ответил:

— Таких планов и намерений у нас никогда не было⁹⁴.

Заявлено это было без тени смущения...

Таковыми были практически все большевистские руководители; ложь являлась их союзницей.

В первые два десятилетия наследник Ленина пытался максимально использовать для разжигания мирового пожара Коминтерн, почти с самого начала превратившийся в подсобный инструмент кремлевских вождей и служб НКВД. Соппротивление «братских партий» этой незавидной роли было слабым и недолгим. Те, кто пытался протестовать против сталинского диктата в Коминтерне, поначалу бесцеремонно удалялись из структур международной организации, а в тридцатые годы просто физически уничтожались.

Так, в декабре 1928 года сторонники Бухарина в руководстве ИККИ Ж. Эмбер-Дро и Серра (А. Таска) пытались протестовать против методов сталинского влияния в Коминтерне. В результате они подверглись решительному ostrакизму и были быстро удалены из ИКП. Таска позже, уехав из СССР, написал в Секретариат итальянской компартии: «Сталин — это знаменосец контрреволюции... Для него важны не принципы, но монополия на власть»⁹⁵.

В разгар активизации борьбы с фашизмом, в чем немалую роль сыграли решения VII конгресса Коминтерна, Сталин развернул кровавый поход не только против собственного народа, но и функционеров давно притихшего Коммунистического Интернационала. НКВД хозяйничал в кадрах Исполкома Коминтерна, как в каком-нибудь провинциальном обкоме ВКП(б). В 1936—1937 годах волна арестов затронула все структуры Коминтерна⁹⁶.

В октябре 1937 года Г. Димитров, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, и секретарь ИККИ Д. Мануильский обратились в ЦК ВКП(б) за помощью: исполком парализован из-за того, что «органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в аппарате Коминтерна»⁹⁷. Нужны кадры...

Окончательно порвав с европейской социал-демократией, которую Сталин называл «социал-фашизмом», обескровив Коминтерн, вождь большевиков сделал ставку на сугубо тоталитарные методы влияния в международных и коммунистических делах. Тайные сговоры, усиление агентурной сети НКВД в стране и за рубежом, инициирование нужных процессов в государствах, где есть антиимпериалистические настроения, стали методами «революционных» действий Сталина. Особенно после того, как по его инициативе в июне 1943 года был распущен Коминтерн, которому Ленин отводил когда-то роль главного факельщика мировой революции.

Конечно, Сталин и его службы внешне весьма «цивилизовались» и в 30-е годы не могло уже появляться таких официальных документов, какой, например, родился в двадцатые годы в результате работы Особой комиссии в одном из советских дипломатических представительств в Прибалтике.

В докладе этой комиссии, в частности, говорилось: «Дипломатическая миссия, как военная крепость, должна быть внешне обставлена и внутренне организована так, чтобы ни один ненадежный, подозрительный или чужой человек не мог находиться постоянно внутри ее помещения, а посторонние лица могли иметь туда доступ только на определенных условиях, гарантирующих миссию от шпионства извне и предательства изнутри... В каждом постоянном участнике работ миссии необходимо предпола-

гать возможного предателя, а в каждом «госте» — возможного шпиона...»

Далее комиссия делала обобщения такого рода: «Советский дипломат и всякий честный советский работник за границей — это непримиримый и беспощадный враг всех официальных властей и всех частных лиц из числа собственников земли и средств производства. Враг даже в том случае, когда он подписывает какой-либо договор или заключает сделку, безусловно, выгодную другой стороне в данный момент. Здесь более чем где-либо рука, подписывающая договор или сделку, конвульсивно сжимается в ожидании момента, когда можно будет схватить «другую сторону» за горло и душить, душить насмерть, как урод, как «извращение законов природы и всякой правды»⁹⁸.

Сталин, возможно, думал почти так же до конца своей жизни, но вряд ли бы одобрил публичное появление такого документа. Его дипломатия, международная деятельность внешне была даже респектабельной, но по сути такой же, как и у составителей этого поразительного по цинизму и классовой озлобленности документа.

Сталин особое значение придавал тайной дипломатии, прежде всего со странами, партиями, организациями, близкими ему по духу и целям. Думаю, он никогда не вспоминал «революционного романтизма» большевиков, спекулировавших в 1917 году на борьбе с «тайной дипломатией» царизма и Временного правительства, разоблачении «секретных договоров» и соглашений. Как давно все это было!

Теперь Сталин — абсолютный диктатор. Он не только принимает главные решения по внутренним и внешним вопросам, но и страшно любит лично сам «ткать» полотна договоров, соглашений, сделок. Обычно его участие — эффективная форма «руководства» братскими партиями, давления на них, осуществления своих замыслов.

Диктатор выработал целый ритуал закрытых, часто тайных бесед. С просьбами о личных встречах к нему обращались многие: от Мао Цзедуна до Тито, от Ким Ир Сена до Долорес Ибаррури. Второй вождь обычно давал согласие. Делегации или лидеры приезжали, прилетали, и здесь они нередко ждали назначения дня желанных встреч. Ждали по несколько дней, а то и недель. Через это прошли Мао Цзедун, Ким Ир Сен, Чойбалсан, Тито, Долорес

Ибаррури, Вильгельм Пик, Морис Торез, Энвер Ходжа, другие национальные лидеры. Гость как бы «вызревал» для встречи с вождем, чтобы ощутить всю историческую значимость предстоящей беседы. Приглашенные в Москву лидеры жили на цеховских дачах, «общались» с охраной, сотрудниками спецслужб, работниками аппарата ЦК ВКП(б) и ждали, ждали... Вдруг за несколько часов до встречи гостю сообщали: «Вас сегодня примет товарищ Сталин». Обычно назначалось позднее время: 11 часов вечера, полночь, а иногда и за полночь. Люди шли к земному богу, и все было необычно, таинственно, загадочно, даже время, назначенное для долгожданных бесед.

Сталин умел обволакивать собеседников своей «простотой», хлебосольством, щедростью и обычно добивался всего, чего хотел. Как писал в своей книге «Со Сталиным» албанский «вождь» Энвер Ходжа, первая его встреча с советским вождем оказалась неожиданно скорой. В Москву Ходжа прилетел на специальном советском самолете 14 июля 1947 года, а уже в полночь 16 июля Сталин принял албанцев. Ходжу поразило все: и просторы кабинета генералиссимуса, и мягкая обходительность Сталина, и безапелляционность его суждений, и тосты, которые провозглашал советский лидер, как и полуночный просмотр в специальном зале киножурналов и фильма «Трактористы». В ходе демонстрации картины вождь сам комментировал ее содержание. Энвер оказался наблюдательным человеком и запомнил не только содержание тостов Сталина и марку вина, которое он пил, но и живой интерес советского диктатора к особенностям албанского языка и истории⁹⁹.

В процессе таких бесед Сталин фактически давал инструктивные указания. В данном случае: как бороться с внутренней реакцией и создавать МТС, как использовать в Албании советских специалистов. Посоветовал также укреплять морское побережье. Особый восторг у албанского коммунистического вождя вызвало решение Сталина «предоставить просимое вооружение Тиране бесплатно»¹⁰⁰.

К слову, Сталин всегда что-нибудь давал своим вассалам — не только личные подарки: золотые сабли, автомобили, вазы, а чаще оружие, порой деньги, специалистов, оборудование заводов, фабрик. В обмен тоже что-нибудь

«брал», обычно — независимость. Беседы с иностранными гостями происходили почти по одной и той же схеме. Иногда помощники Сталина заранее требовали вопросы, которые прибывшая сторона была намерена поставить перед властителем. Чаще всего вместе с генсеком на встречах присутствовали Молотов, изредка Маленков, кто-то из военных.

У нас нет возможности рассказать даже о малой части сталинских встреч, обычно — тайных. Правда, иногда в газетах появлялось две-три строки о прошедшей беседе, из которых нельзя было даже узнать, когда она в действительности состоялась, не говоря уже о том, что на ней обсуждалось.

К некоторым партиям и их лидерам Сталин проявлял особое пристрастие, позитивное или негативное. Он был всегда подчеркнуто внимателен, например, к Эрколи (Тольятти) и его партии. Так же подчеркнуто, но отрицательно (особенно в 20—30-е годы) относился к полякам.

Возможно, на отношение Сталина к полякам серьезно повлияло поражение Красной Армии в 1920 году под Варшавой. В числе высоких военачальников и комиссаров, битых в российско-польской войне 1920 года, оказался и член Военного совета фронта И.В. Джугашвили (Сталин).

Многие мелкие детали, штрихи повседневно генсека свидетельствуют о его устойчивой недоброжелательности к полякам, их компартии и в то же время невольном к ним уважении за стойкость и мужество. Вот одно такое свидетельство. После Гражданской войны советская Россия пыталась выйти из международной изоляции и вела сложные дипломатические маневры в отношениях с западными соседями.

На заседании политбюро 18 октября 1923 года Сталин пишет записку одному из присутствующих (видимо, Чичерину). «...Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков и приняться за зондировку латышской. Латышской можно запугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать. Поляков надо изолировать, с ними придется биться. Ни черта мы у них не выведем, только раскроем свои карты. Коппа задержать. Поляков изолировать. Латышской купить (и запугать). Румынию купить. А с поляками подождать»¹⁰¹.

Записка красноречиво показывает не только предель-

ный цинизм генсека, но и невольное уважение Польши. Рана, нанесенная самолюбию Сталина в 1920 году, постоянно кровоточила. Именно генсек уже в начале тридцатых годов инициировал жестокое преследование польских деятелей в Коминтерне.

Секретарь ИККИ М. Москвин (подлинная фамилия Трилиссер, один из видных деятелей НКВД) поддержал версию, сфабрикованную Ежовым, о «полной засоренности компартии Польши шпионами и диверсантами». Димитров на основе этих данных пришел к выводу, что в Коминтерне существует «разветвленная шпионская организация»¹⁰². Когда под давлением Сталина Исполком Коминтерна принял в декабре 1937 года позорное решение о роспуске компартии Польши, лидер ВКП(б) на проекте резолюции ИККИ выразился весьма красноречиво: «С роспуском опоздали на два года. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует»¹⁰³. Так что в «послужном списке» Сталина мрачные страницы в польских делах связаны не только с массовым расстрелом офицеров в Катыни...

Когда-то Сталин свои беседы с делегациями компартий старался делать прилюдными, требовал публиковать о них отчеты, рассчитывая на пропагандистский эффект. Например, 5 ноября 1927 года генсек принял у себя в кабинете представителей делегаций датской, французской, немецкой, английской, китайской, бельгийской, чехословацкой и некоторых других компартий. «Диалоги» тогда еще не были тайными. Но какими? Судите сами.

Вопрос: Почему в Советском Союзе не терпят социал-демократическую партию?

Сталин: Ее не терпят потому же, почему не терпят контрреволюционеров. Это партия открытой контрреволюции...

Вопрос: Почему нет свободы печати в СССР?

Сталин: Нет свободы печати только для буржуазии...

Вопрос: Кому принадлежит власть в СССР?

Сталин: Наша власть есть власть одного класса, власть пролетариата.

Вопрос: Почему не выпускают из тюрем меньшевиков?

Сталин: Речь идет об активных меньшевиках.

Вопрос: Как Вы думаете осуществить коллективизацию в крестьянском вопросе?

Сталин: Постепенно; мерами экономического, финансового и культурно-просветительного порядка...¹⁰⁴

Сталин почти шесть (!) часов подряд демагогически отвечал на вопросы коммунистов из-за рубежа. Удивительно не то, что он так лживо отвечал. Поразительно то, что его хотели слушать, хотели быть обманутыми... Но он лгал весьма часто, ибо никто не мог так искусно пользоваться оружием Лжи, как он. На последнем своем, XIX съезде партии, за четыре с половиной месяца до смерти, Сталин заявил: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать... Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом...»¹⁰⁵

О «правах личности» говорил человек, прекрасно знающий, что в его тюрьмах, лагерях, ссылке сейчас (именно сейчас, когда он говорил) томится 4,5 миллиона человек, абсолютное большинство которых не совершали никаких преступлений... Так что демагогические ответы коминтерновцам, выступления на съездах были неизбежной данью той лживой идее, планетарно распространенной Лениным.

Когда же Сталин встречался в самом узком кругу, он не тратил время на такую примитивную ложь, как на XIX съезде партии. Он наставлял. Учил. Инструктировал: как действовать, как лгать и снова действовать. Тотальное отчуждение личности, класса, массы от свободы, истины, исторической ответственности во время господства Сталина достигло апогея. Но он не считал свои задачи выполненными, пока весь мир не жил по его «Краткому курсу». Беседы с зарубежными коммунистическими лидерами, по большей части тайные, после войны для Сталина явились важной частью его личного влияния на распространение марксизма-ленинизма-сталинизма в мире.

Сталин несколько раз говорил членам политбюро, когда речь заходила о коммунистическом движении:

— В мире капитала есть лишь две по-настоящему сильные партии: это итальянская и французская. В известном смысле (массовости) — китайская.

Не случайно, что отношения с ними были для Сталина особыми.

...30 ноября 1947 года в Рим совпослу пошла шифрованная телеграмма — для передачи в ЦК ИКП.

«Тов. Тольятти.

На днях по просьбе Ненни состоялась встреча в Москве. Ненни информировал о положении в Италии и поставил вопросы, на которые получил ответы.

Сообщаем для сведения о содержании беседы. О единстве с коммунистами. Оно будет укрепляться. На выборах обе партии выступают единым блоком и с единым списком. Но Ненни считает преждевременным создание единой рабочей партии в Италии, так как это может оттолкнуть средние слои, а они традиционно следуют за социалистами...

Коммунисты и социалисты упустили время после ухода оккупационных войск. Больше виноваты коммунисты, не хотели создавать греческой ситуации. Мы поможем партии Ненни, в соответствии с его просьбой, бумагой по дешевой цене...

В случае взятия власти в Италии левым блоком СССР может обеспечить Италию хлебом. С углем сложнее. Может помочь Польша.

Исполнение телеграфьте.

Филиппов»¹⁰⁶.

Сталин всерьез рассматривал возможность прихода коммунистов к власти (а социалисты для него были те же меньшевики — временные попутчики). Сталин укоряет Тольятти вроде бы от имени Ненни в упущенном шансе прихода к власти после вывода из Италии оккупационных сил.

В случае победы коммунистов Сталин обещает обеспечить Италию хлебом. А его страна голодает, получая по карточкам нищенские «пайки»...

Сталин любил Тольятти, если, конечно, диктатор мог вообще кого-нибудь «любить». Не случайно, что 14 октября 1952 года в своей коротенькой речи на XIX съезде партии «вождь народов» счел необходимым упомянуть имя лидера итальянских коммунистов. «Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза (здесь речь Сталина прерывается «бурными аплодисментами»), то это есть поддержка, прежде всего — поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии...»¹⁰⁷ Эти две партии и

этих двух лидеров Сталин упомянул в своей последней публичной речи. В его бумагах множество материалов о делах коммунистов данных стран, велика переписка, которая велась через советские посольства и советские спецслужбы.

Через две недели после телеграммы Тольятти, 14 декабря 1947 года, Сталин принимает в ночной Москве одного из членов руководства итальянской компартии Секкья. Кремлевский диктатор в беседе с итальянцем рекомендует иметь в стране свою разведку, с помощью которой «проникать в штабы и органы противника». Надо иметь в виду, наставляет генералиссимус, что в «партии всегда есть шпионы...». Предлагает ЦК ИКП «иметь собственную охрану, такую маленькую гвардию из испытанных людей...».

Сталин инструктирует соратника Тольятти, словно речь идет о подготовке государственного переворота, подобно большевистскому в октябре 1917 года. Кремлевский хозяин подробно интересуется здоровьем П. Тольятти, состоянием его сердца. Философски, но банально изрекает:

— Сердце — это мотор. Его надо смазывать, о нем надо заботиться. Разве может самолет летать без мотора?

Посчитав, что этой сентенции о здоровье Тольятти мало, приводит еще одну: «Ленин говорил, что для того, чтобы подготовить хорошего работника, требуется 10—15 лет, а потерять его можно в 1 час. Разве можно обращаться так с человеческим материалом?»¹⁰⁸

Естественно, для Сталина даже лидер — это «материал», хотя и человеческий. Но была и изюминка тайной беседы. Без видимой связи Сталин вдруг заявил:

— Можем дать вам 600 тысяч долларов. Пусть Секкья сам их и увезет ..

Секкья немного растерян, рад, благодарит и размышляет вслух: «Как же их доставить в Италию?»

Сталин говорит, что это всего 2 мешка по 40—50 килограммов...

Секкья предлагает переправить деньги для ЦК ИКП через советское посольство. Выражает пожелание, чтобы купюры были не мелкие, а достоинством по 100 долларов. Итальянец продолжает благодарить за очередную помощь. Сталин бесцеремонно прерывает:

— Не стоит меня благодарить. Это наш рабочий класс вам помогает...¹⁰⁹

Рабочий класс и не предполагал, что советский вождь, подкармливая, дарит послушным партиям не партийные, а народные деньги мешками. И делал это диктатор весьма часто.

Так, 5 августа 1948 года состоялась обычная ночная встреча Сталина с руководством Испанской компартии: Долорес Ибаррури, Франсиско Антоном и Сантьяго Каррильо. Подле Сталина сидели В.М. Молотов и быстро поднимавшийся по карьерной лестнице вверх М.А. Суслов.

Когда испанцы, рассказывая о положении на своей родине, стали жаловаться на материальные трудности, Сталин перебил:

— Мы можем помочь. Сколько и в какой валюте?

Долорес Ибаррури: лучше в американских долларах.

— Достаточно ли будет пока 600 тысяч американских долларов? — спросил Сталин.

Руководители испанской компартии стали, естественно, дружно благодарить «товарища Сталина». Сумму они просят привезти в Чехословакию, где хранятся их деньги¹¹⁰.

Конечно, речь шла не только о привычной денежной инъекции очередной «братской партии». Сталин долго и назидательно поучал испанцев, как объединить все антифашистские силы, как «проникать везде». Рекомендовал организовать «партизанское движение против режима...». Возможно, диктатор вспомнил, что в январе 1937 года он так же рекомендовал в своем письме главе республиканского правительства в Испании Ларго Кабальеро «создавать из крестьян партизанские отряды в тылу фашистской армии»¹¹¹. Тогда не помогло. Может, успех будет сейчас?

Ночные гости старательно помечали «мудрые указания» московского диктатора в своих блокнотах. Сталин же и в ядерный век не хотел отказаться от коминтерновского мышления, правда, трансформируя его. Он был не готов к прямому столкновению с миром капитала, но пытался там, где это было можно, создать для него максимальные трудности, потрясения, организовать партизанские выступления. Не случайно в самом конце своей жизни он назовет свою партию «ударной бригадой», глядя на которую, учась у нее, возникли такие же бригады «от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии»¹¹². А он хотел,

чтобы эти бригады возникли по всему миру. Было бы вернее, если бы назвал их не «ударными», а «красными бригадами», возникшими на Западе не без влияния ленинско-сталинской идеологии.

Партизанская борьба после окончания Второй мировой войны стала «пунктиком» Сталина. Он советовал ее разворачивать многим партиям, особенно в странах, где существовали определенные настроения недовольства правящими режимами.

Показательны в этом отношении беседы Сталина с индийскими коммунистами А.К. Голиям, Ш.А. Данге, Рао. Отвечая на заранее переданные письменные вопросы лидеров индийских коммунистов о партизанской борьбе, Сталин решительно советовал шире применять эту форму «революционных действий». Московский лидер выразил отношение и к террору. «Коммунисты, — заявил индусам Сталин, — должны быть за террористические действия масс, но против террористических действий отдельных революционных лиц, «действующих вне массового движения»¹¹³.

Уж Сталин-то знал толк в терроре. Когда 13 июня 1907 года в 10.30 утра в Тифлисе взлетел на воздух фазтон, везущий деньги в банк, и началась оглушительная стрельба со всех сторон по конвою, за кулисами большевистской экспроприации стоял рябой Джугашвили. Правда, те 350 тысяч рублей, что захватили боевики большевиков, Ленин и ЦК использовать не смогли. Купюры были не «стандартные», по 500 рублей. Более двух десятков убитых и раненых казаков охраны на совести организатора террористического акта с целью захвата денег...

Когда 2 марта 1951 года руководители Индийской компартии вновь встретились ночью в сталинском кабинете, рассуждения о терроре и партизанской борьбе были продолжены. Сталину поддакивали его «соратники» Молотов, Маленков, Суслов. Хотя стенограмма называется «записью беседы товарища Сталина с тт. Рао, Данге, Гош и Пуннайя», в действительности это был длинный монолог человека, посчитавшего себя победителем на все времена, безгрешным оракулом и всевидящим мудрецом.

Все сидели за длинным столом и дружно поворачивали головы за медленно расхаживавшим по огромному кабинету Сталину с традиционной трубкой в руке: «Террор ин-

дивидуальный не решит вопроса... Партизанскую войну можно начинать везде, где этого хочет народ... Вам не надо мудрить, отбирайте землю у помещиков, а если отберете у кого-то лишнее — это потом разберетесь. У русских говорят: лес рубят — щепки летят... У вас можно создать хороший режим... Важно уметь отказаться от личных интересов...»¹¹⁴

Как все до боли знакомо! Если представить на минуту, что сталинские «ударные бригады» путем «массового террора», партизанской борьбы, демагогии пришли бы к власти во многих странах мира, сколь более разнообразным этнически и географически стал бы большевистский ГУЛАГ!

Ночные диалоги-монологи... О некоторых из них спустя день-другой могли написать в «Правде». Две-три строки. Как, например, 18 июля 1952 года «О приеме товарищем Сталиным П. Ненни, вице-председателя Всемирного Совета Мира». О многих не сообщалось вообще ничего.

Это была стопроцентная тайная коммунистическая дипломатия, которую вел один вождь, а ему помогали его послушные «соратники», дипломатические советские «крепости» в большинстве столиц мира, активная, везде проникающая разведывательная сеть. Сталин наслаждался своей мудростью, щедростью, всезнанием, всеилием.

Пресыщение властью рождает еще большее желание испытать ее наркотическое воздействие. Победа в страшной войне убедила диктатора в его «исторической правоте», правильности его социальной методологии, основанной на насилии, обмане, планируемом пришествии эфемерного лучезарного грядущего.

Тайные беседы Сталина преследовали цель ускорить создание новых красных анклавов на политической карте мира... Чтобы это гарантированно произошло, предметом особой его заботы стал социалистический «лагерь». Правда, сразу после войны этот огромный лагерь называли «народно-демократическими странами».

К Сталину ездили, как в Мекку, не только руководители коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, но и лидеры государств, которые благодаря СССР пошли по новому, «социалистическому пути». Впрочем, у них другого выбора и не было, ибо те, кто ока-

зался в сфере «плотного» влияния Москвы, очень быстро почувствовали металлическую хватку Сталина. Клемент Готвальд, Георге Георгиу-Деж, Гомулка, Димитров, Ракоши, Вильгельм Пик, Энвер Ходжа, Тито, Ким Ир Сен, Чойбалсан и сам Мао Цзэдун совершали паломничество в Москву.

Сталин, решившийся после войны на одну-единственную зарубежную поездку в июле 1945 года в Потсдам (впрочем, за все послереволюционное время это был второй случай, когда он покидал СССР. Во время войны Сталин вылетал еще в Тегеран), считал, что ехать должны к нему, «вождю народов», а не он куда-то.

...Сталин во время работы над бесчисленными бумагами, которые несли ему помощники, временами оставлял их и подходил к окну своего кабинета в Кремле или кунцевской дачи. Отодвинув тяжелую штору, он мог неподвижно стоять, впериw свой взор в никуда. Возможно, не стаи ворон, летавшие с криком над Кремлем, белизна берез в Кунцеве или россыпь звезд ночного неба над столицей занимали мысли диктатора. Он не мог не вспоминать, кем он был до фантастически легкой, нелепой победы в октябре 1917 года. Полубродяга, полуарестант, полуссылный, не проработавший до переворота, когда ему было уже 37 лет, ни одного дня (!), стал волею невероятных обстоятельств «вождем народов», лидером сотен миллионов людей... Нормального, обычного человека не могла бы не потрясти сама по себе эта сказочная метаморфоза. Но Сталин давно уже не считал себя «обычным» человеком.

Диктатор много думал о Югославии, большой стране, дававшей широкий выход к Средиземному морю, резко повышавшей шансы повстанческого движения под руководством компартии в Греции, генерировавшей заманчивую идею образования на Балканах большой социалистической федерации. В стратегических послевоенных планах Сталина в Европе Югославия занимала почти такое же место, как и Германия. Если Балканы поднимут красный стяг, считай, что почти пол-Европы без «мировой революции» пойдет в кильватер за СССР. Нужно поговорить с Тито. Он сам давно ждет этой встречи.

Сталин уже знал этого человека, жизнь которого с молодости оказалась тесно переплетенной с судьбой совет-

ской России. Во время войны в сентябре 1944-го и в апреле 1945 года Сталин встречался с бесспорным лидером югославских коммунистов, возложившим на себя, как и московский вождь, полководческий чин маршала.

Тито с большой делегацией прилетел в Москву 27 мая 1946 года. Здесь он пробудет две недели, обласканный сталинским гостеприимством. Никто еще не знает, что после этой, третьей встречи они никогда больше не пожмут друг другу руки. Это будет последняя их встреча, после которой через два года смертельная вражда навсегда отодвинет Генералиссимуса СССР от маршала Югославии. Ничто в те теплые майские дни 1946 года не предвещало такой драматургии.

Вопреки традиции Сталин принял в Кремле Тито без «паузы» в тот же день. В обычные 23 часа в кабинет Сталина вместе с Тито вошли А. Ранкович, К. Попович, Нешкович, Кидрич, В. Попович. Сталин же пригласил с собой лишь В.М. Молотова и посла СССР в Белграде А.И. Лаврентьева. Обе стороны словно соревновались в выражении любезностей, дружелюбия, взаимных похвал. Атмосфера встречи отражала действительно сердечные отношения двух славянских государств и их народов, существовавшие в ту пору.

Обсудили вопросы налаживания экономических связей между двумя странами, расширения военного сотрудничества и югославско-албанские отношения. Сталин, по обыкновению, был щедр, когда чувствовал, что деньги, станки, хлеб, пушки косвенно будут укреплять СССР. Кремлевский диктатор настаивал на идее создания смешанных экономических обществ, а Тито соглашался с ней. Маршал Югославии, решивший содержать постоянную армию численностью около 400 тысяч человек, уже получил в конце войны и после нее вооружения и боевой техники, достаточной для укомплектования 32 дивизий¹¹⁵. Сталин фактически согласился со всеми просьбами югославов в отношении создания у них военной промышленности, новых военных поставок из СССР.

Зашел разговор о включении в Федеративную Югославию Болгарии и Албании. Тито выразил согласие принять Албанию в Федерацию, но с Болгарией, заметил Тито, «ничего не выйдет». На что Сталин бросил жесткую реплику: «Это нужно сделать»¹¹⁶. «Вождь народов» настаи-

вал. «На первых порах можно ограничиться пактом о дружбе и взаимной помощи, а по существу делать нужно больше»

Диктатор чувствовал, что может приобрести мощного сателлита, который организует советизирование Балкан. Он не мог и подумать, что так ошибется в Тито...

Сравнительно быстро на переговорах были улажены основные дела, и Сталин предложил участвующим во встрече поехать к нему на дачу в Кунцево, как он выразился, «закусить»¹¹⁷ Братская компания расселась в черные лимузины и через двадцать минут была уже на знаменитой сталинской даче. «Закусывали» несколько часов. Тито вручил присутствующим советским руководителям дорогие подарки (платиновые и золотые часы, кольца с бриллиантами и т.д.), привезенные для дочери Сталина, жены и дочери Молотова, жен Микояна, Жданова, Берии, Булганина, Вышинского, Деканозова, а кроме того, ордена для вручения группе советских военачальников, из которых Г.К. Жуков был уже вычеркнут по настоянию советской стороны¹¹⁸ В Кунцево на ужин приехали также Берия, Жданов, Булганин.

К. Попович, начальник генерального штаба югославской армии, с самого начала пристально, с любопытством наблюдавший за Сталиным, много лет спустя напишет: «Я всматривался в Сталина. Он был человеком низкого роста, значительно меньшего, чем это кажется на фотографиях и портретах. У него были необычно узкие, опущенные, как бы деформированные плечи, так что руки он держал на некотором расстоянии от туловища. При улыбке обнажал пожелтевшие ~~рески~~ зубы. Мне бросилось в глаза, что у Сталина были достаточно жидкие и тонкие волосы, ходил он мягкой походкой». На ужине гости сами накладывали себе пищу из серебряной посуды; там были главным образом грузинские блюда.

Высокая пирушка, в центре которой, естественно, находился Сталин, не обошлась без песен, плясок, объятий, множества тостов. Сталин был в ударе; диктатор говорил не умолкая. Советовал выращивать в Югославии эвкалипты и расспрашивал о Энвере Ходже, выпытывал Ранковича: кто кого быстрее завербует — он Берию или Берия его?

Хозяин дачи сам подбирал патефонные пластинки с рус-

скими романсами, грузинскими песнями, подпевал, притопывая ногами... На вопрос Тито отвечал, что о «новом интернационале» не может быть и речи, а вот создать какой-то координирующий, информационный орган компартиям следовало бы. Между тостами в конце концов решили, что не следует форсировать вопрос о вхождении Албании в Югославскую Федерацию, ибо это «может осложнить международное положение Югославии и Албании»¹¹⁹.

Когда в марте 1948 года состоялась вторая встреча Сталина с Энвером Ходжей, то вся она уже прошла под знаком антититовской борьбы. Правда, выпили с тем гостем многовато; накануне встречи у албанского руководителя, страстно обличавшего «клику Тито», родился сын. «От радости, — вспоминал Ходжа, — мы выпили немного больше»¹²⁰.

«Выпили немного больше», и ночью 28 мая на встрече с Тито Сталин был необычайно оживлен.

Где-то под утро Сталин, к словам которого все прислушивались, вдруг начал характеризовать руководителей многих компартий, с которыми он встречался. Словно школьный учитель, хозяин стал говорить о Пальмиро Тольятти, Морисе Торезе, Хосе Диасе, Долорес Ибаррури, Вильгельме Пике, Кlemente Готвальде, Георгии Димитрове, Жаке Дюкло, Гарри Поллите и некоторых других. Вспоминал эти имена добродушно-покровительственно, дружелюбно, отмечая, однако, у большинства из них существенный недостаток: слишком мягки, не могут «собрать людей в кулак». Например, говоря о французском руководителе Торезе, заметил: «Даже собака, которая не кусается, когда хочет кого-то испугать, показывает зубы. Торез не умеет и этого...»¹²¹

После таких описаний руководителей коммунистических «бригад» Сталин, обращаясь к Тито, улыбаясь, громко сказал: «Береги себя... ибо я не буду долго жить... физические законы... а ты останешься для Европы...»¹²²

До отъезда Тито 10 июня 1946 года Сталин еще несколько раз встречался с ним, обговаривая главным образом балканские дела (однажды с участием и Г. Димитрова, приехавшего на похороны декоративного главы советского государства М.И. Калинина), как и вопросы учреждения Коминформа (Коммунистическое информационное бюро).

Никто не мог и подумать, что в течение второй половины 1947-го и первой половины 1948 года отношения между двумя лидерами и партиями дойдут до накаленной вражды. До резолюции Коминформа «О положении в коммунистической партии Югославии» на Белград посыпались очередями обвинения в «торопливости» федеративного строительства, «странном намерении ввести югославскую дивизию в Албанию», в «умалении» советского опыта, о троцкизме руководителей СКЮ, «самовольстве» и «перерождении» и т.д. Когда в конце июня 1948 года в старом королевском дворце Бухареста собралось совещание Информбюро, стало ясно, чем оно закончится. Жданов еще до заседания безапелляционно заявил: «Мы располагаем данными, что Тито иностранный шпион»¹²³.

Амбициозность Сталина, привыкшего, чтобы его не только любили, но и боялись, привела к разрыву. Надуманные, в основном, обвинения Москвы как снежный ком скрывали глубинные основы близости двух славянских государств, скрепленные совместной борьбой против фашизма.

«Тайная вечеря» майской ночью с ее сердечностью и весельем теперь казалась зловещим знаком коварства Тито и его соратников.

Сталин после разрыва некоторое время решил выждать. Об этом свидетельствует его телеграмма Готвальду и в копии Тольятти.

«Я получил сообщение Силина о беседе с вами по югославскому вопросу. У меня сложилось впечатление, что вы рассчитываете на поражение Тито и его группы на съезде СКЮ. Вы предлагаете опубликовать компрометирующие материалы на югославских руководителей... Мы, москвичи, не рассчитывали и не рассчитываем на такое скорое поражение группы Тито. Съезд подобран тщательно... Тито на съезде соберет большинство.

Мы добились изоляции СКЮ. В дальнейшем пойдет постепенное отпадение марксистских групп от Тито. Для этого нужно время и умение выжидать. У вас, видимо, не хватает на это терпения... Победа марксизма-ленинизма в Югославии через некоторое время не может подлежать никакому сомнению...

С ком. приветом И. Сталин»¹²⁴

Не хватило «терпения» и Сталину. Он со злым удивлением вскоре увидел, что Тито «устоял», что он, «вождь народов», далеко не всемогущ...

То было первое после войны поражение Сталина, когда он услышал в ответ на свои домогательства твердое «нет». Поражение, тем более очевидное, что Сталин, не проявив «терпения», отдал команду Берии: «Убрать Тито». Готовилось сразу несколько операций по ликвидации маршала Югославии, в том числе и с участием советского агента-террориста Григулевича. Этот агент, принимавший еще участие в «ликвидации» Троцкого, выдвинулся на дипломатическом поприще в одной из латиноамериканских стран и стал ее послом в Ватикане и по совместительству — в Белграде. В результате Григулевич получил эпизодический доступ к Тито. Среди ряда вариантов покушения остановились на главном: посол вручает Тито коробку с бриллиантовым перстнем. Попытка вынуть его заставит сработать механизм с быстродействующим смертоносным газом. В Москве посчитали, что перстень Тито «померит» после ухода гостя...

Но внезапно умирает Сталин. Операцию отменили, и Тито остался жив.

Гигантская страна строила поражающие воображение гидроэлектростанции, новые заводы и фабрики, начинала тянуть за Полярным кругом тысячекилометровые железнодорожные линии, пыталась изменить климат созданием гигантских лесополос. Задумывались грандиозные планы наступления на пески, рылись новые каналы, строились высотные дворцы. Послевоенный сталинский этап развития страны академик Г.М. Кржижановский видел расцветом «великолепными красками». По его мнению, «эти светлые годы навсегда останутся в истории человечества, а имена гениев пролетарской революции, зодчих коммунизма — Ленина и Сталина — будут, как звезды, сверкать перед восхищенными глазами будущих поколений»¹²⁵. Конечно, не мог академик написать, что почти все сооружения, расцветенные «великолепными красками», требовали новых миллионов людей в тюремных бушлатах. Помню, когда нас, группу офицеров-экскурсантов, привезли на гигантскую Куйбышевскую ГЭС, я везде видел только заключенных и стрелков охраны с винтовками, автоматами. Когда мы проходили мимо бетономешалки, где

несколько эков копались около агрегата, один из них, с впалыми щеками и тонкими руками, вполголоса с сарказмом бросил людям в погонах:

— Расскажите, как мы работаем на великих стройках коммунизма...

Но великому «зодчему коммунизма» приходилось заниматься не только «великими стройками» (где трудились миллионы заключенных), но и вести сложные дипломатические игры. Сталин до конца своих дней убежденно верил, что капитализм в конечном счете потерпит глобальное поражение и вся планета станет «красной». Такие диалоги, закрытые встречи, большая игра продолжались по многим направлениям. Кроме англо-американского; там все ясно. Они, американцы, англичане, уважают лишь силу, и мы тоже. Читая текст речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне 5 марта 1946 года, Сталин мог поймать себя на мысли, что он согласен с оратором: «...Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная власть». Сталин подчеркнул слова Черчилля в его речи: «Никто не знает, что Советская Россия и ее коммунистическая международная организация намереваются сделать в ближайшем будущем, или каковы границы, если таковые существуют, их экспансионистских тенденций...»

Сталин-то знал, что этих границ не существует. Ему, его движению, его партиям нужен был весь мир. Даже «борьба за мир», о которой он так много говорил, маскируя свои глобальные цели, имела для него конкретную цель: при определенном стечении обстоятельств «это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма...»¹²⁶.

Какие уж тут границы экспансии...

Исходя из глобальных целей, Сталин продолжал пристально наблюдать за тем, как развивались события в Китае. Москва долго делала ставку на Гоминдан, на Чан Кайши. Затем Сталин хотел добиться сотрудничества Чан Кайши и Мао Цзэдуна, Гоминдана и компартии Китая. Московскому лидеру в конце концов было не так важно, какое правительство сядет в Пекине; главное, чтобы оно являлось антиимпериалистическим, дружественным Москве. Как все большие политики, Сталин был цинич-

ным прагматиком. Он нуждался в Китае как стратегическом союзнике. Кто будет его возглавлять — дело второстепенное, тем более сама личность Мао Цзэдуна его давно настораживала.

Сталин помнит содержание своей зашифрованной телеграммы в Пекин Чан Кайши в декабре 1941 года, после нападения Японии на США.

«...Я очень прошу Вас не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии. Конечно, Советскому Союзу придется воевать с Японией, так как Япония безусловно нарушит пакт о нейтралитете (! — Д.В.), и к этому надо быть готовым. Но подготовка требует времени, а также того, чтобы мы предварительно разделились с Германией. Поэтому еще раз прошу Вас не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии...»¹²⁷

Еще в 1946 году Сталин делал ставку на Чан Кайши. В беседе в начале января 1946 года с Цзян Цинго Сталин заявил, что «советское правительство отозвало своих представителей из Яньани (местонахождение «ставки» Мао Цзэдуна), так как оно было не согласно с действиями китайских коммунистов. Советское правительство признает правительство Чан Кайши как законное правительство Китая. В стране не должно быть двух правительств и двух армий...»¹²⁸.

Цзян Цинго спрашивает: не поднимется ли Япония после поражения? Сталин успокоил: «Советский Союз будет добиваться того, чтобы лишить Японию возможности возродиться как агрессивной державе. Для этого нужно лишить Японию военных кадров путем пленения 500—600 тысяч офицеров и ареста около 12 тысяч японского генералитета».

Цзян Цинго на прощание сказал, что Чан Кайши и Мао Цзэдун не доверяют друг другу. Но Сталин примирительно говорит: «Существование Гоминдана с Компартией возможно на долгие годы...»¹²⁹ Насколько он ошибся! А теперь вот приходится принимать Мао в Москве, как победителя...

Поездка в Москву планировалась раньше, но болезнь, неотложные дела у Мао мешали ее осуществить. Получая шифровки из Особого района Китая, Сталин подолгу читал переведенные на русский сообщения от Мао. Дивился китайским масштабам: «...Мы под Сюйчжоу покончили с

35 полными дивизиями армии Гоминдана». Теперь количество войск у Гоминдана будет уменьшено до 170 дивизий... «В операции по окружению Ду Юй-Мина участвует 1 млн. 200 тыс. человек...» Взгляд Сталина, возможно, задержался на заключительных строчках телеграммы Мао: «Прошу Вас доложить настоящую телеграмму товарищу главному хозяину и ЦК ВКП(б)»¹³⁰. Даже Мао не знал, что кроме «главного хозяина» докладывать было некому...

По просьбе, поступившей из Особого района Китая, Сталин распорядился выслать самолет за женой китайского вождя Цзян Цин и его дочерью Ли Ла, пожелавших пройти медицинское обследование в Москве.

И вот ночная встреча с самим Мао у Сталина в кабинете 16 декабря 1949 года. Молотов, Маленков, Булганин, Вышинский вместе с «хозяином» поднялись навстречу китайскому лидеру. Минут двадцать говорили на «общие темы», обменивались любезностями, присматривались друг к другу. Мао начал необычно: «Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3—5 лет... ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, каким образом и насколько обеспечен международный мир?»

Сталин успокоил, что непосредственной угрозы для Китая в настоящее время не существует: «Япония еще не встала на ноги... Америка, хотя и кричит о войне, ее боится... в Европе запуганы войной... с Китаем некому воевать. Разве Ким Ир Сен, — засмеялся Сталин, — пойдет на Китай?»

Говорили о договоре дружбы, союзе и взаимопомощи между Китаем и СССР, о Порт-Артуре, о большом кредите для Пекина, о помощи СССР в создании Китаем морского флота, военной промышленности, связи. Сталин щедро обещал широкую помощь.

Затем Мао завел разговор о том, что они, китайцы, видят трудности в занятии острова Формозы Народно-освободительной армией. Нельзя ли использовать «советских летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы?»

Сталин старается уклониться от этой щекотливой просьбы: можем дать «повод американцам для вмешательства». Но, как всегда, его дьявольски изощренный ум находит неожиданный выход: «Можно было бы отобрать ро-

ту десантников, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове...»¹³¹

Сталин неожиданно предложил Мао издать его работы на русском языке. Мао сразу же согласился, попросив редактировать его труды опытных специалистов-марксистов. В апреле 1950 года в Пекин был направлен известный в цеховских верхах общественвед Юдин. Кремлевский «хозяин» кое-что читал из того, что переводили ему на русский. Он помнил, например, статью Мао: «Сталин — друг китайского народа», написанную лидером коммунистов к шестидесятилетию советского вождя.

В тексте перевода панегирика есть подчеркнутые синим карандашом советского диктатора строки: «Чествовать Сталина — это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству... Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь Сталина может избавить человечество от бедствий»¹³². Мао не остался в долгу. Позже в Москву поступило официальное предложение ЦК КПК об издании «сочинений товарища Сталина на китайском языке»¹³³. Кремлевский вождь, конечно, согласился.

Долгие ночные беседы (часто за обильным столом), которые имел Сталин с этим весьма необычным человеком, ставили перед советским лидером трудноразрешимую проблему: как до конца понять человека совсем другой цивилизации, другой культуры, другого типа мышления? Философские диалоги, заводимые китайцами, были туманны, необычны, загадочны. Сталина занимали склонность Мао к афоризмам и ссылки на древние философские авторитеты как систему аргументов. Кремлевский хозяин не хотел взглянуть на себя; все его речи и доклады — тоже обильное цитирование, но... лишь одного человека. Речь Мао, которую пытались донести до вождя переводчики Федоренко и Ши Чжэ, художественно, образно была витиеватой, но и более богатой, чем у «хозяина». Мао ссыался на «четверокнижие» Конфуция, упоминал «Северные песни на южный лад» Лу Миня, опирался на поэта Танской эпохи Хань Юя, цитировал стихи «Белый снег солнечной весной...».

Сталин хотел понять потайной смысл аллегорий исторических экскурсов вельможного китайца, уже вживше-

гося в роль «великого вождя». На кремлевского диктатора произвела большое впечатление старинная китайская притча, рассказанная однажды ему в беседе Мао Цзедунном.

...На Севере Китая жил старик по имени Юй-гун («глупый дед»). Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы. Юй-гун решил вместе с сыновьями срыть эти горы мотыгами. Увидев это, другой старик, Чжи-соу («мудрый старец»), рассмеялся и сказал: «Где же вам срыть такие горы? Глупостями занимаетесь...» Юй-гун ответил: «Я умру — останутся дети, дети умрут — останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы высоки, но выше уже стать не могут: сколько сроем, настолько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их срыть?» Юй-гун продолжал рыть горы... Это растрогало бога, и он унес эти горы...

Сталин помолчал и негромко прокомментировал: «диалектика». А Мао заключил: сейчас две большие горы давят на Китай: феодализм и империализм¹³⁴.

Мао находился в Москве до середины февраля, и у Сталина было несколько встреч с китайским лидером. Конкретизация достигнутых соглашений между Сталиным и Мао осуществлялась с помощью Чжоу Энляя, не раз приезжавшего в Москву. Например, в августе 1952 года Сталин и Чжоу сошлись на том, что СССР будет помогать строить в Китае 151 крупное предприятие...

В разговорах с Мао и Чжоу, как и с другими зарубежными визитерами, Сталин полно раскрывался в своем большевистском цинизме.

Так, 3 сентября 1952 года он сказал Чжоу Энляю: «Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей...»

Узнав, что китайцы подавили восстание в Тибете, советский собеседник посоветовал: «Надо туда строить дорогу. Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно — и американцам, и англичанам, и индусам, всем, кто больше заплатит...»¹³⁵ Когда Мао в беседе со Сталиным 22 января 1950 года засомневался, что их договоренность «задевает решения Ялтинской конференции...», Сталин ответил: «Верно, задевает, ну и черт с ним! Раз мы стали на пози-

цию изменения договоров, значит, нужно идти до конца...»¹³⁶

Одно отступление. После визитов Чжоу Эньлая в Москву стороны, естественно, устраивали приемы. Так вот, китайский премьер 14 февраля 1950 года и 18 сентября 1952 года приглашал генералиссимуса Сталина в гостиницу «Метрополь» на прием «вместе с с у п р у г о й»¹³⁷. «Протокольщики» разъясняли китайцам: Сталин — вдовец. Но посланцы из Пекина не могли понять, как такой «великий вождь» не имеет жены...

Второй советский вождь, будучи государственным мозгом, был готов нарушать любые соглашения и договоренности, если это служило интересам его политики и укрепляло позиции СССР. Когда в апреле 1952 года он вел свои традиционные ночные переговоры с В. Пиком, В. Ульбрихтом, О. Гротеволем, однажды зашел разговор, «нужно ли предпринимать какие-либо шаги по созданию армии ГДР»? Советский победитель Германии перебил:

— Не шаги, а армию надо создавать. Что такое «шаги»?

Наставляя немецких лидеров, в основном просивших хлеба, руды, чугуна, листового железа, меди, свинца, хлопка, кредитов, Сталин выделял «главное»: надо строить колхозы, хорошую полицию, проводить публичные процессы над диверсантами с Запада...

В заключение беседы Пик благодарит Сталина за направление в Берлин оркестра на юбилей Бетховена... Сталин, поднимаясь из-за стола и улыбаясь, замечает, что музыка хорошо, «но армию иметь интереснее»¹³⁸. Естественно, интереснее, ведь Сталин любил и уважал только силу.

Внешнеполитическое мышление Сталина, о чем говорят и его ночные диалоги, было основано на коминтерновских стереотипах и российской великодержавности.

Коминтерновская заданность была у Сталина всегда. Свое последнее крупное публичное выступление 14 октября 1952 года на XIX съезде партии Сталин посвятил, по сути, мировой революции, но той, что должна произойти в новой форме. Да, мировой революции! Хотя этого слова в речи нет. В своей последней крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин выдвинул тезис, что борьба за мир может вылиться в борьбу «за социализм», «за свержение капитализма»¹³⁹. Для диктатора

борьба за мир, говорил он на XIX съезде, есть борьба за «освобождение». Вот почему вполне понятен последний возглас в его речи:

— Долой поджигателей войны!¹⁴⁰

Как это перекликается с его выводом, сделанным годом раньше: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм!»¹⁴¹. Борьба с «поджигателями войны» — борьба за социализм. Такова эволюция коминтерновского мышления Сталина. Его тайные диалоги, стремление укреплять все новые и новые «ударные бригады» есть не что иное, как модернизация ленинской концепции мировой революции.

Что касается российской, а точнее советской, великодержавности, Сталин был не намерен останавливаться на территориальных приобретениях 1939 года. Та же балканская федерация, которой он поначалу бредил, должна была со временем слиться с СССР. К слову, противник Тито в советско-югославском конфликте (пока не покаялся в конце 1950 года) С. Жуйович на пленуме ЦК СКЮ в апреле 1948 года заявил: «Я считаю, что наша цель состоит в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР»¹⁴².

Об этих планах Сталин публично не распространялся, но по ряду косвенных признаков они у него реально существовали. Впрочем, не могли не существовать. Помните, в приветствии Ленина Венгерской советской республике вождь провозглашал: «...недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм... Да здравствует международная коммунистическая республика!»¹⁴³. Но ведь Сталин вскоре после этого заявит, что «базой», основой этой республики будет СССР...

«Хозяин» уважал только силу, размеры, вес. Его возмущало, например, что Доминиканская Республика имеет в ООН такой же голос, как и Индия¹⁴⁴. Вождю было невдомек, что высшее проявление демократии, о которой он любил распинаться, это забота о правах не только большинства, но и меньшинства. Сталин, будучи самым могущественным властелином в середине XX столетия, порой хотел внутри страны играть роль Ивана Грозного, в делах внешних — Александра I, в социалистическом «лагере» — «Ленина сегодня». Ночные диалоги не только оттеняют грани второго вождя СССР, но и высвечивают вектор внешней политики великого государства в те годы.

Сталин хотел «делать историю». Но она своенравна; в конце концов, только сама история выбирает собственное русло.

**«Бумаги»
Сталина**

Человек, обладающий историческим воображением, способен в своем сознании реставрировать давно ушедшие миры. Можно представить сцену исторического бытия, на которой тени давно исчезнувших персонажей продолжают играть роли давно законченных спектаклей. Мир прошлого вечен в своей мистичности. Он способен волновать человека так же, как уникальные кадры старой кинохроники, просматривая которые не забываешь, что основная, абсолютно большая часть человеческой жизни не нашла своего отражения ни на киноплёнке, ни на дагерротипах навсегда ушедшего былого.

А воображение по-прежнему высвечивает мыслью призрачную сцену, на которую мы, как спиритуалисты, вызвали сейчас усатого генералиссимуса с узкими, низко опущенными плечами в золоте погон... Мы смотрим, словно в бинокль, но с обратной стороны, на уменьшенные временем фигуры давно сыгранного трагического спектакля российской истории.

Однако наше воображение не просто мистика. Оно опирается на необъятный материальный мир, где прошедшие по земле люди оставляют множество следов, нередко вечных. Есть люди, которые быстро проваливаются в Пропасть истории, и через два-три поколения о них не может вспомнить никто и ничего. В этом горечь человеческой необратимости. Попробуйте, например, вспомнить имя, отчество ваших прабабушки, прадедушки... Большинство, к сожалению, этого не смогут сделать.

Но не количеством людей, которые сохранили память об ушедших, определяется нравственное величие человека, а деяниями, которые помогли подняться новой доброй человеческой поросли, хотя бы одной спасенной душой.

И наоборот, можно остаться в памяти миллионов на века, но не заслужить тепла доброй памяти. И вновь все зависит от деяний, свершений этой личности. Как сказали бы в старину: от богатства или отсутствия «добродетелей и благomyслия».

Следы Джугашвили-Сталина, оставленные им на твер-

ди Отечества, несмываемы. Это не только тысячи домов «сталинской архитектуры», каналы, новые дороги, множество домн, шахт и заводов, созданных, к слову, в основном подневольным трудом миллионов безвестных заключенных его ГУЛАГа. Это не только атомные и водородные бомбы. Цепкие пальцы высохшей руки «вождя народов» держали в повиновении почти треть мира. Пожалуй, в истории ни один диктатор не обладал такой чудовищной властью.

Следы советского диктатора кровавы. За три десятилетия своего владычества государство, созданное Лениным и «отлащенное» Сталиным, лишило жизни миллионы соотечественников. Только с 1929 года (начало коллективизации в СССР) до своей кончины в 1953 году под его «гениальным руководством» было репрессировано 21,5 миллиона советских людей. Никто и никогда в истории, кроме Сталина, не развязывал столь долгой и страшной войны против собственного народа. Кровь этих следов не будет смыта никогда.

В огромной мере о деяниях второго вождя мы знаем не только по рассказам, преданиям, свидетельствам лиц, отдавших лучшие годы сталинским лагерям и трагедиям близких, но и по огромному числу его «бумаг», где он оставил свои письменные следы, сохранившиеся в партийных архивах.

Но, конечно, существовали «бумаги», тексты, которые были просто обязаны читать и изучать миллионы людей. Это тринадцать томов примитивных, простеньких, схематичных «трудов» Сталина. Наряду с его докладами, статьями, в «чертовой дюжине» томов множество различных ответов на письма, реплик, личных и общественных посланий политического характера. Таких, например, как это.

В ответ на многочисленные поздравления в связи с 50-летием Сталина «великий ленинец» через газету отвечает: «Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию». Духовное полуобразование, судя по этой строке, было весьма глубоким. Последняя фраза этого послания тоже весьма примечательна: «Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской

революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»¹⁴⁵.

Сталинская кровавая аллегория в свете его последующих деяний сегодня звучит особо зловеще.

Было подготовлено еще два тома, которыми, кстати, не планировалось завершить издание, но смерть вождя помешала их выходу.

Эти два тома, никогда не увидевшие свет в СССР, — любопытны. Макет 14-го тома охватывает период с 1934 по 1940 год. Он был подготовлен к печати еще в 1946 году, но Сталин по одному ему известному соображению не разрешил его «пока» публиковать. Может быть, его напугала репрессивная тематика тома? Одно выступление тирана на мартовском пленуме ЦК 1937 года приводит в дрожь...¹⁴⁶

Том 15, почти полностью посвященный Великой Отечественной войне и международным вопросам, охватывает период с июля 1941 года (обращение Сталина к народу) по март 1953 года. Привлекает внимание интервью (было задано всего два вопроса, а точнее, их никто не задавал). Сталин продиктовал и вопросы, и ответы, и их опубликовали в «Правде» 6 октября 1951 года.

Кремлевский диктатор касается советских испытаний атомных бомб различных калибров, которые будут проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского блока.

Чтение интересное; погружаешься совсем в другую эпоху, на полвека назад¹⁴⁷. Есть основание считать, что Сталин готовился переиздать все свое собрание сочинений, и тогда, после исторической корректуры, недостающие тома, видимо, увидели бы свет.

Было опубликовано множество сборников и отдельных работ вождя: «О проекте Конституции Союза ССР», «О Великой Отечественной войне Советского Союза», «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», речи на пленумах ЦК, партийных съездах. В начале восхождения Сталина к вершине власти были изданы сборники «На путях к октябрю», «Марксизм и национально-колониальный вопрос», «Об оппозиции», «О Ленине», «Статьи и речи об Украине», «Крестьянский вопрос», «О комсомоле» и другие.

Настольными книгами (во всяком случае, этого добивались) у многих граждан были «Краткий курс истории ВКП(б)» и краткая биография самого вождя. Помню, за успехи в учебе мне в 1943 году вручили биографию Сталина...

В биографии Сталина есть строки: в «Кратком курсе истории ВКП(б)» «дано в предельно ясной и сжатой форме гениальное изложение основ диалектического и исторического материализма», что является подлинной вершиной марксистско-ленинской философской мысли»¹⁴⁸. В библии большевиков, творение которой приписывают Сталину, множество выводов, ошибочность которых была давно убедительно показана еще Каутским, Бернштейном, Плехановым. Сталин, например, пишет: «Переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета могут быть осуществлены не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции. Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом»¹⁴⁹.

Теоретические «бумаги» Сталина полны несуразностей, саморазоблачений, вульгаризмов. Они буквально в каждой работе «гениального» теоретика.

Сталину очень нравится его партия с военной дисциплиной, исполнительностью, беспрекословным послушанием. По сути, ВКП(б) прообраз того общества, которое создавали Ленин и его ученики. Выступая с докладом в начале марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б), Сталин называет высший, средний и низший состав партийного руководства, соответственно: генералитет, офицерство, унтер-офицерство¹⁵⁰. Как это «созвучно» с намерениями Сталина добиться новых успехов «на фронте освобождения человечества»¹⁵¹.

Сталин слыл знатоком национального вопроса, написал в этой области немало статей. Не мог обойти, конечно, и вопроса «ассимиляции» евреев и их положения в России. «Знатор» проблемы пишет в 1913 году, что «вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер; предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой еще нужно доказать!».

Не ограничиваясь рассуждениями о «национальной автономии» евреев, будущий «вождь народов» рассматривает ее через «культурную» призму. Культурно-национальная автономия, ее учреждения, пишет Джугашвили, «становится еще вредней, когда ее навязывают «нации», существование и будущность которой подлежит сомнению»¹⁵².

Сталин убежден, что еврейская нация едва ли может существовать и иметь будущее! Подобное писал «теоретик» национального вопроса большевиков! Придет время, когда он обогатит эту «теорию» высылкой целых народов, всяческим поощрением едва прикрытого антисемитизма, утверждениями, что в мире существуют «агрессивные» и «неагрессивные» нации. Да и с антисемитами он готов бороться «собственными» средствами. Когда в январе 1931 года «Еврейское телеграфное агентство» запросило Сталина о его отношении к этому вопросу, он ответил языком, который трудно с чьим-либо спутать: «Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»¹⁵³. Правда, карались так очень многие. Но антисемиты ли?

Генералиссимус, одержавший победу вместе с союзниками во Второй мировой войне, понеся при этом за счет своих преступных просчетов неоправданно огромное количество жертв, конечно же, знал, что в конце концов у войн нет будущего. Повторяя, однако, ветхий марксистский тезис о неизбежности войн при капитализме, Сталин догматически предрекает, что «капиталистическая Англия» и «капиталистическая Франция» будут вынуждены «вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними». А посему это подтверждает, считает «гениальный» теоретик, старый марксистский постулат о том, «что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»¹⁵⁴.

Мы, люди того, «сталинского» поколения, чье сознание было схвачено обручем примитивного догматизма, в свое время не могли видеть потрясающего убожества и примитивизма этих, с позволения сказать, «теоретических» выкладок. Но вся горечь этого «обогащения марксизма-ленинизма» заключается в том, что оно служило обоснованием к о н к р е т н о й большевистской политики.

Теоретические «бумаги» Сталина под стать всему его иному письменному творчеству: запискам, пометкам в ра-

бочих тетрадах, резолюциям, редакторской правке государственных и партийных текстов, диктовках своим секретарям.

Сталинское письменное наследие огромно; многие тысячи деловых бумаг сохранили следы его работы с ними. По сути, это одна из важнейших объективных составляющих, с помощью которой можно дать характеристику второго вождя ленинской Системы. Правда, при этом следует учитывать, что и при жизни Сталина, и особенно после его смерти, личный фонд вождя подвергался неоднократной чистке. Диктатор нередко, рассмотрев представленные материалы, приказывал их уничтожить, предварительно отдав устные распоряжения Поскребышеву. А иногда и письменные. Такие случаи нечасто, но отмечены.

«Особая папка».

«Т. Давыдову.

Прошу неприятые документы уничтожить.

И.С.»¹⁵⁵.

Многое исчезло после кончины Сталина. Когда был арестован Берия, Н.С. Хрущев распорядился «арестовать» его личный архив, где находилось множество документов, направленных Сталиным в НКВД. Комиссия, созданная по этому случаю, сочла за «благо», не рассматривая, сжечь по акту, не читая, 11 мешков документов (!), по всей видимости, уникальных... Члены высшей партийной коллегии боялись, что в этих бумагах есть компрометирующие их материалы. Многие сталинские распоряжения и резолюции, адресованные Л.П. Берии, попавшие в костер комиссии, навсегда останутся тайной истории. Беседуя в апреле 1988 года с А.Н. Шелепиным, бывшим шефом КГБ, я выяснил, что очень большая чистка сталинского архива была проведена генералом армии И.А. Серовым по личному распоряжению Н.С. Хрущева. Свои указания Серову первый секретарь отдавал в моем присутствии, сказал Шелепин.

— Нужно просмотреть все бумаги с «расстрельными» списками, на которых стоят подписи не только Сталина... Выявите и доложите их мне.

Хрущев явно хотел обезопасить лично себя от прямой ответственности за репрессии конца тридцатых годов. Ведь, как известно, к решению этих страшных дел были причастны почти все высшие руководители партии и стра-

ны. Через два-три месяца, сказал Шелепин, Серов передал Хрущеву несколько пухлых папок с документами.

— Где же они сейчас?

— Думаю, что теперь их просто не существует, — спокойно ответил Шелепин.

Несмотря на эти «чистки» архивов, следы сталинской деятельности впечатляющи и позволяют не только более рельефно представить силуэт второго вождя, но и глубже оценить достроенную им после Ленина систему.

Заметим в связи с «архивным акцентом» темы вот что: Сталина всегда интересовали архивы. Он нередко запрашивал у НКВД уникальные документы, рукописи, письменные свидетельства. Вскоре после нападения Германии на СССР Сталин распорядился вывезти важнейшие архивные фонды ЦК ВКП(б), других хранилищ в количестве 5 миллионов дел в Чкалов (Оренбург) и Саратов, выделив для этого 200 вагонов¹⁵⁶.

После окончания войны ему доложили, что в Праге хранится огромный «Русский зарубежный архив», где сосредоточены документы таких деятелей, как Деникин, Петлюра, Алексеев, Савинков, Чернов, Милуков, Брусилов и многих-многих других. В начале января 1946 года НКВД доставил в Москву 9 вагонов бесценных документов. «Разбор и использование» их были поручены Главному архивному управлению того же НКВД¹⁵⁷. Множество материалов после этого «разбора» исчезли бесследно.

Но мы отвлеклись...

На заседаниях «позднего» сталинского политбюро его члены вели себя по-разному. В.М. Молотов был сосредоточен, лишь изредка что-то помечал в блокноте. К.Е. Ворошилов сидел безучастно, встряхиваясь лишь в минуты, когда выступал или говорил Сталин. Л.П. Берия, редко вмешиваясь в обсуждение, отвечая только на вопросы лидера, нет-нет зачем-то поднимал к себе на колени портфель, стоявший у его ног, начинал искать какие-то бумаги. Г.М. Маленков был весь внимание, всегда в готовности дать нужную справку или разъяснение. Н.А. Вознесенский, Н.А. Булганин, А.А. Жданов активно вели себя лишь в случаях, когда обсуждались их вопросы. Практически всегда молчал, пока не умер в июне 1946 года, Калинин. Почти такими же незаметными были и А.А. Андрев с Н.А. Шверником. А вот Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев,

А.И. Микоян нередко «встревали» в обсуждение по любому вопросу.

Сталин сидел во главе длинного стола, не выпуская из руки карандаша. Резолюции, пометки на документах он обычно делал своим синим карандашом. На письменном столе всегда стояла стопочка остро отточенных карандашей, главным образом этого же цвета. Когда же диктатор начинал писать длинный текст, то пользовался ручкой.

В специальных сталинских блокнотах «К заседанию бюро» (хотя это могло быть любое иное совещание) всегда множество записей, пометок, фамилий, цифр, часто для непосвященного совсем непонятных. Вот некоторые записи Сталина в его блокнотах, сделанные в 30—40-е годы (обычно он не метил датой свои записи).

«На совещании ПП ОГПУ 3 мая 1933 г.

1) Кто может арестовывать?

2) Как быть с бывшими белыми военными в наших хозорганах?

3) Тюрьмы разгрузить...

4) Как быть с разными группами арестованных?»

На этом же совещании рассматривался вопрос о высланных и «дополнительном выселении» кулаков на Север и в Сибирь. Сталинской рукой записано:

«Укр.	— 145 тыс.	Закавказье	— 23 тыс.
Сев. К.	— 71 тыс.	Горьковская обл.	— 29 тыс.
Моск. обл.	— 58 тыс.	Крым	— 5 тыс.
Ленингр. обл.	— 44 тыс.	Башк.	— 1 тыс.
Зап. обл.	— 23 тыс.	Тат. респ.	— 12 тыс.
Урал	— 50 тыс.	Ив.-Возн.	— 21 тыс...
ЦЧО	— 34 тыс.		

Едва заметным движением руки диктатора рождались цифры, перечеркивавшие жизнь бесчисленного количества людей.

Карательная, репрессивная тема в рабочих записях Сталина встречается часто, ибо на протяжении всего его владычества над огромной страной проблема террора никогда не уходила в тень.

...Обсуждается (вероятно, в середине тридцатых годов) закон о прекращении рабочей миграции. Сталинским карандашом: «Сегодня же сговориться:

1) В законе об ушедших с завода рабочих и о лишении их квартир, вытекающем из факта их ухода с завода. Со-

единить с законом о лишении таких рабочих соответствующих карточек...

2) Разгрузка Москвы и Ленинграда и паспортная система»¹⁵⁹.

Теперь-то мы давно уже знаем, что инициатором драконовских антирабочих законов был сам Сталин, именно он додумался сделать прописку в городах инструментом контроля спецслужб, по его предложению у крестьян отобрали паспорта, окончательно превратив их в бесправное сословие крепостных. А начиналось все прозаически. С записей синим карандашом в специальном блокноте «К заседанию бюро...».

А вот записи, вероятно, тоже середины тридцатых годов во время одного из заседаний политбюро (как правило, свои мысли Сталин, будучи последовательным схематиком, всегда «нумеровал»: на заседаниях, в докладах, статьях).

«1) Часть поляков (агентов Пилсудского) арестовали. А как другие поляки?

2) Каковы результаты привлечения «Коммунара» прокурором?

3) Мы более всего отстали в области морской авиации. Надо немедленно расширить это дело...

6) О вредительстве в артиллерийском производстве и др. поднять шум.

7) Разрешить вопросы Горького»¹⁶⁰.

Вопросы карательных органов, поисков «врагов народа», заботы об избранных деятелях культуры, как и первостепенное внимание военному производству, можно найти в любом из сталинских блокнотов.

Сталин любил встречаться, беседовать с директорами военных заводов, изобретателями, конструкторами боевой техники. По памяти знал практически номера всех оборонных заводов, главных создателей образцов новой техники и вооружения. Вот вождь беседует с авиаконструктором Поликарповым. В блокноте помечено:

«1) Турбокомпрессор

2) Винты — плохо

1) Воздушный радиатор

2) Двухскоростные нагнетатели.

3) Турбокомпрессоры.

4) Центральные поддув».

самые важные
вопросы

Далее пометки о моторах (в США и у нас), на кого «надавить», как сократить сроки выхода «изделия», «повысить ответственность» и т.д.¹⁶¹

Рассматривая рабочие записи, «бумаги» Сталина, порой можно подумать, что он шеф спецслужб, другой раз — что перед вами записи наркома авиационной промышленности или мецената. Уникальная, единственная в своем роде «должность» великого «вождя народов» выражала не столько личностное обожествление диктатора, сколько закономерную в ленинском государстве, абсолютно бесконтрольную концентрацию полноты всей власти в одних руках. Ни один российский император не обладал столь безграничными возможностями распоряжаться своими ресурсами, подданными, их волей и мыслью.

Иногда в сталинских блокнотах можно обнаружить нечто вроде личных «откровений» перед самим собою:

«Хорошо почаще устраивать драчки:
становишься вдруг (после драчки)
респектабельным, черт побери»¹⁶².

Можно найти в блокнотах и «теоретические заметки», мысли, которые вождь, вероятно, намеревался использовать. Вот такие, например:

«Реформизм — забвение конечной цели и основного средства для достижения конечной цели — т.е. диктатуры пролетариата». Здесь же строка: «Компромиссы, т.е. оппортунизм, — область «тактики». Даже двух этих фраз достаточно, чтобы судить об ущемленном мироощущении вождя.

Почти все выдающиеся люди что-то оставляют потомкам, запечатленное в текстах. Марк Аврелий, император-философ, например, писал для себя «Размышления». Для себя... Может быть, поэтому они и сегодня волнуют нас, а не только потому, что в «Размышлениях» вечные темы о жизни и смерти людей, их добродетелях и пороках, призрачности славы. Энергия мысли, обращенная к себе и не рассчитанная на суд других, оказалась вечной.

Сталинские же пометки тусклы и сумрачны.

Сталин, вопреки расхожему мнению, был очень плохим стилистом и редактором. Его примитивные фразы очень тавтологичны. Вы заметили, в фразе о реформизме два раза слово «цель». В рукописных материалах я встречал

многие предложения, в которых одно и то же слово повторялось три—пять раз! В «трудах» трясущиеся редакторы со страхом освобождали текст от этого мусора.

Диктатор в своих бумагах нередко размышляет о вопросах политики, руководства, стратегии. Видно, что Сталин возвращался к этим заметкам (есть подчеркивания карандашом другого цвета). В одном из блокнотов фрагмент «Стратегическое руководство».

«1) Не терять курс.

2) Не терять темп.

3) Верно определять момент перехода от одного тактического плана к другому.

4) Разумно маневрировать»¹⁶³.

Видно, что, делая многочисленные записи в своих блокнотах «К заседанию бюро», Сталин просто размышляет, раздумывает с карандашом в руке:

— Провести конкурс на хорошую пьесу.

— Наградить Вишневского, Дзигана и др.

— О учебнике по истории ВКП(б).

— Поговорить о историках (Ярославский).

— Послать человек 50—60 (пока что) офицеров-артиллеристов во Францию (а Савченко? Тухачевский?).

— Канал Волга—Москва (Ежов, Берман, Жук)...¹⁶⁴.

Планы-размышления, указания-распоряжения. По ним можно довольно точно проследить грядущие события в стране, перемены в ее жизни, новые большевистские «почины». При этом в своих блокнотах Сталин почти никогда не записывал то, что говорили его коллеги. Он не упоминает их, как будто это просто тени, антураж его страшной власти. Даже если можно найти фразу: «Вопрос Ворошилова», то напрасно искать идею, мысль, которая заинтересовала вождя в выступлении наркома обороны. Просто идет речь о ходе поставок танков Т-60, БТ, Т-34, КВ в войска, других оперативно-технических деталях. Вождя мало интересовало, что говорили члены партийного синклита. Он давно уже заметил: все, кроме, может, Молотова, просто старались угадать его мысли, замыслы, решения. Они ему были нужны, чтобы дать им тут же поручения во исполнение родившегося у него решения. А потом, Сталин привык думать и решать в обстановке, когда дюжина голов мелких вождей ловила каждое его слово, быстро поддакивала, со всем соглашалась.

В нужных случаях он давал своим соратникам конкретные указания (некоторые из них сохранились в письменном виде, как прямые директивы). Так сохранились записи В.М. Молотова, озаглавленные им: «Некоторые директивы к Берлинской поездке», датированные 9 ноября 1940 года. Цинизм сталинских указаний поразительный. Сталин наставляет своего наркома выяснить цели и намерения «Пакта 3-х» (Германии, Италии и Японии) и возможность присоединения к нему СССР. Сталинские установки о «сфере интересов» СССР поражают своей коминтерновской заданностью (хотя кремлевские вожди почти готовы вступить в антикоминтерновский пакт?!). Аппетиты Сталина впечатляют, и он готов договориться обо всем с Гитлером¹⁶⁵.

Все эти соображения геополитического порядка, естественно, ни с кем, кроме Молотова, не обсуждались.

Только война, поставив Сталина на край бездны поражения, заставила вождя внимательно выслушивать Шапошникова, Жукова, Василевского, Антонова и обычно соглашаться с ними.

«Бумаги» Сталина, думаю, интересный предмет для изучения не только историков, но и психологов. Сидя на заседаниях политбюро, крупных совещаниях, редких в конце его жизни съездах, Сталин... много рисовал в своих блокнотах. Возможно, «рисовал» — сказано слишком сильно. На многих страницах его рукописей, записных книжек можно встретить комбинации звезд и треугольников, связанных причудливыми овалами. Словно это упражнения художника-модерниста.

Попадают и бесформенные фигуры фантастических животных с угловатыми очертаниями. Несколько раз в сталинских блокнотах встречал животных, похожих на волков, покрашенных красным карандашом, какие-то дьявольские нагромождения того, что можно назвать одним словом «нечто».

Видимо, рождавшиеся на бумаге овалы, звезды, фигуры, отдаленно напоминавшие доисторических зверей, помогали диктатору на чем-то сосредоточиться, а возможно, просто вызывать ускользающее воображение. Я не знаю, как бы Кандинский или Шемякин оценили художественное творчество Сталина, но для меня ясно, что его интеллект хотя и был одномерным, но безусловно сильным и во-

левым. Мысль диктатора, как свидетельствуют его «бумаги», искала выхода в цифровых выкладках, неких политических обобщениях, графическом, образном самовыражении.

Кремлевского вождя всегда интересовала проблема государственных денег, государственного золота, государственных ценностей. Еще при Ленине политбюро полностью установило свой контроль за добычей, хранением и расходованием золота и иных ценностей. Как только Сталину доложили о неких нарушениях на аффинажном заводе*, он тут же пишет записку:

«Запросить Ежова или зама.

1) Дело «аффинажа» (Лендеман).

2) При аффинажном заводе поставить комиссара, без подписи которого не ставить пробу и не выпускать золота»¹⁶⁶.

В записях Сталина содержится много упоминаний о необходимости роста золотого запаса для поддержки коммунистического движения. После 40-го года Сталин сам лично определял, какой партии сколько выделить на «революционную деятельность». Но с образованием стран «народной демократии» он не преминул и их обложить данью на эти же цели. Порой делал это весьма прямолинейно.

В письме к Мао Цзэдуну в феврале 1953 года (одно из последних при жизни Сталина в Пекин) утверждалось: «Работа западноевропейских компартий, вроде французской, итальянской, английской, слишком усложнилась. Эти компартии требуют гораздо большей помощи, чем до сих пор... Компартия Советского Союза решила увеличить свой взнос в фонд и считает необходимым внести вместо 800 тысяч долларов в год 1 млн. 300 тыс.

Если КПК внесет на 1953 год 1 млн. 100 тыс. долларов, то можно будет удовлетворить потребности указанных партий. Ждем ответа». Мао тут же дал согласие: «Передадим Панюшкину наличными»¹⁶⁷. Он еще не знает, что через десятилетие-два суммы этого «фонда» возрастут в десятки раз...

По документам видно, что Сталин ежегодно предельно внимательно изучал доклад Министерства финансов

* Завод по переработке (очищению) благородных металлов. —
Прим. ред.

СССР о росте золотого запаса страны. Убедившись, что это министерство слабо влияет на рост добычи драгоценных металлов, он передал в ноябре 1946 года всю золото-платиновую промышленность в ведение МВД, и дело сразу пошло в гору¹⁶⁸. Дармовая рабочая сила, в любом количестве, в самых недоступных местах, в нечеловеческих условиях, добывала золото. Ведь сколько его требовалось для военных целей!

Сталина могло бы утешить, что год его смерти совпал с наивысшим за всю советскую историю показателем общего объема драгоценных металлов в Государственном хранилище Министерства государственной безопасности. В 1953 году этот запас был таким: золота — 2049,8 т, серебра — 3261,0 т, платины — 29,9 т, платиноидов — 52,4 т.

Уже через год после кончины диктатора объем драгоценных металлов начал неудержимо снижаться. А как только в начале шестидесятых годов стали закупать зерно на золото, запасы его начали катастрофически таять. «Золотой сюжет» помогает понять безжалостный механизм функционирования системы при Сталине; при миллионах голодающих золотой запас продолжал неуклонно расти...

Донесения, которые направлял Берия Сталину и в политбюро о голоде в стране, там не читали. В одном из них, где говорилось о сотнях тысячах голодающих в Татарской АССР, Хабаровском крае, Амурской области, Еврейской автономной области, самый щадящий воображение пример сводился вот к чему. Максимова Наташа, 12 лет, доведенная до отчаяния голодом, украла у соседей что-то из продуктов. Жители ее жестоко избили, связанную водили по деревне, привязали камень на шею и хотели утопить в реке. Но затем привязали к телеге и долго держали на дожде, заперев в конце концов в холодный погреб...¹⁶⁹

А золотой запас тем временем увеличивался...

Или вот еще один доклад в ЦК ВКП(б) в канун семидесятилетия Сталина 23 сентября 1949 года.

«12 августа в поле совхоза имени Сунь Ятсена Михайловского района Приморского края были обнаружены трупы убитых троих детей работницы совхоза Дмитриенко: Михаила 11 лет, Павла 9 лет и Елены 8 лет.

Убийство совершила мать, Дмитриенко Л.А., 1917 года рождения. Она показала, что совершила убийство на почве крайне тяжелых материальных условий, в которых ока-

залась после осуждения в 1946 году согласно Закону от 7 августа 1932 года* ее мужа Дмитриенко Д.Д., 1912 г. рождения, и особенно после того, как ее уволили из школы, где она работала учительницей, и выселили из квартиры. С апреля работала в колхозе...»¹⁷⁰

А золотой запас у Сталина все равно продолжал расти...

Переписка Сталина... Хотя в архивах существовали такие файлы, но в полном смысле «переписки» во внутренних делах не было. Существовала практика бесчисленных докладов различных ведомств, записок членов политбюро, министров, деятелей культуры, старых большевиков. Сталин с ними не переписывался. Просмотрев материалы, которые ему ежедневно представлял Поскребышев, лишь на некоторых оставлял письменные резолюции. Чаще бросал Поскребышеву указания, распоряжения по тому или иному документу: «Согласен», «Пусть еще раз доложат», «Зачем занимаются чепухой?», «Обсудим на политбюро», «Опоздали с докладом на несколько месяцев» и т.д. Помощник торопливо записывал сталинские решения, с тем чтобы передать их исполнителям.

В полном смысле переписка велась лишь с Чан Кайши, Мао Цзэдуном, Ким Ир Сенем, Чойбалсаном, Тольятти, Торезом, Димитровым, В. Пиком, Гомулкой, Тито и некоторыми другими деятелями зарубежных стран. Наиболее интересна, конечно, переписка Сталина и лидера китайских коммунистов. Здесь мы видим столкновения и контакты двух стилей мышления, двух методологий народно-партизанского и державно-империалистического подходов.

...В мае 1951 года Мао Цзэдун направляет указание в Корею главнокомандующему китайских и северокорейских войск Пэн Дэхуаю (и в копии Сталину). В нем говорится: «...В настоящее время на передовой линии мы имеем 8 корпусов. Если каждый корпус уничтожит по 1 бата-

* Речь идет о Законе времен коллективизации, собственноручно написанном генсеком и одобренном ЦИК СССР «Об укреплении социалистической собственности» (так называемый «закон о колосках»). Согласно ему, граждане начиная с 12-летнего возраста, например, подбирающие колоски на колхозном поле, объявлялись «врагами народа» и могли получить минимальный срок заключения 10 лет, максимальный же не оговаривался. — *Прим. ред.*

льону, то всего противник потеряет восемь регулярных батальонов. Этим самым противнику будет нанесен сильный удар. Если каждый корпус уничтожит по 2 батальона, то это уже 16 батальонов.

...Ставить задачу в каждой операции уничтожать по одному батальону. В ходе 3—4 операций будет уничтожаться по 4 батальона регулярных войск, что приведет к понижению духа и поколеблет самоуверенность противника...»

Сталин, думаю, с большим скепсисом прочел эту «арифметическую стратегию» и ответил, но... столь же довольно примитивно и поверхностно. «Мне кажется, этот план рискованный. Один-два раза можно. Но этот план англо-американцы легко разгадают... Вы имеете дело не с войсками Чан Кайши...»¹⁷¹

В своей переписке Сталин любил рекомендовать, советовать, что выглядело порой как указания. Тому же Мао Цзэдуну в начале 1952 года шлет депешу, чтобы положить конец зависимости от империалистов в таком стратегическом сырье, как каучук: «вам следует осуществить насаждение в Китае каучуковых деревьев, обеспечив по крайней мере 200 тысяч тонн натурального каучука в год. Остров Хайнань — база для каучука... Техникой поможем»¹⁷².

«Советы» Сталина безапелляционны, требовательны, почти категоричны. Так Сталин разговаривал с самым своим могущественным союзником... Диктатор умел «поставить» себя, чувствуя за своей спиной огромную военную, экономическую мощь, политические возможности, самую разветвленную в мире сеть спецслужб. Не случайно очень многие зарубежные деятели обращались к Сталину подобострастно, просительно. Испанец, глава правительства, Хуан Негрин свои письма Сталину подписывал «Ваш преданный слуга и друг»¹⁷³. «Дорогим вождем и дорогим учителем» величал Сталина Ким Ир Сен¹⁷⁴. Даже Чан Кайши опускался до подобострастия в конце своего послания: «Надеюсь удостоиться получения от Вас наставлений, являющихся крайне желательными...»¹⁷⁵

Пожалуй, в полной мере перепиской можно назвать обмен посланиями Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании. Сталин смог быстро «забыть» эпитеты, которыми он награждал, особенно в узком кругу, лидеров капиталистического мира. Попав в критическое положение из-за собственных просчетов, Сталин

уже 18 июля 1941 года просит Черчилля «создать фронт против Гитлера на Западе»¹⁷⁶. Верный себе, он рекомендует англичанам организовать «повстанческие действия против немцев». Большинство писем Сталина в годы войны — просьбы, а то и требования создания второго фронта, отправки в СССР самолетов, танков, алюминия, бензина, хлеба, автомобилей и даже... иприта (после того как появились сведения о возможности применения Германией отравляющих веществ).

В посланиях Сталина лидерам западных союзников есть любопытные признания, откровения, необычные утверждения. В сентябре 1941 года Сталин, допуская возможность того, что Советский Союз может «потерпеть поражение», предлагает Англии «высадить в СССР 25—30 своих дивизий в Архангельске или перевести их через Иран» для участия в боевых действиях на советско-германском фронте¹⁷⁷. Естественно, в последующем об этой просьбе советская сторона никогда не упоминала.

Когда 30 декабря 1941 года «Правда» опубликовала статью «Петеновские методы на Филиппинах», Черчилль тут же обратил внимание Сталина на этот антисоюзнический выпад коминтерновского толка. Сталин, привыкший всю жизнь пользоваться ложью как надежным оружием большевиков, ответил: «Статья в «Правде», на которую Вы ссылаетесь, отнюдь не имеет официального характера...»¹⁷⁸ Абсолютный официоз сталинского режима, и это прекрасно знал Сталин, не имел права даже на минимум своевольтства... Сам Сталин лично редактировал, правил многие статьи «Правды»; я мог бы привести десятки таких примеров. Например, в мае 1950 года Сталин фактически переписал статью «Правды» по поводу инцидента с американским военным самолетом Б-29 подле Либавы. Даже заголовок, предложенный «Правдой», — «Вопрос ясен», Сталин изменил на «Нравы Госдепартамента»¹⁷⁹. Так что неуклюжая увертка Сталина по поводу неофициального характера статьи не могла ввести Черчилля в заблуждение.

Но вернемся еще к переписке лидеров союзников. Сталин отвечает не на каждое письмо Черчилля и Рузвельта, ссылаясь на объективные обстоятельства, главным образом загруженность делами как Верховного Главнокомандующего. В начале 1942 года Сталин пытается убедить

Черчилля, что «1942 год будет решающим в повороте событий на фронте»¹⁸⁰. В июле и августе 1942 года Сталин, попавший в критическое положение на южном участке советско-германского фронта, фактически переходит к атакующим требованиям к союзникам: нужен, безотлагательно нужен второй фронт! Черчилль хладнокровно парирует: «Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не нарушили никакого обещания». Если споры будут продолжаться, предупреждает премьер, то «Британское Правительство было бы вынуждено раскрыть народу убийственный аргумент, которым, по его мнению, оно располагает...»¹⁸¹.

Временно Сталин «отстает» от союзников с требованиями форсировать открытие второго фронта, особенно после сталинградского триумфа советских войск. В своих посланиях Сталин позволяет себе то, чего не мог допустить ранее ни один советский военный историк: «В сталинградской операции мы имеем успехи, между прочим, потому, что нам помогают снегопад и туманы, которые мешают немецкой авиации развернуть свои силы»¹⁸².

Союзники неоднократно предлагают Сталину вылететь для встречи на высшем уровне за пределами СССР: в Северной Африке или хотя бы на Кавказе, в Астрахани. Вождь упорен: «Время теперь такое горячее, что даже на один день мне нельзя отлучиться...»¹⁸³

Весной 1943 года на Западе началась пропагандистская война, в которой особую активность проявили Берлин и польское правительство Сикорского. Речь шла об уничтожении войсками НКВД поляков в Катыни.

Сталин, Черчилль и Рузвельт обменялись целым букетом посланий. Советский лидер негодовал: «Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью... Это подлая клевета на СССР...»¹⁸⁴

В этих фразах, повторяемых многократно Сталиным и в других посланиях, видна теперь абсолютная лживость советского лидера. Но поражает безапелляционность суждений человека, который прекрасно знает, что польские

Ленин и Сталин в Горках. 1922 г.

*После «революции в деревне». С К.Е. Ворошиловым и
М.И. Калининым на I съезде колхозников. 1933 г.*

С Ф.Э. Дзержинским

Сталин, С.М. Киров, А.И. Микоян. 1932 г.

После премьеры во МХАТе спектакля «Любовь Яровая». 1928 г.

Среди делегатов XV съезда ВКП (б), 1927 г.

Сталин и таджикская девочка Мамлакат Нахангова, отличившаяся на уборке хлопка. 1935 г.

*Вожди на мавзолее Ленина в кровавом 1937 г.
Сталин и Валерий Чкалов. 1937 г.*

ПАЛАЧ И ЕГО ЖЕРТВЫ

*А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев
(начало 20-х гг.). Награжденные орденами командиры РККА,
большинство из которых будут расстреляны. 1936 г.*

*«Любимец партии» Н.И. Бухарин
Л.Д. Троцкий, уничтоженный по приказу Сталина. 1940 г.*

После подписания Пакта о ненападении с Германией. Сталинский тост за здоровье Гитлера. 24 августа 1939 г.

Сталин и министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока перед подписанием Пакта о нейтралитете. 1941 г.

На трибуне мавзолея. 7 ноября 1941 г.

На выставке военных трофеев в Москве. 1943 г.

«Большая тройка» на Крымской конференции. Ялта. 1945 г.

За столом переговоров в Потсдаме. 1945 г.

М.И. Калинин вручает Сталину его первый орден Победы. 1944 г.

А.И. Микоян, Н.С. Хрущев, И.В. Сталин, Г.И. Маленков, Л.П. Берия, В.М. Молотов направляются на парад физкультурников. 1945 г.

С В.М. Молотовым на избирательном участке. 1947 г.

*«Отец народов» на первомайской демонстрации. 1952 г.
Чествование Сталина в связи с его 70-летием. Декабрь 1949 г.*

Похороны. 9 марта 1953 г.

офицеры были действительно поголовно расстреляны и именно по его приказу. Чудовищная ложь ошеломляет и спустя многие годы. Сталин ведь отлично помнил, что 5 марта 1940 года на заседании политбюро ЦК ВКП(б), протокол № 13 (П13/144), решили: дела 14 700 польских офицеров, чиновников, помещиков и др., а также 1100 поляков, находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения... Реализацию чудовищно преступного решения возложили на палачей НКВД Меркулова, Кобулова, Баштакова¹⁸⁵.

Гнев Сталина по поводу «антисоветской кампании поляков» столь неподделен, что приходится лишь поражаться артистическим способностям диктатора.

Верховный Главнокомандующий очень заботится о своем образе выдающегося полководца. Побывав летом 1943 года в расположении фронта на западном направлении, он не преминул тут же сообщить об этом лидерам союзников. Президенту Рузвельту он передал: «Только теперь, по возвращении с фронта, я могу ответить Вам на Ваше последнее послание... Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное... При таких обстоятельствах Вам будет вполне понятно, что в данный момент я не могу отправиться в далекое путешествие... и выполнить свое обещание (ранее Сталин согласился встретиться с Рузвельтом в районе Берингова пролива)...»¹⁸⁶

Не мог же Сталин сказать Рузвельту, что он смертельно боялся полетов на самолете! Его единственное воздушное путешествие в Тегеран потребовало от Верховного Главнокомандующего мобилизации всех его душевных сил... Сталин не забыл, что, когда в марте 1925 года на Северном Кавказе разбились лично ему знакомые люди: Мясников, Могилевский, Атарбегов, он высказал предположение, что катастрофа «подстроена по мотивам мести двум чекистам за расстрелы, а Мясникову — как армянину». Сталин внес предложение «строжайше запретить ответработникам полеты»¹⁸⁷.

Сталин при сильной воле совсем не обладал высоким личным мужеством. Он всю жизнь смертельно боялся по-

кушений, был подозрителен, принимал чрезвычайные меры безопасности. Например, в пригородах Потсдама на знаменитой конференции его охраняло семь полков НКВД и 1500 оперативных работников...¹⁸⁸ Когда Сталину доложили в конце войны, что 5 сентября 1944 года в Смоленской области приземлился немецкий самолет с диверсантами, он не придавал этому никакого значения. Но после того, как выяснилось, что П.И. Таврину (в форме советского майора, со звездой Героя Советского Союза) и его жене Л.И. Шило было поручено совершить на него покушение, это его очень заинтересовало. Диверсанты «раскололись» сразу и охотно приняли участие в «радиоигре» с Берлином. Сразу после окончания войны с Германией Сталин вспомнил о диверсантах, посаженных к тому времени в лагерь, и приказал расстрелять. Пожалуй, это было наиболее конкретное намерение (даже не попытка) покушения на вождя. Но до конца жизни Сталин испытывал страх перед абстрактной возможностью покушения на свою бесценную жизнь.

Выезжая на отдых, Сталин знал: его охраняют в пути, на побережье Черного моря, вокруг его виллы многие-многие тысячи людей. Но этого мало. Когда осенью 1945 года Сталин собрался в Сочи, ему доложили: «Антисоветский элемент, состоящий на оперативном учете, взят в активную разработку... Аресты проводятся своим чередом»¹⁸⁹. Драгоценная жизнь превьше всего... Как буднично: «Своим чередом...»

Это был сугубо кабинетный руководитель, часто принимавший судьбоносные решения на основании многочисленных бумаг, документальной кинохроники, личных докладов предельно ограниченного числа лиц. Часто задумываюсь: а как бы вел себя кремлевский руководитель в телевизионную «эпоху»?

Просматривая переписку руководителей великих держав в годы войны, воочию убеждаешься, сколь стремительно ухудшались отношения к концу войны и особенно после ее окончания. Союзники словно поняли, каким странным был их союз: США, вышедшие самым сильным государством из мировой схватки, и СССР, «разогревший» свои посткоминтерновские амбиции, имели очень разные интересы. «Союзники-враги» со все большим недоверием взирали друг на друга. Даже простая просьба покойного

Рузвельта написать для Капитолия картину с изображением Сталина, Черчилля, его самого была отвергнута московским лидером. И на просьбу Трумэна выделить некоторое время для позирования американскому художнику Дугласу Шандору, чтобы запечатлеть тройку победителей в великой войне, Сталин отреагировал отказом: «...К сожалению, мне было бы затруднительно ввиду многих обязанностей выделить время для г-на Шандора. Разумеется, я готов послать ему свой портрет, если Вы найдете это подходящим для данного случая...»¹⁹⁰

Сталин мог вспомнить, что на последнем, тринадцатом, заключительном заседании глав правительств в Потсдаме, закончившемся в половине первого ночи 2 августа 1945 года, при обсуждении поправок к итоговым документам о репарациях и границах он был вынужден не раз говорить собеседникам неприятные слова: «это недоразумение», «не понимаю, в чем тут дело», «мы с этим не можем согласиться», «никак не могу согласиться с таким толкованием», «это совершенно неправильно». Но, так или иначе, конференция закончилась, и Сталин ее назвал «пожалуй, удачной».

Когда Трумэн, председательствовавший на заседании, сказал: «Объявляю Берлинскую конференцию закрытой. До следующей встречи, которая, надеюсь, будет скоро», — Сталин негромко бросил:

— Дай бог¹⁹¹.

Генералиссимус чувствовал, знал, что те глубинные противоречия, антагонизмы между СССР и союзниками, загнанные внутрь войной, скоро с особой остротой проявятся вновь. Может, об этом размышлял он, подолгу сидя в соломенном кресле на балконе особняка, где жил во время конференции. Я бывал в этом двухэтажном, средних размеров доме, в 5—7 минутах езды от Потсдама. Чахлые сосны в парке. Перед глазами, перед балконом — красивое озеро. О чем думал Сталин, находясь две недели в окружении «немецкого духа»? О бренности жизни? О том, что он смог вновь «взнуздать» историю и стать планетарно значимым? О предстоящей войне с Японией?

Никто сейчас этого не скажет. Он написал очередные главы истории своей жизни. Сколько их будет еще — знало только Провидение.

Двухтомная переписка трех крупнейших лидеров сере-

дины XX века, которые были вынуждены протянуть друг другу руки в минуту грозной опасности для своих стран, является блестящей характеристикой столь разных людей. Сталин, проявивший способность к сотрудничеству и компромиссам, многочисленным просьбам, постепенно изменил тон, когда убедился, что победа в его руках. Геополитические притязания, классовые привязанности, коммунистическая идеология лишь на время отступили на второй план. Кое-кто из проницательных людей утверждал, что война Сталина изменила. Не уверен. Думаю, что война, начало которой было им проиграно из-за его грубейших просчетов, в конце концов убедила Сталина в собственной «исторической правоте». Не последовало никакой внутренней оттепели или послаблений в стране. По-прежнему его любимыми инструментами власти внутри страны и «коминтерновских» планов вне ее были спецслужбы, НКВД, вооруженные силы. Послевоенные «бумаги» Сталина убедительно это подтверждают.

Почти ежедневно ему на стол ложились толстые папки документов из ведомств, подотчетных Берии. Сталин все внимательно прочитывал и обычно аккуратно ставил в верхнем левом углу пометки: «И. Ст.» или просто «И».

Вот Круглов, министр внутренних дел, докладывает, что вся Западная Украина объята движением националистов. Только за март 1946 года, сообщает министр, «ликвидировано 8360 бандитов (убито, пленено, явилось с повинной)». Следуют победные репортажи о борьбе с националистическим подпольем в Литовской, Латвийской, Эстонской советских республиках и даже в Белоруссии (за март «ликвидировано более 100 человек. Погибло около 30 советских военнослужащих»).

Как бы для себя, Сталин подчеркивает цифры о «выселенных с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, бандитов, националистов и др.

Из Литовской ССР — 31 917 чел.

Из Латвийской ССР — 42 149 чел.

Из Эстонской ССР — 20 713 чел.»¹⁹².

Война окончена, война продолжается...

Сталин передает распоряжения Поскребышеву: выделить дополнительно войска для быстрого «прекращения бандитизма». Генералиссимусу-победителю недосуг

думать о причинах этой герилы*, почему страна вынуждена содержать сотни тысяч внутренних войск...

Через год, в марте 1947 года, только в исправительно-трудовых лагерях и колониях, не считая тюрем, содержалось 2 млн. 188 тыс. 355 заключенных. Круглов сообщает, что создано дополнительно 27 новых лагерей¹⁹³. О многих сотнях тысяч ссыльных в другом докладе. А, вот он. К концу сороковых годов из тех, кто выжил в Сибири, на Урале, в Казахстане, других местах, бедствовали 2 572 829 «выселенцев и спецпереселенцев» (немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, греки, армяне, турки, курды...). Для охраны создано 3063 комендатуры. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года все эти люди сосланы н а в с ч и о¹⁹⁴.

О сосланных народах Сталин не любит вспоминать. Это по его инициативе приняли нормативный акт: за побег с мест ссылки 20 лет каторги. Генералиссимус решителен. Он не забыл, когда в декабре 1934 года по его настоянию внесли изменение в уголовно-процессуальный кодекс. Изменение, согласно которому следствие полагалось вести не более 10 дней, а дела слушать без участия обвинения и защиты. Сталин сам дописал: «Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать». И хотя Постановление ЦИК СССР подписали М. Калинин и А. Енукидзе, все знали, генсек сделал еще одну добавку в документ: «Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора». Когда столь тщательно отредактированный документ принесли на визирование Сталину, он своим неизменным карандашом отчетливо написал в верхнем левом углу: «За опубликование. И. Ст.». Немного ниже поставил свою подпись и Молотов. 4 декабря 1934 года, по воле Сталина, Постановление было опубликовано в центральных газетах. В домах огромной страны, великого народа надолго, на десятилетия, поселился страх — липкий, унижительный, цепкий, устойчивый, подсознательный...

Вот что такое одна фраза вождя из его бумаг.

А спецлагерей, судя по его «переписке», между тем не хватало. По предложению НКВД 5 марта 1950 года Сталин согласился увеличить их емкость со 180 до 250

* Буквально — партизанская война. — *Прим. ред.*

тысяч¹⁹⁵. Мало кто знал, что из этих лагерей (срок в них не меньше двадцати лет), по замыслу «созидателей», не должен был возвращаться никто. Сталин и после войны продолжал «селекцию»; все выжившие должны были фанатично любить режим, большевистские идеи и, конечно, его, «великого победителя».

Лагерников и ссыльных постоянно в стране болело 5 миллионов. Целое государство, целая подпольная страна, точно названная А.И. Солженицыным «Архипелаг ГУЛАГ».

Взгляд Сталина задержался на строке доклада, подписанного С. Кругловым: «Обеспеченность жилой площадью заключенного в лагере в среднем 1,8 кв. метра». Как в могиле...

Бумаги, бумаги... Некоторые он просто перекладывает из стопки в стопку. На некоторых его взгляд задерживается. Как вот на этом донесении о том, что разговор двух западных послов 30 июня 1952 года был зафиксирован техническим устройством. И не только их. Расшифровка и перевод здесь же. О чем говорили итальянский посол в Москве дн Стефано, французский поверенный в делах Брюкваль, посол Канады Биж, посол Бельгии Уотерс, Сталина интересовало мало. Типичный дипломатический обмен сплетнями. Много документов об «успехах МВД» в коммунистическом строительстве. А заявки на дармовую силу все растут. Вот министр внутренних дел Круглов сообщает, что во втором квартале текущего года необходимо «дополнительно выделить Дальстрою — 50 тысяч, БАМу — 60 тысяч, спецстройкам — 50 тысяч, лесным лагерям — 50 тысяч, Воркуте—Ухте—Норильску — 40 тысяч и на покрытие убыли — 100 тысяч человек»¹⁹⁶ «Убыль» за квартал — 100 тысяч человек, сгинувших на бесчисленных островах и островках зловещего ГУЛАГа.

Все решалось по таким вот заявкам. «Товарищу Берии Л.П. Для развертывания строительства прошу организовать еще лагерь на 5 тыс. человек, выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки.

22 марта 1947 г. Задемидко»¹⁹⁷.

Пожалуй, ни одно ведомство так быстро не строит дома, шахты, заводы, дороги, как Министерство внутренних дел. Вон, высотный дом на Котельнической набережной,

сдан в 1951 году, точно в срок, установленный Постановлением Совета Министров СССР, при этом столько сэкономили! Сметная стоимость строительства дома 162,9 млн. рублей, а уложились в 154 миллиона!¹⁹⁸

Вот они, преимущества социализма! Нужны лишь эки (недостатка в них никогда не было и не будет), брезент для палаток и колючая проволока для «зоны»... Сталин мог думать, что им найдена идеальная социальная структура, в которой даже те, кто «перевоспитывается», и тем более «враги» активно участвуют в созидании «нового общества».

Бесчисленные записки, доклады, стенограммы, справки, приговоры, таблицы, донесения разведки, материалы подслушивания, даже редкие письма родных. Но нет, вот «человеческая записка», правда, неизвестно кому адресованная:

«Обязательно посмотри в театре НКПС (Народного комиссариата путей сообщения. — Д.В.) «Рельсы гудят». Я с Ворошиловым смотрел вчера. Великолепнейшая штука!»¹⁹⁹

Записка свидетельствует, что ее писал нормальный человек, в чем серьезно начинаешь сомневаться, просмотрев тысячи других документов из сталинских «бумаг». Человечеконенавистническая идеология (ведь люди для Сталина это только рабочий класс), извращенная психика (помешанность на насилии), тщательно культивируемая ложь создают впечатление, что ты действительно побывал в потустороннем мире, где тени вампиров, упырей, диктаторов, тиранов, палачей по-прежнему играют свои давно сыгранные роли в мистическом, навсегда ушедшем мире.

Воображение позволяет почувствовать эфемерность сегодняшнего бытия. Вечно только прошлое.

Корейский тупик

Сталин потерпел в конце своей жизни политическое поражение от Тито. Но еще в одном случае он довольствовался лишь «ничьей» в партии, где, безусловно, рассчитывал на победу. Хотя в моральном плане это тоже было безоговорочным поражением.

Речь идет о корейской войне 1950—1953 годов. Она завершилась уже после его смерти Паньмыньчжонским со-

глашением летом 1953 года. «Цена» войны, родившейся в умах нескольких политиков, чудовищна; погибло более миллиона человек с обеих сторон. Этому никогда не будет оправдания. Спустя годы, вероятно, первым в России, я рассказал в «Огоньке» документальную подоплеку начала этой жестокой войны.

Считал и считаю, что корейская трагедия, где Сталин сыграл заглавную роль, имеет два позитивных урока. Первый: агрессия не была вознаграждена исполнением замысла. Второй — опыт Паньмыньчжоня имеет непреходящее общечеловеческое значение. Чтобы пояснить свою мысль, сделаю одно отступление.

Долго думая о потрясающей воображение драме и трагедии Карабаха (а разве только там нужен этот опыт!), я пришел к выводу, что именно здесь урок Паньмыньчжоня мог бы пригодиться в полной мере. Дело в том, что в ситуациях, когда невозможно быстро найти решение, полностью устраивающее обе стороны, нужно идти, как в Паньмыньчжоне, на б е с с р о ч н ы е переговоры. Это как бы консервирует конфликт, который ждет своего разрешения в течение долгих лет, пока существенно (но постепенно!) не изменятся общая среда, условия, умонастроения там, где находятся корни конфликта. Самые худые переговоры лучше «хорошей» войны. Бессрочные переговоры дают исторические шансы обеим сторонам «созреть» для решения, которое невозможно найти под аккомпанемент артиллерийской канонады. Помню, что еще в конце 1993 года я передал свои обоснованные предложения по этому поводу президенту Ельцину Б.Н. и в российский МИД.

Читатель, надеюсь, простит это отступление; ведь история нас учит всегда. Но мы редко пользуемся ее выстраданным опытом

Корейская война, казалось бы, эпизод в бурной биографии второго вождя в СССР Иосиф Джугашвили (Сталин) за свою жизнь видел многое и ответственен, как, наверное, никто в XX столетии, за длинную, бесконечную серию страшных экспериментов, начатых его учителем Ульяновым-Лениным. «Раскрестьянивание» села, изведение интеллигенции, разрушение Церкви, уничтожение российской социал-демократии, бессмысленные войны и «военные походы» (Финляндия, Польша), преступные просчеты накануне и в самом ходе Великой Отечествен-

ной войны, «совершенствование» чудовищно-уникального в мире явления, такого, как ГУЛАГ, множество беспощадных и лживых в самой основе политических процессов, преступления против мысли и совести...

Продолжать можно бесконечно. Никакие державно-государственные устремления не могут оправдать этого горестного реестра большевистских деяний. Судьбе было угодно, чтобы этот длинный перечень «свершений», связанных с именем Сталина, был завершен международной авантюрой крупного масштаба на Корейском полуострове. Формально московский диктатор не потерпел в ней унижительного поражения. Но не одержал и победы, которая, казалось, вначале уже была у него в руках.

Война в Корее как был венчает «коминтерновскую карьеру» Сталина. Ведь его речь на XIX съезде партии (последнее крупное публичное выступление в этой земной жизни) показала: он по-прежнему находится во власти идеи мировой революции (но в иных формах), идеи прихода к власти всех коммунистических и рабочих партий. Война в Корее исторически показала ущербную роль коммунистического диктатора. Думаю, что именно эта авантюра в конечном счете высветила во всей полноте кровавый профиль Сталина. Уроки авантюры были, однако, не учтены его наследниками. Берлинский и Карибский спазмы, интервенция в Венгрию, Чехословакию, подготовка такой же позорной акции в отношении Польши, многолетняя грязная война в Афганистане лишь рельефнее высвечивают безнадежно устаревшую классовую методологию мышления и действий «старых» и «новых» большевиков.

При этом я совсем не хочу сказать о «безгрешности» иного мира, который давно себя называет «свободным». Да, он всегда был неизмеримо более свободным, чем тот, который начали строить Ленин и Сталин. Но для идеализации его нет оснований. Этот мир тоже поклонялся силе, часто был инициатором многих драм и трагедий на земле, любил подкреплять свою дипломатию походами авианосцев. Земляне еще пока далеки (хотя и движутся медленно в этом направлении) от «планетарного сознания», основывающегося на общечеловеческих интересах и вечных несленных ценностях.

В этом разделе очерка о «втором» вожде автор хотел бы раскрыть хронику возникновения войны в Корее и ее

наиболее драматические моменты, в эпицентре которых был кремлевский диктатор.

Приезжая к полудню в Кремль, Сталин не спеша просматривал обильную почту: донесения Берии, послов, республиканских партийных руководителей, сообщения международных агентств, рапорты с мест. После войны его внимание было приковано не только к Западу, но и к Востоку, где поддерживаемый советским государством Мао Цзэдун одерживал одну за другой победы над Гоминданом. Стареющий вождь был вполне доволен и своими ставленниками в Монголии и Северной Корее. Ким Ир Сен, привезенный в 1945 году в Корею советскими войсками из СССР, усердно опекаемый советскими советниками, заметно вырос в политическом отношении, набирался опыта государственного руководителя коммунистического типа. И в очередном письме вождь из Пхеньяна докладывал об успехах «социалистического строительства» в стране и просил, чтобы Сталин принял его, Ким Ир Сена, в Москве.

Когда Поскребышев зашел забрать высокую стопку бумаг, Сталин бросил своему верному «оруженосцу»:

— Пусть Берия доложит сегодня вечером, как идет подготовка к испытаниям атомного устройства...

Поскребышев быстро пометил у себя что-то в блокноте. И уже повернувшись, услышал в спину еще фразу:

— Передайте Вышинскому — нужно ответить в Пхеньяне: я согласен на приезд Ким Ир Сена. Надо ближе посмотреть на него... Сроки согласуем...

Через полтора месяца после этого указания встреча состоялась. На календаре значилось: 5 марта 1949 года. Никто еще в мире не знает, что ровно через четыре года, в 9 часов 50 минут 5 марта 1953 года, Сталина не станет.

А сейчас встреча произошла в восемь часов вечера в Кремле.

Дипломаты А.Я. Вышинский и Т.Ф. Штыков завели в приемную сталинского кабинета в Кремле корейскую делегацию. Вместе с Ким Ир Сеном были министр иностранных дел Пак Хен Ен, другие высокопоставленные корейские функционеры. Корейцы робко и с благоговением осматривали обитые дубом стены приемной всемогущего вождя, поглядывали на лысого Поскребышева за конторкой, еще двух молчаливых, среднего возраста людей в оди-

наковых темно-серых костюмах, сидевших в углу на стульях.

Вышинский, бывший тогда министром иностранных дел, читателям хорошо знаком. Он стал важным лицом постыдных политических судебных спектаклей в конце тридцатых годов. О Терентии Фомиче Штыкове, советском после в Пхеньяне, читатель знает много меньше, если вообще что-либо знает. Крестьянин из деревни Любоко с Витебщины стал в тридцатые годы комиссаром, быстро выдвинулся. Во времена беспощадной сталинской мясорубки стремительно взлетел на пост второго секретаря Ленинградского обкома партии. В бесславной советско-финляндской войне одновременно был членом военного совета 7-й армии. В Отечественной войне являлся последовательно членом военного совета Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов. Во время войны с Японией возглавлял политическую работу 1-го Дальневосточного фронта. Одному из немногих политработников Сталин пожаловал ему воинское звание генерал-полковника. После войны в 1946—1947 годах Т.Ф. Штыков возглавлял советскую делегацию в советско-американской совместной комиссии по Корее. Возможно, именно поэтому Сталин в 1948 году санкционировал назначение генерал-полковника Штыкова послом в Пхеньян, а фактически сделал первым советником Ким Ир Сена.

После довольно долгого получасового ожидания в приемной Сталин наконец принял делегацию. Выйдя из-за письменного стола, советский вождь своей исторопливой походкой подошел к взволнованным встречей корейцам, по очереди пожал им руки, жестом пригласил занять места за длинным столом. Беседа длилась один час пятьдесят минут. Собственно, говорили только Сталин и Ким Ир Сен. Несколько раз лишь Штыков и Пак Хен Ен подавали голос, чтобы дать необходимые справки.

После протокольных любезностей о дороге и самочувствии Сталин, сразу приступив к делу, спросил, какая по-

---

* После войны, чтобы повысить значение своей особы, у Сталина вошло в привычку заставлять себя ждать: приезда, приема, прихода, встречи. Даже на заседание Потсдамской конференции он приехал в Берлин с опозданием на один день...

мощь нужна Корейской Народно-Демократической Республике.

Ким Ир Сен: Мы утвердили двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Нам нужны машины, оборудование и запасные части для промышленности, связи и транспорта, а также других отраслей народного хозяйства. Нужны советские специалисты для проектирования новых заводов и фабрик, проведения геологоразведочных работ...

Сталин: Всю эту помощь окажем, дадим и специалистов.

Ким Ир Сен: Экспорт из Кореи не покрывает импорта, и страна нуждается в кредите от советского правительства.

Сталин: В каких размерах требуется кредит?

Ким Ир Сен: В пределах от 40 до 50 миллионов американских долларов.

Сталин: Дадим кредит в сумме 200 миллионов рублей, то есть 40 миллионов долларов...

В таком ключе шла беседа: Ким Ир Сен вежливо просит, а Сталин, как правило, говорит: «дадим», «сделаем», «пошлем специалистов», «примем на учебу». Лишь иногда произносит: «подумаем», когда, например, Ким Ир Сен просит построить железнодорожную ветку протяженностью 58 километров от Краскино (СССР) до Аоди (КНДР). Затем корейский лидер переходит к военным вопросам.

Ким Ир Сен: На юге Кореи еще находятся американские войска, усиливаются происки против Северной Кореи, которая имеет сухопутную армию, но морская оборона отсутствует. Нужна помощь Советского Союза.

Сталин: Сколько американских войск в Южной Корее?

Ким Ир Сен: Около 20 тысяч человек.

Штыков уточняет: Примерно 15—20 тысяч человек.

Сталин: Имеется ли на юге национальная корейская армия?

Ким Ир Сен: Имеется, численностью около 60 тысяч человек.

Сталин (шутя): И вы боитесь их?

Ким Ир Сен: Нет, не боимся, но хотели бы иметь морские боевые единицы.

Сталин: Какая армия сильнее — северная или южная?

Пак Хен Ен: Северная армия сильнее.

Сталин: Во всех военных вопросах окажем помощь. Корее нужно иметь военные самолеты.

Затем Сталин спрашивает, проникают ли они в южнокорейскую армию, имеют ли там своих людей?

Пак Хен Ен: Наши люди проникают туда, но пока себя там не проявляют.

Сталин: Правильно, что не проявляют. Сейчас проявлять себя и не нужно. Но южане тоже, видимо, засылают на север своих людей, и нужна осторожность и бдительность.

После этого собеседники договорились о характере военной помощи, подготовке корейских офицеров в Советском Союзе, о развитии экономических отношений и по другим вопросам²⁰⁰. Речь пока прямо не идет о военном объединении двух частей Кореи. Но Сталин, по донесениям Штыкова, знает: в Пхеньяне уже живут этой идеей... Надо все взвесить, отвечает вождь.

Сталин поддержал военную тему, поднятую Ким Ир Сенном, лишь до определенного рубежа, присматриваясь к собеседнику, оценивая перспективы дальнейшего развития Севера и событий на полуострове.

В течение всего 1949 года продолжались интенсивные поставки вооружения и боевой техники, боеприпасов, другого военного снаряжения в Северную Корею. Сталину докладывали об объеме и темпах поставок, вождь ставил свою закорючку «И» (которую можно расценить как «Иосиф» или «ознакомился», «согласен»). Северокорейцы прощупывали прочность позиций южан: нарушали разделительную линию, проводили «разведку боем». После одной из таких вылазок Штыкову из Москвы 27 октября 1949 года пришла грозная шифровка от Сталина: «Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев... Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 2-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников... Обязываем дать объяснение...»²⁰¹

Пожалуй, ключевой документ появился на свет 19 января 1950 года. Написал его Т.Ф. Штыков в Пхеньяне. Вот его содержание.

«Особая. Вне очереди.

...Вечером 17 января министр иностранных дел Пак Хен Ен устроил прием в честь отъезда корейского посла в Пекин. Во время него Ким Ир Сен сказал мне следующее: «Теперь, когда освобождение Китая завершастся, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи на юге страны... Партизаны не решат дела... Я не сплю ночами, думая, как решить вопрос объединения всей страны». Затем, говорится в телеграмме, Ким Ир Сен заявил, что, когда он был в Москве, товарищ Сталин ему сказал о том, что наступать на юг не надо; в случае же наступления армии Ли Сын Мана на север страны можно переходить в контрнаступление на юг Кореи. Но так как Ли Сын Ман до сих пор не начинает наступление, а значит, освобождение народа южной части страны и ее объединение затягивается. ...Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Ким Ир Сен говорил о том, что сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним тоже встретится.

Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера...

Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговор в возбужденном состоянии.

Штыков»²⁰².

Сталин раздумывал над сообщением больше недели. Мао был еще в Москве, лечился, отдыхал. Сталин встретился с ним. Стенограмма этой встречи, видимо, не велась. Два вождя были осторожны. Скорее всего, судя по дальнейшим их шагам, они решили окончательно ответить Ким Ир Сену после новой встречи и изучения вопроса военными специалистами...

Сталин, все взвесив, в конце концов собственноручно написал в Пхеньян зашифрованную телеграмму для Ким Ир Сена:

«Штыкову, особая.

Сообщение от 19 января 1950 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять...

Мы хотели бы ежегодно получать 25 тысяч тонн свинца. Готовы оказать техническую помощь.

30.01.50.

И. Сталин»²⁰³.

В Пхеньяне телеграмму расценили как фактическое согласие на операцию с условием достижения гарантированного успеха. Через два-три дня после встречи с Ким Ир Сеном Штыков 4 февраля вновь шлет через министра иностранных дел А.Я. Вышинского Сталину сообщение, в котором передает просьбы корейского лидера решить вопрос ускорения выплат по займу, а также получить новый кредит из СССР для закупок вооружения. Ким Ир Сен испрашивает разрешения довести количество пехотных дивизий до десяти, для чего нужно сформировать еще три соединения²⁰⁴.

После еще одной консультации с Пекином Сталин 9 февраля разрешает начать подготовку ширококомасштабной операции на Корейском полуострове, одобрив, таким образом, намерение Пхеньяна военным путем «объединить» родину. Эта дата фактически является официальным началом подготовки КНДР к наступательной войне с целью насильственного воссоединения двух государств. Активизируются поставки из СССР в Северную Корею танков, артиллерии, стрелкового вооружения, боеприпасов, медикаментов, нефти. Одновременно Сталин, как явствует из его переписки, хотел бы получить оттуда свинец, серебро, золото. Ким Ир Сен с готовностью сообщает, что «КНДР поставит в 1950 году в Советский Союз

моноцитового концентрата — 15 000 тонн
серебра — 40 тонн»²⁰⁵.

Дастся согласие и на поставку значительного количества золота, взамен же запрашиваются крупные партии техники и оружия из СССР. Сталин благодарит за готовность к поставкам стратегического сырья и материалов и обещает полностью выполнить заявки Ким Ир Сена в военной области.

А тем временем подготовка к боевым действиям шла полным ходом: в КНДР поступали военная техника, снаряжение, оружие. В штабе корейской армии с участием советских советников велась в глубокой тайне разработка плана ширококомасштабной наступательной операции. Шло ускоренное формирование нескольких новых корейских соединений. Мир еще не знает, что скоро он станет свиде-

телем одной из самых кровопролитных локальных войн XX века.

По всем имеющимся данным, в начале апреля 1950 года Ким Ир Сен еще раз, теперь тайно, посетил Москву, где имел встречу со Сталиным. Стенограммы беседы и другие документы обнаружить не удалось. Однако еще 30 января, за два месяца до апрельской встречи, Сталин дал согласие на приезд Ким Ир Сена. Об этом есть документальное свидетельство. Затем в ряде последующих (после встречи в апреле) шифровок есть ссылки на договоренности, достигнутые во время личных бесед «в начале 1950 года»²⁰⁶

Когда подготовка была в разгаре, Сталин решил еще раз посоветоваться с Пекином. Будучи чрезвычайно осторожным политиком, он все свои особые депеши шлет, подписываясь, как и в годы войны, вымышленными именами. Так, в переписке с Мао Цзэдуном, с Тольятти и некоторыми другим лицами Сталин стал «Филипповым». В мае 1950 года 14 числа Сталин продиктовал Поскребышеву:

«Особая. Для Мао Цзе Дуна.

Тов. Мао Цзе Дун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи...

Филиппов»²⁰⁷

Типично сталинский стиль: в телеграмме, подписанной «Филипповым», говорится, что «в беседе с корейскими товарищами Филиппов...». Сталин осторожен; по сути, уже несколько раз давший согласие на военное «объединение» Кореи, он все время оставляет «запасной предохранитель», который бы мог, в случае особых обстоятельств, задержать или даже отменить одобренную операцию.

В Пекине быстро согласились со Сталиным. Подготовка к операции стала вестись форсированно, и уже 30 мая Штыков докладывал в Москву, что «Ким Ир Сен сообщил, что начальник генерального штаба закончил разра-

ботку принципиального оперативного решения (вместе с советским советником Васильевым) на наступление. Он, Ким Ир Сен, его одобрил. Организационная подготовка заканчивается к 1 июня. Из 10 дивизий 7 готовы для наступательных действий. В июле начнутся дожди. Мне генералы Васильев и Постников доложили, что тогда потребуются больше времени на сосредоточение. Генштаб предлагает начать в конце июня». Штыков сообщал, что для маскировки северокорейцы намерены «от имени Отечественного фронта предложить южанам мирное объединение страны».

Мое мнение. (Сталин, читая, подчеркнул эти два слова.) «Поскольку Ким Ир Сен настроен начать операцию в конце июня, а к этому времени подготовку войск можно закончить, следовательно, можно согласиться с этим сроком. Корейцы просят бензин и медикаменты. Прошу срочных указаний»²⁰⁸.

Сталин собственноручно написал на телеграмме: «Инстанция одобряет Ваши предложения. Получение медикаментов и нефти будет ускорено». Подумав, советский лидер, все еще «маскируясь», поставил подпись: «Громыко». Отчеркнув жирной чертой текст, внизу приписал для исполнителей:

«Сообщено т. Громыко для передачи т. Штыкову»²⁰⁹.

В этом государстве для поддержания режима чрезвычайной секретности вожди могли подписываться не только вымышленными фамилиями, но и именами своих подчиненных. К слову, А.А. Громыко работал тогда первым заместителем Вышинского.

Сталин очнь не хотел, чтобы американцы уличили его в прямом участии в подготовке войны, хотя это сделать было не просто. Буквально накануне начала боевых действий совпосол в Пхеньяне шлет еще одну депешу непосредственно вождю.

«Вне очереди. Особая.

Тов. Сталину.

Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо.

20 июня 1950 г.

Штыков»²¹⁰.

Ответ пришел быстро: «Ваше предложение отклоня-

ется. Это дает повод для вмешательства. Громыко. 22-VI-50». Сталин лично дирижировал разворачивающимися событиями. Кроме полученных телеграмм из Пхеньяна, ему несколько раз докладывал о ходе подготовки к «объединению» начальник Генерального штаба Советской Армии.

Радио Пхеньяна на рассвете 25 июня передало давно подготовленное сообщение: «Сегодня рано утром войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели. Противник вторгся на глубину от одного до двух километров...»

Сталинский сценарий соблюдался строго. Помните его «хитрые» указания Ким Ир Сenu: «Наступить на юг не надо; но в случае наступления армии Ли Сын Мана на север страны, тогда можно переходить в контрнаступление на юг Кореи...»

Однако Совет Безопасности, собравшийся на свое 473-е заседание 25 июня 1950 года, безошибочно констатировал «вооруженное нападение на Корейскую Республику войск Северной Кореи».

С началом боевых действий, когда северокорейцы вторглись в Южную Корею, Ким Ир Сен вновь попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Штыков в разговоре с корейским вождем пообещал, что уговорит Москву согласиться. Но тут же последовал жесткий окрик из Кремля. Стил — сталинский.

«Пхеньян, Совпосол.

Как видно, Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов «Правды» в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си»²¹¹.

Впервые Сталин в шифрованном сообщении подписывается загадочным китайским именем Фын Си. Но, как показывает опыт истории, истину нельзя обречь на пожизненное заключение. Рано или поздно тайное становится

очевидным, общедоступным. Так и теперь, прочтя эту книгу, читатели могут добавить к длинному списку сталинских псевдонимов восточное Фын Си. А начал Сталин «маскироваться» еще во время советско-финской войны. Тогда, на заседании Военного совета, он сам предложил, чтобы в бумагах его именовали «Старостин», Ворошилова — «Волошин», Мехлиса — «Мехов» и т.д.²¹²

Уже после того, когда северокорейцы в первые же дни войны взяли Сеул и казалось, что общий успех рядом, одно усилие — и обещание Ким Ир Сена сбудется, Сталин не разрешил генералу Васильеву пересечь в захваченный город, чтобы помогать военному руководству управлять войсками из непосредственной близости фронту. Фын Си очень не хотел, чтобы США, ООН, мировое общественное мнение уличили его в прямом участии. Хотя уже тогда ни у кого не оставалось сомнений в степени и характере причастности Москвы к этой войне. Для Сталина же было важно поддерживать версию не только об «оборонительном» характере войны для Северной Кореи, но и о чисто «техническом» участии в ней Советского Союза. Во всяком случае, его соотечественники из СССР были в этом уверены долгие десятилетия.

В «Советской военной энциклопедии» говорится: корейская война 1950—1953 годов «развязана южнокорейской военной и правящими кругами США с целью ликвидировать Корейскую Народную Демократическую Республику и превратить Корею в плацдарм для нападения на КНР и СССР».

План нападения был разработан американской военной миссией и южнокорейским военным командованием в мае 1949 года... К началу лета 1950 года марионеточному режиму во главе с Ли Сын Маном удалось с помощью США подготовить более чем 100-тысячную армию, вооруженную американским оружием и боевой техникой»²¹³. Как «готовился марионеточный режим» Ли Сын Мана, автор книги знает меньше, но ему доподлинно известно о том, как готовился режим Пхеньяна, и о решающей роли Москвы в инициировании войны на Корейском полуострове.

По официальной советской и северокорейской версии, «25 июня южнокорейские войска перешли в наступление. Им удалось потеснить охранные отряды и вторгнуться на 1—2 км на территорию КНДР. Ее правительство немед-

ленно отдало распоряжение отбросить противника и разгромить его основные силы»²¹⁴. Может быть, потому, что южнокорейцы готовились к «агрессии», они уже через три дня после начала войны сдали свою столицу Сеул?

Сталинская ложь долгие десятилетия монопольно господствовала в советской историографии. Лишь спустя десятилетия стало возможным сказать правду об истоках и характере тех событий.

Победоносно начав войну, Ким Ир Сен был окрылен. В «освобожденных» районах создавались «народные комитеты». Победа, казалось, находилась совсем рядом... Советники настаивали на быстром развитии успеха, мобилизации всех сил для достижения полной военной победы. Ведь Сталину обещали гарантированную победу... А для этого, правда, требовалась все новая и новая помощь со стороны СССР. Тридцатого июня Штыков шлет новую телеграмму:

«Совершенно секретно.

Весьма срочно».

Товарищу Сталину.

Ким Ир Сен обратился с просьбой поставить для КНДР в июле месяце следующее количество боеприпасов, средств связи и другого имущества:

1. Боеприпасы:

Винтовочных патронов в обойме	— 15 млн.
Патроны к пистолету «ТТ»	— 21,5 млн.
Патроны к револьверу «Наган»	— 43 тыс.
Винтовочных патронов с легкой пулей без обоймы	— 15,2 млн.
Винтов. патрон. с тяжелой пулей	— 15,5 млн.
Снарядов к зенитной пушке	— 38 тыс.
К 45-мм противотанковой пушке	— 100 тыс.
Снарядов к 76-мм полевой пушке	— 48 тыс.
Снарядов к 76-мм пушке «ЗИС»	— 100 тыс.
Снарядов к «СУ-76»	— 23 тыс. штук
Снарядов к 88-мм миномету	— 200 тыс.
Снарядов к 85-мм зенитн. пушке	— 8 тыс.
Снарядов к 85-мм танк. пушке	— 68 тыс.
Мин 120-мм	— 41 тыс.
Снарядов к 122-мм гаубице	— 31 тыс.
К 122-мм пушке снарядов	— 5,7 тыс.
Гранат ручных	— 400 тыс. ...»

И так на трех страницах. Средства связи, запасные части к самолетам, горючее, смазочные материалы, снаряжение... В конце лаконичное: «Просьбу Ким Ир Сена поддерживаю. Прошу Ваших указаний о поставке хотя бы 50% указанного количества до 10 июля 1950 года. Штыков»²¹⁵.

В углу телеграммы-списка сталинское размашистое синим карандашом: «Удовлетворить». Единодержец обычно ни с кем не совещался. Он знал возможности страны. Что-что, а военный потенциал ее был велик. Только после Великой Отечественной войны сколько вооружений и боевой техники осталось... Многие его решения сугубо единоличны и безапелляционны. Ведь он был земным богом... Правда, Сталин в этой войне пытался поделить ее тяготы с Китаем. Так, по его настоянию, Китайской Народной Республике была передана боевая техника для двух авиационных дивизий, с тем чтобы прикрыть транспортные коммуникации в Корее²¹⁶.

Война, как известно, не раз резко качнулась, словно кровавый маятник, то в одну, то в другую сторону. В первом периоде войны, до середины сентября, северокорейские войска, воспользовавшись внезапностью, добились больших оперативных успехов. Кроме Сеула в их руках оказались города Чхунчхон, Каннин, Пхенгхэк, Оксон, Инчхон, Вонджу, Чхунджу, Самчхон и многие другие. Казалось, исход войны предрешен. Сталин уже поздравлял Ким Ир Сена. Рукой вождя написана шифровка в его типичном стиле.

«Совершенно секретно.

Пхеньян. Совпосол.

Передайте Ким Ир Сэну на словах нижеследующее. Если он потребует в письменном виде, передайте ему в письменном виде, но без моей подписи.

ЦК ВКП(б) приветствует товарища Ким Ир Сена и его друзей за великую освободительную борьбу корейского народа, которую ведет т. Ким Ир Сен с блестящим успехом. ЦК ВКП(б) не сомневается в том, что в скором времени интервенты будут изгнаны из Кореи с позором...

28 августа 1950 г. Фын Сн»²¹⁷.

Ответ Ким Ир Сена был весьма скорым:

«Дорогому товарищу Сталину И.В.

Мы глубоко тронуты Вашим вниманием. Приносим

Вам, дорогому нашему учителю, благодарность за теплое участие и совет... Преисполнены решимостью завоевать окончательную победу в борьбе против американских интервентов, стремящихся вновь закабалить Корею...

Желаем Вам многих лет жизни и здоровья.

Преданный Вам — Ким Ир Сен.

(По поручению Политсовета ЦК Трудовой партии Кореи.)

31 августа 1950 года»²¹⁸.

Но скоро Сталину пришлось «засомневаться», вопреки высказанной им в телеграмме Ким Ир Сену уверенности. 16 сентября «южные» вместе с американцами нанесли мощный контрудар. Операция включала в себя высадку в районе Инчхона крупного, в составе 10-го армейского корпуса США, морского десанта. Одновременно началось наступление и с Пусанского плацдарма. Южные корейцы и американцы стремительно двинулись на север. Войска Ким Ир Сена понесли тяжелое поражение, потеряв огромное число убитыми и плененными, большую часть артиллерии, танков. Авиация американцев господствовала в воздухе, уничтожая на земле в стане противника все, что передвигалось, что подавало признаки жизни. От радужных надежд на быструю победу не осталось и следа. Стало ясно с грозной очевидностью, что без непосредственной, прямой помощи китайских или советских войск Северу не устоять. Все повисло на волоске.

Спустя четыре дня Сталин, ознакомившись с докладом военных у себя в кабинете, осознал серьезность ситуации, но не уловил ее угрожающего характера. Он сообщил в Пекин свое решение: «Ликвидация создавшейся опасности может быть решена немедленным выводом в район Сеула значительных сил с основного фронта и созданием в районе Сеула, севернее и восточнее его, крепкого фронта...»²¹⁹

Но положение было не просто угрожающим, а катастрофическим, а сталинское указание совершенно нереальным. «Полководец» вновь переоценил себя.

Первого октября министр иностранных дел КНДР Пак Хен Ен вручил Штыкову для передачи Сталину срочное послание Ким Ир Сена. В пространном письме, которое помогали сочинять советские советники, северокорейский лидер обрисовал эволюцию борьбы на фронте. «Против-

ник, терпя поражение за поражением, был загнан на небольшую территорию самой южной оконечности Южной Кореи, и мы имели большой шанс на победу в последних решающих сражениях... Но США, мобилизовав почти все сухопутные, морские и воздушные силы, находящиеся на Тихом океане, 16 сентября 1950 года осуществили десантную операцию в районе Инчхона. Овладев Инчхоном, противник ведет уличные бои в городе Сеуле... Вражеская авиация, не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, полностью хозяйничает в воздухе... Некоторая часть наших войск окружена противником...

Дорогой товарищ Сталин! Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

С уважением ЦК Трудовой партии

Кореи, Ким Ир Сен, Пак Хен Ен.

29 сентября 1950 года»²²⁰.

Сталин находился на отдыхе на одной из своих многочисленных дач на побережье Черного моря. Ему доложили паническую телеграмму Ким Ир Сена в два часа ночи 1 октября 1950 года. Уже через час Сталин подписал свое «Филиппов» под шифровкой следующего содержания.

«Пекин, Совпосол. Для немедленной передачи Мао Цзе Дуну или Чжоу Эн-Лаю.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако по поступившим сегодня мне сведениям из Москвы я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным...

Следовало бы немедленно двинуть к 38-й параллели хотя бы 5—6 дивизий. Китайские дивизии могли бы фигурировать как добровольные...»²²¹

В телеграммах Матвееву и Штыкову в Пхеньян, отправленных днем, Сталин грозно выговаривает о «крупных

ошибках» в управлении войсками. Вождь, рассматривавший море сквозь стройные силуэты кипарисов на своей даче, дает целую страницу советов, как действовать арьергардам, где использовать танки и при всем этом не допустить, «чтобы хотя бы один военный советник попал в плен».

Маятник войны резко качнулся на север. Теперь на весах политического престижа были поставлены не только амбиции Ким Ир Сена, как «полководца-освободителя», но и Сталина вместе с Мао Цзэдуном, благословивших корейского вождя на эту войну. Советский диктатор в энергичных выражениях составил еще одно письмо Мао Цзэдуну, где, в частности, есть строки, от которых и сегодня веет смертельным холодком. По существу, рассматривается возможность и вероятность третьей мировой войны. Сталин пишет в Пекин:

«...США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США...»²²²

Становится страшно, когда осознаешь, что третья мировая война стала почти реальностью во время противостояния блоков в Корее (ситуация, граничащая с таким же риском мировой ядерной войны, повторилась и во время Карибского кризиса). И эту войну могли «организовать» те, кто по-прежнему мыслил по-коминтерновски: коммунистические вожди. Известно, что в самый критический момент для американских войск в Вашингтоне действительно рассматривался вариант дальнейшего ведения войны с использованием ядерного оружия. Об этом писала американская печать.

Мао ответил весьма быстро: «Очень рад, что в Вашем ответе говорится о совместной борьбе Китая и СССР против американцев... Безусловно, если воевать, то воевать

нужно теперь... Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять...»²²³

Однако после получения этой депеши поступило новое сообщение, что в Пекине все еще обсуждают не только детали, но и саму возможность китайского военного вмешательства. Сталин серьезно забеспокоился, тем более что из Пекина пришла очередная телеграмма. Там выражали опасение в связи с возможностью «открытого столкновения с США». Мао Цзэдун допускал, что даже «если Северная Корея потерпит поражение, она изменит форму борьбы на партизанскую войну». Сообщал, что высылает к Сталину для обсуждения ситуации Чжоу Энь Лая и маршала Линь Бяо²²⁴.

А тем временем в Пекине продолжали просчитывать все «за» и «против» прямого использования своих войск. Сталин с тревогой ждал вестей от Мао Цзэдуна. Китайцы могли спасти положение. Диктатор для себя решил: свои войска он бросит на чашу весов лишь в самый последний момент, в самом крайнем случае. Хотя уже принял решение «проработать» вопрос об использовании советской авиации с китайских аэродромов. Наконец пришла долгожданная телеграмма. Мао Цзэдун дал согласие на прямую военную поддержку северокорейцев и сообщил об этом советскому лидеру. Сталин быстро продиктовал:

«Пхеньян. Штыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзе Дуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам, несмотря на недостаточное вооружение китайских войск. Жду подробных сообщений от Мао Цзе Дуна...

13 октября 1950 г.

Фын Си»²²⁵.

На следующий день наступила полная определенность, и Фын Си еще раз передал в Пхеньян: «Передать Ким Ир Сэну следующее. После колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Кореи помощи войсками. Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение... Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами. Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР.

Желаю Вам успехов.

Фын Си»²²⁶.

Бесконечными колоннами китайские войска двинулись к границе с Кореей и дальше на фронт. Из Пекина сообщали, что в первом эшелоне движется 12 дивизий (скоро будут в Корее). Второй эшелон, тоже 12 дивизий, готовится в Китае. Есть войска и третьего эшелона. Всего союзники Сталина могут задействовать 9 армий (до 30 дивизий).

В телеграмме Чжоу Энлай попросил 10 тысяч тонн автотоплива. Сталин тут же приказал ответить: «Будет поставлено 17 тысяч тонн горючего ..»

Я думаю, Сталин вздохнул с облегчением. Легкой войны не получилось. Для него стало ясно: победы не будет ни для кого. Но поражения он избежал. Главная ноша войны ляжет теперь на китайцев, которым он будет всячески помогать авиационным прикрытием, оружием, техникой, горючим, боеприпасами, но не людьми .. Нет, в нем говорила не жалость к ним, а то, что американцы могут его «уличить» в прямом участии в войне. Несмотря на выраженную готовность к большой войне, Сталин сомневался... Атомные бомбы только начали производить. А как их доставлять за океан? Американцы на тот момент имели в этом компоненте решающее преимущество. Диктатор, все чаще испытывая в конце жизни приступы противной слабости и головокружений, устал воевать ..

Когда 25 октября 1950 года китайцы начали мощное широкое контрнаступление по всему фронту, Сталин понял, что, по крайней мере, почетная «ничья» в войне обеспечена. Наступление огромных масс китайских войск, которые в социалистической печати назывались «добровольцами», было долгим, трудным, вымученным. Господству в воздухе «добровольцы» противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм не достигали в полной мере того результата, что в начале войны. Был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вокджу и другие города. Маятник войны пошел в другую, южную сторону. Однако затем последовали удары южных и диафрагма фронта почти застыла, напрягаясь и колеблясь все у той же 38-й параллели .

Сталин, многому научившийся в Великой Отечественной войне, понимал, что даже огромное численное превосходство «китайских добровольцев» без надежного при-

крытия с воздуха не гарантирует успеха. После некоторых размышлений и бесед с военными 14 ноября 1950 года он отдал распоряжение сформировать специальный корпус для прикрытия китайцев и северокорейцев. Номер этому соединению дали: 64-й истребительно-авиационный корпус. Состав его был необычным: две истребительно-авиационные дивизии, две зенитно-артиллерийские и одна авиационно-техническая.

Состав корпуса постоянно обновлялся; дивизии участвовали в боевых действиях 8—10 месяцев, некоторые, с небольшим перерывом, до года. Всего за время войны в Корее получили боевую практику 15 советских авиационных и несколько зенитно-артиллерийских дивизий.

Оперативное расположение корпуса было довольно выгодным — аэродромы Северного Китая. Истребительная авиация корпуса, по получении сигналов о появлении американских бомбардировщиков и штурмовиков над Северной Кореей, наносила по ним неожиданные и стремительные удары. Нередко американцы преследовали советские истребители, израсходовавшие запас топлива, и над китайской территорией. К тому же советские летчики имели ряд существенных ограничений: даже близко не приближаться к линии фронта и тем более оказываться на «той» его стороне, не летать над морем. Действовал строжайший приказ Сталина: ни один советник или летчик не должен попасть в плен. Повторюсь, не забота о людях двигала Сталиным, а желание не дать американцам веских аргументов прямого участия советских войск в этой войне. Опознавательные знаки на самолетах МИГ-15б были китайские, форма летчиков китайской или корейской. Даже носили значки с изображением Мао... Так или иначе, но не известно ни одного случая попадания советского военнослужащего в плен к американцам. Несколько экземпляров американских боевых машин, которые удалось приземлить целыми, были отправлены в СССР для изучения в авиационных конструкторских бюро.

В составе корпуса в основном были летчики, прошедшие школу Великой Отечественной войны, и эффективность боевых действий истребительной авиации была очень высокой. Командир полка полковник Е.Г. Пепеляев сбил 19 американских самолетов, крупные личные боевые счета имели также капитан Н.Г. Докашенко, подполков-

ник Г.И. Пулов, майор А.С. Бойцов, капитан М.И. Минин, майор А.П. Сморгков и другие летчики-истребители, ставшие Героями Советского Союза. Достаточно сказать, что с конца 1950 года и до завершения активной фазы войны корпус сбил 1309 американских самолетов, из которых около 18 процентов приходится на зенитные части. За то же время соединения корпуса потеряли 319 боевых машин.

В корпусе (в зависимости от количества частей, входивших в него в разное время) насчитывалось 10—15 тысяч человек. Все верили, что воюют с «агрессором». Воевали они мастерски, однако Сталин поначалу вообще не хотел награждать людей. Он боялся огласки и в собственной стране. Лишь позже разрешил награждать отличившихся боевыми наградами, и тысячи человек были отмечены орденами и медалями.

С ноября 1950-го и до окончания войны в июле 1953 года 64-м корпусом последовательно командовали генералы И.В. Белов, Г.А. Лобов, С.В. Слюсарев.

После осенней неудачи 1950 года Сталин не ограничился выдвижением к границам Кореи своего авиационно-истребительного корпуса. По согласованию с Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном общее командование сухопутными войсками было передано китайцам («корейцы не выполняют приказы», отметил Сталин в шифровке). Московский вождем сместил советского генерала Васильева с поста военного советника. Несколько корейских генералов также лишились своих постов, а некоторые после поражения в октябре 1950 года попали под суд. Видна рука Сталина; в минувшей войне он привык «тасовать» командный состав, когда лишь одна военная неудача могла навсегда перечеркнуть карьеру того или иного военачальника.

До середины 1951 года, пока не установилось неустойчивое равновесие на фронте, Сталин лично «вел» контроль за исполнением его директив в корейской войне. Его обмен телеграммами с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Ким Ир Сеном весьма внушителен. Интересная деталь: обсуждая с союзниками по войне оперативные и технические вопросы, Сталин не забывает решать попутно и некоторые свои «дела».

Так, в октябре 1950 года, когда в Корее все висело на волоске, он напоминает Чжоу Эньлаю о его обещании пе-

редать ему, Сталину, в Москву 10 миллионов американских долларов, как он пишет, «для поддержки левых организаций в Европе и Америке»²²⁷. Видимо, даже у Сталина, способного частенько направлять «преданным себе-седникам» по 600 тысяч долларов, специальный фонд «поддержки» требовал постоянного пополнения.

В другой телеграмме Мао Цзэдуну, где Сталин сообщал о дополнительной поставке китайцам бензина, он попросил у них 50 тысяч тонн натурального каучука. Как каучук, американские доллары от китайцев, так и золото, серебро и монацитовый концентрат из Северной Кореи Сталин, конечно, получил. Идеи идеями, а «табачок врозь».

Сталин постепенно утратил интерес к корейской войне, поняв, что это битва без победителей. Общей победы не будет для какой-либо из сторон. Правда, он еще несколько раз советовал Ким Ир Сёну «использовать авиацию и артиллерию массированно», «беспощадными и немедленными мерами сломить голову реакции и обеспечить порядок в своем тылу», «иметь в месте расположения правительства сильный и надежный военный кулак»²²⁸, но действовал уже как бы по инерции. Он дал указание Вышинскому не противиться мирным предложениям, однако и не форсировать их. «Американцы сейчас мира хотят больше, чем мы».

Встречаясь 19 декабря 1952 года в Москве с Чжоу Эньлаем, Сталин обсуждает с китайским премьером пути сохранения позиций Китая и Северной Кореи в войне, формы обмена военнопленными. Сталин и здесь остался верен себе, напомнив китайскому руководителю, что «американцы постараются часть военнопленных завербовать, чтобы использовать их для шпионажа... Так было и с нашими военнопленными в прошлой войне, а теперь мы каждый день ловим по несколько человек военнопленных, которых американцы перебрасывают на нашу сторону...»²²⁹. Сталин подтвердил свою готовность предоставить Китаю оружие для 60 китайских пехотных дивизий. Ведя переговоры о мире в Корее, Сталин не исключал и продолжения военного конфликта. В заключение беседы он подарил членам китайской делегации новые советские автомашины «ЗИМ», выражая свое высокое уважение к лидерам

из Пекина... Ведь именно они в критический момент сыграли такую важную роль.

Встречаясь с Чжоу Энляем месяцем раньше, 20 августа 1952 года, в Москве, Сталин спросил собеседника: как быть с корейской войной? Идти на мир или продолжать ее? Чжоу Энлай сказал, Мао полагает, что «продолжение войны выгодно нам». Китай готов к тому, что война будет продолжаться еще 2—3 года...

Сталин, глядя на собеседника, всегда подтянутого, собранного, согласился: «Война портит кровь американцам». Подумав, добавил: «Северокорейцы ничего не проиграли, кроме жертв в этой войне (?! В этой фразе весь Сталин)... нужны выдержка и терпение. Надо корейцам разъяснить, что это дело большое (надо полагать, советский диктатор думал: пусть продолжают приносить жертвы во имя «большого дела»). Для Кореи мы ничего не пожелаем». И Сталин, действительно, не жалел своих ресурсов для тех, кто продолжал жертвовать жизнями сотен тысяч людей, чтобы «попортить кровь американцам». В телеграмме, отправленной в апреле 1952 года Ким Ир Сену, говорится: «Мне стало известно, что корейский народ нуждается в хлебе. У нас есть в Сибири 50 тысяч тонн готовой пшеничной муки. Мы можем послать эту муку в подарок корейскому народу...»

Ким Ир Сен рассypается в любезностях за щедрый подарок Сталина и желает «многих лет жизни и здоровья на счастье человечества»²³⁰.

Но вернемся к беседе Сталина и Чжоу Энлая.

Диалог любопытен и дальше.

Чжоу: Если американцы не хотят мира, то мы должны быть готовы продолжить войну хотя бы год...

Сталин: Правильно. Америка не способна вести большую войну.

Вся их сила — в налетах, атомной бомбе... Американцы — купцы. Немцы в 20 дней завоевали Францию: США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Атомной бомбой войну не выиграть...»

Не отсюда ли и у Мао отношение к ядерной угрозе, как к «бумажному тигру»?

Собеседники выяснили, что у Ли Сын Мана всего 116 тысяч военнопленных, в том числе 20 тысяч китайцев. Пе-

реговаривающиеся стороны не очень озаботились этим, и Сталин лишь спросил: сколько американцев в плену?

Чжоу заглянул в бумажку и прояснил ситуацию: примерно 3—4 тысячи. Вместе с ооновцами.

Война продолжалась, а лидеры уже смотрели в будущее. Военное будущее. Когда Чжоу сказал: Китай после войны намерен иметь 102 дивизии, а всю армию в 3 млн. 200 тысяч человек, то Сталин поморщился:

— Но это минимум. Вы хотите иметь 150 авиаполков. Это мало. Надо 200 авиаполков...²³¹

Таким был Сталин «в деле». На первом плане — глобальные интересы системы, державы, «лагеря». На десятом — какие-то там «жертвы», лишения, потери. Даже ради того, что «война портит кровь американцам», ее можно продолжать... Сталин словно забыл, как всего несколько лет назад писал в телеграмме президенту Ф. Рузвельту (7 апреля 1945 года), выражая свои глубокие союзнические чувства: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля»²³². Похожие теплые слова выражал и президенту Трумэну, как, впрочем, и он Сталину...

Кстати, о Трумэне. Сталин помнит не только его послевоенные любезности, но и жесткость.

После разгрома Японии 16 августа 1945 года Сталин направил президенту Трумэну телеграмму, в которой предложил «включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо... Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории. Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений».

Через два дня Сталин получил ответ от Трумэна с жестким отказом без каких-либо объяснений. Одновременно американский президент сообщал, что «правительство США желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе...».

Сталин умел постоять за державу. Ответ его был не

просто жестким, но и морализаторским. «...Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа...» Далее Сталин, касаясь Курил, прочитал «мораль»: «Требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории... Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств... Ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу»²³³.

Атомные закулисные «аргументы» не помогли Трумэну. Свое достоинство Сталин сохранил. А советский десант на Хоккайдо (частью уже посаженный на корабли) пришлось отменить... Но вернемся к войне в Корее

Сколь эфемерны слова, обещания, декларации, если интересы глубоко различны. Для Сталина, чуть не ставшего в молодости священником, никогда не существовало ничего святого. Даже Ленин, коммунистическая доктрина были для него лишь средством, безотказным средством укрепления великодержавности советского гегемонизма и личного всевластия. Война в Корее лишь дополнительно высветила Сталина с некоторых новых сторон: его умения использовать зависимых от него союзников, умения идти на риск большой войны, не сжигая одновременно за собой всех «мостов», «умения» политический цинизм превращать в государственные принципы. Достигнув апогея власти, Сталин в корейской войне тем не менее обозначил свое грядущее историческое поражение.

Сталину осталось жить совсем немного. Он никогда не узнает, что одобренная им война в Корее завершится 27 июня 1953 года в Паньмыньчжоне соглашением о прекращении огня. Бесплодная, страшная затея решить проблему силой оружия стоила многих, многих сотен тысяч жизней, многих миллиардов рублей и долларов, тысяч разрушенных деревень и городов, промышленных предприятий.

Муки совести никогда не грызли кремлевского диктатора... Он давно поверил в свое право вершить судьбы миллионов людей. Корейская война была лишь последним страшным военным эпизодом в его политической биографии.

Сталинизм умер?

Незадолго до своей смерти Сталин поинтересовался, как идет дело с переводом на русский язык докладов, речей, статей Мао Цзэдуна, предназначенных для очередного тома избранных произведений китайского лидера. На другой день В.Н. Малин, заменивший отстраненного по настоянию Берии Поскребышева, положил на стол вождю несколько переводов статей Мао. Сталин нехотя полистал труды восточного вождя и отодвинул в сторону. Лишь две фразы удостоились его письменного внимания, помеченные сталинским отчеркиванием на полях: «Перед китайским народом лежат два пути: путь света и путь мрака. Существуют и две судьбы Китая — светлая и мрачная»²³⁴

Мысль державного китайца была созвучна устойчивому умунастроению Сталина. Он давно и безоговорочно уверовал в светлую коммунистическую судьбу СССР, в то, что исторический импульс, заданный им стране, будет долгим, неиссякаемым. У него, судя по всем его записям, пометкам, резолюциям последних лет, не возникало никаких сомнений, что дело его жизни вечно.

Вероятно, Сталин полагал, что он подвел общество вплотную к рубежу, за которым советские люди вступят уже на «окраины» лучезарного мира коммунизма. Не случайно его последняя теоретическая работа, известная как «Экономические проблемы социализма в СССР» и состоящая из замечаний к теоретической дискуссии 1951 года, вельможной критики А.И. Ноткина, Л.Д. Ярошенко, А.В. Саниной, В.Г. Венжера, посвящена в действительности тому, что будет «потом». Сталин, видимо, был уверен: после выполнения трех выдвинутых им условий подготовки перехода к коммунизму состоится наконец то, во имя чего загублены жизни многих миллионов людей. Абсолютный диктатор не хотел, чтобы при жизни учреждался орден его имени (а таковой уже был подготовлен), полагая «нескромным» реальный вариант ленинизма называть «сталинизмом», считая «преждевременным» создание центрального музея Сталина, ибо все это должно появиться при коммунизме, к которому советский народ подвел он, Сталин.

Достаточно прочесть лишь одну его фразу, чтобы понять и почувствовать, что ждало советских людей, если бы сталинизм сохранился «на века». По Сталину, «переход от

социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость»²³⁵.

Большая казарма, огромная коммуна, одномерное распределительное общество, где было бы невозможно рассмотреть личность в однотонной гигантской толпе, называемой «массой». Сталин верил в пришествие этого земного «рая». Верили и мы с разной степенью убежденности. В то время я был курсантом танкового училища. Вспоминая то далекое уже время, знаю, мы искренне верили в коммунизм как в «будущую реальность», в социальную неизбежность, как в нечто всеобщее и радостное. Но на житейском уровне мы связывали коммунизм прежде всего с обильностью, сытостью, достатком, живя в более чем скромной, точнее, просто бедной обстановке тех лет.

Коммунизм и коммунист — состояние и качество особое, с которыми традиционная цивилизация никогда не может быть в гармонии. Не случайно, что 22 ноября 1941 года Черчилль, размышляя в одном из своих посланий Сталину, рассуждая о «послевоенной организации мира», как бы напоминает: совместная борьба против гитлеризма не меняет того факта, что «Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть...»²³⁶.

Это, и именно это, привело к концу войны к заметному охлаждению между союзниками. Коалиция для обеих сторон была строго по расчету. Живучесть сталинской системы в огромной степени зависела от степени изоляции советских людей от западных ценностей, демократических институтов свободного мира, от того, насколько коммунистическая пропаганда способна разрушить его привлекательность. Уже в ходе войны, особенно в конце ее, эта тенденция проявилась с особой силой.

15 ноября 1944 года Сталин в Кремле принимал делегацию Варшавы во главе с М. Спыхальским. Во время обильного застолья Сталин особенно нажимал на то, что «Советский Союз, мы, ленинские люди, всегда отличались честностью и искренностью своей политики». Свою мысль Сталин подвел к тому, что и хотел сказать:

— Вот, был тут у меня Черчилль. Он считает, что, если

союзник испытан, его можно надуть. Я же считаю, что этого делать нельзя²³⁷

И это говорилось в тот момент, когда переписка Сталина и Черчилля была особо интенсивной; оба лидера старались перещеголять друг друга в любезности выражений и превосходстве эпитетов. И, конечно, Черчилль никогда не мог говорить кремлевскому диктатору о желательности «надуть» испытанного противника.

Когда же началось половодье сердечных, спонтанных встреч советских солдат с американцами и англичанами, о чем сообщали командующие фронтами, Сталин тут же продиктовал директиву:

«...Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию, согласно указаний Ставки. Никаких сведений о планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать...»²³⁸.

Сталин боялся «тлетворного влияния Запада» Крепость его системы напрямую зависела от «стерильности» ленинско-сталинских идей, незамутненной веры в его, Сталина, непогрешимость, абсолютную истинность пути, по которому он вел великий народ.

Именно этим можно объяснить, а не только стремление «отфильтровать» предателей и шпионов, появление вскоре после триумфальных майских дней директивы, подписанной Верховным Главнокомандующим. Она такова.

«Командующим войсками 1, 2-го Белорусских, 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов. Тов. Берия, тов. Меркулову тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву.

Восным советам фронтов сформировать в тыловых районах лагеря для размещения бывших военнопленных и репатрируемых советских граждан на 10 000 человек каждый. Всего сформировать: во 2-м Белорусском фронте 15 лагерей, в 1-м Белорусском фронте — 30, в 1-м Украинском фронте — 30, в 4-м Украинском фронте — 5, во 2-м Украинском фронте — 10, в 3-м Украинском фронте — 10 лагерей...

Проверку возложить: бывших военнослужащих Красной Армии на органы контрразведки «Смерш», гражданских лиц на комиссии НКВД, НКГБ, «Смерш»...

Сталин»²³⁹.

Сталинизм (хотя тогда так не говорили) нуждался в охране, сбережении, изоляции от «тлетворных влияний». Эти новые 100 «профилактических» лагерей, как страшные фильтры, «отсеивали» десятки тысяч людей, которые из лагерей гитлеровских прямиком попадали в лагеря сталинские. Из 1 миллиона 950 тысяч человек, прошедших проверку, около 900 тысяч угодили в лагеря сталинские и так называемые «рабочие батальоны» НКВД, разбросанные по бесчисленным стройкам ГУЛАГа. Так, в частности, обеспечивалась живучесть ленинско-сталинской ментальности...

Вскоре после победоносного окончания войны Сталин уже как бы стеснялся былой боевой близости с лидерами союзных стран. Постепенно они для него стали вновь олицетворять то, чем были всегда, — непримиримых классовых врагов. Нет, он пока еще не называет их, как позже, на XIX съезде партии: «главными врагами освободительных движений», «буржуазия продает независимость наций за доллары», это «поджигатели войны»²⁴⁰. Это он сделает потом. А сейчас он, победитель, которому история в минувшей войне подтвердила его «правоту», все больше дистанцируется от бывших союзников.

Второй вождь после войны исподволь «консервировал» созданную Лениным и им систему. Пока, возможно, только он понимал, что ее историческая устойчивость зависит от сохранения неизменными всех большевистских постулатов власти; монополии одной партии, особой избранности одного класса, «истинности» только одной идеологии, абсолютной непримиримости ко всему не коммунистическому, фанатичному следованию миллионов людей «заветам Ленина» и его, Сталина, «указаниям». Думаю, что тогда в нашей стране только он до конца понимал основные условия исторического сохранения его детища.

В конце своей жизни, последние два-три года, Сталин утратил былую активность. Нет, он по-прежнему уделял немало времени корейской войне, борьбе с Тито, встречам с коммунистическими лидерами, редким заседаниям политбюро (Президиума ЦК), изучению докладов о ходе «великих строек коммунизма», принимал военных и уче-

ных по ядерной программе страны, по-прежнему ездил в Большой театр... Но энергия, силы его покидали. Годы борьбы за власть, за утверждение своего взгляда на ленинскую систему, тяжелейшая война, возраст брали свое. Ведь им с Лениным создана система, где первое лицо должно ежедневно лично принимать множество решений.

Сталину в глубине души, видимо, льстило, что вот он согласился со строительством каскада ГЭС на Волге, и они создаются; он поставил подпись под решением о сооружении железной дороги от Северного Урала до Енисея, и десятки тысяч заключенных своими костями мостят этот путь. Стоило ему сказать, написать, показать пальцем — в движение приходили миллионы людей.

Абсолютная власть. Пусть решения облекались в постановления ЦК и правительства, во всем этом скрывалась его неукротимая воля. Вот главная пружина системы — воля вождя. Но сил становилось все меньше. Даже для своей пятнадцатиминутной речи 14 октября 1952 года на последнем для Сталина XIX съезде партии у него едва хватило сил. А ведь раньше он без усталости произносил многочасовые доклады на съездах, конференциях, совещаниях.

Стало нередким (чего раньше не происходило), когда Сталин не ехал в Кремль, а рассматривал важные бумаги на даче, в Кунцеве. Близкое окружение, вызванное туда, иногда заставляло Сталина неподвижно сидящим в кресле, лицом к окну. Кто знает, где были теперь его мысли. Так могло продолжаться час, полтора... Конец года, иногда более трех месяцев, Сталин проводил на юге. Иногда появлялся, выходя из своего особняка, медленно бродил по аллее парка, но чаще сидел на веранде лицом к осеннему морю.

Давно замечено, что огонь лесного костра, бесконечная глубина неба и дыхание безбрежного моря располагают к долгим философским размышлениям. О чем мог думать человек, бывший в начале политической карьеры малозаметным ссыльным, почти бродягой, не имевшим ни денег, ни профессии, ни семьи, а ставший самым страшным диктатором XX века (а может, не только этого столетия), умело манипулировавший сознанием сотен миллионов людей, поверивших в реальную достижимость социальной справедливости на Земле.

Анализ бумаг Сталина, некоторых воспоминаний лю-

дей, имевших с ним определенные контакты, его последние редкие выступления и «теоретические работы», деловая переписка дают основание полагать, что в космосе сознания вождя некоторые идеи возникали достаточно часто.

Как и у большинства старых людей, мысль Сталина чаще обычного возвращалась к детству, матери, Грузии. На целом ряде писем, адресованных вождю политическими заключенными-грузинами, он писал: «Берия. Разобраться. Если пишут правду — освободить. И. Ст.». Мог вспомнить, что еще в начале двадцатых годов, когда по инициативе Ленина начался сатанинский поход против Церкви, Сталин два-три раза, вспоминая себя бывшим семинаристом, слегка амортизировал страшные удары.

«ЦК КП Грузии Ломинадзе.

Высшая мера наказания в отношении Амвросия (экзарха* Грузии) нецелесообразна из-за соображений международного характера. Ограничиться 10 годами заключения и широкой кампанией в печати о его контрреволюционной деятельности.

14 марта 1924 г.

Секр. ЦК Сталин»²⁴¹

Почти в то же время его запросили из Тифлиса, как поступить с меньшевиком Девдориани (предполагался арест). Сталин решил иначе.

«...Я не сомневаюсь, что Девдориани и его группа являются самыми вредными элементами меньшевизма в России, особенно теперь, в условиях нэпа. Мой совет, использовать Девдориани на короткий срок для разложения меньшевиков-рабочих, если таковые еще остались в Грузии. А потом выкинуть его за границу. Обязательно выкинуть»²⁴².

Нет, конечно, державная рука не щадила и родную Грузию; его, сталинский серп походил там страшно. Однако, когда после войны в Москву направлялись списки работников с чайных плантаций Грузии, Сталин, когда его спрашивали о награждении тружениц, всегда говорил — «дать».

Обрусевший грузин в конце своей жизни неожиданно

*От греческого *exarchos* — глава, начальник. В Православной Церкви глава церковного округа, иногда объединяющего несколько епархий. — Прим. ред.

разыскал нескольких своих кавказских друзей детства и выслал им деньги...

Кольцо судьбы всегда замыкается. Мысль, давно оторвавшаяся от памятных мест своего рождения, помимо воли возвращается туда снова и снова.

Также по ряду косвенных признаков (появление на письменном столе после его семидесятилетия небольшой фотографии жены Н.С. Аллилуевой; приближение к себе дочери Светланы — летом 1951 года проводит с ней часть отпуска в Боржоми; попытка, правда, по инерции и без успеха, спасти сына Василия от алкоголизма и др.) можно сказать, что Сталин все чаще, в основном мысленно, возвращался к своей заброшенной семье, которую он принес в жертву своему делу. Удалось установить, что один раз диктатор, которого никто и никогда не мог обвинить в сентиментальности, пересмотрел почти полтора десятка писем и записок своей жены, отправленных ему Надеждой Сергеевной на юг. Может быть, его заинтересовали образные впечатления Надежды: «Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда краска стекает полосами...»²⁴³ А может быть, как политика до мозга костей, заинтересовало другое письмо: «...Со следующей почтой, если еще не вернешься к тому времени, pošлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (этого невозвращенца), сейчас не могу послать, т.к. Двинский не достал еще, а я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно?»²⁴⁴

Семья, особенно «запущенная», заброшенная во время политической жизни, возможно, возникала в стареющем больном мозгу как скорбный укор, как необратимость отшумевшего и безвозвратного.

Как свидетельствуют воспоминания Н.С. Хрущева, ряда других политиков, Сталин на закате жизни не мог не задуматься: что ждет «его дело» после смерти лидера? Во время ночных застолий он не раз вопрошал: что будете делать без меня? И горько резюмировал:

— Вас раздавят, как котят...

Сталин не видел своего преемника. Нового вождя.

По ряду косвенных пометок в записях Сталина совершенно ясно, что он искал для своей личности аналогии в

истории. Судя по тому, что диктатор читал и помечал своим карандашом в книгах, его симпатии были отданы Ивану IV, названному в народе Грозным. Второму вождю большевиков импонировало, что Иван Грозный был умным, властным деспотом. Его необузданная жестокость в понимании Сталина выглядела как государственная доблесть, а завоевание Грозным Казанского ханства, выход к Балтийскому морю, создание опричнины лишь усиливали в глазах большевистского тирана притягательность русского царя из далекого XVI века.

Как и Грозный, Сталин не оставил достойного наследника. От семи царских жен у Ивана был лишь слабоумный Федор, да малолетний Дмитрий от Марии Нагой. Вырождение «царского корня» угнетало Грозного. Мучило отсутствие явного наследника и Сталина, хотя если бы таковой и был, то едва ли бы он уцелел. Но большевистский абсолютизм предполагал иметь во главе системы марксистского вождя.

Сталин не сомневался, об этом я могу судить с большой степенью уверенности, в том, что его «дело» будет жить всегда. Его сентенции о «котятках» выражали больше всего личную неудовлетворенность выродившимся окружением, которое он превратил в поддакивателей, исполнителей, льстецов. Но что касается классовых, идеологических целей, Сталин верил: они достижимы. Ему уже представлялось неизбежным автоматическое исполнение всех его пророчеств.

Долгое время Сталин отдавал явное предпочтение Молотову; встречался с ним чаще, чем с кем-либо; нередко принимал самые ответственные решения, посоветовавшись только с этим человеком (достаточно вспомнить печально знаменитые советско-германские соглашения 1939 года); именно Вячеслав Михайлович, пожалуй, один из всего политбюро мог возразить вождю, высказать свою точку зрения. Но ко времени XIX съезда партии Сталин резко охладел к Молотову, а на пленуме после съезда подверг его (как и Микояна) резкой, но маловразумительной критике. Как писал Хрущев, он был уверен, «что, если бы Сталин прожил значительно дольше, жизнь Молотова и Микояна закончилась бы трагически»²⁴⁵.

Сталин явно благоволил к Жданову, но его отталкивало злоупотребление способного сталинца спиртным. Смерть

Жданова, однако, достаточно загадочна. Хрущева диктатор вряд ли воспринимал всерьез; для него он был «мужик-руководитель», прямой, исполнительный, но едва ли пригодный на первые роли. К Берии в последние годы своей жизни Сталин относился явно настороженно, и не исключено, что готовил момент и ситуацию, чтобы списать на этого штатного палача системы все «кадровые» издержки послевоенного сталинского проявления. Берия лучше других представлял физическое состояние Сталина и исподволь готовился к неизбежному концу вождя.

К Ворошилову, Кагановичу он давно остыл; они ему просто надоели. Микоян, Шверник, Булганин, Первухин и другие вожди «второй линии» никогда не рассматривались Сталиным как руководители первого плана. Оставался Маленков, сообразительный, исполнительный, угодливый деятель, совершивший карьеру в аппарате Центрального Комитета. После устранения Поскребышева Маленков фактически вел все личные дела генералиссимуса, «сортировал», «фильтровал» бумаги, которые тому адресовались. Однако Сталин не раз во время ночных застолий упрекал Маленкова в «бесхребетности» и непростительной «мягкости». Диктатор не мог видеть в этом женоподобном, рыхлом человеке своего преемника.

Чувствуя приближение смерти, а это было, видимо, именно так, он оставлял после себя вакуум. Для большевистской же системы всегда огромное испытание — смена первого вождя. В конце 1952 года и в начале последнего года своей жизни Сталин несколько раз впадал в обморочное состояние, два раза падал прямо в кабинете. Кровяное давление подскакивало к критическим отметкам. Однако Сталин, бросив курить, полностью не отказался от любимого вина, нет-нет да и ходил в русскую парную, что едва ли было желательно в его состоянии.

Хрущев вспоминал, что временами у Сталина «наступало умственное затмение или случались провалы в памяти... Помню, как однажды он начал что-то говорить Булганину, но не мог вспомнить его фамилию. Сталин посмотрел на него пристально и сказал:

— Послушайте, как ваша фамилия?

— Булганин.

— Ну, да, Булганин. Я и хотел так сказать»²⁴⁶.

Сталин стал еще более подозрительным, не раз вслух

говорил, что подозревает Молотова, Микояна, Ворошилова в том, что они «агенты империалистических государств».

Сталин деградировал. Повторялась картина того, что произошло с Лениным. И, если бы удар, настигший диктатора на даче, был полегче, не исключено, что мы бы пережили еще один сценарий, подобный «Горкам», только теперь это было бы «Кунцево». Уязвимость тоталитарной системы, несмотря на видимость монолита, заключается, в частности, в сверхцентрализации власти в руках одного человека. Эта концентрация рычагов управления в руках одной личности делает систему глубоко уязвимой.

Но диктаторы тоже смертны... Проходит, увы, не только молодость, проходит и старость.

После Второй мировой войны Сталин уделял особое внимание своему здоровью. Мы уже отмечали, что возраст и напряжение многих лет политической борьбы, а затем и страшной войны подточили силы диктатора. Сталин рассчитывал на кавказское долголетие: на его родине мужчины часто живут по 90—100 и более лет. Вождь в узком кругу не раз говорил, что Кавказ всегда наполняет его новыми силами. Ежегодно в августе он уезжал на Кавказское побережье Черного моря и подолгу там отдыхал. А в 1950—1952 годах Сталин находился на личном специальном курорте по 3—4 месяца ежегодно. Однако, возвращаясь с Кавказа, Сталин вскоре жаловался Берии и Молотову на головокружения, тошноту, плохое самочувствие. Его ближайшее окружение видело, как я писал выше, что он падал в кабинете. Об этих случаях как-то раз узнали в международных дипломатических кругах. В январе 1948 года в Стокгольме и Лондоне сообщили о слухах по поводу возможной кончины советского диктатора. Но Сталин появился в Большом театре на любимом балете, и слухи тут же затихли.

Однако вождь гигантской страны не был бессмертным. В этой части очерка, опираясь на политические и медицинские документы, многие из которых никогда не были опубликованы, я расскажу, как Сталин уходил в иной мир, откуда никто, кроме Иисуса Христа, не вернулся.

Политический деятель умирает трижды. Сталин своей смертью подтвердил это правило. Исторически — он не умрет никогда и останется в памяти человеческой как са-

мый страшный диктатор XX века. Политически — он тоже не умер и еще агонизирует. В России и сегодня есть его верные сторонники и почитатели. И не только среди ветеранов и коммунистов. Лишь физически Сталин однозначно умер. Более сорока лет тому назад, 5 марта 1953 года.

...1 марта 1953 года ближайшие люди из его окружения разъехались со сталинской дачи в четыре часа утра. Был, по обычаю, ночной ужин. Пили, говорили и опять пили. Сталин теперь пил мало: только немного грузинского вина. Однако Хрущев утверждает, что «Сталин был довольно пьян...»²⁴⁷. Сталин вначале был в приподнятом настроении, затем пришел в раздражение; выговорил почти каждому из собеседников, особенно Молотову и Берии. Он был недоволен всем: если бы не ГУЛАГ, то промышленность, лесное хозяйство, горное дело, дороги, электростанции — никто бы не выполнили планов... Чем занимаются члены Президиума? (Так тогда именовалось всесоюзное политбюро. — Д.В.) В руководстве кое-кто считает, жестко говорил Сталин, что можно жить старыми заслугами... Ошибаются. Да, ошибаются!

За столом, уставленным многочисленными блюдами, наступила гробовая тишина. Сталин никогда не бросал угроз на ветер. От них холодело под сердцем.

Не смогли сохранить в лагере Югославии, раздраженно продолжал вождь, упустили момент, а с ним и победу в Корее, в стране вновь появились явные признаки крупномасштабного вредительства... «Дело врачей» тому явное подтверждение. Почему должен обо всем думать только он?

Берия, Маленков, Булганин несколько раз пытались в паузах монолога успокоить вождя: «Примем меры...», «Ваши указания, товарищ Сталин, будут выполнены...», «Положение обязательно поправим...».

Диктатор обвел присутствующих медленным тяжелым взглядом, с усилием поднялся, бросил салфетку на стол и, сухо кивнув всем, ушел к себе. Соратники тихо поднялись и тоже молча вышли. Везде, как обычно, стояла охрана, оберегая земного бога. Разъезжались еще в темноте. Маленков, что бывало часто, сел в машину к Берии; они жили на дачах рядом.

Весь следующий день Сталин никого не беспокоил: не вызывал, не звонил, не требовал почту, даже не обедал

Сначала это не вызывало особого беспокойства: Сталин часто ложился глубокой ночью и отдыхал до 11—12 часов дня. Но после полудня у obsługi появилась большая тревога. Однако без вызова никто не смел входить к вождю; так повелевала инструкция Берии. Но вот к вечеру в кабине у вождя зажегся свет, затем в столовой. Охрана вздохнула с облегчением, правда, опять никакого звонка...

Что происходило в это время в апартаментах Сталина? Ведь смертельный удар с ним произошел где-то в районе 20—21 часа еще 1 марта, когда, плохо себя почувствовав, вождь прошел в столовую выпить минеральной воды. Никто и никогда не ответит на эти вопросы. Мир человека — огромный, необъятный, загадочный космос. Уходит человек, исчезает навсегда и этот неповторимый, уникальный мир... Но о его мире, ушедшем навсегда, мы знаем больше, чем о других. Он материализовался в гигантских стройках, подневольном сословии крестьян, в атомной бомбе, гигантском ГУЛАГе, могучей крепости-государстве, полутора десятках его ясно-примитивных томов сочинений, десятках тысяч памятников. Но и это окажется не вечным...

О чем думал Сталин накануне рокового удара? Кто знает? Может быть, его обуревали мысли о своем одиночестве? Бренности этого мира? Достигнув фантастической власти, покорив сотни миллионов людей, став обладателем невиданной мощи, он оказался абсолютно одиноким на своей холодной вершине. Вокруг суетится множество ласкующих людей, но ему не с кем спорить, некому что-то доказывать, не перед кем оправдываться... Леденящая пустота... С ним всегда неразлучны только его мысли, все чаще зовущие в прошлое...

В тот последний долгий вечер со своими соратниками он почему-то заговорил о Коминтерне. Сколько выбросили золота, ценностей на создание компартий, а мировой пожар революции зажечь не удалось. Хотели вызвать революцию не только в Европе, но и в Азии: в Персии, Индии, Китае. Вспомнил, как на заседании политбюро 27 июля 1922 года решили, что даже Япония переживает предреволюционный период. Решили усилить агитационную работу в Азии путем создания радиостанции около Владивостока. Почему-то вспомнилось еще одно заседание политбюро 3 мая 1923 года, когда уже Ленин безнадежно болел. Выработали инструкцию Иоффе на переговорах с

Японией: не возражать против продажи Сахалина за миллиард долларов. Девять десятых наличными. Но, как оказалось, сделка не состоялась. Сталин мог вспомнить, что вопрос о Северном Сахалине вновь поднял японский министр иностранных дел Мацуока 12 апреля 1941 года.

Во время их двухчасовой беседы, когда, как явствует из сталинского архива, оба остались довольны друг другом, Мацуока вдруг предложил продать северную часть Сахалина. Сталин немедленно среагировал:

— Ведь вы нас тогда «закупорите и задушите»... Зачем вам нужен холодный Сахалин?

— Для спокойствия, — ответил Мацуока.

...Сталин ушел с ужина и весь следующий день не появлялся. Тревога росла. Вожьд не выходил из своих покоев. Обнаружила его лежащим на полу охрана, самовольно войдя вместе со служанкой Матреной Петровной в помещение около 11 часов вечера 1 марта. Перенесли на диван. Сталин был без сознания и хрипел. Но приехавший Берия, которого с трудом разыскали, шипел на прислугу:

— Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда и не нарушайте сон Иосифа Виссарионовича...

Лишь рано утром 2 марта протрезвевший Берия приехал вместе с членами Президиума и с целой группой врачей. Растерянные соратники находились в соседней комнате, где лежал Сталин. Лишь Берия ходил из угла в угол комнаты. Все молчали. После суетливого осмотра перепуганные профессора доложили партийному анклаву: «Медицинское заключение о состоянии здоровья тов. И.В. Сталина.

Консилиум в составе начальника ЛСУК (Лечебно-санитарное управление Кремля. — Д.В.) тов. Куперина И.И., профессоров Лукомского П.Е., Глазунова И.С., Ткачева Р.А. и доц. Иванова-Незнамова В.И. 2-го марта в 7 час. утра освидетельствовали состояние здоровья тов. И.В. Сталина.

При осмотре в 7 час. утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). При попытке врача прощупать пульс на левой лучевой артерии проявилось двигательное беспокойство в левой руке и левой ноге. Дыхание не расстроено. Пульс 78 в 1 минуту с редкими выпадениями.

ми. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110. В легких спереди хрипов нет. В области правого локтевого сустава следы ушиба (экскорнация и небольшая припухлость).

Больной в бессознательном состоянии. Правая носогубная складка опущена. При поднимании век глазные яблоки уходят то влево, то вправо. Зрачки средней ширины, реакция на свет снижена. Движения в правых конечностях отсутствуют, в левых временами двигательное беспокойство.

Диагноз: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейн средней левой мозговой артерии; атеросклеротический кардиосклероз, нефросклероз.

Состояние больного крайне тяжелое.

Назначения: абсолютный покой, оставить больного на диване; пиявки за уши (поставлено 8 шт.); холод на голову, гипертоническая микроклизма (1 стакан 10%-ного раствора сернокислой магнезии). Снять зубные протезы. От питания сегодня воздержаться.

Установить круглосуточное дежурство невропатолога, терапевта и медсестры. Осторожное введение с чайной ложечки жидкости при отсутствии поперхивания»²⁴⁸.

Подготовив диагноз и отпечатав его, руководитель группы врачей И.И. Куперин подошел к Берин и Маленкову, которые все время о чем-то шепотом переговаривались.

Здесь же, в соседней комнате, в 12 часов дня прошло заседание бюро Президиума ЦК КПСС. Председательствовал Г.М. Маленков. За столом молча, подавленные сидели члены бюро Президиума Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Н.С. Хрущев, а также члены Президиума А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкрятов. Докладывал начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин, в стороне с бумагами сидел профессор Р.А. Ткачев.

Куперин страшно волновался; впервые докладывать такому составу... Он не забыл, что два месяца назад Сталин подписал распоряжение министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову «Об устранении серьезных недостатков в

работе лечебно-санитарного управления Кремля», связанное с «делом врачей». Ждали новых арестов.

Выслушав доклад «Заключение врачебного консилиума об имевшем место 2 марта у товарища Сталина И.В. кровоизлиянии в мозг и тяжелом состоянии в связи с этим его здоровья», соратники молчали. Для всех исход был почти ясен с самого начала. Но, разумеется, об этом никто не сказал ни слова. Но и говорить о надеждах, перспективе, выздоровлении не решались. Могли не так понять. Лишь Берия зловеще произнес, обращаясь к Куперину: «Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, Вы это понимаете? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина».

Куперин, и без того бледный, стал совсем белым...

Маленков зачитал заготовленный текст проекта постановления, который гласил:

«1. Одобрить меры по лечению товарища Сталина, принятые и намеченные к проведению врачебным консилиумом в составе начальника Лечсанупра Кремля т. Куперина И.И., проф. Лукомского П.Е., проф. Глазунова И.С., проф. Ткачева Р.А. и доцента Иванова-Незнамова В.И. (см. медицинское заключение консилиума).

2. Установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов бюро президиума ЦК.

3. Назначить следующее заседание бюро президиума сегодня в 8 часов вечера, на котором заслушать сообщение врачебного консилиума»²⁴⁹.

Приняли, как все принимали раньше, «единогласно». По существу, «лечили» не врачи, а Президиум ЦК, как когда-то Ленина; «одобряли» приглашение одних врачей, отводили других... Страшные гримасы системы. Никому не казалось чудовищно нелепым, что все назначения врачей должны быть утверждены высшим партийным органом. То была уродливая пирамида власти, достигшая вершины своего абсурда.

Вечером провели еще одно заседание бюро Президиума ЦК КПСС. Куперин доложил:

Заключение: «Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым: больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более час-

тым, аритмия выражена резко, кровяное давление по сравнению с 7 час. утра стало несколько выше (210/120).

Назначение: Строгий постельный режим, повторно поставить на область сосцевидных отростков 6—8 пиявок. Свеча с эйфиллином (0,3) после клизмы из 200,0 мл 10%-ного раствора сернокислой магнезии. Ввести внутримышечно 5,0 мл 25%-ного раствора сернокислой магнезии. Пить с чайной ложечки сладким чаем при условии отсутствия поперхивания. Периодически холод над головой (отменить)».

Высший орган, вновь обменявшись мнениями, одобрил меры «по лечению товарища Сталина, принятые врачебным консилиумом», добавив, однако, еще новый пункт:

«Привлечь дополнительно к лечению товарища Сталина следующие медицинские силы: действительных членов Академии медицинских наук Мясникова А.Л., Тареева Е.М., Коновалова Н.В. и зав. кафедрой Второго Московского медицинского института Филимонова И.Н., ввести их в состав врачебного консилиума»²⁵⁰

Начиная со 2 марта, с 7 часов утра, дежурные врачи стали вести краткую хронологию истории течения болезни. Она пространна — десятки страниц. Показания и результаты наблюдений записывались через каждые двадцать—тридцать минут. Мы не можем привести весь этот перечень физических признаков, когда душа навсегда покидает тело, когда старая христианская истина «суета сует» становится особенно очевидной. Агония была долгой, страшной, но бессознательной. Правда, Хрущев утверждает, что был момент, когда Сталин всех узнал и даже пожал некоторым руки...²⁵¹ Врачебные записи этого не подтверждают. Мы приведем лишь несколько из множества зафиксированных в медицинском дневнике штрихов, физиологически характеризующих великое таинство — смерть человека.

Ведь, по сути, смерть — это часть, заключительная часть человеческой жизни, многогранной и безмерной. Для простого смертного жизнь — это детский смех и солнечные пятна на лице матери, шепот дождевых капель за окном и груз усталости на плечах, это ожидания и надежды, подвижничество и борьба с подлостью. Для такого смертного, как Сталин, жизнь — это бесконечная гонка, борьба, стремление к власти, ее сохранению, укреплению,

расширению... Власть в обществе — явление необходимое и неизбежное, но греховная по своей сути. И тем более греховная, чем менее она общественная.

Лучше других большевистских бонз знавший Священное писание, обращался ли Сталин в минуты просветления к Богу или только хотел выжить, чтобы еще припасть к наркотическому источнику власти?.. Этого теперь уже никто и никогда не скажет.

Смерть пришла к человеку. Не к просто обычному человеку, а к самому крупному диктатору XX века.

Записи из дневника врачей.

12 марта 1953 г.

12.35. «Бессознательное состояние. Дыхание глубокое, ровное, 28 в 1 мин. Пульс 80 в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения...»

13.50. «Состояние тяжелое, бессознательное. Пульс 80 ударов в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения... Тоны сердца приглушены. Артериальное давление 210/120 мм. Заметно участились подергивания левой ноги».

Над Сталиным склонилась в халатах, словно стоя белых чашек, целая группа седовласых профессоров, судорожно пытающихся продлить агонию. Никто из них не мог сказать вслух, что положение диктатора безнадежно.

Уставшие от ожидания и неизвестности соратники Сталина сидят в креслах неподалеку от больного, в соседних комнатах. Иногда встают, тихо переговариваются, выходят позвонить. Кто-то распорядился принести бутерброды. Берия (один) уезжал часа на два-три в Кремль. Приехал возбужденный. Врачи по-прежнему непрерывно тихо совещаются, ставят пиявки, делают уколы, пытаются поить сладким чаем с ложечки, делают клизму, свечи с эфиллином, подают холод над головой. Все фамилии врачей этнически «безупречны»: Третьяков, Куперин, Ткачев, Глазунов, Иванов, Тареев, Филимонов, Мясников, Коновалов... Ни одного еврея. Ведь «дело врачей» еще не отменено. А в журнале истории болезни появляются все новые записи.

16 час. «Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 часов утра стало еще более тяжелым; больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появи-

лось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резче...»

У членов Президиума первый шок прошел; все думали, но никто не произносил вслух одного-единственного вопроса: «Кто?»

Кто возглавит партию и страну? Кто? Все боялся даже представить, что кабинет Сталина займет этот плотный человек со зловещим блеском пенсне. Берия страшней всех. А он уже не мог скрыть радостного возбуждения. Как писала Светлана Аллилуева, у смертного одра «...один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть...»²⁵².

В ночь на 3 марта состоялся новый консилиум. Врачи вновь доложили бюро Президиума ЦК КПСС о ходе лечения. Привыкшие к ночным бдениям, еще не потерявшие силы, соратники вновь утверждают заключение врачей:

«Консилиум подтверждает диагноз больного и считает состояние его крайне тяжелым. Проводимые лечебные мероприятия консилиум считает правильными. На ближайшее время считать целесообразными следующие мероприятия:

1. Слегка приподнять голову и верхнюю часть туловища, положив небольшую подушку.

2. На ближайшие сутки ограничить питание введением через рот глюкозы с лимонным соком.

3. Грелки к ногам, преимущественно левой, температурой до 39—40 градусов на 1—2 часа.

4. Пенициллин 3 раза в сутки по 300 тыс. единиц на растворе новокаина» и еще целых пять пунктов...

Не все понимают, что власть времени — власть абсолютная. Е го время кончилось. Земные боги тоже смертны... Мало кто знает, что Берия, возможно, ускорил кончину диктатора. Дело в том, что Сталин, находясь в сибирской ссылке, привык к русской парной бане. До начала пятидесятых годов он не изменял этой привычке: раз в неделю ходить париться. Здесь, на даче, ему срубили из сибирских сосен хорошую баньку. Но когда давление стало подсакивать до опасной черты, академик Виноградов уговорил Сталина не ходить в баню. Почти два года Сталин воз-

держивался. Но за две недели до удара Берия сказал, что врачам надо поменьше верить: столько среди них вредителей... Сталин вновь сходил несколько раз в парную. В начале почувствовал облегчение, а затем...

3 марта 1953 года

Великая страна притихла. Работали заводы, шли поезда, читались лекции в университетах, летали самолеты. А «органы» НКВД докладывали о настроениях людей. Ощущение обрушившегося горя было неподдельным. Люди, как было принято считать, «любили» Сталина. Но никто не знал, любил ли он их... Все как бы стихло. Лишь радио без конца передавало бодрые сводки успехов в народном хозяйстве.

В 10 час. 15 мин. 3 марта консилиум в том же составе, как накануне, докладывает бюро Президиума: «Состояние остается крайне тяжелым... Зрачки узкие, вяло реагируют на свет. При дыхании правая щека отдувается. В правой руке и ноге движения отсутствуют... Временами двигательное беспокойство в левых конечностях...»

Несколько раз в зале появлялся сын Сталина Василий, выкрикивавший пьяным голосом одну и ту же фразу:

— Сволочи, загубили отца.

Хрущев подходит, обнимает нетрезвого генерала за плечи, уводит в соседнюю комнату. Постепенно однообразные выкрики замолкают.

Дочь Светлана окаменело и печально смотрела на профиль отца, то и дело скрываемый халатами снующих вокруг больного врачей. Отец уже давно не видел ее, отгороженный от нее бесконечными государственными делами. В последний раз Сталин встречался с дочерью 21 декабря 1952 года, когда она приходила к нему поздравить с семидесятилетием. С тех пор повидать дочь ему было некогда...

4 марта 1953 года

Последние годы Сталин, собирая соратников в кабинете, ругая их за какие-нибудь просчеты, часто говорил:

— Что вы будете делать без меня? Вы же сами ничего не можете решить и сделать...

Все молчали. Никто и представить не мог, что когда-нибудь Сталина не будет. Почти за три десятилетия все привыкли, что низенький невзрачный человечек с неизмен-

ной трубкой и с усами решает все. Их задача была лишь вовремя и качественно все исполнять...

Сталин после войны особо заботился о здоровье. Правда, он не доверял своим врачам, пришлось их посадить в тюрьму, а больше полагался на настои трав, которые готовил его верный оруженосец-помощник Поскребышев, фельдшер по профессии (пока и того не удалил). Много отдыхал. Иногда по нескольку дней не приезжал в Кремль; бумаги возили ему на дачу. Он устал от людей, пресытился властью и могуществом. Мог часами смотреть из окна дачи на верхушки берез, где кружилась стая ворон. Думал. Больше о прошлом. Часто вспоминал о жене Надежде. Лишь иногда ночной концерт на даче или балет в Большом театре поднимали его настроение.

А врачи фиксировали безжалостную эволюцию болезни Сталина:

23.00. «Дыхательных пауз было относительно немного, и они устранялись механическим раздражением грудной клетки, в этот период кислород не применялся. С 2.30 снова участились паузы, в связи с чем был применен кислород (2 подушки). После вдыхания кислорода цианоз уменьшился. В целом положение больного стало критическим».

Как и в предыдущие дни, на даче всю ночь в окнах горели огни. В ночь на 5 марта вновь заседало бюро Президиума ЦК КПСС. Они по-прежнему «руководили» лечением. Правда, держатели власти чувствовали приближение развязки. Не выпавшиеся, осовевшие члены высшей партийной коллегии опять «единогласно» приняли постановление, предложенное Маленковым и Берией:

«О совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР

1. Созвать 5 марта в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

2. Принять и внести на рассмотрение совместного заседания Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР следующее решение:

В связи с тяжелой болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности, считать на время отсутствия товарища Сталина важнейшей задачей партии и правительства обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники...

Поручить тт. Маленкову Г.М., Берия Л.П., Хрущеву Н.С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок»²⁵³.

Члены Президиума, вероятно, думали, что Сталин умрет до этого срока. Столь безрадостным был доклад врачей. Но Сталин был жив. Душа медленно и с трудом покидала это грешное, нескладное тело.

5 марта 1953 года

Врачи обреченно, но методично, скорее, по инерции пытаются что-то сделать. Хотя надежд уже абсолютно нет. Камфора, кофеин, строфантин... Уже несколько раз пришлось прибегать к механическим раздражениям грудной клетки: все чаще наблюдается выпадение дыхания...

3.35. «Через каждые 2—3 минуты наступает пауза продолжительностью 4—5 секунд. Двигательное беспокойство в левой ноге и в пальцах левой руки в течение 1—2 минут, потом исчезло. Дыхание — 27 в минуту, пульс — 108 в минуту. Дав через подушку кислород. Дыхание несколько улучшилось».

...Берия вновь уехал в Кремль. Теперь у него была возможность спокойно проверить личные сейфы Сталина. «Приводить их в должный порядок». Без Хрущева и Маленкова. У государственного палача могло быть подозрение о существовании завещания Сталина; он как-то однажды дал понять, что надо бы «для будущего кое-что написать...». А при охлаждении «старика» к нему он не мог ждать от последней воли вождя ничего хорошего... Да и вообще: у Сталина была старая толстая тетрадь в темном переплете, в которую он порой что-то записывал... Может, и о нем? Я писал в книге о Сталине, что диктатор, видимо, подумывал составить завещание соратникам. Возможно, и составил. Но если оно и было, то, скорее всего,

мы о нем никогда не узнаем. Берия побывал в личном сейфе Сталина раньше других.

11.30 «Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. Дыхание стало весьма поверхностным, с длительными паузами. Пульс частый, слабого наполнения. Наблюдалось легкое движение головы, 2—3 тикообразных подергивания в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге...»

Куперин, постучавшись, зашел в комнату, где сидели члены Президиума. Тихо сказал: «Положение угрожающее...»

Все молчали. Лишь Берия, приехавший из Кремля, вновь громко заявил:

— Принимайте все меры к спасению товарища Сталина!

В Москву шли тысячи писем и телеграмм с горячими пожеланиями «скорейшего выздоровления товарища Сталина». Люди надеялись на выздоровление вождя. В полдень вновь консилиум. Результаты докладывают окончательно измученным и измятым членам Президиума, которые по одному-по два выходят в соседние комнаты и засыпают тут же в самых нелепых позах, в креслах... Все как бы в полусне и бреду; не знаю, как держатся врачи...

12.00 «Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5 марта. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести...»

12.15 «Дыхание поверхностное, 31 в 1 мин. ...Пульс 120 в 1 мин. Значительная потливость. Кожные покровы бледны, губы и кисти рук цианотичны... Временами дрожание головы...»

В стороне Маленков и Берия, иногда к ним присоединяется Хрущев, что-то негромко обсуждают, дают поручения, звонят по телефону. Речь идет о предстоящем совместном заседании Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Нужно позаботиться о власти... Идет ее дележ. Но Сталин еще жив...

Вечером все уехали в Кремль. У постели умирающего

Сталина оставили Булганина. Умчавшиеся на черных лимузинах заседать полагали, что смерть вождя — дело нескольких минут. В 20 час. 40 мин. началось заседание ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Почему открытие задержали на 40 минут? Берия, Маленков и Хрущев все время ждали звонка от Булганина о кончине Сталина. Но звонка все не было...

21.30 «Резкая потливость. Большой влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное».

21.40 «Карбоген (4,6% CO) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Большой влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (6% CO) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание».

Врачи непрерывно делают искусственное дыхание. Тщетно. Приходит момент, когда каждый человек перешагивает невидимую тонкую линию, делящую земное бытие от «того» мира. Никто, даже диктаторы, не могут перешагнуть обратно...

21.50 «Товарищ И.В. Сталин скончался».

Прав был Плутарх, оставивший для людей вечную строку: «Последний предел для всех людей — смерть»²⁵⁴.

Врачи один за другим выпрямлялись, вытирая пот. На искусственное дыхание сердце Сталина больше не отзывалось. Конец. Долгое молчание. Таинство смерти прошло на глазах, и тем не менее никто его не увидел. Потому что таинство божественно для всех: грешных и негрешных, диктаторов и подданных.

Все члены Президиума, уже приехавшие из Кремля, поднялись наверх, по одному стали подходить к смертному одру. Берия первый наклонился и поцеловал еще почти теплого вождя. За ним остальные соратники.

Томительное ожидание неизбежного конца у соратников сразу прошло. Многие испытывали одновременно печаль и облегчение. И глубокий страх. Перед неизвестным будущим. Отдав дань вождю, все быстро засуетились и вновь умчались в Кремль... Все уже думали не столько о Сталине, а о завтрашнем дне. Некому было даже мысленно сказать слова Марка Аврелия: «Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что чело-

век никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет!»

Упав на колени на полу у еще не остывшего тела вождя, по-бабьи в голос ревела экономка Сталина Валентина Васильевна Истомина, стояли, сморкаясь от слез, люди из прислуги, охранники. Их тоже ждала неизвестность.

Здесь самое время сделать одно важное замечание. На закончившемся за один час десять минут совместном заседании высших органов власти страны соратники Сталина, не дождавшись сигнала о смерти Сталина, еще живого, л и ш и л и его поста Председателя Совета Министров СССР и назначили Г.М. Маленкова. Сталин был еще жив, а его отправили, умирающего, в отставку... Не дождались кончины. Резко сократили состав Президиума ЦК, увеличенный Сталиным до 25 человек. Оставили одиннадцать. Правда, Сталина сохранили в Президиуме как его члена (ведь не умер же еще...). Решили, чтобы Хрущев «сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС». Объединили МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство. Естественно, возглавил его Л.П. Берия. В 17-ти пунктах Постановления совместного совещания определили все главные властные должности.

Власть превыше всего... Даже такой всемогущий диктатор, как Сталин, как оказалось, не мог рассчитывать на достойное к нему отношение после кончины. Соратники отправили его в отставку, когда он еще дышал²⁵⁵.

А в Кремле тем временем, через час после смерти вождя, было принято новое постановление.

«Образовать Комиссию по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза генералиссимуса Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА в составе тт. Хрущева Н.С. (Председатель), Кагановича Л.М. Шверника Н.М., Василевского А.М., Пегова Н.М., Артемьева П.А., Яснова М.А.».

На Старой площади большая бригада работников отдела пропаганды ЦК сидела над текстом «Обращения» ко всем трудящимся. Слались закрытые депешки на места. «Органы» повышали бдительность; враг может воспользоваться моментом для своих темных дел. Еще затемно

6 марта состоялось заседание Комиссии по организации похорон. Хрущев, вытирая лысину, читал:

«Комиссия считает целесообразным вскрытие и долговременное бальзамирование тела товарища СТАЛИНА произвести в специальной лаборатории Мавзолея В.И. Ленина». Все постановление было расписано по тринадцати пунктам. Охрану возложили, конечно, на МГБ СССР (Гоглидзе); оформление Колонного зала — на Беспалова, Рындина, Герасимова, Волкова; снятие маски — на скульптора Манизера. Похоронить решили в форме генералиссимуса. Военным — войсковой и почетный караул...²⁵⁶

Однако два решения комиссии были принципиальными и потребовали вновь созыва Президиума ЦК 6 марта в первой половине дня: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР постановляют: «Поместить саркофаг с телом И.В. Сталина в мавзолее на Красной площади, рядом с саркофагом В.И. Ленина».

«Утвердить прилагаемый проект постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О сооружении Пантеона памятника вечной славы великих людей Советской страны». Уже после похорон президиум ЦК уточнит: «Пантеон соорудить в Москве, в 3,5 км южнее нового здания МГУ (на землях Воронцовского витаминного института)»²⁵⁷. Правда, и это постановление потом корректировали, перед тем как объявить конкурс на создание проекта, который никогда не будет реализован.

Комиссия ломала голову, как еще увековечить память вождя. Сталин очень хотел (об этом он осторожно говорил в день своего семидесятилетия в 1949 г.), чтобы после его смерти был учрежден орден Сталина. Из девяти эскизов, подготовленных мастерами-художниками Н.Н. Москалевым, А.И. Кузнецовым, И.И. Дубасовым, он сам выбрал один: похожий на орден Ленина, только силуэт человека с усами. Но никто теперь в комиссии даже не вспомнил о пожелании вождя. Хотя выбранный Сталиным эскиз ордена давно ждал своего воплощения. Такова участь вождей: лъстивая суeta при жизни диктатора и забота царедворцев только о себе после смерти «бессмертного». Все думали о себе и неясном грядущем. Для каждого.

В течение семи часов 6 марта проходило патологоанатомическое исследование тела. Проводили его все высшие светила медицинской науки СССР. Девять человек, и все с русскими фамилиями. Но это уже по инерции. Еще никто не знает, что «дело врачей» вместе со смертью Сталина тоже умрет. Несчастные профессора скоро будут выпущены на свободу. Однако целых одиннадцать страниц Акта медицинского заключения уже никого не интересовали. Для народа эту бумагу написали попроще и покороче: на страницу с четвертью.

Гигантская страна погрузилась в траур. Он был неподдельным. Рабочие были в печали в силу своей традиционной «пролетарской сознательности», крестьяне — в силу крепостной зависимости, интеллигенция — в результате своей выморочности, военные — памятуя о дорогих (во всех смыслах) победах... Не печалились лишь миллионы жителей ГУЛАГа — у них сразу же вспыхнула искра надежды на амнистию. Политические заключенные почему-то особенно надеялись на амнистию. И напрасно. Пока никто не хотел выпускать «врагов народа» на свободу. А жители ГУЛАГа ждали... Вскоре в некоторых лагерях вспыхнули бунты.

Уже много позже после похорон государственный советник юстиции Р. Руденко доложит Маленкову: «В Речном (особом) лагере, где содержатся особые государственные преступники, возникли массовые беспорядки, заключенные отказались выходить на работу. Оказывают активное сопротивление администрации лагеря. 1 августа группа заключенных в количестве 500 человек пыталась прорваться в зону лагеря. Требовали пересмотра дел и амнистии после смерти Сталина. Было применено оружие. Убито 42 и ранено 138 заключенных...» Действия властей были решительными, сталинскими. В архипелаге ГУЛАГ восстановили «спокойствие».

Руденко в записке напоминает об основных параметрах Особых лагерей: полный запрет свиданий с родственниками; разрешается писать в год лишь два письма и только родным; одежда с обязательными номерами на спине; бараки с камерной планировкой; работы только физически тяжелые по 10 часов в день; все лагеря в сложных климатических условиях; зачетов за хорошую работу не поло-

жено; после отбытия срока пожизненная ссылка... Выжить здесь было невозможно.

На бумаге резолюция: «Доложено. В архив». Верхушка продолжала мыслить по-сталински. Время свободы для несчастных еще не пришло.

В стране объявили траур сразу на четыре дня. Предусмотрели и артиллерийский салют в 12 часов дня 9 марта, не забыли и о том, что нужно на пять минут в этот же час остановить работу всех предприятий, учреждений и транспорта, как и дать трехминутные гудки... То было данью греховному величию диктатора.

Сталинские похороны были пышными и... смертельными. Диктатор не хотел уходить (даже в мавзолей) без оформления ритуала десятками жертв любви к нему. На центральной трибуне мавзолея рядом со сталинскими соратниками стояли Чжоу Эньлай, Б. Берут, К. Готвальд, В. Ульбрихт, О. Гротеволь, В. Червенков, Г. Гсоргун-Деж, П. Гроза, М. Ракоши, П. Тольятти, Ж. Дюкло, П. Ненни, Пак Ден Ай, Кекконен, Завадский, Цеденбал... Международные руководители помельче стояли на крыльях мавзолея.

Состав Президиума сократился после смерти вождя сразу более чем вдвое; сталинские выдвиженцы на XIX съезде, вроде Д.И. Чеснокова, П.Ф. Юдина, П.К. Пономаренко и других, мелькнули на политическом небосклоне и исчезли. Сталинской гвардии они были ни к чему. Даже Л.И. Брежнев не удержался, но его звезда еще взойдет. Через десятилетие.

На траурном митинге солировала четверка: Хрущев, Маленков, Берия и Молотов. Все клялся в верности «делу Сталина». Еще никто не знал, что мужиковатый Хрущев через три года подложит самую крупную свинью сталинизму. Только тогда, после XX съезда партии, страна начнет медленно оттаивать от ледяного холода русского марксизма. Начнется медленное, с долгими паузами освобождение от сталинизма.

Держава увековечивала имя Сталина. Появились в перенасыщенной этими названиями стране новые улицы, поселки и колхозы имени умершего вождя. Как и в послушном социалистическом зарубежье. Например, уже 7 марта Варшава решила, что город Катовице будет городом Сталиногрудом, а Дворец науки и культуры в Варшаве станет

посить имя Иосифа Сталина. Конечно, перед ним будет воздвигнут и памятник Сталину... Возможно, за известную «любовь» Сталина к полякам. О Катыни, правда, еще не было известно. Однако в свое время, когда Сталин принимал в Кремле 3 декабря 1941 года польскую делегацию во главе с Председателем Совета Министров Польской Республики Владиславом Сикорским, вопрос о польских офицерах всплыл. Сикорский сказал, что у него есть список на 4 тысячи польских офицеров, которые находятся в лагерях...

Сталин: Это невозможно, они сбежали.

Анперс: Куда же они могли сбежать?

Сталин: Ну, в Маньчжурию...²⁵⁸.

Сталин играл с поляками, словно кот с мышью... Или просто издевался. Уверен, он не мог простить своего поражения на польском фронте в 1920 году, когда десятки тысяч российских солдат бесследно сгинули в польских лагерях... Но это отступление.

Не многие теперь уже знают, что после похорон Президиум ЦК решил «организовать на подмосковной даче, где жил и работал вождь, музей И.В. Сталина». Даже директора назначили, штаты утвердили, большие деньги отпустили. Но слава Богу, скоро одумались, а то ведь уже одному вождю, его предшественнику, создали сотни музеев, заповедников и памятных мест... По количеству литературы классиков марксизма-ленинизма-сталинизма и памятникам им страна, безусловно, давно добилась коммунистического изобилия.

Никто еще не знает, что для советской России скоро наступит эпоха постсталинизма с оттепелью и заморозками. В монолитной системе, скованной оковами догматизма и тоталитаризма, постепенно станут ощутимы едва слышные стуки миллионов людей, томящихся в неволе. Хрущев одним из первых расслышит их. Заторможенное будущее наступало. Но до свободы еще будет так далеко... Даже сегодня, сорок с лишним лет спустя после смерти Сталина, многие не освободились от его образа мышления и действия. Я получаю ежедневно, как писатель, историк, депутат, десятки писем. Это хороший социологический барометр. Судя по письмам, и сегодня 10—15 процентов россиян видят в Сталине и сталинизме больше хорошего, чем страшного. Сталинизм еще не умер и потому опасен.

Зачем я так детально, даже с некоторыми натуралистическими подробностями, рассказал о кончине советского диктатора?

Дело в том, что в самой смерти и окружавшей ее обстановке видна вся глубокая ущербность тоталитарной системы. Сталин умер только физически. Не думаю, конечно, что его «дело» может быть реанимировано. Но в некоторой другой форме, более респектабельной внешне, — это не исключено. Национализм, «большой» или «маленький», неофашизм, не говоря уже о расправившем плечи коммунизме, уже заявили о себе в России. Все эти корявые уродцы опасны и родственны сталинизму.

Недавно метроном Истории отсчитал 115 лет со дня рождения Сталина. И что Вы думаете, в нескольких городах России состоялись митинги и шествия в честь его памяти. Люди не хотят знать, что вожди типа Ленина и Сталина «заморозили» на долгие десятилетия социальное, экономическое, политическое и духовное развитие России. Атомная бомба не синоним прогресса, хотя и говорит о мощи национального научного, интеллектуального потенциала. В России сегодня впервые после XX съезда стали появляться книги, «реабилитирующие» Сталина и, более того, воспевающие этого беспощадного вурдалака, уничтожившего многие миллионы своих соотечественников, сделавшего физическое и духовное насилие нормой жизни, превратившего человека в «винтик» страшной машины. Чего стоит, например, апологетическая книга старого большевистского «теоретика» и бывшего главного редактора «Коммуниста» Р. Косолапова, воспевающая кровавого тирана! Слово этого автора — эхо из стылого мрака 1937 года... Другой, подобный Косолапову, автор, некий А. Голенков, в книжонке «Иосиф Виссарионович Сталин», вышедшей в конце 1994 года(!), пытается «доказывать», что коллективизация являлась благом, массовых репрессий, по сути, не было, как не было и «секретных протоколов» к пакту Молотов—Риббентроп, преступления в Катьни и многого-многого другого. Люди с сознанием, стянутым обручем примитивного догматизма, пытаются уверить в том, что черное всегда было белым. Таким, как Голенков, и сегодня снится, как он пишет, что:

В кровавой пене раздирая рот,

Иду в атаку, как и ты когда-то, с криком:

«За Родину, за Сталина, вперед!»²⁵⁹

Есть и сейчас люди, готовые пойти «в кровавой пене раздирая рот» за Сталина вперед...

Сталинизм, к сожалению, еще жив. Нужно не забывать об этом. Со дня смерти Сталина в СССР существует две не явно выраженные тенденции: реформаторская и ортодоксальная. Пока мы находимся в состоянии, когда говорить, что ортодоксальная потерпела полное поражение, еще рано. Реформаторы, как всегда в истории, неумелы и нерасторопны.

Со смертью Сталина окончилась целая «утрюмая» эпоха в истории СССР.

Повторюсь: каждый человек рано или поздно перешагивает через невидимую тонкую черту, отделяющую бытие от небытия. Возврата оттуда нет. Никому. Даже земным богам, каким был Сталин.

Песочные часы Истории не знают пауз. После непродолжительного безвременья сталинец Хрущев нанесет своему бывшему кумиру страшный посмертный удар.

„Вожь“ ТРЕТИЙ: НИКИТА
ХРУЩЕВ

*На разрыхленную почву должны пасть
семена новой мысли и новой жизни.*

Н. Бердяев

После ухода с политической сцены двух мрачных гигантов большевизма, Ленина и Сталина, сразу стала видна историческая «низкорослость» оставшихся «соратников». Сталин не диктовал, как вождь октябрьского переворота, своего «Завещания», но оставил после себя могучую и загадочную империю. Суетившиеся вокруг умирающего диктатора пигмеи унаследовали гигантскую державу, которой они должны были управлять. Но, по большевистской традиции, должен быть обязательно первый вождь, а его не было...

Диктаторы не любят заранее назначать своих преемников, ибо им кажется, что они будут жить вечно. Отсутствие демократического механизма передачи власти всегда ведет к глухой, скрытой борьбе оставшейся без вождя верхушки. Так было и после смерти Сталина, хотя самым пространственным словом на заседании сталинского Президиума, решавшим вопросы похорон, было «единство», «монолитность ленинского руководства», «верность делу Ленина—Сталина». С особой подозрительностью «единомышленники» приглядывались к связке Маленков—Берия. Не случайно после ареста Берии Маленков особенно беспокоился по поводу изъятия личных документов Берии, хранившихся в нескольких сейфовых шкафах. Там, как теперь стало ясно, находилось много записок, докладных Г.М. Маленкова Берии, которые могли серьезно скомпрометировать одного из претендентов на высшие посты в партии и государстве.

При отсутствии очевидного «первого» вождя и традиционно безмолвствующем народе сталинские наследники, од-

нако, понимали, что сохранить прежний ленинский курс и безграничный контроль над огромной страной можно только на основе дальнейшего повышения престижа и роли партии. Она и без того стала уже давно государственным образованием, но последние два десятилетия магическим средством тотального управления в стране было имя вождя; его «гениальные указания», «мудрые решения», «великое предвидение». Диктатора не стало. Было ясно, что равноценной ему фигуры нет. Все понимали, что так называемое «коллективнос руководство» в немалой степени фикция. Кто станет у руля партии, тот и будет очередным вождем

Однако избрать генерального секретаря (должность, которую после 1934 года никто не упоминал, но и не упразднял) даже не пытались.

Освободившись от свинцового пресса Сталина, его наследники не спешили создавать нового вождя. И хотя Хрущева сделали Председателем Комиссии по организации похорон Сталина (у большевиков это всегда очень много значило!), прямо вручить ему власть над партией, а значит, и страной еще не решились. Поручили просто «сосредоточиться на работе в ЦК».

Его внешнее добродушие, мужицкая простота, открытое лицо с курносым носом и оттопыренными ушами, неподдельные веселость и энергия никак не вязались с обликом возможного очередного диктатора. Члены политбюро (Президиума) так долго находились в объятиях трудно скрываемого постыдного страха, что им по-человечески хотелось иметь на «партийном деле» более податливого и покладистого соратника.

С марта по сентябрь 1953 года Никита Сергеевич Хрущев был просто одним из секретарей ЦК, «сосредоточенным» на работе в аппарате. После ареста Берии, в котором главную скрипку сыграл Хрущев, седьмого сентября этого же года его сделали «Первым секретарем ЦК КПСС». «Бериевское дело» сразу же подняло его над его товарищами по Президиуму. Именно здесь находится источник его грядущих бесстрашных шагов. К «Генеральному» секретарю возвращаться пока не решились. Этот уникальный должностной титул вручат спустя годы Брежневу

Хрущеву, когда он вззошел на партийный трон, исполни-

лось пятьдесят девять лет. Он был таким же ленинцем и сталинцем, как и остальные его коллеги по Президиуму ЦК (политбюро). Если отнести к первому поколению большевиков, потянувших за Лениным после II съезда РСДРП в начале века, то Хрущев явился представителем второй генерации, берущей свое начало после октябрьского переворота. Это руководители, которые вышли на партийную сцену в двадцатых—начале тридцатых годов.

Хрущев шел по ступеням лестницы партийной карьеры, с которой убирались большевики, пытавшиеся возражать высшему руководству или лишь заподозренные в этих попытках. Занимая посты (на них в разное время были М.Н. Рюгин, Н.А. Угланов, С.В. Косиор, другие расстрелянные руководители), Хрущев полагал, что это обычная «революционная практика», и не испытывал от нее никаких моральных «неудобств». Он был одним из тех «везунчиков», которые сделали стремительную карьеру благодаря жестокостям сталинской диктатуры и ее террору. Так обстояло дело не только в партийной сфере, но и в промышленной, дипломатической, военной. Шла кровавая селекция на посты центральных и местных вождей.

Повторюсь: Хрущев принадлежал ко второму, послереволюционному поколению большевистских руководителей. В основном это были малограмотные люди; их пропускали через краткосрочные рабочие факультеты, например, Донецкого индустриального института в городе Сталино. Затем Хрущев, правда, учился какое-то время в Промакадемии имени Сталина в Москве. Но это мало прибавило ему образования. Он не мог грамотно написать даже резолюцию на документе. Как рассказывал мне Д.Т. Шепилов, Хрущев был способен наложить резолюцию: «Азнаковица»...

К этой большевистской волне можно было бы отнести многих вождей, в основном среднего, регионального звена: Угланова Н.А., Кагановича Л.М., Чубаря В.Я., Евдокимова Г.Е., Бакаева И.П., Ходжаева Ф.У., Шаранговича В.Ф., Смородина П.И., Гринько Т.Ф., Агранова Я.С., Икрамова А.И., Енукидзе А.С., Хрущева Н.С., других ленинцев. К концу тридцатых годов руководителей из второй волны большевизма можно было пересчитать по пальцам: молох сталинского террора унес почти всех в небытие. Но Никите Сергеевичу Хрущеву ни разу не грозила опасность

попасть в эту мясорубку. Он был из тех, кого даже самым неистовым чекистам было трудно в чем-либо заподозрить. Хрущев олицетворял собой тип руководителя-«мужика», человека, особенно тесно связанного с народной толщей. Это обстоятельство всегда способствовало созданию атмосферы повышенного доверия к нему со стороны простых людей.

Прежде всего, это был типичный руководитель сталинской формации: малообразованный («ходил в школу две зимы»), напористый, исполнительный, не сомневающийся в верности партийных директив. «Карающий меч» пролетарской диктатуры миновал Хрущева и потому, что он был одним из самых рьяных исполнителей сталинской воли.

С 1934 года Н.С. Хрущев — член Центрального Комитета ВКП(б), каковым он и оставался до своего снятия со всех постов в 1964 году. Тридцать лет, по сути, находился, как тогда любили выражаться, в «штабе ленинской партии». С 1938 года кандидат в члены политбюро ЦК, а в следующем году стал его полноправным членом. Был непродолжительное время Председателем Совета Министров Украины и с 1958 года по 1964-й — Председателем Совета Министров СССР. Как водилось в стране, первое лицо в компартии становилось и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. На этом посту Хрущев был утвержден в апреле 1957 года. Я перечислил не все высокие должности, которые довелось исполнять третьему «вождю» партии. Став первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев сосредоточил в своих руках, как и его предшественники, огромную власть.

Будущий мятежник, восставший и осудивший «великий террор», в свою бытность в 1935—1938 годах первым секретарем Московского городского комитета партии и с 1938 года — первым секретарем ЦК Компартии Украины внес свой горестный вклад в бесовство сталинской инквизиции. Впрочем, сошлемся на ряд малоизвестных документов.

Выступая с докладом на совещании партийного актива 22 августа 1936 года в Москве, Хрущев сумбурно бросал яростные слова в наэлектризованный зал:

«...Товарищ Сталин, его острый ленинский глаз, как во всем строительстве, всегда метко указывал пути нашей

партии, указывал уголки, откуда могут выползти гады (в это время шел процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими «врагами народа». — Д.В.). Надо расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу...»

При этих словах зал разражается, как следует из стенограммы, «бурными, продолжительными аплодисментами». Переждав, когда волна выражения ненависти несколько спадет, докладчик продолжал нагнетать истерию, все более конкретизируя свои призывы:

«...На одной московской фабрике («Дукат») работал бакаевский змееныш, под своей фамилией (сын подсудимого И.П. Бакаева. — Д.В.). А парторганизация не знает даже таких одиозных фамилий... Раз фамилия Бакаев, то должны осмотреть его под лупой... Где же бдительность?.. Надо уметь организовывать работу, уметь брать человека на прицел, изучить его быстро и довести дело до конца...»¹

Работая в Москве, Хрущев отличался не только на политическом поприще. Он возглавил работу по «реконструкции Москвы». Но понимал реконструкцию странно, по-большевистски. Вот фрагмент его выступления на пленуме партийной организации Кировского района Москвы 5 ноября 1936 года.

— Кто три месяца не был на Садовом кольце, советую посмотреть, не узнаете... Мы рубим ночью (бульвары. — Д.В.), чтобы не заметно было. Будем рубить и зимой, тогда не видно будет — гнилое дерево или зеленое (смех). А вот когда все сделаем, то придут люди и скажут: какая стала улица хорошая...

Мы сняли Триумфальную арку. Без арки улица стала замечательной...

Мы сломали Сухареву башню и Китайгородскую стену, хотя архитекторы говорили: историческая ценность...

На будущий год мы тоже топоры точим и нашу работу продолжим...²

Рвение Хрущева было замечено и оценено по достоинству. Его посылают на Украину, в Киев. Там большевистский руководитель в полной мере использует свой московский опыт. Выступая в качестве первого секретаря Компартии Украины на ее XIV съезде 13 июня 1938 года, Хрущев заявил: «...У нас на Украине состав политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался

вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине...»³

Подобные большевистские речи произносили все самые правоторные сталинисты. Но самое главное: и Хрущев, и вся партийная верхушка, и бесчисленный партийный аппарат в стране верили — так нужно. Были убеждены, что без «разгрома» врагов «светлой жизни» не увидим. Хрущев в терроре был усердным исполнителем воли Сталина. Поэтому и уцелел. Хотя вся его добродушно-комическая фигура тоже никак не располагала видеть в нем польского «шпиона» или троцкистского «террориста».

У Хрущева была сталинская «школа» уметь верить в большевистские максимы, ненавидеть всех тех, кто был назван «врагом», не жалеть сил для исполнения партийных директив. Элементарное, но жесткое политическое мышление, идеологический примитивизм, помноженные на природную мужицкую хватку, неистощимую энергию и безоглядный оптимизм, обеспечили Хрущеву прочное место (насколько это было возможно в сталинское время) в обойме высших большевистских руководителей. Он там оказался не случайно. Благодаря своим качествам, Хрущев был способен выжить в этой беспощадной системе как один из крупных региональных, а затем и союзных лидеров. Третий «вождь» выдержал жесткий селекционный отбор и постепенно аккумулировал в своем сознании, на обыденном уровне, понимание дьявольски жестокой системы, которая держала всех не только в духовном плену.

Партия, радикально изменившая свой состав в результате предвоенных чисток и огромных потерь в годы Великой Отечественной войны, тем не менее возглавлялась руководителями старой «ленинско-сталинской» школы. В составе Президиума ЦК после смерти Сталина остались в основном проверенные: Булганин, Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущев да двое сталинских выдвигенцев — Первухин и Сабуров. Было ясно, что в этой десятке по крайней мере трое, Берия, Маленков и Хрущев, претендуют на безоговорочную первую роль. Уже поэтому можно было предсказать грядущую жестокую схватку (возможно, не единственную) за лидерство. Как заявил уже полтора десятилетия спустя один из соратников Хрущева А.Н. Шелепин: «После Сталина при-

шел Хрущев. Тоже вождь. И психология вождя осталась». У него было много воли, чтобы стать первым.

Здесь и проявил себя в полном большевистском блеске Хрущев. Он, как и другие, понимал, что у Берии, которого боялись все, были главные козыри в виде всесильного Министерства внутренних дел. Можно было ожидать самого худшего. И Хрущев начал смело действовать.

Уверен, выступив против Берии, Хрущев вначале попытался просто спасти себя и других членов Президиума. Ни одного намека протеста против сталинской системы в словах и действиях Хрущева до кончины вождя найти невозможно. Но политическая, дворцовая борьба имеет свою логику. Начиная борьбу с Берией, он был совсем не тем Хрущевым, который навсегда вошел в историю как первый советский лидер, бросивший вызов Сталину. Но, вероятно, его «заговор» против Берии и стал той начальной политической платформой, опираясь на которую он смог со временем нанести первый, но самый страшный удар по сталинскому тоталитаризму.

Хрущев, бывший обычным птенцом сталинского гнезда, раньше других стал понимать, сколь мрачным и злоеющим оно являлось.

Схватка с монстром

Сталина внесли в мавзолей Ленина. Гроб только что умершего диктатора был поднят чуть выше ленинских мощей, отчего Сталин казался крупнее и значительнее вождя октябрьского переворота. Заклинания в «верности великому продолжателю дела Ленина» прозвучали. Их эхо еще разносилось по огромной стране. Оставшиеся в Кремле соратники понимали, что главными устоями Системы остаются партия, большевистская идеологическая доктрина и гигантский репрессивный аппарат.

«Первого» вождя не было. Ленинская система не могла без него существовать. Все понимали, что вождь обязательно будет. Но кто? Председатель Совета Министров Г.М. Маленков при нивелировке иерархии в Президиуме ЦК стал все больше выделяться в Совете Министров, подчеркивая особую роль некоторых своих первых заместителей, и в первую очередь — Молотова и Берии. На первых порах все шло к тому, что очередным, третьим вождем станет именно он, Маленков. Но у послушного испол-

нителя роли Сталина не оказалось качеств лидера. Как справедливо написал о нем Р.А. Медведев, Маленков оказался «человеком без биографии, деятелем особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля»⁴ Такой человек не мог удержаться на самой вершине пирамиды власти; Сталин сформировал его, независимо от своих намерений, как лидера второго плана. То, что еще недавно Маленков был явным фаворитом Сталина, теперь ему уже не помогало, а, скорее, мешало. Своей биографией и партийным обликом Маленков чем-то напоминает К.У. Черненко: и тот и другой были прежде всего высшими чиновниками в партии.

Оставшихся после смерти тирана соратников пока не беспокоило, что в ГУЛАГе по-прежнему находилось более четырех миллионов человек, что целые народы были сосланы, а «карательные органы» продолжают неотступно следить за каждым человеком. Как и раньше работало зловещее Особое Совещание при НКВД СССР, которое за время своего существования осудило 442 531 человека на смертную казнь и длительные сроки заключения. В большинстве случаев эти решения принимались не индивидуально, а целыми списками⁵

Вожди из Президиума беспокоились о себе: о сохранении собственного высокого положения, возможностях дальнейшего продолжения карьеры, своей безопасности. Однако возникала тревога о том, чтобы Берия, самый могущественный из сталинских наследников, не стал первым лицом в партии и государстве. В книге очерков о Н.С. Хрущеве Ф. Бурлацкий пишет о рассказе Никиты Сергеевича. «Стоим мы возле мертвого тела (Сталина), почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать...»⁶

О дальнейшем написано множеством авторов красочно и пространно, с бесчисленным количеством деталей. Все, однако, сходятся на том, что Никита Сергеевич сыграл в этот момент решающую роль. Хрущев проявил недюжин-

ное мужество и взял на себя инициативу организации сговора членов Президиума против Берии. Всеми лидерами двигал прежде всего страх и чувство самосохранения. Даже мысли никто не подал, что Берия был наиболее характерным и зловещим воплощением террористической Системы, олицетворял собой самые омерзительные черты сталинизма.

Все видели в Берии прежде всего личную угрозу, даже наиболее близкий к нему Маленков. Конфиденциальные встречи Хрущева с Маленковым, Ворошиловым, Кагановичем, Микояном, Булганиным, другими членами Президиума ЦК показали: все согласны с идеей устранения Берии, но страшила сама мысль: а вдруг сорвется? Думаю, холодный пот и предательская слабость не раз повергали «сталинцев» во власть самого элементарного страха. Однако даже Маленков, наиболее близкий к Берии человек, смертельно боялся своего «друга» и согласился принять участие в заговоре.

А Хрущев между тем действовал. Маленков, другие члены партийного синклита приняли конкретный план обезвреживания сталинского штатного палача. Прибегли, как часто бывает в подобных случаях, к помощи генералитета: Жукова, Москаленко, Батицкого, Зуба, Юферова, других, общим количеством немногим более десяти человек. Хрущев в последующем с особым удовольствием и многократно, в самой разной обстановке рассказывал об акте ареста Берии. Причем каждый раз в повествовании появлялись новые детали, нюансы, подчеркивающие особую роль Хрущева.

В своих достаточно интересных диктовках, изданных на Западе после снятия первого секретаря, таких, как устные мемуары «Хрущев вспоминает», а затем выпшедших в Издательстве «Прогресс», есть такие строки. Было созвано заседание Президиума Совета Министров с приглашением всех членов Президиума ЦК КПСС. «Как только Маленков открыл заседание, он сказал:

— Давайте обсудим партийные дела. Есть вопросы, которые требуют нашего немедленного решения.

Слово было предоставлено Хрущеву, который предложил обсудить «дело Берии», сидевшего рядом с докладчиком. Берия вздрогнул, схватил Хрущева за руку, посмотрел удивленно и сказал:

— В чем дело, Никита? Что это ты бормочешь?

— А ты послушай и скоро узнаешь.

Хрущев произнес короткую сумбурную речь, которая изобиловала как нелепыми утверждениями о том, что Берия был мусаватистским шпионом, сотрудничал с английской разведкой, так и констатацией реальных фактов: вмешивался в партийные дела разных советских республик, стремился подорвать единство советского народа, заигрывал с Тито, считал нецелесообразным строить социализм в ГДР и другими подобными аргументами. Но главный вывод был абсурдным: Берия «никакой не коммунист».

Когда все высказались солидарно с Хрущевым, Маленков, не ставя на голосование постановление, нажал кнопку за председательским пультом. В зал заседаний вошли генералы во главе с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым.

Растерявшийся Маленков едва выдавил из себя:

— Как Председатель Совета Министров СССР я прошу вас взять Берия под стражу до расследования предъявленных ему обвинений.

— Руки вверх! — скомандовал маршал побледневшему министру внутренних дел⁷.

До вечера Берия держали в одной из комнат Кремля, а вечером вывезли на столичный военный объект, но в конце концов разместили его в командном подземном бункере, что размещался во дворе штаба Московского военного округа. До сих пор в подземелье сохранилась комната, где на протяжении полугода содержался сталинский монстр. Обитатели Кремля так боялись даже арестованного Берии, что не сразу дали «отбой» поднятым по тревоге подмосковным дивизиям.

Берия, едва придя в себя, стал барабанить кулаками в дверь. Через несколько минут начальник караула в чине аж целого полковника в сопровождении нескольких офицеров с оружием приоткрыли дверь в последнее обиталище Берии.

— В чем дело, почему шум?

— Требую немедленной встречи с Маленковым или хотя бы бумаги и чернил.

Через несколько минут, после разрешения из Кремля, стопка бумаги и карандаши были в камере Берии. До нача-

да следствия потрясенный узник писал, писал... Маленкову, Хрущеву, Булганину, как и всем членам Президиума вместе. Вот одно не публиковавшееся до 1994 года письмо узника, судьба которого была предрешена еще в момент ареста.

«ЦК КПСС, товарищу Маленкову.

Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на Президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю, что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина—Сталина, своей родине, был всегда активен в работе... Старался подбирать кадры по деловым качествам... Это же относится к Специальному Комитету, Первому и Второму главным управлениям, занимающимся атомными делами и управляемыми снарядами...

Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других — пусть простят...

Дорогие товарищи, желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина—Сталина...

Георгий, прошу, если сочтете возможным, семью (жена и старуха-мать) и сына Сергея, которого ты знаешь, не оставить без внимания.

28.VI-1953.

Лаврентий Берия»⁸.

Берия писал членам Президиума ежедневно две недели, пока Хрущев не распорядился отобрать у подследственного всю бумагу. Лаврентий замолчал...

Суд над Берией решили все же провести, хотя у большинства членов высшего руководства было одно жгучее желание: быстрее физически покончить с человеком с капризным выражением лица, в пенсне, с опущенными уголками тонких губ. Даже теперь, когда он был в кутузке, его бывшие соратники продолжали бояться его. Немигающие, как у ящера, глаза палача, не лишённого сталинских организаторских «способностей» (хозяин ГУЛАГа, работавшего на страну, куратор программы по производству ядерного оружия, главный инициатор уничтожения тысяч польских офицеров, архитектор Особых лагерей и творец

международного и внутрисююзного терроризма и т.д. и т.п.), до сих пор гипнотизировали его бывших соратников.

Были предложения расправиться с Берией так, как практиковали в 1937—1939 годах: поручить дело «тройке» и решить все дело в течение получаса. Но многие почувствовали, что таким образом возможен прямой возврат к большому террору, который и спустя полтора десятка лет у многих леденит в жилах кровь. Хрущев запротестовал. По его предложению Президиум ЦК 29 июня 1953 года принял специальное постановление, которое гласило:

«Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии

1. Ведение следствия по делу Берии поручить Генеральному прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС...»⁹

Поручалось заняться не только преступлениями Берии, но и его заместителей и помощников: Б. Кобулова, А. Кобулова, Мешика, Саркисова, Гоглидзе, Шария и др.

После долгих споров победители Монстра в Кремле решили провести специальный пленум ЦК, на который вынести главный на то время вопрос: «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». На протяжении пяти дней пленум ЦК, собравшийся всего спустя четыре месяца после смерти Сталина, стал заниматься тем, что родилось и распространилось в стране и партии еще при «вожде народов», а если точнее, то с ленинских времен. Докладчиком на пленуме определили Г.М. Маленкова. Хрущев пока был как бы в тени, но ему поручили открыть и вести заседания.

Доклад Маленкова был обстоятельным, но противоречивым. Председатель Совета Министров нажимал на то, что Берия стремился поставить МВД над партией (а это было сделано еще при Ленине), следил за деятельностью, переговорами и перепиской каждого члена Президиума. Маленков посчитал провокаторской деятельностью Берии, который попытался через голову партии нормализовать отношения с Югославией. Как особый криминал рассматривалась попытка Берии организовать новую, после смерти Сталина, встречу представителей советской и югославской сторон. В то время в атмосфере тяжелых отношений

двух стран уже витали стремления наиболее зрело мыслящих пойти по пути нормализации связей двух славянских государств. Однако Президиум ЦК, получив мощный заряд и направление движения по этому вопросу еще от Сталина, любой другой подход считал опасной ересью.

Так же тенденциозно было подано намерение Берии не форсировать строительства социализма в ГДР. Маленков эту позицию охарактеризовал как установку «буржуазного перерожденца». Припомнили Берии, сидевшему в подземном каземате, и взрыв водородной бомбы: «Это, мол, его единоличное решение, и что амнистия после смерти Сталина «была слишком широкой», и моральное разложение члена Президиума, которое было охарактеризовано как «преступление». Действительные и мнимые грехи сталинского палача нанизывались, как черные бусы отступника, на большевистскую удавку пресловутой классовой бдительности и нетерпимости¹⁰.

Затем на пленуме после доклада Маленкова с большой часовой речью выступил Хрущев. Как всегда, то и дело отрываясь от текста, говорил сумбурно, путано, но тем не менее часто вызывая аплодисменты и смех у членов пленума. Подобно всем выступавшим, Хрущев не сделал даже намека на то, что такие явления, как Берия, террор и беззаконие, — визитные карточки большевистской системы. Для всех была очевидна самая тесная связь Сталина и Берии, их взаимответственность во всех грязных делах. Но Хрущев постарался в самом же начале отвести все подозрения от умершего четыре месяца назад вождя:

— Еще при жизни товарища Сталина мы видели, что Берия является большим интриганом. Это коварный человек, ловкий карьерист. Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину...

Посчитав, что этих индальгенций умершему диктатору мало, спустя несколько минут Хрущев попытался объяснить, почему Сталин «дал волку» преступным наклонностям Берии:

— Мы все уважаем товарища Сталина. Но годы свое берут. В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое. И это обстоятельство использовал прохвост Берия, очень ловко...¹¹

Факт существования преступной террористической Системы Хрущев, по сути, свел к «слабому здоровью» Сталина, что использовал «прохвост Берия», да грязным порокам самого министра внутренних дел.

Вместе с тем именно Хрущев первым поставил вопрос о преувеличении значения Министерства внутренних дел, о фабрикации в его недрах множества «липовых» обвинений. Хрущев впервые поставил под сомнение законность так называемых «Особых Совещаний» при МВД. Известно, что они были учреждены постановлением ЦИК и СНК СССР 5 ноября 1934 года при наркомвнудел как внесудебные органы с большими карательными полномочиями¹².

Хрущев с особым раздражением говорил, что вот в старое время он «впервые увидел жандарма», когда ему было 24 года. А сейчас на каждом шагу начальники МВД, большой аппарат, оперуполномоченные. «Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии».

Попытавшись приподнять полог над тайнами спецслужб, Хрущев не смог, однако, удержаться и от традиционных большевистских заклинаний: «Надо укреплять еще больше разведывательные и контрразведывательные органы. Хороших, честных большевиков поставить на это дело».

Хрущев, как и Маленков, да и другие члены пленума не видели коренных пороков ленинского организма, его ставки на репрессии, безграничной монополии партии на власть. Главное для них: надо «хороших, честных большевиков поставить на это дело». Хрущев не замечал, что сам он и все «хорошие, честные большевики» постоянно жили во Лжи и Насилии. Это было сутью Системы. Никто из тех, кто стал задумываться над своим бытием, еще не понимали, что все они в плену монополии партократии.

Хрущев не мог удержаться и при рассмотрении полицейского дела Берии от критических выпадов по поводу сельского хозяйства. Все наши решения ничего не стоят, заявил он, если «мы будем платить четыре копейки за килограмм картофеля». Прикинув, сколько колхозник должен платить налогов с одной коровы, докладчик воскликнул: получается, что крестьянину от коровы остается только навоз... Обличитель Берии был близок к истине.

Хрущев не был бы Хрущевым, если бы не был способен на мужицкий юмор, шутку, которые даже на этом зловеще-мрачном пленуме то и дело вызывали смех. Рассказывая, как испугался Берия, когда его брали, Хрущев прокомментировал: «наклат в штаны». Правда, в стенограмме смягчили: «Он сразу обмяк, а может быть, даже больше...» Зал такой финал задержания Берии встретил дружным смехом.

Вспоминая в своей речи, как он последний раз прощался с Берией накануне ареста, игриво заявил: «Ответил ему «горячим» пожатием; ну, думаю, подлец, последнее пожатие — завтра в 2 часа мы тебя подожжем!» И — вновь дружный смех. Ни Хрущеву, ни членам ЦК неизвестно, что даже в отношениях с таким человеком, как Берия, негоже бравировать коварством. Но большевистский менталитет был совсем другим, чем у всех нормальных людей. Бдительность, непримиримость, обман врага, желательность с «добиванием», слыли высокими партийными доблестями.

Хрущев, разумеется, не упоминал, что в свое время он способствовал утверждению Берии на этом посту. Выступая перед работниками НКВД Украины 13 декабря 1938 года, Никита Сергеевич заявил: «Сейчас пришел к руководству Берия Лаврентий Павлович. Он всю жизнь работал на партийной работе... Показал себя как большевик-сталинец, который защищал партийную организацию и вообще Грузию от вражеских элементов... Сплотил Грузию в любви к советскому народу, любви к товарищу Сталину... (*бурные аплодисменты*). Надо вам сплотиться и во главе с тов. Берия бить по врагам...»¹³

Говорили долго, подробно, с деталями. Выступали Молотов, Булганин, Сердюк, Каганович, Ворошилов, Багиров... Менталитет был у всех большевистским. Все знали, например, что самым близким к Берии был Маленков, но теперь он стал Председателем Совета Министров, и возможные его обвинения в близости к Монстру автоматически отпали. Когда стал выступать секретарь ЦК Азербайджана Багиров, Маленков бросил зловещую реплику:

— Товарищ Багиров, ты был близок к Берии, но этот вопрос сейчас не обсуждается...¹⁴

Иногда в речах прямо проскальзывали «чекистские» ноты. Выступавший А.А. Андреев предложил:

— Из этого мерзавца надо вытянуть все жилы, чтобы

была ясная картина его отношений с заграницей, кому и как он служил...¹⁵

Тот же Андреев заявил, что звучавшие в зале мотивы о культе личности не имеют под собой никакой основы:

— Откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия... Нельзя подрывать учение товарища Сталина... Учение Сталина вечно и непоколебимо...¹⁶

Дружные голоса в зале подтверждали солидарность членов пленума с этим выводом:

— Правильно...

Специально готовили для выступления на пленуме бывшего помощника Сталина А.Н. Поскребышева. Но когда заготовленную речь прочитали члены Президиума, то получилось, что «верный оруженосец» вождя не только разоблачал Берию, но и выступил толкователем многих неизвестных высказываний и заявлений генералиссимуса. От речи Поскребышева отказались, а просто приложили его к делу «Специального судебного присутствия»¹⁷. Но Поскребышев, однако, выиграл: с него сняли опалу, которой он подвергся в последние месяцы жизни Сталина.

Во время допроса известного советского разведчика П.А. Судоплатова выяснилось, что в июне 1941 года он, по поручению Берии, а значит, и Сталина, вел зондаж через советского агента И. Стаменова (болгарского посла в Москве) в немецких кругах о возможности заключения Москвой «второго брестского мира»¹⁸ с Берлином.

Сам по себе пленум не является событием какого-го эпохального значения. Президиум ЦК (верхушка) хотел опереться на мнение и поддержку партии в своей дворцовой борьбе за власть, где ей удалось освободиться от все-союзного (по должности) палача. Говорили о многом, но никто не сказал ни слова о глубинных корнях такого явления, как сталинизм. И это естественно. Мы в ту пору все были такими. Казалось, стоит заменить «плохого» большевика на «хорошего», и «дело пойдет».

Неожиданно довольно содержательным оказалось заключительное слово Г.М. Маленкова. Нет, конечно, он не подверг критике систему, не вскрыл и генезис сталинизма, но он осудил попытки некоторых членов пленума (Андреева, Тевосяна) «защитить» Сталина. Маленков, пожалуй, впервые заявил о существующем культе личности Сталина. По словам докладчика, «ничем не оправдано то, что мы

не созывали в течение 13 лет съезда партии, что годами не созывался пленум ЦК, что политбюро нормально не функционировало и было подменено «тройками», «пятерками» и т.п., работавшими по поручению т. Сталина разрозненно, по отдельным вопросам и заданиям».

Маленков в какой-то степени предвосхитил то, что скажет Хрущев почти через три года на XX съезде КПСС. «Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности, — заявил Маленков, — привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы (в последние ли!!! — Д.В.) стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной»¹⁹.

Постановление пленума было традиционным: необходимо «всемерно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся».

До конца года в кабинете члена Военного совета МВО шел закрытый процесс над Берией. Маршал И.С. Конев с членами Специального Судебного присутствия: Шверником Н.М., Зайдиным Е.Л., Кучавой М. (тоже мингрел, как и подсудимый), Москаленко К.С., Михайловым Н.А. и другими «доказывали» связи Берии и его помощников с буржуазными разведками с целью «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»²⁰.

Цельми днями члены судебного присутствия дотошно выясняли интимные связи Берии с множеством женщин Москвы и других городов. В Кремль регулярно запрашивали различные документы. Например, члены Президиума ЦК КПСС скрупулезно ознакомились с протоколом допроса начальника охраны Берии полковника Саркисова Р.С., занимавшегося поставкой своему шефу десятков девочек, девушек, женщин. Ханжески ухмыляясь, члены партийного ареопага читали длинные списки изнасилованных, обесчещенных, склоненных к сожительству, в которых находили «громкие» фамилии. Например, жены известного Героя Советского Союза, популярных артисток и многих известных женщин.

Когда допрашивали Берию о его «преступных политических связях», члены Президиума, сгрудившись в одной из комнат Кремля, напряженно внимали у динамика: не упомянет ли подсудимый кого-либо в невыгодном свете... Сюда из штаба МВО провели специальную связь, кото-

рую по разрешению Хрущева или Маленкова эпизодически включали. Но Берия был хитер: на процессе он клялся верности делу, Сталину, «Никите», «Георгию», другим членам Президиума.

От «дела» Берии шли волны: иногда сильные, порой слабые. Дочь Горького Н. Пешкова молила Хрущева о судьбе Марфы Пешковой, которая в 1946 году вышла замуж за сына Берии Сергея. В семье две малолетние дочери, ожидался третий ребенок. Мать Марфы просила Хрущева, Маленкова, других партийных бонз сообщить ей о судьбе ее близких, которых (вместе с малолетними) в духе большевистских традиций после ареста Берии тоже сразу арестовали и увезли в неизвестном направлении²¹. Хрущев великодушно распорядился освободить Пешковых. Сергею Берии сменили фамилию и сослали на восток на один из заводов.

Процесс затягивался. В декабре 1953 года Н.С. Хрущев при встрече с Коневым и Руденко коротко бросил:

— Надо кончать...

Когда читали обвинительное заключение, а затем и приговор, члены Президиума вновь сгрудились в кремлевской комнате. Берия все признавал, только молил сохранить ему жизнь. Человек, на совести которого лежали миллионы загубленных жизней, не хотел умирать.

После того как И.С. Конев зачитал заключительные строки вердикта: «Приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Владзимирского Л.Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу...», главный подсудимый, как мне рассказывал маршал Москаленко К.С., упал со скамьи на пол, тихо завыл и на четвереньках пополз к столу «судебного присутствия» (тоже незаконного органа), бесвязно моля о пощаде.

Конев жестко бросил:

— Вывести...

А из Кремля наперебой уже звонили: приговор привести в исполнение немедленно...

В конце лестницы, ведущей на дно бункера, на стене заранее укрепили широкую доску, к которой должны были привязать Берию перед расстрелом.

Говорят всякое. Один генерал, пожелавший остаться

неназванным, но бывший в той группе, еще в 1971 году поведал мне:

— Когда повели Берию вниз, за ним последовала целая группа генералов и офицеров. Не знаю, распоряжение было такое или у высоких охранников не выдержали нервы, но за несколько ступеней до подножия бункера раздался выстрел, а затем еще несколько. Берию били из пистолетов в спину. Мгновенно все было кончено...

На Руси, как много тому примеров, даже расстрелять с достоинством не могут: ни в Екатеринбурге, ни в чекистских подвалах, ни в бункере штаба МВО...

В письмах, которые поначалу непрерывно писал Президиуму Берия, были мольба и надежда, что там поймут: он был такой, как все в руководстве. Но должность его — кровавая. Однако писал Берия напрасно. Он был отторгнут. Нужно было освободиться от страха и многих мерзостей системы, к которым причастны все они. Да, все. Но лучше повесить все эти преступления на штатного палача.

Длинное, сумбурное, неграмотное письмо Берии, каких в архиве ЦК сохранилось несколько, заканчивалось словами: «...я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать всей душой и со всей энергией... Вы убедитесь, что через 2—3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия.

Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связано и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)»²².

У большевиков ленинской школы не принято было прощать. Тем более члены Президиума на примере судьбы Берии полнее увидели, заглянули в бездну беззакония, ничем не ограниченного террора, жестокости, которые исполняли «по воле партии» ее карательные органы. Удивительно только то, что с Берией не расправились сразу же после ареста.

Хрущев теперь мог вздохнуть свободно. Вместе со своими «триумфаторами»: личная угроза для них всех миновала.

Это окончательно укрепило позиции Хрущева, тем более что 7 сентября 1953 года он стал первым секретарем ЦК КПСС. А это означало, что Хрущев стал первым лицом не только партии, но и страны. Теперь было уже не модно величать «вождями», но он как раз и стал очередным, третьим «главным» большевистским «вождем».

Хрущев больше всего был обязан военным, в особенности решимости Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. По личному предложению Хрущева 7 июля 1953 года прославленный маршал был переведен из кандидатов в члены ЦК. Попал в фавориты к победителю и генерал армии И.А. Серов, зловещая мрачная личность, получившая в свое время самые высшие награды государства за высылку народов и другие омерзительные дела. Достаточно сказать, что он лично провел 150 «заседаний» пресловутых «троек», отправивших на тот свет многие тысячи людей. Именно Серов возглавлял высылку народов с Северного Кавказа, Крыма, других мест, за что был отмечен высшей наградой страны — званием Героя Советского Союза. Правда, в декабре 1963 года, когда вскрылись некоторые преступные действия бывшего заместителя Берии, Серов был лишен звания «героя». Стоит сказать, что именно он, по приказанию Хрущева, уничтожил почти весь личный архив Берии в июле 1954 года, где, как докладывал Серов, хранились «документы, содержавшие провокационные и клеветнические данные»²³. Партверхушка просто заметала следы своего участия в репрессиях. А Н.С. Хрущев очень долго покровительствовал этому генералу армии — подлинному карателю, руки которого по локоть в крови невинных людей. Почти все генералы, участвовавшие в аресте и расстреле Берии, получили новые звания и повышения по службе.

Мне рассказывал К.С. Москаленко, что после «ликвидации» Берии Н.А. Булганин распорядился, по указанию Хрущева, представить «основных» генералов, участвовавших в деле, к званию Героя Советского Союза. Когда узнал об этом Батицкий и сам Москаленко, они возмутились и дружно попросили, как сказал мне собеседник, самого «Никиту» не срамить их этой наградой. Впрочем, от орденов не отказались...

Ликвидация Берии была первым, очень важным шагом, однако не решала главную задачу — десталинизации стра-

ны. В печати прекратили славословить диктатора, но чем бы ни занимались члены Президиума: сельским хозяйством, обороной, «подъемом» материального благосостояния соотечественников, доведенных до нищеты, они чувствовали жесткие объятия Системы. Свинцовый пресс Сталина и его органов по-прежнему держал страну своими беспощадными шупальцами.

Здесь Хрущеву помогло одно обстоятельство. После смерти тирана из глубины сибирских лагерей начал нарастать поток писем заключенных (сейчас уже нельзя было их просто уничтожить). Несчастные верили, что дела будут пересмотрены.

Хрущев, читая такие письма, знал, что в Особых лагерях запрещены свидания с родственниками, можно было написать лишь два письма в год, рабочий день тянулся по 10 часов в самых тяжелых физических условиях. Только сильные могли продержаться несколько лет, а сроки в эти лагеря давали до 25 лет... За малейшую провинность несчастных бросали в карцер на 20 суток. А условия там, как в июле 1947 года докладывал Абакумов Сталину, по его запросу, были такие: «в карцере, кроме привинченного к полу табурета и койки без постельных принадлежностей, другого оборудования не имеется; койка для сна предоставляется (откидывается от стены) — на 6 часов в сутки. Заключенным, содержащимся в карцере, выдается в сутки только 300 граммов хлеба и кипяток. Один раз в 3 дня — горячая пища. Курение в карцере запрещено».

Волнения прокатились по многим лагерям; люди требовали пересмотра приговоров. К тому же к 1955 году у сотен тысяч кончались сроки (у тех, кто получил сразу после войны 10 лет: «власовцы», пленные, прибалты, да и много другого несчастного люда).

Нужно было принимать какие-то решения. Кое-кто предлагал (Маленков, Молотов, Каганович, Серов) все отдать на откуп НКВД. После окончания сроков предполагалось, что недремлющая чека просто оставит этих людей там, где те сидели...

К концу правления Сталина, как доносил министр внутренних дел С. Круглов, в лагерях и тюрьмах находилось около 4 миллионов человек, а «выселенцев» и «спецпереселенцев» 2 572 829 человек²⁴. Причем эти последние 2,5 миллиона несчастных, в соответствии с Указом Президи-

ума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, расселялись в Сибири, Казахстане «навечно»²⁵. Страшное, роковое слово...

Хрущев понимал, что сам он подписаться под таким документом уже не может. Прошло то время, когда молодой секретарь под овации зала заявлял:

— Большевик тот, кто и сонный чувствует себя большевиком!

Обведя глазами зал, добавлял:

— Удар должен быть беспощадный, но удар должен быть и метким!²⁶

После «удара» по Берии и его камарилье Хрущев больше не мог наносить такие удары: ни «беспощадные», ни «меткие»... Это значило бы продолжать сталинскую линию террора.

История выдвигала на повестку дня своих бесчисленных событий XX съезд партии советских коммунистов. Ни об освобождении миллионов заключенных, ни о свободе советских людей пока не могло быть и речи. Просто сталинская система достигла апогея своей тоталитарности. Чтобы она выжила, нужны были перемены. А на это как раз коммунизм наименее способен.

**Крым —
«подарок»
Хрущева**

Расправившись с Берией, Хрущев вздохнул свободнее. Сегодня ясно, что Берия был не более виновен, чем вся преступная Система во главе с «ленинским ЦК». Просто по воле партии этот человек с маленькими стеклами пенсне на переносице был *штатным*, профессиональным Инквизитором большевистского строя. Его боялись все, в том числе и «соратники».

Берия знал о каждом члене Президиума так много, что мог инспирировать против того любое «дело», в любой момент. Если бы это был не Берия, то другой «ленинец» на таком посту делал бы то же самое. «Карающий меч» был необходим Системе, но после смерти диктатора все его соратники сразу почувствовали, как они беззащитны перед главой спецслужб. Если раньше их судьба была в руках Сталина и его Палача, то после смерти вождя она зависела от воли не двух, а одного «судьи». Никто не хотел восстановления подобного положения.

Сейчас много пишут о Берии чуть ли не как о «рефор-

маторе», предтече грядущих перемен. Некоторые шаги «лубянского маршала», связанные с попытками после смерти Сталина несколько ограничить террор, «разгрузить», разукрупнить ГУЛАГ путем передачи ряда его структурных подразделений в народное хозяйство, наладить разрушенные отношения с Югославией, не навязывать социализма ГДР, были шагами трезвого политика.

К тому же Берия не без оснований рассчитывал, что после ухода тяжелобольного Сталина он имеет крупные шансы стать «главным» вождем. Он уже приценивался к будущему, готовился внести коррективы в функционирование Системы. Но Берия не собирался ничего кардинально менять. Он просто был готов более тщательно «отлаживать» Систему. В этом свете разговоры о «реформаторстве» сталинского монстра — явный перебор. Я бы мог привести множество примеров обратного свойства, когда сам Берия выступал прямым инициатором шагов, которые и сегодня поражают воображение своей крайней бесчеловечностью и жестокостью. Ведь это именно Берия в марте 1940 года внес в политбюро предложение расстрелять без суда 25 700 польских офицеров и граждан, оказавшихся в СССР после раздела Польши в 1939 году. Именно по предложению Берии учредили в 1943 году каторгу, а затем «вечные поселения», спецлагеря и многое, многое другое. «Реформатор» является главным инициатором высылки целых народов в Сибирь, Казахстан, а незадолго до смерти Сталина получил его одобрение на создание двух бюро: по терроризму внутри страны и за ее пределами. Обо всем этом нельзя забывать тем, кто сегодня готов представить Берию провозвестником, предтечей далекой еще перестройки. Это не так.

Ясно, однако, одно: Хрущев смог одолеть Берию не как проклятие Системы, ее страшный Символ, а как дамоклов меч над собой и своими единомышленниками. Никита Сергеевич не хотел понять, что Берия был орудием партийной верхушки. В преступлениях главного Инквизитора не менее повинны все те, кто абсурдно заклеил его как «агента международного империализма», «авантюриста», «provokatora», «английского шпиона».

Берия был повержен. На некоторое время в высшем советском руководстве установилось двоевластие: государственного и партийного начал. В персональном плане это

означало руководство «дуэтом»: Маленковым и Хрущевым.

За два-три года до смерти Сталина Г.М. Маленков являлся вторым по значению человеком в партии и государстве. Никто не делал секрета из того, что Маленков был не просто фаворитом вождя, но и наиболее вероятным его преемником. Поэтому никого не удивило назначение Маленкова после смерти Сталина на пост Председателя Совета Министров СССР. К тому же Георгий Максимилианович по-прежнему председательствовал на заседаниях Президиума ЦК. Тот факт, что именно Маленков выступил первым на траурном митинге на похоронах Сталина, всеми был расценен однозначно: говорил преемник вождя. К тому же все знали, сколь тесные дружеские отношения у Маленкова были с Берией.

Поэтому победа Хрущева в устранении Берии из высшего эшелона власти резко ослабила позиции Маленкова. Уже к концу 1953 года любое крупное решение требовало согласия не только Председателя Совмина Маленкова, но и первого секретаря ЦК Хрущева. У Маленкова фактически не оказалось союзников в Президиуме ЦК. Молотов и Каганович за спиной Маленкова презрительно называли «Маланьей», явно имея в виду женообразный облик недавнего фаворита Сталина.

Хрущев, человек с большой природной смекалкой, хорошо чувствовал, что вокруг Маленкова образовался вакуум. Это было умело использовано Никитой Сергеевичем для дальнейшего усиления своих позиций. В сентябре 1953 года, как мы уже говорили, Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС. Теперь он не скрывает своих претензий на единоличное лидерство, тем более что делается это в рамках компании «укрепления роли партии» во всех сферах государственной и общественной жизни.

Многие вопросы большого значения Хрущев уже решает один, заботясь лишь о том, чтобы они были соответственно оформлены. Так, например, было с передачей Крыма в состав Украинской ССР. Это иррациональное решение пришло к Хрущеву внешне внезапно. Первый секретарь, переговорив в декабре 1953 года с Маленковым и не встретив серьезного противодействия по вопросу о передаче Крымской области, тоном приказания предложил председателю Совмина:

— Давайте не будем затягивать этого решения. На одном из ближайших заседаний Президиума ЦК обсудим вопрос...

Маленков сразу же согласился. Для него было ясно, что Хрущев уже незаметно оттеснил его на вторые-третьи роли.

Почему у Хрущева, менее чем через год после смерти Сталина, возникло желание перекраивать административную карту страны? Чем это можно объяснить? Может быть, кто-то инспирировал эту инициативу?

Доподлинно никто сегодня не ответит на поставленные вопросы. Однако некоторые соображения можно высказать.

Всю свою «руководящую жизнь» Хрущев провел в Москве и на Украине. Работая секретарем районного, а затем и городского партийных комитетов, Хрущев физически чувствовал близость высшего руководства страны. Никакого своеволия. Точное и строгое исполнение кремлевских директив. Уехав в Киев, куда его направило политбюро в 1938 году первым секретарем ЦК Компартии Украины, Хрущев быстро заметил разницу столичного и провинциального положения. Конечно, власть Москвы здесь еще больше казалась абсолютной, самодержавной, но и собственные возможности были явно большими, нежели на вторых ролях в Москве. Еще тогда, вероятно, у него возникала мысль о Крыме, тем более Хрущев знал, что, начиная с ленинских времен, карта административного деления СССР «уточнялась» не раз. Тем более что, несмотря на национальное административное деление, страна была унитарной. Где что «отрезать», кому «прирезать» — мало кого волновало. Но ставить «вопрос» тогда он не решался.

Хрущев, вновь оказавшийся с 1949 года в Москве, жил в известном смысле еще Украиной. Хрущев любил Украину. Став в 1953 году первым секретарем ЦК КПСС, он очень часто в своих докладах, выступлениях ссылаясь на украинский опыт, ставил в пример достижения Украины. Там осталось у него много друзей. В своих воспоминаниях Хрущев очень тепло говорит об Украине и ее руководстве. «Я русский, — диктовал он, — и не хотел бы проявить неуважение к русскому народу, но я должен сказать, что нашим успехам в деле восстановления сельского хозяйст-

ва Украины и воссоздания промышленности республики мы обязаны именно украинскому народу»²⁷.

В начале 1954 года, отметим это особо, торжественно отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Хрущев, как удалось установить, накануне этого события не раз беседовал с Д.С. Коротченко, другими украинскими руководителями. В разговорах, в частности, обсуждался вопрос, как весомее «отметить» значимость великой даты воссоединения. То ли была прозрачная «подсказка» собеседников, то ли сам Хрущев оказался весьма «находчивым», но идея передачи Крыма первоначально возникла в узком кругу. Хрущев не видел в этом акте ущемления социального достоинства россиян, ибо СССР (несмотря на «союз») был сугубо унитарным государством...

Почувствовав себя в конце 1953 года фактически первым лицом не только в партии, но и в государстве, Хрущев неожиданно для всех поставил перед своими «соратниками» вопрос о Крыме. Поставил настойчиво. Никаких внятных обоснований от него не последовало, да их и не требовалось. Он решил — и все. Возможно, уже пообещал Киеву. Возражений не было.

Воля первого лица в советском государстве не нуждалась в рациональном объяснении. К тому же СССР, хотя и назывался союзным государством, был в действительности сугубо унитарной державой. Какая разница, где будет числиться та или иная область?

Хрущев любил Крым — «всесоюзную здравницу». Интересовался делами области. Однажды даже затребовал в VI секторе общего отдела ЦК материалы, связанные с Крымской конференцией 4—11 февраля 1945 года. В Ливадии тогда состоялась историческая встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Политическое и историческое ее значение известно. А затребовал Хрущев материалы, видимо, вот почему.

Делегации СССР, США и Великобритании размещались в Юсуповском, Ливадийском и Воронцовском дворцах. Специально к этому случаю в районе дворцов создали мощные бомбоубежища, стянули туда несколько сот зенитных орудий, большое количество истребительной авиации. Дворцы охраняло 4 специальных полка НКВД, много других специальных частей и подразделений. Если бы фашистское руководство, узнав о конференции, попы-

талось нанести по этим объектам удар, то едва ли что получилось бы из этой затеи. Сталин вокруг дворцов создал «зону неуязвимости».

Так вот, после окончания конференции все эти дворцы (с обслуживающими их совхозами «Красный» и «Молодая гвардия») с согласия Сталина перешли с конца февраля 1945 года в ведение НКВД СССР, затем в 1947 году — под крыло МГБ СССР. После смерти Сталина Хрущев настоял, чтобы великолепные жемчужины Крыма, находившиеся в распоряжении могущественных спецслужб страны, были переданы в ведение Управления курортами ВЦСПС²⁸. Отобрав дворцы у МВД и МГБ, Хрущев решил пойти дальше; а почему нельзя и сам Крым, «всесоюзную здравницу», отдать новому хозяину — Украине?

Как водилось в те времена, любой крупный вопрос вначале рассматривался на заседании Президиума (политбюро), а затем все остальные органы были обязаны лишь проштамповать уже решенное «наверху». Так и сейчас: на очередное заседание Президиума ЦК был вынесен вопрос «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Значился он в повестке дня лишь одиннадцатым... Для высших функционеров это была обычная рутина.

Вел заседание Г.М. Маленков. Присутствовали члены и кандидаты в члены ЦК: Хрущев Н.С., Ворошилов К.Е., Булганин Н.А., Каганович Л.М., Микоян А.И., Сабуров М.З., Первухин М.Г., Шверник Н.М., Пономаренко П.К., а также секретари ЦК Суслов М.А., Поспелов П.Н., Шаталин Н.Н. Обсуждения не было. Зачитали проект постановления, состоящий из двух пунктов: «Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»²⁹ (хотя Президиум еще только должен был быть в этот день создан). Признали в постановлении также необходимым провести «специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области...»³⁰. Вопрос о передаче Крыма занял всего 15 минут. Подпись под постановлением: «Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев». Дальше все было делом партийной «техники»...

Новый лидер партии и страны, настояв на несправедном

решении, наверняка, по своему невежеству, не знал истории Крыма. Ему было неизвестно, что в процессе создания Русского централизованного государства Москва долгие десятилетия вела жестокую борьбу с Крымским ханством. Для этого осколка Золотой орды военный грабеж стал одним из основных занятий и постоянным источником военной угрозы для юга России.

В ходе русско-турецких войн (а Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от Османской империи) 1771—1791 годов Крым, Таврия и территория между Бугом и Днестром были отвоеваны Россией.

В эти же годы были созданы русский Черноморский флот, основаны русские города-порты Севастополь, Одесса, Херсон, Николаев. Для России Севастополь, Крым явились символами могущества и славы. Победы Черноморского флота у островов Фидониси (ныне — Змеиный) и Тендра (Тендровская коса), близ Керченского пролива и у мыса Калиакрия, в Афонском и Синопском морских сражениях стали выражением национальной гордости россиян. Имена прославленных флотоводцев Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина, М.П. Лазарева, П.С. Нахимова стали гордостью русской нации. Откуда все это было знать малограмотному Хрущеву? Да, конечно, он не мог даже во сне предположить, что Украина когда-нибудь станет суверенным государством и воспользуется его царским подарком... Хотя, впрочем, цари не делали таких подарков. Это большевики положили начало традиции пренебрежения российскими территориями (вспомните согласие Ленина на передачу едва ли не половины европейской России уже почти поверженной Германии...).

Я не думаю, что Хрущев при возникновении сумасбродной идеи о передаче Крыма имел какой-то тайный умысел. Он не мог знать, что СССР когда-нибудь распадется и его бездумное решение создаст столько проблем в отношениях между Россией и Украиной. Обладая мужицкой смекалкой и немалым мужеством, Хрущев, как и большинство вождей СССР, был малообразованным человеком, что часто, очень часто способствовало созданию конфликтных ситуаций (в отношениях с Китаем, во время Суэцкого и Карибского кризисов, во многих внутривластных вопросах). Невежество, как повивальная бабка авантюризма, субъективизма, легковесности, не раз ставило Хруще-

ва в положение бесславно проигравшего и опростоволо-сившегося. В историческом ключе именно таким выглядит и его решение по Крыму.

После заседания Президиума ЦК 25 января 1954 года события развивались форсированно. Состоялись заседания соответствующих президиумов республик, правительства РСФСР, в которых они дружно, по команде сверху, постановляли: «Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР...», принимая во внимание «общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи», передать Крымскую область в состав УССР. Подписи послушных и бездумных исполнителей А. Пузанова (Председатель Совета Министров РСФСР), М. Тарасова (Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР), Д. Коротченко (Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР), других функционеров лишь свидетельствуют о глубокой ущербности Системы³¹.

Никакой глубокой мотивации передачи области другой республике не было. Никто даже не подумал, что скажут по этому поводу жители Крыма, большинство которых русские. Для большевистских руководителей СССР было сугубо унитарным государством и любые манипуляции с территориями внутри Союза считались обычным, нормальным делом. В результате коммунистического владычества собственно Российская Федерация «укрепила» своими территориями целый ряд других республик. И все на основании кабинетных решений кремлевских вождей.

Уже 19 февраля 1954 года в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Состав был неполным; не все приехали. Из 15 зампредов присутствовало лишь 9 человек; из 15 членов прибыли 12. Председательствовал К.Е. Ворошилов. В качестве члена Президиума Верховного Совета СССР присутствовал и Н.С. Хрущев, наблюдая за спектаклем, который разыгрывался по сценарию, составленному М.А. Сусловым и Н.М. Пеговым. Тексты выступлений были подготовлены в отделе пропаганды ЦК и вручены заранее намеченным ораторам: М.П. Тарасову, Д.С. Коротченко, Н.М. Швернику, Ш. Рашидову, О.В. Куусинену, К.Е. Ворошилову.

Хрущев слушал казенные речи, думая уже о другом: его

теснили новые идеи о реорганизации управления промышленностью...

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Тарасов в своем выступлении напирал на то, что Крым является «как бы естественным продолжением южных степей Украины», а посему передача Крымской области в «состав Украинской республики отвечает интересам укрепления дружбы народов великого Советского Союза...». Не знаю, что чувствуют люди, читая чужие тексты, с чужими мыслями; мне в своей жизни не приходилось таковых озвучивать.

Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Коротченко выражал «сердечную благодарность великому русскому народу за исключительно замечательный акт братской помощи (?!), о котором идет речь на сегодняшнем заседании...».

Однако два оратора, помимо своей воли (ведь речи писали другие люди), сказали нечто близкое к истине. Николай Михайлович Шверник заявил, что «такая передача крупнейшей области, богатой сырьевыми ресурсами, с развитой крупной промышленностью, ценными природными лечебными факторами может быть осуществлена только в условиях нашей социалистической страны...». Что верно, то верно. Такое дикое свершение можно представить лишь в «социалистической стране». Куусинен развил эту тему. «Только в нашей стране возможно, — заявил он, — чтобы такой великий народ, как русский народ, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из ценных областей. Только в нашей стране возможно, когда такие важнейшие вопросы, как территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики, разрешаются без всяких затруднений...»³²

Спектакль шел без сбоев. Сумасбродной идее Хрущева ораторы пытались придать окраску некоей разумности, социалистического интернационализма, респектабельности, государственной мудрости. Так происходило становление очередного главного лидера СССР. Одолев Берию, проигнорировав национальное достоинство россиян, Хрущев уже через год после смерти Сталина уверовал в свое всеисилие, реально почувствовал, сколь абсолютна власть первого лица в государстве, созданном Лениным.

Заключал прения Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов: «...Только в условиях Союза Советских Социалистических Республик возможно подобное справедливое решение всех территориальных вопросов... (как будто существовал этот «территориальный вопрос». — Д.В.). И в далеком и недалеком прошлом враги неоднократно пытались отнять у России Крымский полуостров, использовать его для грабежа и разорения русских и украинских земель, создать там военную базу для нападения на Россию и Украину...» Ворошилов дал понять, что этот акт «дарения» полуострова очень важен, «когда советские люди торжественно отмечают замечательную историческую дату 300-летия воссоединения России с Украиной»³³.

Пожалуй, позорная эпопея, связанная с разбазариванием исторически собранных земель России, для Хрущева была актом собственного самоутверждения. Именно он спустя некоторое время намерился передать Японии два острова Курильской гряды. Но в Токио на тот шаг не захотели отреагировать дистанцированием от США, как хотела того Москва, и Хрущев «передумал».

Когда через неделю после этого заседания был обнаружен указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, население и в России, и на Украине встретило его спокойно и даже равнодушно. Советские люди уже привыкли, когда вожди в Кремле в узком кругу решают все, что захотят. Безмолвный народ огромной великой страны уже свyksя с тем, что им манипулировали, решали его судьбы, никогда не спрашивая, хотят ли этого миллионы граждан.

Хрущев, взяв на вооружение сталинские методы, действовал бесцеремонно решительно, больше всего полагаясь на свою политическую волю. Можно даже сказать, что устранение Берии и передача Крыма Украине явились для Хрущева не только проверкой его способности оттеснить Маленкова с вершины холма власти, но и экзаменом на всесоюзного лидера большевистской школы. Хрущев так же, как и Сталин, и все последующие генсеки, прежде всего взял на вооружение Ленина, повторяя к месту и не к месту: «Нужно вспомнить, как учил Ленин», «При Ленине было так», «Ленинские нормы партийной жизни следует

возродить...» и другие подобные заклинания. При том, что сам Хрущев, как и многие другие большевистские бонзы, Ленина знал чрезвычайно слабо... Хотя в кабинете каждого вождя всегда стояло полное собрание сочинений В.И. Ленина, к которым никогда не прикасались их руки.

Ленинское идолопоклонство является общей чертой всех генсеков. Без него они не смогли бы удержаться на кремлевском холме. Хрущев, заменив Сталина, как лидера гигантской страны, продолжал действовать, используя пока сталинские методы. В 1953 и 1954 годах Хрущев, расправившись с Берией и «подарив» Крым, еще не знает, что через два года именно он поведет яростные атаки на самого Сталина...

Атака на «культ личности»

Да, «культ личности», как критическая цель, несет в себе немало ложного, поверхностного, несущностного.

Критика культа не затронула глубинных основ ленинской Системы.

Но при всем этом в советской семидесятилетней истории трудно назвать политический феномен, который по своей значимости для будущего великого народа, да и не только его одного, сыграл бы такую же потрясающе важную историческую роль. Мужественная атака Хрущева на один из элементов большевизма имела далеко идущие последствия.

Весь жар своей души, несогласие с политикой террора Сталина, стремление восстановить поправленную справедливость Хрущев сконцентрировал на бескомпромиссной борьбе с обожествленной ролью одного человека. Первый секретарь искренне верил, что стоит «искоренить» культ личности, восстановить в полном объеме «ленинские принципы» внутрипартийной жизни, «исправить» нарушения «революционной законности», как тут же страна воспрянет и быстро пойдет по рельсам «советского социалистического демократизма».

Смелые, но наивные, судьбоносные, но поверхностные метания!

Хрущев, расправившись с Берией, укрепил свои позиции рядом смелых шагов внутри страны (подъем целины на востоке, проведение после сентябрьского пленума ЦК (1953 г.) некоторых довольно эффективных мер в сель-

ском хозяйстве, начало процесса реабилитации сотен тысяч людей), заметно упрочил собственную роль как истинно первого лидера.

Во внешней политике первый секретарь без колебаний пошел на помощь Насеру, сделав союзниками СССР сразу несколько арабских государств. Это нашло понимание и поддержку в стране.

Поднявшись на вершину власти в гигантской стране, Хрущев, однако, чувствовал, что тень Сталина все время была с ним рядом. Действовала (хотя и не так свирепо, как раньше, а с оглядкой) «карательная система», созданная «вождем народов», запретной была правда о множестве политических процессов, прокатившихся по стране накануне и после войны, на многих вопросах внутренней и внешней политики СССР лежало сталинское табу. Хрущев многое знал о прошлом (он был его активным участником). Теперь оно его страшило. Он, именно он, должен был или сказать обо всем минувшем правду, или оставить все без изменения, как сложилось за треть века существования большевистского государства.

Приближалось время очередного, XX съезда партии. На пленуме ЦК решили его провести в феврале 1956 года. Рассматривая на заседании Президиума рабочие вопросы подготовки к первому после смерти Сталина всесоюзному форуму коммунистов, Хрущев предложил создать ряд рабочих комиссий по его подготовке. Возражений не последовало. Но когда первый секретарь заявил, что было бы правильным «образовать и комиссию по расследованию деятельности Сталина», его бывшие близкие соратники Молотов, Каганович, Ворошилов стали бурно возражать. Особенно активен был Молотов:

— Расследовать деятельность Сталина — это ревизовать итоги всего огромного пути КПСС! Кому это выгодно? Что это даст? Зачем ворошить прошлое?

Ему вторил Каганович:

— Сталин олицетворяет множество побед советского народа. Рассмотрение возможных ошибок продолжателя Ленина поставит под сомнение правильность всего нашего курса. Да нам просто скажут: а где вы были? Кто дал вам право судить мертвого?

Схватка была бурной. Хрущев ее погасил обещанием, что будут в самом секретном порядке рассмотрены лишь

«нарушения социалистической законности», в которых основная доля вины лежит на Бери. Пусть комиссия поработает, мы рассмотрим ее выводы, а затем уж решим, что с ними делать... На том 31 декабря 1955 года и порешили.

Состав комиссии определен был самый узкий: секретарь ЦК КПСС академик П.Н. Пospelов, секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н.М. Шверник, работник Комитета партийного контроля при Центральном Комитете П.Т. Комаров. Возглавил работу комиссии Пospelов. Ему было не привыкать писать о вождах. Он немало знал о Сталине. В 1951 году тиражом почти семь (!) миллионов экземпляров вышло второе издание «Краткой биографии» вождя, над которой вместе с Александровым Г.Ф., Митиным М.Б. и некоторыми другими трудился в поте лица и сам Пospelов.

В биографической книге, отредактированной лично Сталиным и состоящей почти наполовину из его цитат, есть вместе с тем и фрагменты, сочиненные Пospelовым и его коллегами. Такой, например: «Работа товарища Сталина исключительно многогранна; его энергия поистине изумительна. Круг вопросов, занимающих внимание Сталина, необъятен: сложнейшие вопросы теории марксизма-ленинизма — и школьные учебники для детей; проблемы внешней политики Советского Союза — и повседневная забота о благоустройстве пролетарской столицы; создание Великого северного морского пути — и осушение болот Колхиды; проблемы развития советской литературы и искусства — и редактирование устава колхозной жизни и, наконец, решение сложнейших вопросов теории и практики военного искусства»³⁴. Здесь же бесчисленные эпитеты о сталинской «чуткости к людям», о его приверженности «неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и тайны переписки», о способности вождя «учиться у масс», как и многие другие, живописали моральный облик гениального продолжателя Ленина. Так что опыт жизнеописания сталинских деяний у Пospelова был.

Хрущев лично пригласил к себе членов комиссии по расследованию массовых репрессий вместе с министром внутренних дел С.Н. Кругловым (вскоре снятым с этого поста) и распорядился поднять «дела» расстрелянных партийных деятелей П.П. Постышева, Р.И. Эйхе, М.Л. Рухи-

мовича, В.И. Межлаука, Я.Э. Рудзутака, П.И. Смородина, Б.П. Позерна, С.В. Косиора, В.Я. Чубаря, А.В. Жосарева, Г.Н. Каминского и многих других, чтобы можно было предметно создать панораму сталинских беззаконий и произвола.

Комиссия сидела, как говорится, день и ночь. Листая папки «расстрельных» дел, Пospelов вместе с членами комиссии одновременно выискивал соответствующие ленинские цитаты, осуждающие культ личности и нарушения «социалистической законности». План доклада, предложенный академиком Пospelовым, был откровенно примитивным, но понятным: все сводилось к мудрости, скромности, гуманизму Ленина и его норм деятельности и нарушению этих постулатов Сталиным. В докладе утверждалось, что все, абсолютно все, что делал Ленин, было истинно марксистским. «...Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью... Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются...»³⁵ Кто был «действительно классовым врагом», а кто нет, Пospelов с соавторами не рискнул определить. Весь пафос готовящегося доклада сводился к тому, что сама система, которая была создана Лениным, не имеет никакого отношения к беззакониям и бесчисленным репрессиям. Все они — результат «культа личности Сталина», дело рук вождя и его приспешников — Ежова, Берии. Даже создание самого культа — итог усилия прежде всего Сталина.

Эта бесхитростная и предельно примитивная схема была полностью одобрена Хрущевым. Но когда проект подготовленного доклада доложили на Президиуме, там вновь возникли яростные споры.

Не понравилось многое.

Например, оппоненты не хотели признать тезис о том, что «Сталин ввел понятие «враг народа». (Они были правы, этот термин, впервые в «большевистской практике» использовал Ленин, в свою очередь заимствовав его у французских революционеров.) «Этот термин сразу осуждал, — говорилось в докладе, — от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возмож-

ность всякого, кто в чем-то несогласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности»³⁶.

Поспелов и его помощники допустили здесь, естественно, грубую ошибку: «нормы революционной законности» и означали в действительности полный большевистский произвол. Оппоненты яростно спорили по фактам ареста, расправ над конкретными людьми: Постышевым, Эйхе, Рухимовичем, Рудзутаком, Смородиным, Позерном, Косиором, Чубарем, Косаревым и другими. Все объяснялось просто: сотоварищи Хрущева по Президиуму ЦК сами участвовали в этих расправах и теперь боялись огласки и ответственности. Тем более что в проекте доклада приводились документы, адресованные Сталиным Кагановичу, Молотову и другим своим соратникам. Например, 25 сентября 1936 года Сталин, отдыхавший в Сочи, телеграфировал членам политбюро (Хрущев тогда еще не входил в его состав. — Д.В.): «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года...»

Вспомнили, что 10 января 1939 года политбюро одобрило текст и Сталин его подписал, который был разослан секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел. В шифротелеграмме ЦК ВКП(б) разъяснялось, что применение физического насилия по отношению к арестованным, разрешенное с 1937 года, полностью сохраняет силу и теперь. «Метод физического воздействия, — говорилось в директиве, — является правильным и «должен обязательно применяться и впредь» в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

— Мы все поддерживали такие решения. Что мы скажем теперь? — горючил Каганович.

Или говорили, что политбюро несколько раз принимало решения о так называемых «антисоветских элементах», согласно которым устанавливалось новое, дополнительное количество лиц, подлежащих репрессированию «по первой категории». Например, 31 января 1938 года полит-

бюро утвердило такую очередную разнарядку по 22 областям СССР; в соответствии с ней было «дополнительно» расстреляно еще 48 тысяч человек... Все члены политбюро, естественно, проголосовали «за»³⁷.

Лишь благодаря поддержке Сабурова, Первухина, Булганина, Кириченко Хрущеву удалось добиться решения продолжать работу над докладом. Но как с ним поступить? Ясности не было. Каганович предлагал обсудить его на XXI съезде, Молотов — постепенно «исправить» ошибки прошлого без их обнародования. Так или иначе, по распоряжению Хрущева Пospelов продолжил работу над докладом, которому предстоит сыграть историческую роль.

Наконец, 14 февраля 1956 года в Большом Кремлевском дворце открылся XX съезд КПСС. Он проходил как обычно: доклад, одобрение «ленинского курса», аплодисменты, шумные вставания, идеологические заклинания, призывы крепить «единство партии и народа» и т.д. Все, как всегда, было «расписано» до мелочей. Съезд катился благополучно к своему концу, а ясности, что делать с докладом Пospelова, не было. Удалось установить, что Хрущев буквально жил этим докладом и был готов любой ценой довести его до делегатов съезда. Уже в ходе работы съезда он не раз вечерами приглашал к себе Пospelова и диктовал ему свои замечания и мысли в доклад, которые у него появлялись при чтении подготовленных материалов.

Вот, например, что продиктовал Хрущев Пospelову в ночь на 19 февраля 1956 года. Я приведу лишь отдельные фрагменты, ибо хрущевские диктовки пространны и некоторые из них в отредактированном виде вошли в доклад, давно и широко известный общественности.

Пospelов сидел перед первым секретарем, который, листая свой съездовский блокнот, диктовал:

«...Врагов народа было не обязательно уничтожать, можно было держать в тюрьмах, ссылках...»

«...Привести пример с Каменевым и Зиновьевым; они предали революцию, а Ленин их не расстрелял...»

«...Как получить признания? Только одним путем — бить, истязать, лишить сознания, лишить рассудка, лишить человеческого достоинства путем физического насилия и вымогательства...»

«...Смирнов лечил Сталина... и такие люди были аресто-

ваны... Он сказал: Смирнову надеть кандалы, такому-то надеть кандалы, так и будет...»

«...По Мингрельскому делу. Грузинское руководство обвинялось, что цветущая Грузия хочет войти в состав нищего турецкого государства, голодного, ободранного, неграмотного (дать цифры)...»

«...Члены политбюро смотрели на Сталина разными глазами в разные периоды времени. В первое время сознательно возвеличивали Сталина, потому что Сталин действительно был велик и способен. Он был одним из сильнейших марксистов, и его логика, сила и воля оказывали положительную роль для партии. А потом... Появилось после расправ не только идейное, но и физическое подчинение этому человеку...»³⁸

Внимательный читатель заметит, что кое-что из диктовок Хрущева вошло в текст доклада почти полностью, некоторые идеи — частично, иные не нашли своего отражения вообще. Хрущев диктовал много, и глубоко обвинительный стиль доклада в огромной мере сформирован самим первым секретарем, который лично хорошо знал о репрессиях не понаслышке, поскольку принимал в них активное участие, как и Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов...

Выше мы привели хрущевский фрагмент с Зиновьевым и Каменевым, которых Ленин «не расстрелял». А вот что говорил сам Хрущев по их адресу 22 августа 1936 года на собрании партактива: «Сидят главари-бандиты Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян и другие их сообщники-фашисты, но физически отсутствует один из организаторов террористических актов... Расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу. (*Бурные аплодисменты.*)»³⁹.

Немногим менее чем через два года Хрущев действует так же: жестко, беспощадно, «по-чекистски» и на Украине. Там он заявил: «Враги Якир, Попов, Шелехая, Хатаевич, Вечер, Донченко, Балицкий, Косиор... Позже Любченко и Поройко. Но собственно на Украине мы только начинаем расчистку... Разгромим и добьем»⁴⁰.

Конечно, Хрущеву было не просто восстать против тирании Сталина. Непросто прежде всего потому, что он, как и все его соратники, к концу тридцатых годов славил

диктатора так, как никогда и никого в России не превозносили. Если взять крохотную, всего два десятка страниц, брошюрку Н.С. Хрущева с его тремя речами на собраниях избирателей Москвы, то в ней первый секретарь Московского городского комитета партии пятьдесят четыре раза (!) говорит о Сталине как о «гении», «великом вожде» и «великом творце». Хрущев призывал в своих примитивных речах не только к «большей ненависти к нашим врагам», но и к большей любви к «нашему вождю, великому Сталину»⁴¹.

Третьему «вождю» нельзя было этого забыть, но он смог мужественно переступить через «наваждение» молодых лет, всеобщее духовное затмение и большевистскую экзальтацию. У Хрущева хватило сил отринуть бесовство террористической методологии. Однако его нынешние соратники не хотели простить этого первому секретарю, постоянно напоминали ему, что он, как все, повязан старыми грехами.

Так что многие фамилии, которые прозвучат на XX съезде как обвинение Сталину, уже произносились Хрущевым, осуществлявшим с Ежовым, а затем и с Берией «настоящий разгром и расчистку». На этом и хотели сыграть старые члены политбюро.

Особенно упорствовали Молотов и Каганович:

— А что ты о себе скажешь, Никита? Ведь мы все в этом замешаны... И что тебя заставляет говорить о прошлых делах? Надо не спеша поправлять ошибки, а не смаковать их...

Так реагировали по-прежнему «коренные» члены Президиума, у которых (как и у Хрущева) рыльце, мягко говоря, было в сильном «пушку»... Но Хрущев оставался непреклонным:

— Думаю, что нас правильно поймут и партия, и народ. Молчать больше нельзя.

Наконец Хрущев в ходе горячих споров с членами Президиума заявил: «Некоторые из нас много не знали, поскольку мы работали в условиях, когда человеку говорили ровно столько, сколько ему положено знать... Кое-кто знал, что происходило, а кое-кто даже имел непосредственное отношение к событиям, о которых идет речь. И хотя степень ответственности каждого из нас различна, я го-

тов, как Член Центрального Комитета со времени XVII съезда партии (Хрущев вновь подчеркивает, по сути, что в 34—38-м годах он не был членом политбюро. — Д.В.) нести свою долю ответственности перед партией даже в том случае, если партия сочтет необходимым привлечь к ответу всех, кто был в руководстве страной при Сталине...»⁴²

Это, кажется, надломило оппонентов. Но они всячески хотели смягчить постановку и рассмотрение страшного для них вопроса.

Наконец уже в конце съезда, во время перерыва, Хрущев заявил соратникам: давайте спросим съезд, всех 1436 делегатов, хотят ли они заслушать доклад «О культе личности и его последствиях»? Я скажу, кто в Президиуме «за», а кто «против». Пусть делегаты решают. Как проголосуем, так и будет...

В комнате наступила напряженная тишина... Так Хрущев сделал победный шаг к трибуне съезда. Теперь уже ничто не могло удержать его семенящей походки к цели: великой и... в чем-то ложной. Ложной в том, что сталинизм не был разоблачен, его генезис, сущность, эволюция. Но и удар по «культу личности» оказался страшным.

На утреннем заседании 25 февраля 1956 года Хрущев произнесет сенсационный доклад «О культе личности и его последствиях». Более четырех часов делегаты, затаив дыхание, будут слушать поражающие воображение разоблачения. На закрытом заседании не было ни зарубежных гостей, ни журналистов. Сам ход этого исторического заседания не стенографировался. Как вспоминал Хрущев, «делегаты слушали затаив дыхание. В огромном зале стояла такая тишина, что можно было слышать, как муха пролетит. Трудно представить себе, насколько сильно были поражены люди, узнав о зверствах, чинившихся по отношению к членам партии... Многие из них впервые услышали о трагедии, охватившей партию, трагедии, проистекавшей из болезни Ленина, относительно которой нас предупреждал Ленин в своем «Завещании»...»⁴³.

По предложению Н.А.Булганина было решено прений по докладу не открывать.

Хрущев делал все для того, чтобы возвысить Ленина, партию, большевистский строй, «массы». Цитаты основоположника КПСС сыпались как из рога изобилия. о кол-

лективности руководства, которое было при Ленине; и о том, как Сталин «обидел» Крупскую; как не учили предостережения вождя в отношении генсека и что из этого получилось. Все беды проистекли из того, что «грубость» Сталина постепенно вылилась в «массовый террор против кадров партии»⁴⁴.

Я не собираюсь пересказывать или комментировать доклад Хрущева, который, впрочем, до 1989 года, когда о нем давно уже знал весь мир, продолжал оставаться сугубо секретным документом, хранящимся в глубинах архивных тайников КПСС. Хрущев в своих «Воспоминаниях» очень немного уделил внимания XX съезду, хотя и подчеркнул огромное его значение. Резюме третьего «вождя» относительно исторической сути съезда просто обескураживает: основное значение съезда заключается в том, продиктовал Хрущев, «что он положил начало процессу очищения партии от сталинизма и восстановления в партии тех ленинских норм жизни, за которые боролись лучшие сыны Отечества»⁴⁵.

Парадоксальность вывода очевидна. Бороться против одной разновидности ереси, чтобы восстановить основную ее, ленинскую, форму... В этом весь Хрущев. Ни он, ни другие его соратники, ни тем более мы, рядовые коммунисты, не понимали тогда, что сталинизм родился из ленинизма, который в своей основе исповедовал неограниченное классовое насилие.

Впрочем, я приведу один неизвестный широкому читателю пример, наглядно характеризовавший, как Хрущев хотел «восстановления ленинских норм».

В своих воспоминаниях Хрущев упоминает, что «во время XX съезда партии умер первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут. После его смерти в Польше были крупные беспорядки.»⁴⁶ Продолжались эти «беспорядки» долго. Дело кончилось тем, что Хрущев в сентябре 1956 года вместе с Молотовым, Микояном, Булганиным, маршалом Коневым, вопреки протестам поляков, вылетели в Варшаву. Без приглашения. Польские товарищи считали приезд несвоевременным, отговаривали Хрущева.

Сразу же в Варшаве начались резкие переговоры. Хрущев обвинял польское руководство — Охаба, Гомулку, Циранкевича в том, что они поворачиваются к СССР спи-

ной и тяготеют к Западу, отторгают маршала Рокоссовского, допускают антисоветские выступления в печати, не хотят иметь советских советников в польской армии. Поляки дружно защищались, обвиняя Москву в просталинских методах поддержания отношений. Споры достигли высокого накала.

В момент беседы «кто-то из польских товарищей передал Гомулке записку. Гомулка, побледнев, обращаясь к Хрущеву, говорит: мне сообщили, что ваши части, находящиеся в западном районе Польши, движутся сейчас с танками на Варшаву. Я прошу остановить это движение и возвратить их на место их дислокации...

Мы переглянулись с Хрущевым (диктовка А.И. Микояна 28 мая 1960 г.). Хрущев сказал: хорошо, и было дано указание маршалу Коневу приостановить движение наших войск, вернуть их в места дислокации...»⁴⁷. Здесь тоже весь Хрущев; поехав «нормализовать» отношения с польскими союзниками, желая положить конец «беспорядкам», он на всякий случай прибег к военной демонстрации. Первый секретарь никогда не был способен понять (как и большинство нас, советских коммунистов), что от сталинизма нельзя отказаться, не отказавшись от ленинизма. Именно поэтому цель, избранная Хрущевым на XX съезде, оказалась не основной мишенью. Не один диктатор повинен в самых страшных преступлениях XX века, а прежде всего Система, идеология, основанная на ленинских постулатах. Сталин и партия были «рулевыми» этой системы. Но тогда этого никто понять не мог. Без удара по Сталину, в конце концов, не пришлось бы исторически и прозрение в отношении Ленина.

Хрущев и умрет в неведении: он никогда не смог бы согласиться с тем, что, защищая Ленина, он «сохраняет» и Сталина...

Даже в самом докладе Хрущев то и дело вынимал из папки «индульгенции» Сталину, подчеркивая его заслуги перед партией и народом. Однако честно рассказать этому самому народу о злоупотреблениях Сталина Хрущев не решился. В заключительной части своего доклада он заявил: «Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно по-

этому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед нами наших язв»⁴⁸. Правда, через некоторое время гриф доклада «строго секретно» был снят и заменен более «либеральным» — «не для печати». Брошюру с текстом доклада разослали в партийные комитеты для ознакомления. Еще раньше он стал известен на Западе, произведя эффект огромной сенсации. А в компартиях, особенно европейских, началось глубокое брожение, приведшее к пересмотру многими из них фундаментальных положений марксистско-ленинской идеологии.

Мужественный Хрущев боялся огласки, наивно надеясь, что истину по-прежнему можно держать в бессрочном заключении. Тайны, «партийные» секреты для ленинизма вещь органическая, естественная. А третий «вождь» был «правоверным» ленинцем. Ведь свой разоблачительный доклад, направленный против «Сталина — Ленина сегодня», он закончил словами: «Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм!». Естественно, после этих слов были «бурные, продолжительные аплодисменты, перешедшие в овацию...».

Люди еще не в состоянии были оценить того, что сделали благодаря Хрущеву крупный, эпохальный шаг к свободе, которая не может быть привилегией. Но советские люди никогда не обладали свободой, поэтому не могли в полной мере ощутить ее значимость. Им все равно нужен был кумир: вроде бы отказавшись от Сталина, они еще более уверовали в Ленина, который закабалил их после октябрьского переворота и принес все беды России в XX веке.

Сталинизм получил пробоину, но держался на плаву, ибо ленинизм казался непотопляемым...

Импульсивный реформатор Шел второй день работы XXII съезда партии 18 октября 1961 года. Это был третий (и последний) из съездов в жизни Никиты Сергеевича Хрущева, на которых он в силу своего положения (первый секретарь ЦК КПСС!) играл главную роль. После многочасового, утомительного чтения отчета Центрального Комитета в первый день съезда лидер партии сделал еще один такой же пространный до-

клад: «О программе Коммунистической партии Советского Союза».

Хрущев, водя пальцем по тексту (чтобы не сбиться), перешел к очередному разделу: «Коммунизм — великая цель партии и народа». Как опытный оратор (а он сам не раз заявлял об этом), Никита Сергеевич на «ударных местах» делал паузы и выразительно смотрел в зал, безотказно вызывая аплодисменты. В конце раздела докладчик произнес: «Чаша коммунизма — это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад, и каждый из нее черпать... Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество...»⁴⁹ Хрущев снова выразительно посмотрел в зал, и вновь раздались аплодисменты, но не «бурные», как записано в стенограмме, а лишь «продолжительные». Даже делегаты, а в основном это были коммунистические ортодоксы, с большим сомнением отнеслись к «строгим научным расчетам» Хрущева. Как вспоминал В.Н. Новиков, председатель Госплана СССР, эти «расчеты» готовил любимчик Хрущева министр А.Ф. Засядько и его заместитель Н.А. Тихонов⁵⁰. По этим «расчетам» в ближайшее десятилетие (1961—1970 гг.) «СССР превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма США»; а в итоге второго десятилетия (1971—1980 гг.) «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество».

Первый секретарь доложил программу партии, в которой дотошно было описано, что такое коммунизм, почему исчезнут классы, эксплуатация и каким образом люди будут иметь равное положение в обществе. Вновь, в духе традиционной ленинской утопии, было заявлено, что «историческое развитие неизбежно ведет к отмиранию государства». Программа заканчивалась на патетической ноте: «Партия торжественно провозглашает — нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁵¹

Насильственное «осчастливливание» великого народа продолжалось...

Великая утопия — но утопия! — во времена правления Хрущева несколько очищенная от сталинских уродливых напластований, стала для народов СССР более привлека-

тельной. Но тем не менее большинство людей относилось к этой утопии как к необходимому антуражу, даже мифу, не имеющему отношения к реальной жизни.

После XX съезда партии, на котором первый секретарь нанес сенсационный удар по Сталину, Хрущев почувствовал себя еще увереннее.

Хотя он понимал, что оппозиционеров его курсу было предостаточно, подспудно, подсознательно чувствовал, что историческая правота на его стороне. Особенно эта уверенность окрепла, когда он в ожесточенной схватке на пленуме в июне 1957 года смог избавиться и устранить своих основных соперников: Маленкова, Кагановича, Молотова. Это придало Хрущеву новые силы в проведении многочисленных реформ в застывшей стране. Государство и общество, закостеневшие в бюрократии и догматизме, оказались слабо подготовленными к этому каскаду реформ: жизненно важных и надуманных, смелых и авантюрных.

Жизнь была сорвана с привычных якорей.

Десятилетие правления Хрущева гигантской страной продемонстрировало имевшиеся в этом человеке потенции: новатора, ниспровергателя, экспериментатора, волюнтариста, преобразователя. Хрущев как бы проснулся. Инициативы и начинания первого секретаря в течение десяти лет следовали одна за другой. Простое их перечисление поражает воображение: везде у истоков всех этих починов стоял невысокий, коренастый человек с энергичными, порывистыми движениями. Хрущев был подобен фонтану идей, действий, поступков, инициатив. У него был поистине «вулканический характер». Интересно его характеризует А.М. Александров-Агентов, проводивший значительную часть своей жизни подле послевоенных «вождей» в ЦК. «Хрущев, — вспоминал Александров-Агентов, — властный, вспыльчивый, необузданный, грубый, в том числе и в отношении своих ближайших коллег, самоуверенный и падкий на лесть. Одновременно — порывистый, нетерпеливый, увлекающийся, одержимый духом новаторства, но без серьезной концепции...»⁵²

У человека с таким характером оказалось много точек приложения своей энергии в стране, которая начала «оттаивать».

Хрущев вынужден прежде всего обратиться к сельскому хозяйству. В 1949—1953 годах урожайность была катастрофически низкой — где-то около 8 центнеров с гектара (в 1914 году — 7 центнеров). Я приведу любопытные данные из «Особой папки» (вопросы урожайности и наличия хлеба были строжайшим государственным секретом) о заготовках и расходе зерна госресурсов в 1940—1953 годах в миллионах тонн.

годы	заготовки	расход	госрезерв на 1 июля
1940	36,4 млн. т	35,1 млн. т	4,1 млн. т
1941	24,3	23,0	5,4
1942	12,5	11,0	7,0
1943	12,3	14,9	5,6
1944	21,6	16,2	2,8
1945	20,0	22,0	8,2
1946	17,5	18,9	6,1
1947	27,5	21,7	4,7
1948	30,2	23,9	10,5
1949	32,1	28,0	13,9
1950	32,3	30,5	16,0
1951	33,6	32,9	16,3
1952	34,7	34,0	17,3
1953	31,1	37,3	17,8

Нетрудно видеть, что все эти годы (во время войны — понятно) заготовки были очень низкими⁵³. Однако госрезерв, независимо от урожая и потребления после войны, создавался на достаточно высоком уровне. Чтобы выжить, люди воровали с полей хлеб: зерно, колоски. В июне 1946 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и Совмина о строжайшей ответственности за «расхищение хлеба». Министр внутренних дел С. Круглов регулярно докладывал Сталину о ходе выполнения этого постановления. Например, в декабре 1946 года было «привлечено к уголовной ответственности за хищение хлеба 13 559 человек, в январе 1947 года — 9928...»⁵⁴. Голод в стране не пугал Сталина, и он не мог «опуститься» до закупок хлеба у империалистов!

Хрущев взялся за главное звено: сельское хозяйство. На сентябрьском пленуме ЦК (1953 г.) был намечен ряд мер по подъему села. Первый секретарь заставил «обратить внимание» на важнейшие экономические категории:

прибыль, себестоимость, рентабельность. По настоянию Хрущева в феврале 1958 года осуществлены некоторые меры по повышению продуктивности сельского хозяйства.

Когда по приглашению Д. Эйзенхауэра — президента США — состоялся визит Хрущева в Америку, первый секретарь добился, чтобы в программе посещения было уделено специальное время для его ознакомления с сельским хозяйством. Хрущев загорелся посетить штат Айова — «кукурузную жемчужину» Америки. Его свозили туда. Приехав в хозяйство крупного фермера Р. Гарста, Хрущев с большим интересом знакомился с производством кукурузы. Как писал А.А. Громыко, Хрущев «осматривал поля, задавал хозяину много вопросов, стараясь понять, как и на чем тот делает большие деньги на земле, которая не так уж и отличается по плодородию от ряда районов нашей страны». Позже, в кругу делегации, делаясь впечатлениями от посещения фермерского хозяйства, Хрущев заявил:

— Многое на ферме Гарста мне интересно. Но у меня нет ясного представления о том, как опыт Гарста перенести в наши советские условия?⁵⁵

Это и неудивительно. Принципиально отличные социально-экономические системы создавали совершенно разные условия для производства и сбыта. Колхозная система сводила до минимума личный интерес, и механически «перенять опыт» было невозможно.

Побывав в США, Хрущев тем не менее уверовал в то, что, сделав упор на кукурузу, можно резко поднять продуктивность животноводства. Его борьба за внедрение кукурузы в стране в ряде случаев носила анекдотический характер. В соответствии с партийными директивами ее часто сеяли там, где не могло быть никакого положительного результата.

Принятыми мерами Хрущеву удалось, однако, добиться увеличения объемов заготавливаемого зерна, но... сразу же резко возросло и потребление. Хлеба хронически не хватало. Резко сократились запасы в госрезерве. Наконец Хрущев решился закупать в крупных размерах зерно за границей. Эта вынужденная мера, как свидетельство полного банкротства советского сельского хозяйства, стала долгой традицией и существует уже более тридцати лет

Приведем еще одну таблицу заготовок и расхода зерна в 1953—1964 годах (в миллионах тонн). Эти данные публикуются (как и выше приведенная схема) впервые.

годы	заготовки	расход	госрезерв на 1 июля
1954	34,6 млн. т	42,5	13,1
1955	36,9	40,3	6,3
1956	54,1	48,7	3,8
1957	34,5	42,9	9,5
1958	56,6	49,1	3,7
1959	46,6	49,6	11,8
1960	46,7	50,0	10,2
1961	52,1	54,2	7,5
1962	56,6	56,6	6,3
1963	44,8	51,2	6,3
1964	68,3	58,2	7,0

Как видим, объем заготовок по сравнению со сталинским временем заметно увеличился, но и резко возросло потребление. Сократились государственные резервы⁵⁶. Начиная с шестидесятых годов начались регулярные закупки зерна за рубежом. Золотой запас страны стал стремительно таять. Страна его «проедала».

«Кукурузная кампания», силовыми методами насаждаемая там, где она и не могла давать урожай, не выручила Хрущева. А ведь на это ушло несколько лет! Но неугомонный реформатор находит другое решение проблемы подъема животноводства. Он провел решение, согласно которому у колхозников скупил практически весь личный крупный рогатый скот. Хрущев надеялся, что если он будет находиться в общественном хозяйстве, в крупных животноводческих комплексах, то это даст резкий прирост продукции. Скупить-то скот скупил, но пришла зима и выяснилось: нет кормов, нет помещений, начался массовый падеж скота. Кто-то подсказал советскому лидеру: несколько миллионов лошадей пожирают такие дефицитные корма. Извели большую часть лошадей... Стали по пустякам гонять мощные трактора...

Так же рухнула затея с агрогородами. Пустели села. Стали укрупнять колхозы в огромные хозяйства, но сразу же потерялся в этих сельских конурбациях* человек, стало еще больше обезличенных хозяйств.

* Один из видов агломерации населенных пунктов. — Прим. ред.

Бесконечные постановления, решения, совещания, перетряски кадров не дали заметных позитивных результатов. Тогда еще не могли понять, что сама ленинская социально-экономическая система имеет очень ограниченный резерв своего реформирования. Росло недовольство людей, рождались бесконечные анекдоты про «Никиту». Своими смелыми шагами на XX съезде он позволил людям чаще получать глоток свободы, но этого было мало. Хрущев даже не пытался что-то кардинально изменить в Системе, самой основе экономической жизни страны. Он и не мог этого сделать, пока держался за «ленинские заветы».

Хрущев все неудачи относил за счет плохих кадров, частных просчетов, наследия сталинского прошлого. Отчасти это было так. Он по-прежнему мыслил, как и Сталин, категориями «догнать и обогнать». В отчетном докладе на XXII съезде партии первый секретарь провозгласил: «В последние годы наша страна, по-прежнему значительно превосходя США по темпам, стала обгонять их и по абсолютному приросту производства многих важнейших видов продукции... Выполнение семилетнего плана выведет нашу Родину на такой рубеж, когда потребуется уже немного времени для того, чтобы перегнать Соединенные Штаты в экономическом отношении. Решив основную задачу, Советский Союз одержит в мирном соревновании с Соединенными Штатами Америки всемирно-историческую победу»⁵⁷.

Идеологизированная оценка состояния экономики и перспектив ее развития у Хрущева была такой же, как у Сталина. Те же стремления к «победе» над империализмом.

Свои кампании в сельском хозяйстве Н.С. Хрущев сопровождал крайне сомнительными административными реформами. В феврале 1957 года было принято решение по ликвидации отраслевых министерств и созданию в каждой республике, крае, области территориальных советов народного хозяйства (совнархозов). Для управления этими новыми структурами понадобилось создание Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

Через четыре года, в 1962 году, Хрущев пришел к выводу, что новая структура народного хозяйства требует реформ и в партийной сфере. Он предложил Президиуму

ЦК разделить обкомы и крайкомы на промышленные и сельскохозяйственные. Сказано — сделано. Однако недовольство чиновников, партийных функционеров накапливалось и росло. Как вспоминал Владимир Николаевич Новиков, заместитель Председателя Совмина с 1960 по 1962 год: «Подавляющее большинство министров и их центральные аппараты не приветствовали этой реорганизации. Против нее было также большинство руководителей заводов. Я же, как и ряд других работников министерств, считал тогда, что будет утрачено квалифицированное управление заводами, под угрозой окажется технический прогресс. Особенно рьяно возражали против передачи заводов в совнархозы министры оборонных отраслей промышленности»⁵⁸.

Но Хрущев уже уверовал в свою большевистскую непогрешимость, принимая крупные решения, ни с кем не советуясь. К тому же особо приближенные к первому секретарю люди почувствовали слабость Хрущева к лести и подхалимству. Тот же В.Н. Новиков утверждает: с 1960 года «начал действовать новый культ личности Никиты Сергеевича. К сожалению, яблоко не смогло далеко откатиться от яблони»⁵⁹. Кulta, возможно, еще и не было, но организованное славословие третьего «вождя» уже существовало.

Лозунг Хрущева, провозглашенный им весной 1957 года: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла, молока на душу населения», оказался, естественно, авантюрным, тем более что эту задачу планировалось решить уже к 1970 году... Хрущев и его советники ошибочно решили, что за счет резкого сокращения индивидуального животноводства и усиления общественного можно достичь желаемого. В свете этой установки, закрепленной июньским пленумом ЦК КПСС (1957 г.), начались конкретные действия. Так, в частности, 20 августа 1958 года бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

Реализация этого дикого, совершенно абсурдного постановления имела тяжелые последствия. Резко ухудшилось снабжение людей продуктами животноводства, стало нарастать недовольство граждан. Чтобы как-то справиться с ситуацией, ЦК КПСС совместно с Советом Минист-

ров СССР принимают 31 мая 1962 года постановление о повышении цен на мясо, мясные продукты и масло. Вместе «догнать и перегнать» коммунистические власти вынуждены этим постановлением фактически расписаться в своей несостоятельности. Глухое недовольство населения приняло более активные формы. Как свидетельствуют донесения КГБ, в Москве, Киеве, Магнитогорске, Иванове, Челябинске, Тамбове, Донецке, Ленинграде, Владимире, Загорске, Тбилиси, Фрунзе, Нижнем Тагиле, других городах стали раздаваться призывы к забастовкам в знак протеста против повышения цен. Невиданное дело в советских условиях! На улицах появились рукописные листовки и плакаты, тайком развешанные неизвестными лицами. Но самой внушительной демонстрацией протеста против внутренней политики правительства явились кровавые события в городе Новочеркасске.

1—3 июня 1962 года на электровозном заводе Новочеркасска начались стихийные волнения рабочих, которые прекратили работу и выдвинули лозунг: «Мяса, молока, повышения зарплаты». Собравшиеся перед заводоуправлением выдвигали только экономические требования. Три дня рабочие бастовали, требуя повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта. Толпа бастующих, собиравшихся на заводском дворе, достигала четырех-пяти тысяч. Местные партийные власти, естественно, вызвали войска, танки. Но рабочих электровозного завода поддержали на других предприятиях города.

Председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный доложил в ЦК: «В 9 часов 50 мин. все вольницы (около 5000 человек) покинули территорию заводов и двинулись в сторону гор. Новочеркасска, просочившись через первый танковый заслон. Впереди основной колонны они несут портрет В.И. Ленина и живые цветы⁶⁰. В донесениях спецслужб появились утверждения о хулиганствующих, преступных элементах, распространяющих «провокационные» лозунги: «мяса, молока, повышения зарплаты».

По указанию Н.С. Хрущева, в Новочеркасск срочно прилетел один из влиятельных членов Президиума ЦК Ф.Р. Козлов, который обратился по радио к жителям города: «Вчера в Москве в своей речи*, которая передавалась

*Хрущев 2 июня 1962 года выступал в Москве на митинге советской и кубинской молодежи.

по радио, Н.С. Хрущев с большой убедительностью, с присущей ему прямоотой объяснил, почему партия и правительство приняли решение о повышении цен на мясо и мясные продукты»⁶¹. Далее, естественно, говорилось о необходимости получения средств для вложения в промышленность, жилищное строительство, оборону. Нельзя «забывать о том, что империалисты снова грозят советскому народу войной...».

Около горкома партии начались стычки с милицией. Толпа «срывала портреты» (надо думать, членов Президиума (политбюро)). Митинг проходил под красным знаменем и портретом Ленина, что было расценено КГБ как «провокация». По митингующим рабочим войсками был открыт огонь на поражение... Пролилась кровь. Было убито 23 человека, десятки ранены; все рабочие и учащиеся. «Захоронение трупов, — докладывал Н.С. Хрущеву В.Е. Семичастный, — произведено на пяти кладбищах области. Органами госбезопасности... проводятся мероприятия по выявлению наиболее активных участников беспорядков и аресту их. Всего арестовано 49 человек...»⁶²

Этого показалось мало. По инициативе КГБ в течение недели в Новочеркасске прошел «открытый судебный процесс», на котором поочередно присутствовало около пяти тысяч представителей разных заводов. Семьсот «преступников» были приговорены к расстрелу, остальные получили по 10—15 лет лишения свободы.

Как информировал заместитель председателя КГБ П.И. Ивашутин, приговор нашел «одобрение трудящихся». Приводились наиболее характерные высказывания рабочих (указаны конкретные фамилии) после оглашения приговора: «Собакам собачья смерть!», «Хорошо дали гадам, чтобы другим неповадно было», «Приговор вынесен правильный, таких и надо расстреливать»⁶³.

Этому донесению вторил доклад заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В.И. Степакова: «Судебный процесс сыграл большую воспитательную и профилактическую роль... В зале суда неоднократно раздавались аплодисменты, когда речь шла о применении к преступникам самых суровых мер наказания...»⁶⁴

Это был сталинский аккомпанемент хрущевским реформам. Люди после XX съезда партии почувствовали некоторые послабления; стали чаще говорить, что думают,

проявлять свободомыслие. Ну а стихийную забастовку утопили в крови. Хрущев не смог понять, что полусвобода обманчива, эфемерна. Не только третий «вождь» был еще в плену ленинских догм, но и забастовавшие рабочие несли портрет Ленина. Хрущев разоблачил наиболее одиозного лидера ленинской системы, совершенно не тронув самого большевистского монолита.

Разумеется, страна долгие три десятилетия ничего не знала о новочеркасской трагедии. Как и о многих других «нежелательных» событиях. Вроде крупной радиоактивной катастрофы под Челябинском, гибели линейного корабля «Новороссийск», катастрофе на Байконуре...

29 октября 1955 года Хрущеву доложили, что в Севастопольской бухте в результате непонятного взрыва затонул линейный корабль «Новороссийск». Почти трехчасовая ночная борьба не дала результата, и полученный по репарациям из Италии в 1949 году линкор «Джулио Чезаре», переименованный в «Новороссийск», пошел ко дну. В бухте главной базы Черноморского флота... Погибло 603 моряка.

Хрущев был в гневе, выговорил немало обидных слов министру обороны и приказал «разобраться». Разобрались. Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Адмирал Флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов, к слову, находившийся во время катастрофы на лечении, был понижен в воинском звании до вице-адмирала (второй раз в своей жизни), «полетели» с должностей и другие адмиралы⁶⁵.

Это была большевистская практика: за промахи, просчеты, чрезвычайные происшествия наказывали снизу доверху. Все обращения опального адмирала к Хрущеву, а затем, после его смерти, жены, В.Н. Кузнецовой, и известных военачальников к «очередным» генсекам — Брежневу, Андропову, Черненко — встречали холод непонимания. Лишь М.С. Горбачев способствовал тому, чтобы в конце концов справедливость в отношении известного флотоводца Н.Г. Кузнецова восторжествовала.

Хрущев, как известно, был увлечен ракетостроением. Готовилось испытание новой ракеты, созданной в ОКБ М. Янгеля. Выявились перед пуском неполадки. Но Москва знала о предстоящем пуске. Торопила. Прямо на запущенной ракете «устранили» неполадки. Вечером 24

октября 1960 года, перед пуском, произошла катастрофа. Ракета взорвалась на земле, обжвав пламенем сотни людей на площадке. Сгорел в адском огне главный маршал артиллерии Неделин Митрофан Иванович, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения, и с ним несколько крупных конструкторов ракетной техники.

Через день в газетах сообщили, что маршал М.И. Неделин погиб в авиационной катастрофе.

Большевистская традиция заменять правду ложью стала органической, неотъемлемой частью ленинской системы.

Хрущев при всей его неординарности, смелости, склонности к новаторству, переменам был тем не менее сыном своего времени. Десятилетия сталинской эпохи не могли пройти бесследно. Никита Сергеевич крепко усвоил замашки высшего руководителя тоталитарного типа: беспелляционность, категоричность, самоуправство, показуха, если нужно, жестокость. Верно понимая, что экономика нуждается в глубоком реформировании, он, однако, пытался менять лишь форму управления и хозяйствования, мало затрагивая ее сущностные параметры. Так же как и раньше, процветал директивный стиль управления, абсолютизация указаний «Первого», доминирование парторганов, произвол в кадровой политике. Стоило кому-либо в чем-нибудь не угодить Хрущеву, следовало перемещение руководителя на низшую должность. Так, например, он поступил с секретарем Тульского обкома О.А. Чукановым, секретарем ЦК А.Б. Аристовым, заместителем председателя Госплана Н.И. Смирновым, другими лицами. Хрущев считал себя вправе единолично решать кадровые вопросы.

Хрущев верно уловил приход времени реформ. Но попытался их осуществить старыми бюрократическими, административными методами.

Первый секретарь и Председатель Совмина очень много выступал: на съездах, пленумах, совещаниях, собраниях различных активов, научных конференциях, коллегиях, заседаниях всевозможных советов и т.д. Он не знал меры. Готов был говорить и учить по любому поводу: важности внедрения кукурузы и перспективам развития космоса, архитектуре и ракетным темам, об изобразительном творчестве и актуальных международных вопросах. И везде счи-

тал себя вправе менторствовать, поучать, утверждать. Например, во время посещения ООН в 1960 году менее чем за месяц успел наговорить там более чем на 300 страниц текста!

У Хрущева сложилась манера: делать частые отступления от подготовленного референтами материала и украшать свою речь народным фольклором. Тут была и знаменитая «кузькина мать» и кое-что похлеще. У Хрущева было правило: перебивать ораторов, бросать им реплики, задавать по ходу выступлений самые различные вопросы. На форумах от него можно было ждать всякого.

Но импульсивным Хрущев был и раньше. Сохранилась, например, стенограмма совещания по улучшению руководства сельским хозяйством, проведенного Московским комитетом партии в 1950 году.

Доклад сделал секретарь МК С.С. Морсин. Но желающих выступить в прениях оказалось лишь два человека. Тогда Хрущев жестко заявил:

— Записывайтесь. Если не будете записываться, мы будем назначать ораторов. Мы не дадим отмолчаться. Если нужно будет неделю сидеть, будем сидеть, но кого надо — выслушаем...

Слово взял директор одной из МТС Золотов, озабоченный наличием в районе огромного количества навоза, зараженного бруцеллезом.

— Сейчас, в момент паводка, — говорил директор, — навоз может нести заразу до самого Каспийского моря...

Хрущев тут же среагировал:

— Это, товарищ директор, не главное. Если имеется опасность заразы разносить, давайте это вынесем за скобки обсуждения. А то зацепились за бруцеллезный навоз и будем сидеть на куче навоза...

Золотов тактично возразил Хрущеву, что было по тем временам неслыханной дерзостью. На директора посыпался град вопросов, обидных реплик. Наконец на какой-то мелочи Хрущев «ущучил» оратора. Это обрадовало первого секретаря МК, и он торжествующе подвел черту полемике:

— Пришел тут чепуху рассказывать о бруцеллезе, о навозной куче. Давайте отчет. Вы думаете речь держать? Речь и мы можем говорить. Мы ораторы натренированные...

Что правда, то правда. Хрущев как оратор был неистощим. Все газеты почти ежедневно были заполнены его речами, пресс-конференциями, докладами. Их уже мало читали. Но первый секретарь видел в такой своей активности высокую возможность влиять на «массы», на реформы, которые он пытался осуществить. Не случайно его недруги подсчитали и использовали этот факт при снятии Хрущева с высокого поста — в течение года периодическая печать публикует более тысячи фотографий лидера партии...

Одной из приоритетных областей, находившихся в поле зрения Н.С. Хрущева, были Вооруженные Силы, их оснащение ракетно-ядерным оружием. Первый секретарь лично принимал генеральных конструкторов оружия, крупнейших ученых, организаторов производства оружия, руководителей военного производства. Правительство не жалело денег на эксперименты, на испытания, на космическую программу. В военных сферах Хрущев мог гордиться: успехи были налицо. Это дало ему основание заявить 17 октября 1961 года на XXII съезде:

— Поскольку я уже отвлекся от текста, то хочу сказать, что очень успешно идут у нас испытания и нового ядерного оружия. Скоро мы завершим эти испытания. Очевидно, в конце октября. В заключение, вероятно, взорвем водородную бомбу в 50 миллионов тонн тротила. (*Аплодисменты.*) Мы говорили, что имеем бомбу в 100 миллионов тонн тротила. И это верно. Но взрывать такую бомбу мы не будем потому, что если взорвем ее даже в самых отдаленных местах, то и тогда можем окна у себя повредить. (*Бурные аплодисменты.*)⁶⁶

От этих слов, вызвавших «бурные аплодисменты» зала, веет смертельным холодом. Реформатор, как и все мы тогда, не понимал, что не на пути чудовищной гонки вооружений сможем обрести безопасность. Правда, Хрущев тут же оговорился, выразив надежду, что никогда такие бомбы не придется взрывать над какой-либо страной.

С особой гордостью Хрущев доложил съезду, что «первооружение Советской Армии ракетно-ядерной техникой полностью завершено. Наши Вооруженные Силы располагают теперь таким могучим оружием, которое позволит сокрушить любого агрессора...»⁶⁷.

Конечно, докладчик на съезде ничего не говорил (даже

«отвлекаясь») о цене такого прорыва в ракетно-ядерной области. Все это в конечном счете достигалось ценой крайне низкого уровня жизни советских людей. Никогда не говорилось об авариях на радиохимических заводах Министерства среднего машиностроения (занимавшихся разработкой и производством ядерного оружия). Хрущев, например, не доложил делегатам, что 29 сентября 1957 года на комбинате № 817 произошел мощный взрыв подземного бака-хранилища (объем 250 куб.м.) радиоактивных растворов, получаемых при производстве оружейного плутония. Перегрев радиоактивных растворов произошел, по заключению комиссии, из-за грубого нарушения режима охлаждения баков.

В результате взрыва загрязненной оказалась значительная часть территории строительства нового радиохимического завода на комбинате, жилые строения военно-строительных частей и крупный лагерь заключенных. В зону загрязнения радиоактивными продуктами попали деревни Челябинской области Бердяники, Сатлыково, Голикаево, Кирпичики, Юго-Конево, Богорак и некоторые другие. В докладе министра среднего машиностроения Е.П. Славского Президиуму ЦК КПСС отмечается: «Все заводы комбината после взрыва работу не прекращали».

Хрущев и члены Президиума ознакомились с запиской о чрезвычайном происшествии от 19 октября 1957 года (через двадцать дней после взрыва!) и поручили принять необходимые меры Совмину. В свою очередь правительство страны обсудило этот вопрос лишь 12 ноября (!), спустя почти полтора месяца после тяжелейшей аварии. Принято решение переселить жителей лишь четырех населенных пунктов в новый район до 1 марта 1958 года! А пока можно было медленно умирать. Это было зловещим колоколом будущего Чернобыля, который не позволили услышать.

Директора, главные инженеры получили выговоры... А Президиум ЦК, правительство были озабочены лишь тем, как скрыть случившееся. Не случайно, что вся документация: протокол № 118 заседания Президиума ЦК от 19 октября 1957 года, постановление СМ СССР от 12 ноября 1957 года № 1282/587, другие материалы упрятаны в «Особые папки» и дела с грифом «совершенно секретно»⁶⁸.

Система продолжала функционировать по сталинским нормам. Для нее жизнь отдельного человека по-прежнему была не более чем статистической единицей. Хрущев, мужественно восставший против всевластия диктатора, не изменил коренным образом своих взглядов на ценность отдельных личностей, их прав и свобод. Он так никогда полностью и не освободится от сталинского тоталитарного клейма. Главное — результат, итог, достижение конкретной политической, технической цели, а человек всегда на втором плане.

Этой методологией мышления можно объяснить и согласие Хрущева на предложение маршала Г.К. Жукова о проведении «натурных» учений с реальным применением атомной бомбы на Тоцком полигоне Оренбургской области. Опытное учение состоялось 14 сентября 1954 года в районе, достаточно густонаселенном. Подготовка велась на протяжении более чем полугода. Решили испытать, как перенесут взрыв животные, помещенные в танки, блиндажи, окопы, расположенные на различных расстояниях от эпицентра взрыва; насколько надежны инженерные сооружения (в том числе «кусок» мстрополитена, специально построенный в районе взрыва); какова будет степень зараженности местности, людей, которые через один час после удара пройдут в бронированных машинах через пораженный район.

Через несколько дней после атомного эксперимента Г.К. Жуков докладывал Хрущеву об итогах учения, которые были оценены очень высоко. За неделю до учений Хрущев стал, к чему он стремился, первым секретарем. Это было ему подарком в памятный сентябрь 1954 года.

Не знаю, видели ли руководители учения горящих птиц в небе, но это, как рассказывали мне очевидцы, картина жуткая. Возможно, такие комплексные испытания и были нужны. Но додуматься проводить их чуть ли не в центре России?!

Ядерный заряд взорвался на высоте 350 метров над землей. Мне довелось побывать на Тоцком полигоне некоторое время спустя. Вид оплавленной, вспученной и сдвинутой с места земли, сомкнувшихся траншей и размочаленных остатков мощных деревьев производили впечатление апокалиптического действия враждебных инопланетян...

По существу, и внутренний движитель космических ис-

следований был военным. Не случайно большинство космонавтов — офицеры и запуск космических кораблей — занятие военных.

Хрущев уделял огромное внимание космосу и космонавтам, своим любимцам. У него на даче бывали Королев, Глушко, другие конструкторы. Хрущев любил этих людей, которые вывели СССР в космические дали и сделали страну ведущей в этой области. На космос не жалели денег, тем более что там работал цвет инженерной, технической интеллигенции и достижения в космосе давали не только большую военную отдачу, но и огромный пропагандистский эффект.

Слово «спутник» стало в пятидесятые годы таким же популярным, как в восьмидесятые «перестройка». Хрущев напряженно ждал первого полета человека в космос: волновался, нервничал, без конца звонил конструкторам, организаторам этого исторического полета.

В начале апреля 1961 года Хрущев находился в Пицунде. Сохранилась его диктовка 11 апреля, которую он сделал для передачи членам Президиума. «Завтра, как говорится, если все будет благополучно, то в 09 часов 07 минут будет запущен космический корабль с человеком. Полет его вокруг Земли займет полтора часа, и он должен приземлиться. Мы хотели бы, чтобы все было благополучно. Послезавтра его доставят в Москву. Намечался полет на тринадцатое число, но поддались суеверию. Встретим на Внуковском аэродроме со всей парадностью... Это эпохальное событие...»

После этого Хрущев продиктовал основные идеи обращения ЦК к народу. Здесь весьма знаменательна фраза, произнесенная Хрущевым: «Эти достижения являются не только достижением нашего народа, но и всего человечества»⁶⁹. Очень глубокое и верное замечание, свидетельствующее, что, хотя Хрущев часто выглядел простачком, иногда даже разыгрывал из себя «обычного мужика», он обладал глубоким природным умом и был способен во многих случаях понять «философию эпохи».

12 апреля Королев позвонил Хрущеву и кричал в телефонную трубку осипшим от усталости и волнения голосом:

— Парашют раскрылся, идет на приземление. Корабль в порядке!

Речь шла о приземлении Гагарина. А. Аджубей, зять Хрущева, вспоминал, что Хрущев все время переспрашивал:

— Жив, подает сигналы? Жив? Жив?

Никто тогда не мог сказать точно, чем кончится полет. Наконец Хрущев услышал:

— Жив!⁷⁰

У народа навсегда остался в памяти тот космический триумф, хотя на протяжении почти двух десятилетий — «времени Брежнева» — нас всех уверяли, что именно он, Леонид Ильич, главный организатор незабываемых достижений.

Прием в Кремле состоялся 14 апреля. Что говорят первые лица в партии и государстве, теперь скрупулезно фиксировалось. Архивные листы сообщают, что в конце приема подвыпивший Хрущев в который раз провозгласил тост:

«...Вот так Юрка! Пусть знают все, кто точит когти против нас. Пусть знают, что Юрка был в космосе, все видел, все знает... (Аплодисменты.) И, если надо еще полететь, если ему нужно подкрепление, может другого товарища взять, чтобы лучше рассмотреть... За Юру, за которого мы уже пили, я еще предлагаю тост!

Предлагаю выпить за товарища Юру Гагарина, за всех ученых, инженеров, рабочих, колхозников, за весь наш народ и за вас, дорогие гости — послы стран, которые аккредитованы при нашем правительстве. За Ваше здоровье!»⁷¹

Совсем не случайно, что жизнь Н.С. Хрущева так богата неповторимыми, уникальными событиями. Полувырвавшись из плена догматических представлений, распахнув шире окно в окружающий мир, поломав многие партийные стереотипы, он пережил (а вместе с ним и великий народ) множество волнующих и незабываемых событий. Некоторые из них радовали людей, другие заставляли вполголоса говорить: и когда кончится эта болтовня?! То о кукурузе, то о совнархозах, то о целине...

Печать неповторимой хрущевской личности лежит на множестве событий: берлинском, суэцком и карибском кризисах, целом веере экономических реформ в стране, примирении с Тито и ссоре с Мао, неожиданной опале самого прославленного советского полководца Г.К. Жукова, создании бесчисленного множества хрущевских пяти-

этажек, давших кров миллионам людей. Событий, связанных с человеком, с явным «переигрыванием», сделавшим целую политику на сбитом шпионском самолете У-2, обещавшим привести советский народ к началу восьмидесятих годов в землю обетованную — коммунистический рай... Может быть, поэтому он решительно поддерживает все общественное: колхозный скот, профсоюзные пансионаты, пункты проката автомобилей, агрогорода и всячески борется с частной личной собственностью, не без усматривая в ней непреодолимую преграду на «столбовой дороге человечества».

Импульсивный реформатор одновременно «добивал» культ личности. За день до закрытия XXII съезда, 30 октября 1961 года, по инициативе Хрущева партийный форум принимает постановление: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, т.к. серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в мавзолее В.И. Ленина»⁷².

И в то же время пытается спрятать в пропасти истории некоторые наиболее страшные злодеяния Сталина и Системы.

Председатель Комитета государственной безопасности А. Н. Шелепин доложил 3 марта 1959 года Хрущеву предложение о том, что следует уничтожить «учетные дела и другие материалы на расстрелянных в 1940 году 21 857 польских офицеров, жандармов, полицейских, осадников и др.».

«Для советских органов все эти дела, — пишет Шелепин, — не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности... Наоборот, какая-либо неподвижная случайность сможет привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия о расстреле поляков немецко-фашистскими захватчиками»⁷³.

Вместо того чтобы сделать достоянием советской и мировой общественности факты страшных злодеяний Сталина и Системы в отношении, в частности, поляков, Хрущев соглашается с дальнейшим их сокрытием... Вплоть до

1992 года высшие руководители от Сталина до Горбачева врвали, изворачивались в вопросе, который многими про nicательными исследователями был давно доказан: мас совые убийства в Катyни — дело рук сталинской верхуш ки.

Печать этой противоречивой личности лежит на всем, к чему он прикасался, чем занимался, нередко повергая людей в состояние недоумения и непонимания.

10 июля 1956 года Хрущев встретился с делегацией ита льянской компартии: Джанкарло Пайетой, Челесте Не гарвиле и Джакомо Пеллегрини. Беседа, а скорее, моно лог Хрущева продолжался с 10. 30 до 17. 00... Шесть с по ловиной часов.

Хрущев, естественно, немало говорил о решениях XX съезда КПСС, но касался и множества других вопросов.

Вдруг, без видимой связи, первый секретарь перешел к проблеме антисемитизма. «Из наших тюрем, — сказал Хрущев, — было освобождено и направлено в Польшу много польских коммунистов-евреев... Эти люди ведут се бя в Польше отвратительно и усиленно продвигают своих людей в руководящие органы партии и государства». Ве дут они себя, подчеркнул Хрущев, — «нахально».

Высокий советский собеседник не скрыл, что когда ста ли избирать вместо умершего Б. Берута первого секрета ря ПОРП (а Хрущев присутствовал на пленуме в Варша ве), то склонялись к кандидатуре Замбровского. Хрущев, однако, прямо заявил, что «хотя т. Замбровский хороший и способный товарищ, однако в интересах Польши надо выдвинуть поляка...». Мол, иначе на «основные руководя щие посты будут назначены евреи».

Итальянцы, слушая Хрущева, подавленно молчали. Коснулся первый секретарь и вопроса выборов в СССР: почему у нас не выдвигаются на одно место несколько кандидатур. «Мы придерживаемся мнения, — заявил Хру щев, — что и впредь следует выдвигать одного кандида та». У нас нет других партий, а «создавать их — значит пойти на уступки буржуазии»⁷⁴.

Стереотипы сталинского мышления по-прежнему дер жали в своих тисках третьего «вождя» КПСС и СССР.

Таков был Хрущев: смелый и непоследовательный, им пульсивный и непредсказуемый, готовый взяться за изме нения, реформы в любой области. Не устоял он и перед соблазном «воспитать» творческую интеллигенцию. В

1957 году состоялась первая встреча Хрущева с деятелями культуры, затем было еще две. Вероятно, это хорошо, когда первое лицо в государстве общается с «производителями» духовных ценностей. Но встречи Хрущева в своей основе демонстрировали его неудачу не просто из-за собственной невысокой культуры, а прежде всего и потому, что он, как и Сталин, уверовал: партийный лидер может быть судьей и прокурором в оценке любых явлений и процессов, и в том числе творчества мастеров искусств и литературы. Все его речи перед писателями и артистами были до предела политизированными и идеологизированными. Вот несколько фраз из его тезисов, сохранившихся на отдельных листочках «проекта» выступления Хрущева 8 марта 1963 года:

— Классовые враги в сталинское время были; они применяли саботаж, вредительство, тайные убийства, террористические акты и мятежи. Бухарин, Рыков, Томский, если бы победили, то это привело бы к реставрации капитализма.

— Эренбург пишет о революции и всей советской действительности как наблюдатель.

— В Будапеште клуб «Петефи» выступал за сосуществование идеологий, а закончилось все мятежом. Москва не Будапешт, здесь не будет такого начала, а следовательно, и такого конца.

— Абстракционизм и формализм есть одна из форм буржуазной идеологии...⁷⁵

Хрущев выступал в творческой сфере фактически защитником неосталинизма. Попытки одернуть людей с их свободомыслием сурово отомстили ему: он лишился поддержки значительной части интеллигенции.

Импульсивный реформатор терял поддержку не только у интеллигенции. На него ополчились прежде всего сами партийные функционеры и государственные бюрократы. Слово «Хрущев» тут же вызывало жаркие споры; никто не относился к нему равнодушно. Правда, к концу своей государственной и партийной деятельности Хрущев сильно растерял популярность. Его страсть к переменам, новому, экспериментам все чаще наталкивалась на стену глухого неприятия и недовольства.

Но человеческое бытие таково, что окончательную оценку жизненного пути деятелей такого масштаба дает

только История. А ее вердикт не подлежит обжалованию...

Революционная дипломатия Хрущев привнес нечто новое и в советскую дипломатию. Ленин не успел, став Председателем Совета Народных Комиссаров, побывать за рубежом, где он долгие годы прожил как эмигрант. Сталин во время Второй мировой войны дважды покинул Москву, чтобы в Тегеране и Потсдаме встретиться с лидерами западного мира. Предшественники Хрущева были «домоседами».

Первый секретарь партии быстро поразил дипломатический и журналистский мир своими экстравагантными, эксцентричными пропагандистскими выходками во время своих многочисленных визитов в зарубежные столицы. Например, Запад был поражен, когда Хрущев осенью 1960 года отправился на XV сессию Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорк на теплоходе «Балтика», совершив многодневное путешествие. К тому же на американском берегу Хрущев пробыл почти месяц: с 19 сентября по 13 октября 1960 года, выступив около десяти раз на Ассамблее ООН...

Дипломатия Хрущева была сугубо большевистской, воинственно-агрессивной, хотя первый секретарь все свои нападки на «империалистическую политику» вел с позиций сохранения мира.

Вот характерные эпизоды.

Приехав в Париж в 1960 году на встречу глав правительств СССР, США, Англии и Франции, Хрущев, войдя в зал заседаний, уклонился, чтобы не пожать руку американскому президенту Эйзенхауэру. После открытия встречи слово взял Хрущев. В своей книге «Памятное» А.А. Громыко вспоминал, что Никита Сергеевич произнес лишь одну фразу:

— Совецание может начать свою работу в том случае, если президент Эйзенхауэр принесет свои извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса (сбитого 1 мая советскими ракетчиками около Свердловска).

Эйзенхауэр, как пишет Громыко, еле слышным голосом, скорее для себя, чем для других, заявил:

— Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват⁷⁶.

После минуты молчания главы правительств покинули

В шахте московского метро. 1935 г.

*На принятии военной присяги. Слева — С.К. Тимошенко.
Киев. 1939 г.*

*В президиуме X съезда комсомола. 1936 г.
На командном пункте. 1943 г.*

На главной улице Киева — Крещатике. 1946 г.

*Обсуждение проекта строительства Академгородка.
Новосибирск. 1959 г.*

Главный культуролог СССР Е.А. Фурцева и Н.С. Хрущев в Кремле

С Юрием Гагариным. Красная площадь, 1961 г.

*На концерте американского пианиста Вана Клайберна. 1958 г.
В гостях у Михаила Шолохова*

*С олененком, подаренным пионерами пионерского лагеря «Энбекеш».
Справа — Д.А. Кунаев. Казахстан. 1961 г.*

*Дорогому гостю — венок из кукурузы. Колхоз «Радляньска Україна».
1963 г.*

Празднование 70-летия Хрущева в Кремле. Слева — Вальтер Ульбрихт. 17 апреля 1964 г.

На выставке горнодобывающей техники и оборудования. Сталино (Донецк). 1956 г.

Визит во Францию. Приветствие жителям Вердена. 1960 г.

С Мао Цзэдуном. Слева — Н.А. Булганин. Пекин. 1954 г.
Отъезд из Берлина. 1961 г.

С Фиделем Кастро в Абхазии. 1963 г.

Н.С. Хрущев вручает президенту США Дуайту Эйзенхауэру копию вымпела, доставленного советской ракетой на Луну. Вашингтон. 1959 г.

С президентом Египта Гамаль Абдель Насером в Каире. 1964 г.

*Любимец пенсионера Хрущева — ручной грач Кава
В окрестностях подмосковной дачи в Петрово-Дальнем. 1968 г.*

С дочерью Радой. 1970 г.

Памятник Хрущеву на Новодевичьем кладбище в Москве

зал. Встреча не состоялась. Затем Хрущев давал заключительную пресс-конференцию. Сделав традиционное заявление, Хрущев передал бумажки Громыко и в ответ на недружественное гудение и выкрики значительной части журналистов разразился длинной, совершенно неожиданной тирадой. Приведу ее, хотя она и весьма пространна, но в советской печати дана лишь в изложении.

«...Господа, я прошу извинить меня, но хочу сразу ответить той группе, которая здесь «укает». Меня информировали, что канцлер Аденауэр прислал своих агентов, недобитых нами под Сталинградом, которые шли в Советский Союз с «уканием». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь. Мы вас били под Сталинградом, на Украине, в Белоруссии — и добили. Если же остатки будут «укачать» против нас и будут опять готовить нападение, то мы так «укнем», что...

...Эти люди без перевода понимают русский язык. Это гитлеровские грабители, которые были на территории Советского Союза, но которым удалось унести ноги недобитыми...

Я являюсь представителем великого советского народа; народа, который совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию под руководством Ленина; народа, который с успехом строит коммунистическое общество, идет вперед, к коммунизму.

Если вы на меня «укаете», этим вы мне только бодрость придаете в моей классовой борьбе...

Я, господа, не скрою от вас своего удовольствия — люблю драться с врагами рабочего класса. Приятно мне слушать, как беснуются лакеи империализма, но ничего сделать не могут...»⁷⁷

В этой тираде — весь «международный» Хрущев: воинственный, невежественный, непримиримый, агрессивный.

Это «выступление» Хрущева перед журналистами сопровождалось веселым оживлением, аплодисментами, смехом, выкриками самого разного содержания: одобрительными и враждебными. Хрущев «накалил» зал и перешел к ответам на вопросы. Ответы его были выдержаны в том же вульгарно-пропагандистском тоне: «Мы протерли глаза империалистам», «Моя мать, если кот слижет сметану, брала кота за уши и трепала, потом носом тыкала... Нльзя ли американских империалистов взять и по-

трепать за уши?», «Президент Эйзенхауэр предложил, чтобы мы друг к другу обращались «май фрэнд»... Но что-то от этого «друга» запах совсем не тот, воровской...», «Рабочий класс у вас, конечно, за социализм, но он подавлен и находится в угнетении...», «Американцы (самолет Пауэрса) заглянули в чужой огород, рыло сунули империалисты, мы им в рыло и двинули...», «К 1965 году ни один рабочий, ни один служащий в Советском Союзе не будет платить налогов...»⁷⁸.

Хрущев был остроумен, но эти остроты были слишком плоскими, вульгарными. В результате его «красноречия» сформировался определенный имидж третьего «вождя».

...Первый секретарь 4 июля 1961 года был на приеме в посольстве США. Его, конечно, окружили иностранные корреспонденты. Начался разговор о ракетной технике. Американский корреспондент Шапиро сказал, что его секретное оружие — авторучка. Н.С. Хрущев в ответ сказал:

— У меня секретное оружие — язык.

Кто-то из иностранцев заметил, что главное оружие — голова, мозги. Хрущев оживился и рассказал, что во время его недавнего пребывания в Алма-Ате ему преподнесли за обедом, как и полагается почетному гостю, баранью голову. Гость, по традиции, раздает кусочки другим.

— Я, — сказал Хрущев, — отрезал ухо и глаз и отдал их руководителям Казахстана. Затем объявил:

— Есть мозги! Кому мозги?

Все молчали, а академик Лаврентьев не растерялся и ответил: «Дайте мне мозги».

— Академику действительно нужны мозги, — заметил Хрущев. — А я работаю Председателем Совета Министров, я и без мозгов проживу.

Шапиро вновь спросил, почему им не разрешают посещать некоторые объекты.

Хрущев, улыбаясь, громко сказал:

— Вероятно, потому что Вы клеветник, клеветник, агент капитала!⁷⁹

Комментировать это красноречие трудно. Дело даже не в плоских, примитивных вульгаризмах ответов Хрущева, а в том крайне упрощенном, элементарном понимании им окружающей социальной действительности, слепой вере в «преимущества» строя, который он представлял. Своей грубой прямоотой, агрессивной пропагандистской риторикой

кой, моральным цинизмом Хрущев, по сути, помогал лидерам западных стран мобилизовывать дополнительные силы на борьбу с СССР. Его заявления: «Мы вас закопаем», что дело «ликвидации капиталистической системы вопрос времени» наводили ужас на обывателей, давали убийственные козыри антисоветской пропаганде. Когда Хрущев, находясь в Америке, заявил, что в СССР производство ракет поставлено на поток и что они сходят с конвейера, «как колбасы», это ошеломило среднего американца. Пожалуй, никто так не подыграл тезисам о «советской военной угрозе», как сам Хрущев. Феномен «ракетных колбас», к слову говоря, помог Кеннеди победить Никсона на президентских выборах. Кеннеди всячески обыгрывал идею «отставания США от СССР в ракетостроении». Хрущев дал аргументы для этих утверждений, далеко не соответствовавших истине.

Во внешней политике первый секретарь придерживался весьма простых, «коминтерновских» принципов. Всемирная поддержка «лагеря социализма» и всех тех стран, которые могут пойти по этому пути. В отношении развивающихся стран — стремление помочь им занять антиимпериалистическую позицию с постепенным осознанием социалистической перспективы. Этот принцип, его реализация обошелся СССР с хрущевских времен в десятки миллиардов долларов без видимого, заметного успеха. И наконец, отношения с капиталистическими странами исходили из возможности утвердить мирное сосуществование как норму международной жизни. Но для Кремля, как это было зафиксировано в программных документах, мирное сосуществование было не чем иным, как специфической «формой классовой борьбы», тактическим приемом с целью выиграть время. Ведь до самой перестройки ЦК партии в своих тезисах твердило о «неизбежной победе социализма во всемирном масштабе».

Хрущев в своих выступлениях перед западными журналистами часто развивал эту идею. Например, 18 мая 1960 года он заявил в Париже: «Наше дело верное, дорога наша проложена правильно. Курс мы держим на строительство коммунизма и будем шествовать под своим марксистско-ленинским знаменем, а вы тоже пойдете за нами, но уже в хвосте. Мы вас за это упрекать не будем, а станем помогать и делиться опытом социалистического строительства...»⁸⁰

Эти ленинские установки внешней политики, революционные по существу, разделялись не только Хрущевым, но и почти всеми последующими генсеками. Хрущев во время своего знаменитого плавания на «Балтике» в Нью-Йорк прихватил с собой лидеров трех социалистических стран: Яноша Кадара, Георге Георгиу-Дежа и Тодора Живкова. В плавании оттачивалась идея, которая прозвучала из уст советского лидера на Генеральной Ассамблее. Первый секретарь и Председатель Совета Министров СССР требовал в речи, чтобы ООН отразила в своей структуре трехполюсность мира. Фактически Хрущев предлагал ревизовать Устав ООН и избрать трех генеральных секретарей вместо одного от каждой группы стран: социалистической, капиталистической и развивающегося мира.

Еще 14 сентября, за пять дней до швартовки в нью-йоркском порту, Хрущев диктовал в своей каюте дополнительные идеи речи, которая прозвучит с трибуны ООН 23 сентября 1960 года. Здесь, в каюте, внимали своему патрону соратники: Н.В. Подгорный, К.Т. Мазуров, А.А. Громыко. Хрущев, отказавшийся от ходьбы при качке турбоэлектрохода, усевшись в кресло, отрывисто бросал помощнику:

— Надо сказать о недопустимости навязывания воли большинства меньшинству.

Резче отметить односторонность действий аппарата ООН.

Генеральный секретарь господин Хаммаршельдт управляет колонизаторской политикой ООН.

Стоит подумать, чтобы ООН перевести (штаб-квартиру) в Швейцарию, Австралию или СССР.

В ответ на ноту США «надо действовать наоборот: они на нас злом, а мы добром. В зубы дал и сказать извините, я этого не хотел сделать, но войдите в мое положение, я был вынужден это сделать, потому что Вы зубы подставили...»⁸¹

Дальше диктовка Хрущева была посвящена его любимой и нелепой теме в ООН: «тройке», то есть требованию ввести, избрать трех генеральных секретарей в этой универсальной международной организации. Нетрудно представить, что реализация этого предложения просто парализовала бы всемирную организацию.

Изредка реплики подавал Громыко; Мазуров и Подгор-

ный слушали молча. Как известно, первоначальный вариант речи, который подготовили в Москве и взяли с собой в морское путешествие, претерпел очень крупные изменения благодаря личным диктовкам Хрущева. Вообще этот человек, став на старости лет главным лидером в СССР, продемонстрировал поразительную работоспособность и приверженность к переменам, без которых он, кажется, обходиться уже не мог. Он увлекался всем: гидропоникой, кукурузой, ракетами, космосом, сокращением армии, «воспитанием» интеллигенции, созданием совнархозов, целиной, массовым строительством пятиэтажек, бесконечной критикой Сталина, административными кадровыми перетрясками и многим, многим другим.

Поэтому естественно, что речь, подготовленная к выступлению в ООН, к ужасу Громыко, каждый день в ходе плавания претерпевала все новые и новые изменения. Но нельзя было быть уверенным, что двухчасовая с «хвостиком» речь не будет прямо на трибуне всемирной организации существенно перекроена. Почти так все и было. Накануне своего выступления, прослушав речь американского президента на пленарном заседании, Хрущев еще больше усилил ту часть своей речи, которая касалась полета американского шпионского самолета У-2. Касаясь решения США помочь голодающим, Хрущев ехидно заявил: «...Мы бы это только приветствовали, потому что столько богатств награблено Соединенными Штатами Америки в странах, которые сейчас голодают, что было бы справедливо хотя бы немножко из награбленного вернуть тем, кому эти богатства по праву принадлежат. Но сумма в 100 миллионов долларов — очень маленькая. Если эту сумму разделить поровну на всех голодающих, то и на завтрак одному голодающему не хватит в день. Получается шуму много, а дело выведенного яйца не стоит...»⁸²

Таков был этот человек: импульсивный реформатор увлекающийся пионер, ортодоксальный большевик, малограмотный пророк и одномерный дипломат.

Хрущев вел «революционную дипломатию». Она прежде всего выражалась в его смелых решениях, не всегда продуманных и просчитанных, но существенно влиявших на международные отношения. Так, Хрущев настоял на необходимости нормализации отношений с Югославией и сам первым поехал в Белград. Как вспоминал Никита Сергеевич, визит ему запомнился тем, что югославы

встречали советскую делегацию сдержанно, настороженно. Народ, вышедший на улицы, «не то что был настроен враждебно, но и нельзя было сказать, что они были настроены дружелюбно. В основном они выкрикивали: «Да здравствует Тито! Тито! Тито!»⁸³

В следующей поездке в Югославию в сентябре 1956 года обстановка была уже более теплой. Во время конфиденциальной встречи, записанной помощником Хрущева, Тито откровенно говорил, что американцы недовольны сближением Белграда с Москвой, что нужно делать все, чтобы оторвать Грецию от западных империалистических держав, что в своем новом издании речей он, Тито, опустил все старые антисоветские высказывания... Тут же югославский лидер, как бы в компенсацию за свои идеологические уступки, попросил у Хрущева 250 тысяч тонн пшеницы...

Хрущев был доволен. Казалось, ему удалось заставить еретика осознать свои грехи и вернуться в лоно московской ортодоксии. Первый секретарь к концу беседы уже поучал югослава:

— Вам надо идти в ногу со всей ротой... Подумайте хорошенько.

Хрущев посетовал, что в СФРЮ продолжают судить югославских офицеров, возвращающихся на родину из СССР после вынужденного и многолетнего там пребывания. Тито с готовностью пообещал:

— Больше судить не будем...⁸⁴

Как бы ни оценивали конкретные шаги Хрущева в югославском конфликте, нельзя не признать, что именно ему принадлежит главная роль в нормализации отношений между двумя славянскими странами.

Хрущев в международных делах часто брался за те вопросы, которые казались неразрешимыми, и пытался осуществить в «дохлых» делах какие-то сдвиги. В этом смысле заслуживают быть отмеченными его попытки урегулировать территориальный спор СССР с Японией. Встречаясь 16 октября 1956 года с министром земледелия и лесоводства Японии Итиро Коно, Хрущев в ходе затяжной беседы дал японцу надежду на изменение традиционной позиции СССР.

В тот же октябрьский день на Президиуме ЦК КПСС первый секретарь неожиданно для всех заявил: «СССР должен согласиться на передачу Японии островов Хабо-

маи и Сикотан (так в оригинале обозначен о. Шикотан. — Д.В.) с тем, однако, что факт передачи этих островов будет произведен после заключения мирного договора между СССР и Японией и после того, как Японии будут возвращены острова Окинава и другие принадлежащие Японии острова, находящиеся под контролем США». Сделав паузу, Хрущев, вопросительно глядя на членов Президиума, добавил:

«Может быть, СССР согласится передать Японии острова Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора между СССР и Японией, не дожидаясь освобождения острова Окинава»⁸⁵.

Здесь Хрущев просчитался. Оказалось значительно проще передать большой полуостров из состава одной республики другой, нежели решить проблему далеких мелких островов. Члены Президиума, особенно Громыко, уперлись, предлагая увязать решение по островам с другими вопросами, еще более сложными и неразрешимыми. Хрущев махнул рукой...

Такими же смелыми можно назвать действия Хрущева на Ближнем Востоке. Советский лидер, присмотревшись к фигуре египетского лидера Гамаль Абдель Насера, решительно оказал ему всестороннюю поддержку. Это было прорывом в регион, где ранее влияние СССР было минимальным. Именно политика таких националистических деятелей, как Насер, дала возможность кремлевским теоретикам говорить о странах «социалистической ориентации», некапиталистическом пути развития и т.д.

Несмотря на немалые сомнения значительной части Президиума ЦК, Хрущев в 1955 году немедленно отозвался на просьбу египтян дать разнообразное, в том числе наступательное, оружие.

Позиция Хрущева сыграла решающую роль во время Суэцкого кризиса в 1956 году. Только благодаря поддержке СССР Египет смог оправиться после тяжелого поражения от Израиля. Тысячи советских советников и специалистов фактически заново создавали египетские вооруженные силы. Мне довелось в то время бывать в Египте, и я знаю, как много они сделали для восстановления разгромленной армии.

Крупной была поддержка Египта и в экономической области: достаточно вспомнить строительство Асуанской плотины, помощь в реализации других крупных проектов.

Советскому Союзу все это обошлось во много миллиардов долларов. Но таков был Хрущев; он проявлял активность везде, где мог надеяться на упрочение позиций СССР и ослабление влияния тех, кого он обещал «закопать». То была «революционная дипломатия» советского лидера. Однако она не всегда давала ожидаемые результаты.

Например, когда готовился доклад к пленуму ЦК (14 октября 1964 г.), то стали «инвентаризировать» все прегрешения Хрущева. Напечатали их на целых 70 страницах. Там были, например, такие факты.

В Гвинее СССР построил аэродром, консервный и лесопильный заводы, электростанцию, радиостанцию, холодильник, госпиталь, гостиницу, политехнический институт, ведутся геологоразведочные и изыскательские работы. Поставлено огромное количество машин и оборудования. А «друг» Хрущева Секу Туре попросил нас из Гвинеи, и все наши огромные затраты пошли впустую. Даже аэродромом, который мы построили в Конакри, нам не разрешили пользоваться при полетах на Кубу.

Так же много претензий Хрущеву партийные функционеры выдвинули и в отношении помощи Египту, Ираку, Индонезии, Индии, Эфиопии и другим странам. За десять «хрущевских» лет, как скрупулезно подсчитали в ЦК, СССР построил в разных странах около шести тысяч предприятий (!) на многие миллиарды рублей. В реестре просчетов Хрущева говорилось: разве нужно было строить стадион в Джакарте на 100 тысяч зрителей, гостиницу в Рангуне, исследовательский атомный центр в Гане, спортивный комплекс в Мали, гостиницу в Гвинее и т.д. Но все это скажут Хрущеву при его снятии...

После XX съезда Хрущев стал уделять международным вопросам, пожалуй, большее внимание, чем делам внутренним. Это, кстати, ему припомнили соратники, когда снимали с высших постов. Например, готовя материал на пленум по отстранению Хрущева от власти, дотошные партийные чиновники в ЦК подсчитали, что в 1964 году к октябрю он находился в поездках 150 дней... Так когда же он, мол, работает. Первый секретарь несколько раз встречался с Мао Цзэдуном, имел беседы с де Голлем, премьером Великобритании Макмилланом, президентом Эйзенхауэром, Гамалем Абдель Насером, многими другими высокими руководителями.

Энергия, с какой Хрущев вел дела, была удивительной. Во все он пытался вникнуть сам; везде отдавал свои распоряжения, часто поверхностные, непродуманные, непросчитанные. И это при том, что в поездках, встречах его окружало большое количество советников и экспертов. Хрущев не умел слушать долго, перебивал, обрывал докладчиков и часто выносил вердикт, совершенно не соответствующий с обстановкой. Советники могли только огорченно разводиться руками (не при Хрущеве, разумеется).

Когда советский лидер направился в мае 1960 года в Париж на встречу в верхах — Хрущева, де Голля, Г. Макмиллана и Д. Эйзенхауэра, с ним поехал 21 советник (Ильичев, Добрынин, Трояновский, Молочков, Земсков, Александров-Агентов и другие известные дипломаты), 5 человек из КГБ, 8 переводчиков, 5 шифровальщиков, 10 стенографисток, 4 связиста, 4 шофера, 28 телохранителей, несколько финансистов, врачей и т.д.⁸⁶. Но Хрущев приехал в Париж с готовым решением и не собирался обсуждать какие-либо вопросы с советниками! Он привык от них получать только тексты речей, которые безжалостно корректировал в ходе самих выступлений. Это был лидер, который все хотел делать и решать *сам*, без чьих-либо подсказок и советов. Такой образ мыслей и действий, безусловно, выказывал в нем сильную личность. Но здесь таилась и огромная опасность некомпетентности и крупных просчетов.

Хрущев мог по многу раз встречаться с представителями отдельной страны, пытаясь добиться какого-то конкретного решения. Так, например, чувствуя, сколь велика значимость для Японии проблемы «северных территорий», Хрущев решил пойти навстречу Токио, если там сделают откровенно антиамериканские шаги. Подобная ставка была заранее обречена на провал, тем не менее Хрущев с поразительным упрямством цеплялся за свой бесплодный замысел.

— Премьер СССР встречается 10 марта 1962 года с послом Японии в Москве Х. Ямадой.

— Беседует с депутатом японского парламента Тоцуко-сукэ Такасаки 25 апреля 1962 года.

— Ведет долгие разговоры с министром земледелия и лесоводства Японии Итиро Коно 7 мая 1962 года.

— В июле 1964 года принимает делегацию социалистической партии Японии.

— Принимает 15 сентября 1964 года парламентскую делегацию Японии.

— Беседует 3 октября 1964 года с главой правительственной делегации Японии Фудзиямой...⁸⁷

Я не перечислил все встречи Хрущева с японскими политиками в эти два с половиной года. Однако Хрущев настойчиво добивался не столько улучшения, налаживания экономических отношений со Страной восходящего солнца, сколько бесплодно пытался убедить собеседников в «бесперспективности» и опасности военно-политического союза Японии и США. Хрущев искренне верил, что революционная риторика может достигать цели в международных делах.

Годы «секретарства» Хрущева вмещают в себя и неудачную дипломатию по отношению к Китаю, серьезное ухудшение отношений с этой великой страной. Дело в том, что Хрущев еще до сталинских времен привык смотреть на Москву не только как на политический центр мирового коммунистического движения, но и как на своеобразный управляющий орган по координации международных усилий социалистических стран. С коминтерновских времен Хрущев, дитя своего времени, привык свысока взирать на своих «младших братьев». На Китай в том числе.

Хрущев встречался с Мао Цзэдуном несколько раз. И каждая последующая встреча проходила более напряженно. Китай после смерти Сталина уже не хотел безоговорочного признания главенствующей роли СССР в социалистическом лагере. В Пекине весьма холодно встретили решения XX съезда КПСС. Казавшийся монолитным союз двух гигантских держав оказался плохо «склеенным». Каждая из сторон имела свои национальные интересы, плохо сочетавшиеся с интересами союзника.

Когда Хрущев прибыл 29 сентября 1954 года в Пекин на празднование пятилетия Китайской Народной Республики, то казалось, что ничто не омрачит великой дружбы. Еще в своей речи на аэродроме он поздравил «китайский народ с принятием социалистической конституции и избранием великого сына и вождя китайского народа товарища Мао Цзэдуна Председателем Госсовета Китайской Народной Республики». Хрущев заявил, что «миролюбивые народы всех стран видят в нерушимой дружбе двух великих держав — Советского Союза и Китайской Народной Республики — могучий оплот мира, великую и непре-

оборимую силу, оказывающую все возрастающее влияние на решение всех международных проблем...»⁸⁸.

Хрущев при встрече с Мао льстил ему, называя «великим вождем», превозносил его мудрость и волю. Он еще не знает, что менее чем через полтора десятилетия напишет о китайском лидере нечто иное: «Политика — это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи. Он обманывал нас многие годы, прежде чем мы поняли эти трюки»⁸⁹. Правда, причину ссоры с Китаем Хрущев усматривает... в советском после Юдине. Первый секретарь диктовал в своих воспоминаниях: «...я могу с достаточным основанием заявить, что мы... рассорились бы с любой другой страной, в которую был бы назначен послом Юдин. Его послали в Югославию, и мы поссорились с Тито. Юдин поехал в Китай, и мы поссорились с Мао. Это не случайное совпадение»⁹⁰.

Думаю, нет нужды доказывать, что умозаключение Хрущева ошибочно. Причины разрыва были, конечно, глубже. Об одной из них мы говорили: Мао не мог после смерти Сталина довольствоваться положением вассала. Были и другие причины, производные. В частности, XX съезд КПСС, развенчавший культ личности, своими решениями почти прямо задевал КПК, КНР, где возвеличивание Мао достигло почти сталинского размаха. Мао Цзэдун не мог пойти на акцию, аналогичную той, которую провел Хрущев на партийном съезде. Это означало бы для Мао самоубийство. Китайских руководителей больно задело вначале замораживание, а затем и отказ от сотрудничества военно-технического характера в ядерной области. Хотя китайский лидер и называл атомную бомбу «бумажным тигром», он хотел обладать ею. Хрущев не раз публично достаточно прозрачно намекал на эти вопросы.

Так, в октябре 1964 года, за десяток дней до своего свержения с поста первого секретаря ЦК и Председателя Совмина, находясь в отпуске (вместе с Микояном), он принял японского политического деятеля Фудзияму. Зашла речь о Китае, и здесь неожиданно Хрущев приподнял занавес над тайной ухудшения советско-китайских отношений.

«Ядерный взрыв, — сказал Хрущев, — китайцы могут произвести. В момент наших близких, братских отношений китайские ученые были допущены к очень многим на-

шим секретным работам, они видели, как мы делаем... Мы дали им оборудование для производства атомного горючего.. »

Здесь бросил реплику участвовавший в беседе Микоян: «Мы китайцам заводы смонтировали и другую помощь оказали».

Хрущев продолжал: «Так что они очень много получили от нас и многое знают, как делать»⁹¹.

Действительно, СССР помог Китаю в создании военной промышленности, в том числе и в подготовке специалистов-ядерщиков. И хотя после 1958 года эта помощь прекратилась, задел был солидный.

По приглашению Мао в конце июля 1958 года Хрущев тайно (так пожелали китайцы) улетел в Пекин. Затем, правда, опубликовав коммюнике, собеседники обнародовали сам факт этой встречи в правительственных залах Хуайжэньтан и Цинчжэндянь. Первая встреча, 31 июля, была многочасовой. Она состоялась в узком кругу: кроме Мао и Хрущева были лишь Б.Н. Пономарев и Дэн Сяопин. Беседу записывали Н. Федоренко и А. Филев. Обсуждались, главным образом, военные вопросы. Мы не имеем возможности воспроизвести беседу из-за ее объема, но некоторые детали, фрагменты приведем.

Долго говорили о строительстве современного флота (китайцы, со слов Юдина, считали, что им предлагают строить совместный флот, с чем они не соглашались). Хрущев заявил, что СССР будет делать акцент на строительство атомного подводного флота, торпедные катера и самолеты-ракетоносцы. А Китай представил бы советскому флоту, в случае нужды, свои порты на обширном побережье.

На это Мао ответил: «В случае войны Советский Союз может использовать любую часть Китая, русские моряки могут действовать в любом порту Китая».

В ходе беседы не раз затрагивали тему Сталина

«Мао Цзэдун: Критика ошибок Сталина правильна. Мы не согласны только с отсутствием четкой границы критики. Мы считаем, что у Сталина из 10 пальцев было 3 гнилых.

Хрущев: Думаю, больше.

Мао Цзэдун: Неправильно. В его жизни основное — заслуги.

Хрущев: Сталин был и останется Сталиным. А мы кри-

тиковали накипь, коросту, которая образовалась, особенно в старости. Но другое дело, когда его критикует Тито. Через 20 лет школьники будут искать в словарях, кто такой Тито, а имя Сталина будут знать все...

Мао Цзэдун: Когда я приезжал в Москву, он не хотел заключать с нами договор о дружбе и не хотел ликвидировать прежний договор с Гоминданом. Помню, Федоренко и Ковалев передавали его совет поехать по стране, посмотреть. Но я им сказал, что у меня только три задачи: есть, спать, испражняться. Я не за тем ехал в Москву, чтобы только поздравить Сталина с днем рождения. Поэтому я и сказал: не хотите заключать договор о дружбе, не надо. Буду выполнять свои три задачи...»

Собеседники долго обсуждали, сколько в случае войны понадобится ракет, чтобы уничтожить ту или иную страну. «Сейчас, — заявил Хрущев, — когда мы имеем межконтинентальную ракету, мы держим за горло и Америку». Долго говорили о радиолокационных станциях, которые СССР хотел бы иметь в Китае, о специалистах. Хрущев полагал, что советники и специалисты Китаю не нужны; пусть Пекин шлет учиться молодых китайцев в СССР. Мао не соглашался. Как мы знаем, Москва вскоре отозвала всех своих людей (а их были тысячи) из Китая. Но о ядерных делах речь не вели, за исключением многозначительного замечания советского лидера (во время следующей беседы), что «мы продолжаем совершенствовать атомные и водородные бомбы».

Отношения уже тогда, несмотря на внешние заверения в дружбе, были натянутыми. Мао, например, заявил, что «относительно следующей встречи у нас может возникнуть противоречие. Вы днем работаете, а я днем сплю...»⁹². Но встречи еще состоялись во время этого приезда.

Хрущев еще раз встречался с Мао Цзэдуном 2 октября 1959 года. Советского лидера сопровождали М. А. Суслов и А. А. Громыко. С китайской стороны было все высшее руководство: Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Линь Бяо, Пын Чжень, Чень И, Ван Цзясянь.

Встреча прошла напряженно, вся во взаимных обвинениях. Хотя вопрос шел о Тайване, китайско-индийском конфликте, отношениях с США, военнопленных американцев, других проблемах, чувствовалось: стороны непри-

миримы. И истоки непримиримости не в тех вопросах, которые обсуждали разгоряченные собеседники.

Хрущев высмеял китайскую версию конфликта с Индией. «Мы рассматриваем так, — заявил он, — больше на пять километров или меньше на пять — это не важно. Я беру пример с Ленина, который отдал Турции Карс, Ардаган и Арарат. И до настоящего времени у нас в Закавказье среди части людей имеется определенное недовольство этими мероприятиями Ленина. Но я считаю его действия правильными».

Хрущев обвинил китайских руководителей в том, что они дали возможность уйти за границу далай-ламе. «Лучше бы, — заявил советский лидер, — если бы он был в гробу». В целом, подытожил вопрос Хрущев: «События в Тибете — ваша вина».

Китайцы взорвались, обвинили Хрущева в приспособленчестве перед Америкой. Мао заявил: «Вы нам приклеили два ярлыка — конфликт с Индией произошел по нашей вине; уход далай-ламы также является нашей ошибкой. Мы же вам приклеили один ярлык — приспособленцы. Принимайте».

Хрущев зло отреагировал: «Мы принимаем. Мы занимаем принципиальную коммунистическую позицию».

К концу беседы обстановка еще более накалилась. «Вы хотите нас подчинить себе, — бросил Хрущев, — но у вас это не выйдет». Маршал Чень И вмешался и заявил: «Я возмущен вашим заявлением о том, что «ухудшение отношений произошло по нашей вине». Хрущев: «Я тоже возмущен вашим заявлением о том, что мы приспособленцы. Мы должны поддерживать Неру, помочь ему удержаться у власти».

Перед самым концом бесплодной встречи, полной взаимных упреков и обвинений, «схватились» Хрущев и Чень И.

«Хрущев: Я указал вам лишь на отдельные ваши промахи и не бросал вам принципиальных политических обвинений, а вы выдвинули именно принципиальное политическое обвинение. И если вы считаете нас приспособленцами, товарищ Чень И, то не подавайте мне руку, я ее не приму».

Чень И: Я также. Должен сказать, что я не боюсь вашего гнева».

Хрущев: Не надо на нас плевать с маршальской высо-

ты. Не хватит плевков. Нас не заплюешь. Хорошо же складывается положение: с одной стороны, говорите о формуле: «Лагерь во главе с Советским Союзом», а с другой — не даете мне сказать и слова...»⁹³

На такой ноте закончилась его последняя встреча с китайскими руководителями. Возвращаясь в Москву, Хрущев, задумчиво глядя в иллюминатор самолета, бросил:

— Со «старой калошей» договориться трудно. Он не может простить за Сталина...

Хрущев в Пекине не проявил гибкости, такта, мудрости, и его «революционная дипломатия» столкнулась с такой же. Два «великих друга» — СССР и Китай — хотели проводить самостоятельную, независимую политику. Позже Хрущев продиктует, что «Мао — националист и (по крайней мере, так было в те времена, когда я знал его) жаждет установить свое господство над всем миром». А между тем Хрущев, который вошел в советскую историю как реформатор, заявил на Президиуме ЦК: «Лозунги о китайских реформах звучат очень заманчиво. Вы заблуждаетесь, если думаете, что семена подобных идей не найдут подходящей почвы в нашей стране»⁹⁴.

На всей внешнеполитической деятельности Хрущева лежит печать большевистского радикализма, хотя нет никаких сомнений в том, что он искренне хотел мира и по своему добивался его. Это не мешало первому секретарю идти на авантюры, демонстрацию силы, прямые вмешательства в дела суверенных государств.

В беседе с заместителем генерального секретаря Итальянской компартии Луиджи Лонго 22 января 1957 года он задал сам себе риторический вопрос и тут же ответил на него:

— Правильно ли мы действовали в Венгрии? Думаем, что действовали абсолютно правильно... Что касается советского народа, то подавление контрреволюции в Венгрии было встречено им, особенно в Советской Армии, с всеобщим облегчением...⁹⁵

Хрущев считал себя вправе определять: что нужно другому народу, а что не нужно, и в соответствии с этим принимать любые решения. И интервенция в Венгрию, союзную СССР страну, не была исключением. Иногда Хрущев считал, что было достаточно поиграть мускулами или стукнуть военным кулаком по столу.

Я уже рассказывал, как в октябре 1956 года Хрущев,

недовольный «поведением» польских руководителей, без приглашения прилетел в Варшаву. И одновременно поднял по тревоге войска Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше⁹⁶.

Дипломатия с угрозой применения излюбленного аргумента советских вождей — танков.

Таков был Хрущев. Он удивительным образом сочетал в себе искреннее стремление к реформам, антитоталитарным переменам и одновременно сохранял сталинский, радикальный почерк в ведении международных дел. Он искренне верил в возможность мирного сосуществования двух систем, но при этом всячески одобрял партийный тезис, что это сосуществование лишь специфическая форма классовой борьбы, особая революционная тактика. Именно Хрущев явился инициатором одностороннего крупного сокращения советских вооруженных сил и в то же время верил, что его филиппики вроде «ракетных колбас» и обещаний «мы вас закопаем!» могут сделать политических оппонентов более сговорчивыми.

Хрущев никогда не говорил о «мировой пролетарской революции», но верил, что победа социализма в планетарном масштабе возможна и без войны.

В «вожде» причудливо соединились самые разнородные начала: до конца своих дней он подсознательно оставался сталинистом, хотя вполне сознательно нанес этой страшной разновидности тоталитаризма разящий удар.

В «революционной дипломатии» Хрущева этот парадокс постоянно давал о себе знать. Иногда третий «вождь» выдвигал идеи, которые ставили в тупик и собственных дипломатов, и тех, с кем он так самозабвенно боролся.

В 1955 году в Женеве прошло совещание глав правительств СССР, США, Франции и Англии. В советской делегации вместе с Хрущевым были Н.А. Булганин, В.М. Молотов, Г.К. Жуков. Советская делегация повергла всех в шок, заявив о желании СССР вступить в НАТО. Растерянность натовцев была полная. Довольный Хрущев повторял в своем кругу:

— Как мы их ушучили! Онемели, сказать ничего не могут.

Но дипломатия Хрущева несла в себе и элементы авантюризма, которые подвигали мир к той опасной черте, за которой была ядерная война. Таким был Карибский кри-

зис. Человечество имело возможность заглянуть на дно ядерной бездны и в страхе от нее отшатнуться.

Операция «Анадырь»

Реформатор был носителем коминтерновского мышления. Как все большевики. Настоящие большевики.

Хрущев был убежден, что социализм неизбежно одержит верх над капитализмом. И хотя он говорил при этом, что это случится в условиях мирного соревнования двух систем, ему на Западе совершенно не верили. Тому были веские основания. Там не забыли его печально знаменитого изречения:

— Мы вас закопаем!

Он мог, обещая «закапывание» капитализма, тут же говорить о необходимости разоружения, однако, на всякий случай, припугивая «загнивающий империализм» картинкой, как на одном советском заводе ракеты сходят с конвейера, словно «колбасы»...

Хрущев был сыном своего времени, большевиком коминтерновской школы. Когда 4 июня 1961 года в Вене советский лидер давал в советском посольстве завтрак в честь президента США, произошел внешне незаметный, но характерный эпизод. В ответной речи за столом Кеннеди, в частности, произнес: «Вчера вечером, отвечая на мой вопрос, Вы сказали, что, когда Вам было 44 года (возраст американского гостя. — Д.В.), Вы были секретарем Московского комитета партии, а также занимались вопросами планирования. Надеюсь, что, когда мне будет 67 лет (столько было тогда Хрущеву. — Д.В.), я буду руководить организацией демократической партии в городе Бостоне и возглавлять местный плановый комитет...»

Хрущев перебивает многозначительной репликой:

— Может быть, руководителем планового комитета всего мира?

Кеннеди невозмутимо парирует:

— Нет, с меня будет достаточно моего родного города⁹⁷.

Когда Хрущев приплыл на «Балтике» в 1960 году в Америку для участия в работе Организации Объединенных Наций, все были поражены: советский лидер не спешил домой. Это было идеологическое посещение. Советский лидер разоблачал, обличал, обвинял империализм США и его «приспешников» с трибуны ООН, в интервью,

на пресс-конференциях, встречах с бизнесменами и общественными деятелями. Он гордился своей работой: «Вот я им врезал!» Но результат был обратный: несмотря на миролюбивую риторику, он укреплял недоверие к СССР и его политике. Ведь Хрущев то и дело убежденно провозглашал, что империализм обречен, а коммунизму принадлежит будущее.

Через два года американцы имели возможность воочию убедиться, что их опасения были не напрасными. В Вашингтоне, где тоже недвусмысленно претендовали на глобальную гегемонию (но без мировой революции, а главным образом с помощью доллара и демонстрации силы), скоро убедились, что и после смерти Сталина внешнеполитический курс СССР кардинально не изменился. Хрущев не скрывал намерений похоронить империализм. Он все делал для того, чтобы установить тесный союз с развивающимися странами, вырвавшимися из оков колониализма. Хрущев, например, предложил радикально изменить руководящие органы ООН, исходя из реального наличия на планете капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Советский лидер требовал сосредоточить функции этой универсальной мировой организации в руках триумvirата. Утопическая идея была, конечно, отвергнута.

В то время когда особенно рельефно проявилось противоборство двух лагерей, нельзя было ждать, что мировое сообщество отдаст приоритет о б щ е ч е л о в е ч е с к о й и д е е. К этому исторически не были готовы ни в Вашингтоне, ни в Москве, ни в других столицах. Да и как эта идея могла появиться, если Хрущев регулярно заявлял: «Ликвидация капиталистической системы — это коренной вопрос развития общества». Но ставка в «ликвидации» была сделана на распространение идей марксизма-ленинизма по всему свету, инициирование рабочего и коммунистического движения, завоевание на свою сторону освободившихся от колониализма стран. Все эти шаги — на фоне заметного роста экономической и ядерной мощи СССР.

После довольно неожиданной для Москвы революции (в 1959 году) на Кубе она стала объектом пристального внимания советских руководителей. Тридцатидвухлетний Фидель Кастро явно нравился московским лидерам своим антиамериканизмом, тем более что США с самого начала

допустили стратегическую ошибку: вместо попыток осуществить свое влияние на молодой режим они сразу же заняли враждебную позицию по отношению к Гаване, а затем, объявив экономическую блокаду Кубы, толкнули ее в объятия Советского Союза.

Высадка десанта противников режима Кастро на Плайя-Хирон, осуществленная с помощью США, ускорила этот процесс. Уже на другой день после нападения, 18 апреля 1961 года, состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, где по предложению первого секретаря партии были разработаны меры разносторонней помощи Кубе⁹⁸. Хрущев все чаще стал посматривать на далекий остров, как на непотопляемый авианосец, потенциально тяготеющий к социалистическому лагерю. Помощь Кубе была усилена.

Приехавший в августе 1961 года в Москву Блас Рока, один из близких соратников Фиделя Кастро, привез для советских руководителей важное письмо. Никита Сергеевич, читая перевод послания, отметил для себя несколько существенных моментов. В Гаване готовы провозгласить социалистический характер кубинской революции, приступить к созданию марксистской партии и просить Советский Союз выразить солидарность «в отношении Кубы против нападков и угрозы военного нападения Соединенных Штатов на нашу страну». Хрущев особо подчеркнул и стремление кубинцев обсудить «пути координации нашего производства сахара с потребностями социалистического лагеря»⁹⁹.

Но чем больше проявляла Куба свое стремление к сближению с СССР, тем воинственнее становились Соединенные Штаты. Советская разведка докладывала Кремлю о реальности военной интервенции на мятежный остров. Возможно, что эти донесения ускоряли вызревание у первого секретаря необычно смелой, но крайне авантюрной идеи.

Громыко в своей книге пишет, что, когда в 1962 году он летел вместе с Хрущевым из Софии в Москву, первый секретарь неожиданно заговорил о далеком острове.

— Ситуация, сложившаяся сейчас вокруг Кубы, является опасной. Для обороны ее как независимого государства необходимо разместить там некоторое количество наших ядерных ракет...

Громыко, помолчав, ответил:

— Должен откровенно сказать, что завоз на Кубу на-

ших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв.

Министр иностранных дел вспоминал, что «Хрущев свои мысли высказывал мне, а затем на заседании Президиума без признаков какого-то колебания»¹⁰⁰.

Лидеры государств, особенно тоталитарных, наиболее часто встречаются с руководителями двух ведомств: обороны и безопасности. В апреле 1962 года во время очередного доклада первому секретарю министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского о готовящихся испытаниях новой ракетной системы Хрущев перебил военачальника и без видимой прямой связи неожиданно задал вопрос:

— Родион Яковлевич, а что, если запустить в штаны американцев нашего ежа?

Малиновский, не закончивший объяснения особенностей развития самого крупного в СССР ракетного полигона, замолчал и вопросительно посмотрел на Хрущева.

Первый секретарь, как о давно назревшем, прямо сказал, что думает вот о чем: нельзя ли поставить наши ракетные системы на Кубе? Мы пока сильно отстаем, как доносит разведка, почти в пятнадцать раз, от США по боеголовкам. Это отставание мы не можем ликвидировать и за десять лет. В то же время ракеты у порога США резко меняют ситуацию и в огромной степени компенсируют наше временное отставание. Что думает по этому поводу маршал?

Малиновский после недолгой паузы ответил, что они с начальником Генштаба Маршалом Советского Союза Захаровым уже два обговаривали между собой этот вопрос. Но... это должно быть не военное, а политическое решение...

Хрущев, не желая дальше развивать тему, коротко резюмировал: обсудите еще раз эту возможность в самом узком кругу и через месяц доложите ваши соображения на заседании Президиума ЦК.

24 мая 1962 года состоялось памятное заседание Президиума ЦК. Протокола не велось. Сохранилась всего одна страница записи, которую поручили сделать генерал-полковнику С.П. Иванову, начальнику Главного оперативного управления Генштаба, секретарю Совета Обороны.

В записях значится: «Вопрос о помощи Кубе обсуждал-

ся на Президиуме ЦК КПСС. С сообщением выступил Н.С. Хрущев. Выступили тт. Козлов, Брежнев, Косыгин, Микоян, Воронов, Полянский, все остальные члены Президиума и выступавшие поддержали и одобрили решение.

Решение: 1. Мероприятие «Анадырь» одобрить целиком и единогласно. (По получении согласия Ф. Кастро.)

2. Направить комиссию к Фиделю Кастро для переговоров».

Было признано стратегически целесообразным не только оказать прямую военную помощь Кубе, но и создать мощный плацдарм у дверей Соединенных Штатов, откуда в случае конфликта почти вся территория США находилась бы в зоне достижимости советских ядерных ракет.

Ну а как на эту идею отреагирует Фидель? Хрущев тут же предложил, а члены Президиума занесли это в решение, чтобы в ближайшие дни в Гавану отправились член Президиума Ш.Р. Рашидов, маршал С.С. Бирюзов и еще несколько лиц из Министерства обороны для проведения конфиденциальных переговоров с кубинским руководителем. На следующий день «Комиссия» (именно так именуется она в документе) в 11 часов дня была у Хрущева. В той же записке, которую вел С.П. Иванов накануне, приписано: «У Н.С. Хрущева присутствовали Малиновский, Громыко, Андропов, Трояновский, Рашидов, Алексеев, Бирюзов, получившие инструктивные указания...»

В конце мая Рашидов, Бирюзов и будущий посол на Кубе А. И. Алексеев после первой встречи с Фиделем и его братом Раулем на другой день обговорили этот вопрос еще раз. Теперь дополнительно с кубинской стороны присутствовали Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Рамиро Вальдес. Вторая встреча была короткой; кубинские руководители выразили готовность принять на Кубе советские ракеты...

После возвращения делегации в Москву 10 июня результаты переговоров были доложены на заседании Президиума. Хрущев не хотел брать ответственность только на себя; он сознательно «повязывал» общим решением всех высших партийных функционеров. Возражений на этих заседаниях, естественно, не было. Ведь с ленинских времен повелось, что мнение первого лица — это мнение всех. Тот же С.П. Иванов на том же самом листочке приписал: «10.6.62 г. Состоялось заседание Президиума. При-

существовали члены Президиума ЦК КПСС... После заслушивания о результатах поездки тов. Рашидова и Бирюзова состоялось обсуждение существа вопроса, после чего Малиновский Р.Я. зачитал записку, все проголосовали «за». Список присутствовавших на 1-й странице.

Генерал-полковник Иванов»¹⁰¹.

Нужно пояснить. После доклада Рашидова министр обороны зачитал записку: «Председателю Совета Оборон товарищу Хрущеву Н.С. (особой важности. Экз. единственный). В соответствии с Вашими указаниями Министерство обороны предлагает: на о. Куба разместить Группу советских войск, состоящую из всех видов Вооруженных Сил, под единым руководством штаба группы во главе с Главнокомандующим советскими войсками на о. Куба...» За основу брались ракетные войска (дивизия в составе пяти ракетных полков), определялись сроки, доставка, финансирование и даже форма одежды. Записка состояла из семи страниц. На первой и поставили свои подписи члены Президиума, начиная с Хрущева. А подписана записка Малиновским и Захаровым с визой А.А. Епишева (начальника Главного политического управления)¹⁰².

Было решено, таким образом, создать на Кубе Группу советских войск (как в Германии, Польше, Венгрии), взяв за основу ракетные войска. Не случайно штаб группы формировался на базе управления 43-й ракетной армии. Хрущев требовал, чтобы операция по переброске крупной советской группировки за океан проходила в абсолютной тайне. Он почти ежедневно интересовался ходом ее подготовки.

Генштабисты не случайно предложили Президиуму именовать операцию полярным словом «Анадырь». То было элементом оперативной маскировки: кто должен был что-то знать, был убежден, войска пойдут для крупных учений на север, за Полярный круг. Не случайно на некоторые корабли демонстративно грузили... лыжи, полушубки.

Уже 26 мая Малиновский утвердил список генералов и офицеров, которые привлекались для подготовки операции. Чуть больше десяти человек имели право знать о предстоящем походе в полном объеме. Даже Главнокомандующий войсками ПВО маршал авиации В.А. Судец, Главнокомандующий ВМС Адмирал Флота С.Г. Горшков, Главнокомандующий ВВС Главный маршал ВВС

К.А. Вершинин, министр морского флота В.Г. Бакаев и другие не имели права быть посвященными полностью в общий стратегический замысел высшего политического и военного руководства.

Хрущев был возбужден, он чувствовал себя порой, как в 1942—1943 годах, когда был членом военных советов ряда фронтов во время Сталинградской и Курской битв. Там он, однако, был исполнителем воли Сталина и командующего фронтом, а здесь сам генерировал идеи, волю, решимость для этого огромного авантюрного предприятия. Малиновский два-три раза в неделю приезжал к первому секретарю для доклада. Операция потребовала огромных средств и большого напряжения сил. По согласованию с Хрущевым 4 июня приняли решение отправить на Кубу передовую рекогносцировочную группу в составе 161 человека (костяк будущего штаба). В последний момент вместо Павла Борисовича Данкевича, по предложению Хрущева, командующим Группой был назначен генерал армии Исса Александрович Плиев, которого Председатель Совета Обороны хорошо знал. Кстати, он был командующим войсками Северо-Кавказского военного округа во время печальных событий в Новочеркасске.

В инструкции рекогносцировочной группе предписывалось проводить работу в «строжайшей тайне». Группа «доставляется на место самолетами, как специалисты сельского хозяйства СССР, под видом инженеров и техников по ирригации и мелиорации».

Все генеральные (первые) секретари по неписаному положению были Верховными Главнокомандующими страны. В операции «Анадырь» Хрущев не формально, а на самом деле почувствовал себя в этом качестве. Он не только вникал в основные вопросы беспрецедентной для СССР океанской переброски войск, но и интересовался ее деталями.

После доклада Р.Я. Малиновского Хрущев утвердил войсковой состав группы: 51-я ракетная дивизия (в составе пяти полков с установками Р-14 и Р-12), 10-я и 11-я зенитно-ракетные дивизии, истребительный авиационный полк, два полка крылатых ракет, вертолетный полк, четыре мотострелковых полка, береговой ракетный полк, минно-торпедный полк, тыловые и иные подразделения. К слову, одним из мотострелковых полков командовал полковник Д.Т. Язов, будущий Маршал Советского Союза.

Предполагалось также отправить на Кубу эскадру подводных лодок и эскадру надводных кораблей, но в ходе операции по переброске войск решение было изменено. Всего планировалось разместить на далеком острове более 50 тысяч советских военнослужащих.

В середине июля началась отправка войск на Кубу одновременно из многих портов Советского Союза: Феодосии, Николаева, Севастополя, Поти, Балтийска, Кронштадта, Лиепайи... На палубу грузились трактора, сельскохозяйственные машины. Задействовано в операции было более 80 судов гражданского морского флота. Капитаны кораблей в документах видели: доставить грузы и людей в Африку, Латинскую Америку... По достижении определенного пункта в океане они в присутствии специально выделенных людей вскрывали особые пакеты, где указывался действительный порт назначения на Кубе. Проливы проходили только ночью; личный состав почти все время находился в душных трюмах. Лишь ночью на короткое время разрешалось по очереди выходить на палубу, чтобы вдохнуть морской воздух полной грудью и взглянуть на звезды — глаза Вселенной...

Ядерные заряды для всех типов ракет предусмотрено было перевезти на судах «Индигоирка», «Лена», «Александровск». Оперативно-стратегических ракет Р-12 и Р-14 и головных частей к ним доставить в количестве 60 комплексов. До блокады на Кубу прибыло 42 комплекса.

Где бы ни находился Хрущев, он интересовался ходом перебазирования на остров огромной армады. Так, будучи в Ташкенте, Никита Сергеевич 5 октября в 17.20 московского времени позвонил по ВЧ генерал-полковнику С.П. Иванову:

— Как идет перевозка?

— «Индигоирка» прибыла 4 октября. Облетов нет. Подлежит отправке еще 22. На переходе 20 (кораблей. — Д.В.). Транспорт «Александровск» загружен и готов к отправке. Просим разрешения на отправку.

— Транспорт «Александровск» отправить. Где находится «Лена» и ИЛ-28?

— На переходе.

— Все ясно. Благодарю. Желаю успеха.

В отсутствие Хрущева в Москве его замещал Ф.Р. Козлов. На его имя (для передачи Верховному Главнокоман-

дующему) Малиновский дополнительно к состоявшемуся накануне разговору сообщил 5 октября 1962 года:

«В соответствии с планом мероприятий «Анадырь», утвержденным Президиумом ЦК КПСС, подготовлена к отправке вторая партия спецбоеприпасов.

Спецбоеприпасы в количестве 68 единиц, из них: 24 боевые части к ракете Р-14 и 44 боевые части к ракете ФКР погружены на транспорт «Александровск» в порту Североморска.

На транспорт «Александровск» для самообороны установлены три автоматические 37-мм пушки с 1200 выстрелами на каждую. Открывать огонь приказано по решению капитана транспорта только при явной попытке захвата транспорта или его потопления...»¹⁰³

В инструкции, одобренной Хрущевым, говорилось, что для самозащиты кораблей устанавливать по две 23-мм спаренные зенитные установки. Предусматривалось также, что «при явной угрозе захвата нашего корабля капитан и начальник воинского эшелона должны принять меры к организованной высадке за борт личного состава на всех имеющихся спасательных средствах и затопить корабль...»¹⁰⁴. С ядерным оружием.

Эпицентр внимания высшего советского руководства переместился на Кубу. У разведки тоже, еще задолго до операции «Анадырь». 23 июня 1961 года, когда еще даже не рассматривался вопрос об установке ракет на Кубе, резидент ГРУ сообщил из-за океана: против Фиделя Кастро и его брата подготовлена террористическая акция «Кондор». Ее исполнители: кубинцы Нельсон Гутьерес и Марселино Балада, а также пуэрториканец по кличке Негрете. Ориентировочно операцию «Кондор» намечено осуществить 26 июня... При этом учитывается, что, поскольку Ф. Кастро носит защитный жилет, выстрел будет произведен в голову...»¹⁰⁵

Хрущев счел необходимым огласить донесение на очередном заседании Президиума ЦК 24 июня 1961 года. Решили срочно проинформировать через советского посла Фиделя Кастро о грозящей ему опасности¹⁰⁶.

Но вернемся к действиям Хрущева в операции «Анадырь». Маршал Малиновский при докладах советскому лидеру сообщал ему не только вопросы подготовки и выдвижения войск, но и их оперативно-стратегические задачи. Так, командующему И.А. Плиеву было сообщено, что

«задачей Группы советских войск на о. Куба является не допустить высадки противника на территорию Кубы ни с моря, ни с воздуха. Превратить о. Куба в неприступную крепость...

Ракетным войскам, составляющим основу обороны Советского Союза и о. Куба, быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим объектам Соединенных Штатов...

Ракетным подводным лодкам быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим береговым объектам США...». А маршал Захаров предлагал дать возможность Плиеву применять тактическое ядерное оружие и без разрешения Москвы. Но Малиновский воспротивился и такие права Плиеву не дал.

Хрущев был согласен с постановкой задач «готовности нанести ядерные удары по США». Понимал ли он, что это опаснейший шаг к ядерной войне? На что он надеялся? Ведь у США было ядерных средств в 15—17 раз больше, чем у СССР...

Но не будем судить этих людей сегодняшними мерками. Советской Россией с 1917 года руководили вожди, которые мыслили коминтерновскими категориями: «неизбежность гибели капитализма», «закономерность победы социализма на всей планете», «историческая правота коммунизма»... Хрущев искренне верил, что в СССР самый демократический строй, что стоит политбюро принять решение и записать его в Программе партии, как можно будет «обогнать» Америку и в точно установленный срок «построить коммунизм». Даже когда советский лидер вносил предложения о разоружении, они были абсолютно утопичны. Чего стоит его проект Договора о всеобщем и полном разоружении, который он внес на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН! Хрущев предлагал уничтожить все ядерные арсеналы, другие смертоносные средства в течение четырех лет! Похоже, когда готовился этот проект, его даже отдаленно не просчитывали, руководствуясь лишь идеологическими соображениями. По существу, заранее предвидели отказ Запада, после чего пропагандистской машине СССР оставалось лишь в очередной раз «разоблачить агрессивные империалистические круги».

Как, впрочем, и подготовка операции «Анадырь» не сопровождалась моделированием возможных ответов США и глобальных последствий конфликта.

Хрущев, сокрушив культ личности, но не сталинизм, мыслил почти так же, как и его большевистские предшественники-гиганты. Он был более мелок в историческом масштабе, но унаследовал от них главное: фанатичную веру в конечное торжество коммунизма. Эта вера подталкивала его не раз на авантюры разных масштабов. Операция «Анадырь» была во внешнеполитическом плане самой крупной в годы его «правления».

А между тем события продолжали разворачиваться. Вот письменный доклад начальника Генерального штаба первому секретарю. В верхнем левом углу документа роспись Хрущева и дата: 25 сентября 1962 года. Резолюции он писал очень редко, предпочитая отдавать распоряжения устно, или расписывался на «клапанке» с готовым отпечатанным текстом проекта его решения. Я думаю, происходило это от понимания Хрущевым своей дремучей малограмотности. Я видел некоторые его личные пометки: в них бесчисленное количество грамматических ошибок.

Захаров докладывал, что «мероприятия «Анадырь» проводятся по утвержденному плану. По состоянию на 25 сентября 1962 года отправлено 114 кораблей (некоторые повторно), прибыло на о. Куба 94 корабля и осталось отправить 35 кораблей. План по перевозке войск уплотнен — погрузка завершается до 20 октября, а прибытие на Кубу заканчивается к 3—5 ноября с.г.

В связи с тем, что посылка надводных кораблей флота с тылами в настоящее время привлекла бы внимание всего мира и послужила бы не в пользу Советского Союза, представляется необходимым надводные корабли на о. Куба пока не посылать».

Далее говорилось, что тем не менее 69-я бригада торпедных подводных лодок будет отправлена с 88 торпедами на борту, в том числе с 4 атомными боеголовками. Для сопровождения транспорта «Александровск» выделяется атомная торпедная подводная лодка. На наиболее ответственных участках перехода, из соображений скрытности, лодка будет следовать непосредственно под транспортом... Однако поход «подводных лодок, надводных кораблей и вспомогательных судов Северного, Балтийского и Черноморского флотов был отменен 25 сентября 1962 года». На документе Совета Обороны об отмене есть подпись Н.С. Хрущева¹⁰⁷.

Первый секретарь не настаивал на посылке армады во-

енных кораблей на Кубу. Он еще не забыл самую крупную послевоенную катастрофу в Военно-Морском Флоте 29 октября 1955 года, когда в Севастопольской бухте загадочно взорвался и затонул линкор «Новороссийск». Погибло более 600 моряков... Утопить гигантский корабль в бухте, на стоянке... Хрущев с тех пор с каким-то внутренним недоверием относился к крупным надводным судам, предпочитая нажимать на строительство подводного флота и ракет.

Большая часть войск советской группировки была уже на Кубе, когда разведывательный самолет США У-2, осуществив фотографирование западных и центральных районов острова, дал сенсационную информацию. После дешифровки снимков специалисты пришли к выводу: на острове устанавливаются советские ракеты среднего радиуса действия. Последовал немедленный доклад президенту Кеннеди. Совет национальной безопасности на протяжении нескольких дней оценивал новую информацию, пытаясь выработать эффективные ответные меры. До 22 октября в Москве не знали, что тайный план Хрущева раскрыт. К этому времени 42 ракеты и боеголовки к ним были уже на острове. Выступление американского президента 22 октября по радио и телевидению повергло американцев в шок:

«...в течение прошлой недели бесспорные доказательства установили тот факт, что в настоящее время на этом плененном острове подготавливается целый ряд стартовых площадок для наступательного ракетного оружия...»

Американцы впервые почувствовали смертельный холодок в душе. Отделенные от всех в мире великими океанами и окруженные дружественными, слабыми соседями, в США до этого не понимали по-настоящему, что такое ядерная опасность. Люди стали скупать бомбоубежища, глубокие подвалы, сухие продукты, консервы. Пресса подливала масла в огонь, указывая, до каких городов могут долететь советские ракеты. Обстановка истерии могла подтолкнуть американских руководителей на решительные действия.

С 24 октября по решению Кеннеди вводилась блокада острова, названная смягчающе «карантином». В тот же день Москва ответила заявлением, в котором предупреждала Вашингтон, что если США развяжут ядерную войну, то СССР «нанесет самый мощный ответный удар». Хру-

щев отверг обвинения Кеннеди и обвинил США в подготовке к развязыванию опасной авантюры. Советские дипломаты в Вашингтоне по-прежнему всех уверяли, что никакого наступательного оружия на Кубе нет... Началась борьба нервов.

В Пентагоне всерьез рассматривали возможность воздушного удара по советским ядерным объектам. Думаю, если бы он был нанесен, не исключено, что Москва, не зная всех деталей превентивной бомбардировки, могла дать добро на ответные действия. Вероятно, процентов двадцать—двадцать пять советских ракет после американского удара могло уцелеть и в первом (и вероятно, последнем) пуске на города США обрушилось бы 10—12 ядерных устройств. Половина из них — мегатонной мощности! Так могла начаться самая страшная война на планете Земля, последствия которой могли быть самыми ужасными.

Первые лица двух мощнейших государств были готовы к самым страшным действиям. Хрущев несколько дней не покидал своего кабинета. Вооруженные силы двух лагерей были приведены в полную боевую готовность. Неправимое могло произойти в любую минуту. У Кеннеди хватило выдержки, и в 1 час 25 минут 25 октября 1962 года в совпосольство в Вашингтоне было доставлено его послание Хрущеву, которое тут же было передано в Москву. В нем, в частности, говорилось:

«Уважаемый г-н Председатель.

Я получил Ваше письмо от 24 октября и очень сожалею, что Вы все еще, кажется, не понимаете, что именно руководило нами в этом деле... (введение блокады Кубы. — *Д.В.*). Наше правительство получило совершенно ясные заверения от Вашего правительства и его представителей — как публичные, так и по неофициальным каналам, — что никакого наступательного оружия на Кубу не посылалось. Если Вы еще раз посмотрите заявление, опубликованное ТАСС в сентябре, Вы увидите, сколь ясно было дано это заверение... Все эти публичные заверения были ложными, и Ваши военные приступили недавно к созданию комплекса ракетных баз на Кубе...

Я надеюсь, что Ваше правительство предпримет необходимые действия, позволяющие восстановить существовавшее ранее положение.

Искренне Ваш

Джон Ф. Кеннеди»¹⁰⁸.

Едва получив послание, Хрущев созвал заседание Президиума ЦК КПСС. За столом сидели Брежнев, Воронов, Кириленко, Козлов, Косыгин, Куусинен, Микоян, Подгорный, Полянский, Суслов, Шверник, Гришин, другие партийные руководители. Стояла тишина. Все смотрели на Хрущева. Тот внешне был совершенно спокоен. Вначале зачитал срочное сообщение советской разведки из Вашингтона, согласно которому «президент якобы принял решение о вторжении на Кубу сегодня или завтра ночью»¹⁰⁹.

Все продолжали молчать. Хрущев огласил послание американского президента, обвел длинный стол глазами, спросил:

— Что будем делать?

Решили ответить жестко, не уступать американскому нажиму. Через несколько часов ответ Хрущева был готов (в Москве уже шли первые часы 26 октября). Письмо было составлено на восьми страницах! Были учтены все диктовки самого Хрущева. Первый секретарь продолжал наивно идеологически «воспитывать» американского президента. Некоторые утверждения ответного письма Хрущева просто поражают.

Я приведу несколько фрагментов этого любопытного документа, сочиненного, в основном, под диктовку Хрущева в момент, когда мир был буквально в полушаге от ядерного катаклизма. Впрочем, судите сами о содержании послания.

«Уважаемый господин Президент.

Получил Ваше письмо от 25 октября. Из Вашего письма я почувствовал, что у Вас есть некоторое понимание сложившейся ситуации и сознание ответственности. Это я ценю».

А вот другой любопытный фрагмент письма. «Думаю, Вы правильно поймете меня, если Вы действительно заботитесь о благе мира. Мир нужен всем: и капиталистам, если они не потеряли рассудка, и тем более коммунистам, людям, которые умеют ценить не только собственную жизнь, но больше всего — жизнь народов. Мы, коммунисты, вообще против всяких войн между государствами и отстаиваем дело мира с тех пор, как появились на свет. .»

Это о политическом, идеологическом аспекте конфликта. Комментарии здесь не нужны. А вот о военном. «...Ваши доводы относительно наступательного оружия

на Кубе не имеют под собой никакой почвы... Вы, господин Президент, военный человек и должны понимать — разве можно наступать, имея на своей территории пусть даже и огромное количество ракет разного радиуса действия и разной мощности... Наступать этими ракетами, даже ядерными ракетами мощностью в 100 мегатонн, нельзя, потому что наступать могут только люди, войска... Неужели Вы серьезно думаете, что Куба может наступать на Соединенные Штаты и даже мы вместе с Кубой можем наступать на вас с территории Кубы? Неужели Вы действительно так думаете? Как же так? Мы не понимаем этого».

Невежественность, дремучая некомпетентность утверждений Хрущева потрясают. Но почему ни один член Президиума при утверждении письма, ни один маршал или генерал не сказали первому секретарю, что в письме — явная глупость, так можно только выставить себя на полное посмешище. Но традиция большевизма продолжалась: первому лицу не возражали. Утверждать, что ядерные ракеты не наступательное оружие... Как же мыслил Хрущев?

Чего стоят утверждения типа: «Этого не может быть». У Хрущева выглядит так: «Мы — нормальные люди... Следовательно, как же мы можем допустить неправильные действия, которые Вы нам приписываете?!»

Или дальше в письме:

«Заверяю Вас, что эти суда, идущие сейчас на Кубу, везут самые невинные мирные грузы...»

В конце письма Хрущев, отвергая шаги американского президента как агрессивные, диктует фразу, от которой и сегодня становится не по себе: «Если Вы это сделали в качестве первого шага к развязыванию войны, ну что ж, видимо, ничего другого у нас не остается, как принять этот Ваш вызов...»

Но раньше этой фразы была и другая, ключевая, спасительная: если США заявят о том, что не вторгнутся своими войсками на Кубу, то «тогда отпадет и необходимость в пребывании на Кубе наших военных специалистов»¹¹⁰.

По дипломатическим каналам Хрущев сообщил, что мы вывезем ракеты с Кубы, а Вы дайте обещание, что не нападете на остров. Спасительная формула была найдена, что позволило позже Хрущеву свое унижительное отступ-

ление изобразить как безоговорочную победу. Но по большому счету то была победа разума, победа для всех.

А между тем события продолжали «закручиваться». После отправки письма, продиктованного Хрущевым, Малиновский получил из Гаваны от Павлова (так подписывался для маскировки И.А. Плиев) шифровку, согласно которой можно было ожидать удара авиационных стратегических соединений «в ночь с 26 на 27 октября или с рассветом 27-го». Плиев докладывал: «Принято решение в случае ударов по нашим объектам со стороны американской авиации применить все имеющиеся средства ПВО». Министр обороны, который подписывал телеграммы как «Директор», начертал на телеграмме: «Послать тов. Хрущеву Н.С. Решение Павлова предлагаю утвердить. 21.10.62». Сообщение тут же доложили Председателю Совета Оборона. Хрущев размашисто написал: «Утверждаю. 27.10.1962».

А через несколько часов у Хрущева на столе лежало еще одно донесение Малиновского: 27 октября в 18.20 московского времени был сбит американский разведывательный самолет У-2. «Этот самолет был сбит двумя зенитными ракетами 507 зенрап (зенитное ракетно-артиллерийское прикрытие) на высоте 21 000 м».

В США были близки к истерии. Генералы требовали немедленного удара по советским ракетным установкам. Эта суббота могла стать роковой для всего мира. Если бы Кеннеди изменила выдержка и удар был бы нанесен, уцелевшие ядерные ракеты (импульсивному Хрущеву тогда было бы трудно удержаться от ответного шага) могли до основания потрясти Америку. То была бы самая страшная земная катастрофа в истории человеческой цивилизации.

Дальнейшее известно. Кеннеди через своего брата Роберта связался с совпослом Добрыниным, которому передал: если СССР выведет свои ракеты с Кубы, то нападения на нее не будет.

Всю ночь на 28 октября члены Президиума провели в кабинете Хрущева. Первый секретарь, уже решивший про себя отступить, зачитывал одну за другой телеграммы разведки, по которым выходило, что промедление с принятием решения — это война, ибо американцы обязательно нанесут удар. Вновь все засели за коллективное написание письма. Прямо здесь, в кабинете. Получалось плохо, ибо советские руководители (начиная с секретаря рай-

кома партии) никогда сами не писали докладов и речей, а умели лишь налагать начальственные резолюции.

Страна спала, совершенно не ведая, что коммунистические руководители сначала подвели ее к последней роковой черте, а сейчас лихорадочно пытаются оттащить державу от страшного обрыва.

Шифровать текст было уже некогда. Письмо американскому президенту начали передавать по радио открытым текстом, когда последняя страница еще редактировалась за длинным столом Хрущева...

В эфир летели нескладные длинные фразы: «...Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз...»

Длинное, беспомощное пропагандистское послание, в котором, например, были и такие слова-заклинания: «Наш народ наслаждается плодами своего мирного труда. Он достиг огромных успехов после Октябрьской революции, создал величайшие материальные, духовные и культурные ценности...»¹¹¹

Когда судьбу мира и войны решали минуты, идеологическая риторика все равно была обязательна. Это необходимый атрибут большевизма — светской религии.

Кремль отступил, забыв, однако, даже поставить об этом в известность Фиделя Кастро... Спустя годы Никита Сергеевич продикует: «Как бы там ни было, мы добились большой победы, заполучив у Кеннеди обещание, что ни Соединенные Штаты, ни их союзники не будут пытаться вторгнуться на Кубу»¹¹².

Дальше последовало: гнев Кастро, обсуждение деталей вывода войск, демонтаж и разрушение стартовых площадок на Кубе, унижительная инспекция кораблей, вывозивших ракеты в СССР. На стол начальника Главного оперативного управления Генштаба С.П. Иванова ложились тогда одна за другой телеграммы, которые уже никто и не думал показывать Хрущеву...

Вот, например, что докладывал в Москву капитан теплохода «Волголес» Сепелев И.Ф.:

«В 08.00 9 ноября с г.шедший в кильватере американский эсминец № 878 подошел к левому борту на расстояние 30 метров, лег параллельным курсом и предложил снять брезенты с ракеты на левом борту носовой палубы. Брезенты сняли полностью по их просьбе, после чего эсминец попросил снять частично брезенты с пяти ракет на кормовой палубе. В 08.25 эсминец перешел на правый борт, посмотрел частично раскрытые головные части ракет правого борта кормовой палубы, затем попросил раскрыть брезент полностью с ракеты правого борта новой палубы, что и было сделано с нашей стороны. Марки ракет на герметических чехлах были предварительно заклеены на ракетах носовой палубы, стабилизаторы этих ракет прикрывались людьми во время визуального осмотра и фотографирования с эсминца. Над судном все это время летал на бреющем полете американский самолет LR 143176. В 09.25 визуальный осмотр был окончен, на эсминце подняли флажный сигнал «Благодарю Вас», и через рупор было передано на русском языке: «Желаю счастливого возвращения на Родину». После этого эсминец лег в кильватер и сопровождал нас до поворота от берегов Кубы...

Экипаж теплохода «Волголес» как в период кульминации кубинского кризиса, так и на протяжении всего рейса был мобилизован на выполнение рейсовых заданий, сохранение судна и поддержание чести советского моряка...»¹¹³.

У Хрущева и Кеннеди хватило здравого смысла договориться и избежать самого худшего. Две недели октября 1962 года навсегда вошли в историю человечества как одна из кульминаций противоборства двух разных миров. Но, может быть, этот кризис и ускорил осознание хрупкости жизни в ядерный век и приоритета общечеловеческих ценностей над идеологическими мифами?

Однако когда в октябре 1964 года снимали с поста Хрущева, то при подготовке доклада на пленум его соратники договорились включить следующие по содержанию тезисы. «В одной из речей тов. Хрущев заявил, что если США тронут Кубу, то мы нанесем по ним удар. Он настоял на том, чтобы на Кубу были направлены наши ракеты. Это

вызвало глубочайший кризис. привело мир на грань ядерной войны; это страшно перепугало и самого организатора столь опасной затеи. Не имея другого выхода, мы вынуждены были принять все требования и условия, продиктованные США, вплоть до позорного осмотра американцами наших кораблей...»

Когда принималось решение отправить ракеты на Кубу, подписи, в знак согласия, поставили все члены Президиума. Все были «за». Когда нужно было испить чашу позора в связи с этим авантюрным решением, соратники Хрущева через два года пытались задним числом заставить сделать это опного своего бывшего лидера.

После Карибского кризиса вокруг Хрущева начало зреть глухое недовольство: среди соратников по Президиуму, военных руководителей, ортодоксальных коммунистов. В десятках анекдотов, начавших ходить по стране, Хрущева высмеивали за невежество, убогие «пятиэтажки», кукурузу, попытки «обогнать» Америку, за три звезды Героя Социалистического Труда (в 1964 году он станет еще и Героем Советского Союза), гидропонику и многое, многое другое. Говорили и о том, как он «драпанул» с Кубы.. Когда лидера боятся или ругают, критикуют или спорят с ним — это нормальное, обычное состояние человека, находящегося на вершине пирамиды власти. Но когда над ним смеются и потешаются — значит, время лидера сочтено.

После мрачных гигантов, носивших выдуманные фамилии Ленина и Сталина, Хрущев в конце концов оказался для общества как бы легковесным, недостаточно ортодоксальным руководителем. Реформатора не смогли понять, а многие не захотели простить разоблачения «культы личности».

Хотя после кубинской авантюры Хрущев еще целых два года пытался ускорить и усилить обороты мотора реформ, двигатель не «тянул». Хрущев понимал, что перемены в обществе необходимы, нужны, но пытался их осуществлять старыми большевистскими методами. Этот методологический разлад виделся его соратниками как драматический отход от марксизма-ленинизма. Карибский кризис, выход из которого Хрущев оценивал как свою победу, еще больше подорвал позиции первого секретаря

среди номенклатуры. Реформатор сам создал условия, когда вожди державы могут не свергаться, а сниматься.

Хрущев оказался совершенно одинок, хотя и обитал в огромной толпе «ленинцев».

Поражение реформатора

Все главные лидеры СССР, кроме Хрущева и Горбачева, оставались на своих постах, пока смерть не похищала у них жизнь. Беспомощный, почти впавший в младенчество Ленин, полуразрушенный Сталин, как манекен в своей безжизненности Брежнев, прикованный на месяцы к искусственной почке Андропов, потерявший способность членораздельно говорить Черненко — все они до последнего вздоха оставались вождями гигантской страны. Никто из них не покинул холм власти по «доброй воле».

Хрущев стал первым исключением. Его в результате партийного заговора отстранили от высшего поста, принудили подать в отставку, но не сослали в ссылку, не расстреляли, не бросили в тюрьму. И во всем этом, в частности, заслуга человека, публично осудившего с трибуны XX съезда такие методы. По отношению к Хрущеву его соратники действовали в 1964 году весьма коварно, но при этом соблюли хотя бы внешние признаки демократического приличия.

Сместили Хрущева в октябре 64-го. Но первая попытка отстранения реформатора была предпринята еще в 1957 году. Старые сталинцы в Президиуме с тревогой и злобостью смотрели, как «разворачивается» Хрущев. Прежде всего они не могли ему простить атаки на культ личности. Все они были выдвинутыми сталинской системы, все были причастны (в той или иной мере) к кровавым чисткам, все привыкли к полицейско-бюрократическому режиму.

Летом 1957 года Молотов, Маленков, Каганович (как несколько лет назад Хрущев при подготовке заговора против Бери) провели тайные встречи с членами Президиума, на которых обсуждался вопрос об отстранении от власти Хрущева. «Троицу» поддержали Ворошилов, Булганин, Первухин и Сабуров. С кандидатами в члены Президиума Брежневым, Жуковым, Мухитдиновым, Шверником и Фурцевой секретные разговоры не велись; они не обладали на заседаниях правом решающего голоса. Когда 18 июня 1957 года в Кремле началось очередное, плано-

вое заседание Президиума, Молотов, а затем Маленков, нарушив ход обсуждения текущих рутинных дел, неожиданно поставили вопрос об отстранении Хрущева с поста первого секретаря. Его обвинили в игнорировании Президиума ЦК, экономической безграмотности, склонности к импульсивным, непродуманным действиям.

Разгорелась жаркая, даже ожесточенная полемика, переходящая во взаимные обвинения и оскорбления. Хрущева поддерживали Кириченко, Микоян, Суслов и кандидаты в члены Президиума. Но их голоса, напомним еще раз, были лишь совещательными. В конце концов Молотову удалось поставить вопрос на голосование. Семью голосами против четырех прошло предложение Молотова и Маленкова о смещении Хрущева с поста первого секретаря.

Однако лидер заявил:

— Я не подчиняюсь этому решению. Меня избрал пленум ЦК, и только он может меня отстранить. Давайте созовем пленум.

Молотов пытался парировать аргументы Хрущева:

— Нас тоже избрал пленум, и мы вправе от его имени принимать решения об изменениях в руководстве.

Заседание Президиума продолжалось и 19 июня. Теперь Молотов предложил упразднить саму должность первого секретаря. Ведь в марте—августе 1953 года не было ни генерального, ни первого секретаря. Споры на заседаниях Президиума продолжались еще и 20, и 21 июня... Никакой стенограммы заседаний Президиума не велось...

А тем временем очень близкий к Хрущеву человек — А.И. Серов, председатель КГБ, личность не менее мрачная, чем Берия, первый секретарь Ленинградского обкома Ф.Р. Козлов, еще ряд лиц из состава ЦК, находящихся в Москве, оповестили членов ЦК на периферии. Съехались быстро. Булганин, который вел заседания Президиума, по поручению Молотова и Маленкова встретился с группой членов ЦК, которую привел в Кремль Серов. Булганин пытался убедить партийных функционеров, что «вопрос решен и незачем возобновлять волюнку».

Однако Жуков, Серов, представляющие основную часть реальной власти, многозначительно потребовали: пусть вопрос о руководителе партии решит не Президиум, а заседание пленума ЦК.

Заговорщикам ничего не оставалось, как согласиться с

«силовыми» доводами. 22 июня в полдень в Кремле открылось заседание внеочередного пленума ЦК. Он был необычным по продолжительности — шел целую неделю, с 22 по 27 июня. На бурных заседаниях из присутствовавших 121 члена ЦК, 94 кандидатов в члены и 51 члена Ревизионной Комиссии выступило 60 (!) человек, а записалось для обсуждения более двухсот (в том числе приглашенные). Практически все выступающие оказали поддержку Хрущеву, понимая, что решение молотовской группировки означает поворот назад, реставрацию старых порядков, возвращение полицейских времен.

Пленум открылся острой пикировкой Хрущева и Молотова о регламенте работы пленума. Наконец «слово для сообщения» получил М.А. Суслов. В своем бессвязном «сообщении» Суслов, ставший одним из главных ревнителей чистоты марксизма-ленинизма, сразу же задал нужную тональность пленуму. Всячески акцентируя внимание партийных функционеров на антипартийных грехах Молотова, Кагановича, Маленкова, Суслов в выгодном свете говорил о Хрущеве, который проводит «огромную, напряженную, инициативную работу на посту Первого секретаря ЦК»¹¹⁴.

Пленум потребовал объяснений от Молотова, Маленкова, Кагановича, других «фракционеров». Странное впечатление оставляют эти «заслушивания». Заседания походили на восточный базар: выступающему не давали говорить, все галдели, лезли с репликами, забрасывали с разных сторон вопросами и тут же давали убийственные оценки лидерам «антипартийной группы». Например, выступление Маленкова, судя по стенограмме, перебивали вопросами и выкриками 117 раз, Кагановича — 112, Молотова — 244 раза... Только Молотов остался верен своей консервативной, просталинской позиции, остальные медленно сдавались, отступали, каялись, признавались в грехах фракционности.

Особенно трудно оппозиционерам было отвечать на вопросы типа тех, которые поставил в своем выступлении Маршал Советского Союза Г.К. Жуков:

— С 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение Военной коллегией, Верховным судом к высшей мере наказания — расстрелу — 38 679 человек.

— Сталин и Молотов в один день, 12 ноября 1938 года, санкционировали к расстрелу 3167 человек.

— 21 ноября 1938 года НКВД получил санкцию Сталина и Молотова на расстрел 229 человек, в том числе членов и кандидатов ЦК — 23, членов КПК — 22, секретарей обкомов — 12, наркомов — 21, работников наркоматов — 136, военных работников — 15...¹¹⁵

Почему Молотов умалчивает обо всем этом?

При обсуждении вопроса о репрессиях Хрущев больше молчал, зная свою неблагоприятную роль в этих чистках, иногда, правда, делал колкие замечания. На одно из них Маленков зло бросил:

— Ты у нас чист совершенно, товарищ Хрущев!

Все время, пока шли заслушивания фракционеров, из зала слышались выкрики: «Ужас!», «Палачи!», «Неправда!», «Напрасно сваливаете на покойника (Сталина)», «Не прикидывайтесь!», «Какое наглое выступление!», «Это возмутительно!», «Позор!» и другие подобные возгласы и реплики.

Обвиняемые в антипартийном сговоре с трудом сдерживали свои симпатии к Сталину и сталинизму, тем временам, когда они могли вершить судьбами миллионов людей, не отвечая за последствия. Правда, иногда в выступлениях антихрущевцев проскальзывали ноты, которые характеризовали их более точно, чем вынужденные признания и раскаяния.

Например, Л.М. Каганович в конце своего выступления заявил: «В октябре 1955 года, за 4 месяца до съезда партии (XX. — Д.В.), Хрущев внес предложение о Сталине. Сам Хрущев за 5 месяцев до съезда выступал и говорил о Ленине и Сталине, как о великих наших руководителях, которые обеспечили нам победу. Всего за 5 месяцев до съезда! Мы говорили об учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, мы говорили, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина. Потом вдруг поставили вопрос о Сталине. Не все легко могут воспринять. Одни воспринимают по-одному, другие — по-другому. Я воспринял с большой болью. Я любил Сталина, и было за что любить — это великий марксист»¹¹⁶.

Хрущев на всю эту тираду только и смог негромко выдать:

— Это неправильное заявление.

Думаю, в словах Кагановича и скрыт основной смысл

внутрипартийного конфликта. Не целина или перестройка управления промышленностью, непрерывные организационные реорганизации или выдвигание лозунгов типа «догнать и перегнать Америку» были главными причинами ожесточенной схватки на вершине партийной иерархии. Нет, не главное; это все производное. Глубинный источник конфликта — в противоборстве нового, реформаторского курса Хрущева с линией на реставрацию, хотя бы частичную, старых сталинских порядков. В этом все дело.

Долгий пленум закончился осуждением сталинских ортодоксов, что нашло свое выражение в удалении Молотова, Маленкова и Кагановича из состава Президиума ЦК, как и «примкнувшего» к ним Шепилова. В награду за поддержку пять кандидатов в высший орган стали его полноправными членами, новые имена появились и в кандидатском «корпусе»: Косыгин, Кириленко, Мазуров. Формально все догматики-оппозиционеры остались в партии, получили новые, провинциальные должности. Но ненадолго: Хрущев никому ничего не забыл и не простил. Постепенно все оппозиционеры перейдут на положение пенсионеров. Реформатор обладал одной неприятной чертой, унаследованной от сталинского времени: не прощать противников.

В.Н. Новиков в своих воспоминаниях приводил такой эпизод. Хрущев отправлялся в Париж. Первый секретарь и провожавшие его члены Президиума зашли в правительственный зал на Внуковском аэродроме. Хрущев кратко изложил соратникам, что он думает говорить при встречах с руководством Франции. Казалось, новый стиль — партийный лидер советуется с соратниками. Закончив изложение своих тезисов, Хрущев, уверенный в поддержке, спросил, обращаясь к присутствующим:

— Ну, как?

Все стали одобрять, поддакивать, хвалить тезисы. А секретарь ЦК А.Б. Аристов, «подперев рукой щеку», как бы в раздумье сказал:

— Надо бы еще подумать, может быть, сказать им что-то поинтереснее?

Хрущев надулся, покраснел и, обращаясь к Аристову, зло заметил:

— А что, что, что?

Аристов растерялся, ответить ничего не смог, только пробормотал: «Может быть, может быть...»

Вернувшись из Франции, Хрущев, спускаясь по трапу, отыскал глазами секретаря ЦК и крикнул:

— Ну как, Аристов, умно я там себя вел?

Все хором отвечали: «Конечно, Никита Сергеевич, все отлично». От души приветствовал возвращение Председателя Совмина и Аверкий Борисович Аристов. Однако через месяц он был освобожден от должности и позднее направлен послом в Польшу¹¹⁷.

И это не единичный случай. Советские высшие руководители не любили как неудачных советчиков, так и тех, кто пытался перечить вождю.

Количество недовольных Хрущевым в его окружении становилось все больше. Брежнев, Подгорный, Игнатов, Суслов, Устинов, Семичастный, Шелепин, другие высокие руководители не очень скрывали своего недовольства первым лицом. Обстановка созрела как бы сама собой; ряд крупных неудач в народном хозяйстве ускорили развязку.

Виноватым, конечно, считали пионера реформ, не очень понимая, что только на пути преобразований возможен переход бюрократического, тоталитарного общества к обществу цивилизованному. Никто тогда абсолютно не ставил под сомнение сам «социалистический путь» развития. Вероятно, и Хрущев не понимал, что коммунистический монолит практически не поддается реформам. Только переход ленинизированного общества хотя бы на социал-демократические рельсы давал какие-то шансы стране и народу. Но никто не может выйти из своего времени. Хрущев — тоже. Он и так сделал почти невозможное: будучи «воспитанником» сталинской школы, смог заметно изменить сам и кардинальным образом трансформировать общество.

После него, как ни симпатизировал Брежнев многим аспектам сталинизма, он не мог уже решиться на его реставрацию. Преграды на этом пути, поставленные Хрущевым, были труднопреодолимыми. В этом историческая, непреходящая заслуга не очень удачливого реформатора.

Впрочем, в России вполне удачливых реформаторов фактически и не было никогда...

В начале октября 1964 года Хрущев уехал на пару недель в Пицунду. Там он не ограничивался рамками тради-

ционного отдыха высших партийных функционеров, а продолжал свою обычную работу: принимал руководителей, заслушивал министров, беседовал с иностранными гостями, внимательно следил за групповым полетом трех советских космонавтов. Первый секретарь был всегда полон энергии и новых планов. С ним был и Микоян, пожалуй, наиболее близкий человек к Хрущеву в составе Президиума. Как пишет зять первого секретаря А. Аджубей, Хрущев «знал, что один руководящий товарищ, разъезжая по областям, прямо заявляет: надо снимать Хрущева».

Улетая в Пицунду, первый секретарь сказал провожавшему его Подгорному:

— Вызовите Игнатова, что он там болтает? Что это за интриги? Когда вернусь, надо будет все это выяснить.

С тем и уехал.

Не такой была его натура, чтобы принять всерьез странные вояжи и разговоры Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Г. Игнатова и тем более думать о том, что ведет их Игнатов не по своей инициативе»¹¹⁸.

И вновь возник партийный заговор. Тоталитарная система больше способствует их появлению, чем демократическая. Хрущев в Пицунде, а у Брежнева в кабинете члены Президиума ЦК обговорили все детали. Прежде всего договорились действовать строго согласованно, без всяких там «особых мнений».

Брежнева еле уговорили позвонить Хрущеву в Пицунду и пригласить на заседание Президиума ЦК. Мол, есть вопросы, которые без него не решить. Будущий генсек несколько раз брал трубку телефона и клал ее обратно на аппарат. Его подбадривали. Решимости не хватало; Брежнев понимал, что становится во главе заговора, хоть и не военного, но весьма неблагоприятного. Как все повернется?

Хрущев выслушал сначала Суслова, а затем и подрагивавшую тираду Брежнева и лишь бросил:

— Что вы там торопитесь? Приеду — разберемся.

Помолчав, однако, добавил:

— Ладно, я подумаю.

Назавтра, 13 октября, Хрущев был рано утром уже в Москве. На аэродроме непривычно пустынно: его встречал только В.Е. Семичастный — председатель КГБ, и начальник управления охраны Чекалов.

— А где остальные?

— Никита Сергеевич, — отвечает Семичастный, — они в Кремле...

Хрущеву сразу стало все ясно: начата новая атака Президиума на своего первого секретаря. Он еще не знал, что накануне его прилета, 12 октября, в Кремле состоялось заседание высшей партийной коллегии. Присутствовали члены и кандидаты Президиума: Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов, Н.М. Шверник, В.В. Гришин, Л.Н. Ефремов, а также секретари ЦК: Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, Л.Ф. Ильичев, В.И. Поляков, Б.Н. Пономарев, А.П. Рудаков, В.Н. Титов, А.Н. Шелепин. Вел заседания завтрашний триумфатор Брежнев.

Решение было коротким, на полторы страницы: обсудить на заседании Президиума некоторые вопросы нового пятилетнего плана с участием Н.С. Хрущева. Поручить Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному переговорить с Хрущевым и передать ему в Пищунду решение. Постановили также собрать пленум ЦК, а также отозвать с мест записку Н.С. Хрущева от 18 июля 1964 года с «путаными установками «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации»¹¹⁹. В записке предлагались еще более громоздкие органы управления сельским хозяйством.

...Прямо с аэродрома Хрущев приехал на заседание Президиума ЦК. К вчерашнему составу присоединились Микоян, В.П. Мжаванадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Ш.Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, П.Е. Шелест — первый секретарь ЦК Компартии Украины.

...Протокола заседания Президиума ЦК 13 октября 1964 года не велось. Как и условились партийные заговорщики заранее, выступили все до одного члены Президиума. Нажимали на игнорирование Хрущевым коллективного руководства, самоуправство, непредсказуемость, многочисленные ошибки. К слову, многое в обвинениях соответствовало действительности. В каждом выступлении, согласно уговору, обязательно предлагалось отстранение первого секретаря. Лишь Микоян выступил в защиту Хрущева, но остался в полном одиночестве. Микоян предложил освободить Хрущева от поста первого секретаря, оставив его главой правительства. Все сразу стали протестовать (ведь уговор накануне был другим!).

Первый секретарь поначалу всех перебивал, пытался остановить нежелательный ход обсуждения, но ледяная стена неприятия его, как первого лица, поразила Хрущева. Он вначале еще надеялся, что, как и в 1957 году, ему удастся справиться с ситуацией. Хрущев пробовал протестовать, возражать, переходить в контратаки, но его голос глож в ледяном безмолвии отрицания сидевших соратников, которые на этот раз отвернулись от него фактически единодушно. Все было предрешиено.

То была еще одна драма Хрущева. На этом заседании он не давал согласия добровольно оставить пост. Заседание так и окончилось ничем. Хрущев молча сел в машину и уехал на дачу. Наутро заседание было продолжено. Председатель КГБ Семичастный предусмотрительно сменил всю охрану Хрущева на новую, отдал необходимые распоряжения своим службам: никакие команды, приказы, указания Хрущева не исполнять без решения Президиума. Еще оставаясь формально первым секретарем, Хрущев лишился всех реальных рычагов власти. Первый секретарь был изолирован и сломлен. Его предали те, кто больше всего юлил перед ним: Брежнев, Суслов, Подгорный, а затем и все остальные.

Утром, приехав на заседание Президиума, Хрущев сразу же подписал заранее подготовленный аппаратом ЦК текст заявления с просьбой освободить от должности «по состоянию здоровья». В заявлении говорилось: «В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма.

Хрущев»¹²⁰.

Все инициаторы кремлевских перемен вздохнули с облегчением; удалось решить вопрос без кардинальных мер и эксцессов. Брежнев, Суслов и другие заговорщики не могли скрыть своего радостного возбуждения. Свершилось!

Единогласно (Хрущев не голосовал) приняли еще одно постановление, где уже прямо говорилось, что первый секретарь «стал выходить из-под контроля ЦК, перестал

считаться с мнением членов Президиума». Записали: «При сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе», а посему — «удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря, члена Президиума ЦК и Председателя Совета Министров СССР»¹²¹.

Хрущев сидел, не поднимая лица, обхватив голову руками. Затем он молча вышел и так же молча спустился к машине. Его никто не провожал. Партийная карьера реформатора неожиданно для него завершилась. После этих октябрьских дней 1964 года наступят почти два десятилетия полного замалчивания и забвения его имени. Он как бы когда-то и был, но как бы совсем и не было его...

Дальше все было проще. На следующий день, 14 октября 1964 года, открылся пленум ЦК КПСС. В своем вступительном слове Л.И. Брежнев заявил: «...обстановка в Президиуме ЦК сложилась ненормальная, и повинен в этом прежде всего т. Хрущев, вставший на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивающий культ своей личности...»¹²².

Основной доклад делал, конечно, М.А. Суслов — штатный «инквизитор» ЦК. Главный аллилуйщик, интриган и ортодокс стал постепенно в ЦК человеком, которого побаивались все, даже генеральные секретари. Доклад Суслова был разносным. Нет нужды пересказывать его, ведь дело было сделано, Хрущев уже сидел у себя на даче. Однако я приведу лишь несколько фраз из доклада Суслова.

«...Хрущев систематически занимался интриганством, стремился всячески посорить членов Президиума друг с другом (*голоса: «Позор!»*). Но интриганством безнаказанно нельзя долго заниматься. И в конце концов все члены Президиума убедились в том, что т. Хрущев ведет недостойную игру...»

«...В течение года т. Хрущев с упрямством, достойным сожаления, стремился ликвидировать Тимирязевскую академию на том лишь основании, что ее ученые в своем большинстве не разделяли взглядов т. Хрущева по ряду вопросов системы земледелия (*голоса: «Позор!»*). Добавим лишь истины ради, что Хрущев не ставил вопроса о ликвидации академии, а предложил рассмотреть вопрос о

переводе ее из Москвы в какую-нибудь сельскохозяйственную область...

Суслов не преминул проехаться по зятю Хрущева — талантливому журналисту А.И. Аджубею, заявив, что «Президиуму пришлось принимать меры, чтобы обезвредить развязную и безответственную болтовню этого гастролера...». Заявление Суслова о том, что Аджубей освобожден от работы редактора газеты «Известия», зал встретил аплодисментами...¹²³

Чувство идеологической стадности давно стало присуще не только простым людям, но и партийной элите, с готовностью поддерживавшей любые лозунги и установки своих вождей. Десятилетия духовной монополии не могли пройти бесследно; каждый старый вождь (кроме Ленина) предавался прямому или косвенному остракизму. Новый — возвеличиванию.

Когда на пленуме единогласно (только так было всегда на этих форумах!) избрали первым секретарем ЦК Л.И. Брежнева, зал привычно дружно вскочил и устроил новому вождю долгую овацию.

А Хрущев тем временем ходил из угла в угол казенной дачи, которую раньше занимал Молотов. В 1965 году, после отставки, Хрущева переселили в Петрово-Дальнее, что возле реки Истра. Возможно, он жалел, что не прислушался к информации, которая поступила к нему от Галюкова Василия Ивановича — бывшего начальника охраны члена Президиума ЦК КПСС Н.Г. Игнатова. Галюков сообщал, что против первого секретаря зреет заговор, во главе которого стоят Подгорный, Суслов, Брежнев, Шелепин, Семичастный, сам Игнатов.

Размышления прервал А.И. Микоян, приехавший с пленума и сообщивший новости о кадровых перестановках. Затем Микоян добавил:

— Меня просили передать тебе следующее. Нынешняя дача и городская квартира сохраняются за тобой пожизненно.

Новый первый секретарь собственноручно написал, какие «блага» положены Хрущеву. Брежнев не написал, но знал, что отныне за каждым шагом Хрущева будут следить спецслужбы и регулярно докладывать: выходил с дачи, был в поселке, ездил в Москву (что было редко), кто приезжал к нему.

В свое время Брежнев, когда стал фаворитом у Хруще-

ва, в расчете на то, что соглядатаи в ЦК доложат об этом первому секретарю, демонстративно писал в настольном календаре:

«Ура, приземлился Н.С. — победа и радость».

«28-го (год 1959) встречал Никиту Сергеевича — радостная и приятная встреча... Ужин на Ленинских горах...»

«Звонил Н.С. Обедали вместе¹²⁴. С Хрущевым ездили в Завидово».

Таких записей вплоть до 1964 года немало. Брежнев, вероятно, хотел, чтобы и неофициальные сведения о нем были самыми благоприятными...

Хрущев хмуро выслушал Микояна и бросил: «Я готов жить там, где мне укажут...»¹²⁵

Опальный руководитель тяжело переживал свое фиаско; подолгу сидел в кресле на лужайке, тихо прогуливался по дорожкам дачи. Но его беспокойная натура искала работы. Он стал выращивать помидоры, попробовал заниматься гидропоникой, иногда выезжал в Москву: в театр, на выставки. Власти внимательно следили за опальным лидером. Когда к нему однажды приехал Е.А. Евтушенко, а затем М. Шатров, потом и Роман Кармен — об этом тут же становилось известно в КГБ и Брежневу. Хрущев начал много читать и, надо думать, на старости лет открыл для себя удивительный, прекрасный мир Толстого, Лескова, Тургенева.

Как вспоминала жена Хрущева Нина Петровна, спустя несколько лет после отставки Хрущев вдруг решил начать писать воспоминания. Сам факт этого решения, как заявил Хрущев в ноябре 1970 года, можно датировать 1968 годом. Думаю, одной из причин этого решения явилось его знакомство с многочисленными мемуарами военачальников, политических деятелей, работников культуры. Это был мемуарный «сезон». Ведь при Сталине фактически никто не смел «предаваться» воспоминаниям. А здесь после XX съезда шлюзы человеческой памяти были открыты. Правда, отдел пропаганды ЦК строго следил за содержанием мемуаров. Вскоре после ухода Хрущева с политической сцены о сталинских репрессиях, например, практически уже нельзя было писать. Нельзя было уже критиковать Сталина и многое другое. Сколько Хрущев ни листал мемуары людей, которых он хорошо лично знал (маршалов, министров, ученых), там не было ни слова о нем... Почти ни слова. По воле идеологической цензуры он как

бы растворился для истории, исчез для современников, скрылся навсегда от мира за забором своей дачи. Как у Оруэлла: он вроде был, но вроде бы и не было его никогда... Это умолчание больно ранило Хрущева.

Однажды за завтраком он заявил, что будет писать воспоминания. «Писать» в действительности в силу своей малограмотности он не мог. Ему привычнее было, что он и делал, будучи у власти, диктовать. Достали портативный магнитофон. Хрущев обычно говорил вполголоса не дома, а во дворе дачи или на кухне. Вначале Нина Петровна обрабатывала записи, а затем решил помочь отцу его сын Сергей. Он брал записи и уносил знакомой машинистке.

Как и следовало ожидать, о диктовках Хрущева скоро стало известно политбюро. Политический сыск в СССР был непревзойденным! По указанию Брежнева бывшего первого секретаря вызвал к себе А.П. Кириленко, весьма влиятельный тогда член высшего руководства. Разговор получился тяжелым, но Хрущев отказался прекратить свои диктовки. «Разве я не имею права писать свои воспоминания?» — бросил он Кириленко. Тому нечего было сказать... Тогда еще раз обсудили вопрос о Хрущеве на высшей партийной коллегии — в политбюро.

В мартовском протоколе политбюро № 158 имеется запись: «Поручить тт. Капитонову И.В. и Андропову Ю.В. принять Хрущева Н.С. и переговорить с ним в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро»¹²⁶.

Беседа состоялась. Андропов 25 марта 1970 года доложил в ЦК о ее содержании специальной запиской. Шеф КГБ писал, что в «воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительную партийную и государственную тайну... даже частичная утечка упомянутых сведений может причинить нашей стране серьезный ущерб... Для печатания и обработки магнитофонных пленок использует своего сына Сергея Хрущева. Место обработки пленок нам не известно и, судя по всему, тщательно скрывается Н.С. Хрущевым и его сыном... Настораживают встречи Сергея Хрущева с иностранцами».

Далее констатируется, что предупреждение Хрущеву, сделанное в ЦК, «не оказало нужного воздействия». Андропов предлагает: «Установить оперативный негласный контроль за Н.С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым для получения более точных данных по затронутому

вопросу и предупреждения нежелательных последствий»¹²⁷.

Хрущев тяжело пережил беседу. Через некоторое время она привела к инфаркту. Но политбюро не успокоилось. По указанию Суслова 10 ноября 1970 года Хрущев был вызван на заседание Комитета партийного контроля.

Стенографическая запись беседы с Хрущевым в комитете обширна и подробна. Из-за объема я не имею возможности привести ее всю. Председатель комитета А.Я. Пельше сразу же в лоб предъявил пенсионеру обвинение: в Америке в ближайшее время выйдет книга «Хрущев вспоминает». Как это произошло? Понимает ли Хрущев, что он несет всю полноту ответственности за это?

Бывший первый секретарь был растерян. Он действительно не знал, как его записи попали на Запад. Он не мог думать на Сергея, но, возможно, так именно и было. Впрочем, был и литературный обработчик, машинистка... Хрущев заявил:

— Никогда никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это правом каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

Хрущева долго «допекали», грозили, запугивали последствиями, говорили об ущербе для СССР, который нанес мемуарист. Наконец Никита Сергеевич взорвался:

— Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, говорю, что я недоволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе.

Разговор был долгий, сумбурный, тяжелый. В ходе его Хрущев назвал покойного Игнатова «дурачком», требовал для себя «смертной казни», возмущался, что ставят памятники «врагам народа»: Постышеву, Блюхеру, Косиору, заявлял, что «не американцы начали войну в Корее, а Ким Ир Сен...».

Но после эмоциональных тирад Хрущев возвращался к прежнему тезису: «все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усиления нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова... Я читать не

могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд...» Далее Хрущев все пытался сказать, что маршал неправильно описал гибель генерала армии Ватутина.

Хрущева перебивали, путали, забрасывали вопросами, без конца угрожали особой ответственностью.

В конце концов члены комитета составили заявление и вынудили, чтобы его подписал Хрущев. Текст его таков.

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать».

Расстроенный пенсионер размашисто и неразборчиво поставил подпись: «Н. Хрущев. 10/XI-1970 г.»¹²⁸.

От Пельше Хрущев вышел, держась за сердце. «Беседа» также завершилась инфарктом. Хрущев больше не диктовал. Когда ему становилось лучше, он находил в треске волн передачи «Голоса Америки» и слушал, слушал... Книга его вышла. Но как туда, на Запад, она попала, Хрущев так и не смог никогда понять.

Сама по себе книга, содержащая около полутысячи страниц, подверглась сильной правке различных лиц: машинистки, литературного обработчика, многочисленных редакторов, стремившихся, естественно, придать ей вполне определенную политическую направленность. Слабость текста связана прежде всего с отсутствием документов. В то время человек, бывший первым лицом в партии и государстве, не мог держать дома даже «безобидных» государственных и личных документов. Названия глав, видимо, сделаны не Хрущевым, пояснения и комментарии — тоже. И тем не менее книга «Хрущев вспоминает» — очень интересное историческое свидетельство человека, пережившего много бурь и потрясений, видевшего и трагедии, и триумфы. В книге виден облик Хрущева: смелого и импульсивного политика, ортодоксального марксиста и еретика... При всех литературных слабостях воспомина-

ний (особенно вызванных внешними вторжениями в диктовки) книга Хрущева заняла свое заметное место в литературе о навсегда ушедшем суровом и сложном времени.

Будь документы под рукой, Хрущев наверняка использовал бы свою переписку фронтовых и послевоенных лет со Сталиным. Например, представляет интерес донесение Хрущева «О танковом сражении 12 июля 1943 года в районе Прохоровки, Курской области». Член военного совета фронта больше «нажимает» в донесении на потери немцев и трофеи¹²⁹.

Известно, что в докладе на XX съезде партии и в своих мемуарах Хрущев обвинил Сталина в харьковской катастрофе в мае 1942 года. Но он, видимо, запечатлел, что еще 17 мая 1942 года докладывал Верховному Главнокомандующему о том, что «наступление на Харьков успешно продолжается», захвачены огромные трофеи, освобождено свыше 300 населенных пунктов, уничтожено до 400 танков, сбито 147 самолетов...¹³⁰

Хрущев в донесении не ставит вопрос о приостановке наступления, в котором погибло и попало в плен около 240 тысяч советских солдат и офицеров... Эти донесения в «Воспоминания» не попали... Их у Хрущева просто не было.

Хрущев уделил всего несколько строк гибели своего сына от первого брака, летчика, старшего лейтенанта Леонида.

Командир полка майор Голубов в своем донесении от 11 марта 1943 года писал, что старший лейтенант храбро вел воздушный бой, но полагал, что «сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а летчик перетянул ручку и сорвался в штопор»¹³¹. Память о сыне Хрущев перенес на его дочь Юлию, к которой относился всегда с большой нежностью.

Интересно донесение Хрущева 21 ноября 1943 года о «Положении в городе Киеве», недавно до этого освобожденном от немецких оккупантов. Хрущев впервые докладывает в Москву о массовых расстрелах захватчиками советских людей в Бабьем Яру. Донесение Хрущев подписывает уже опять как «Секретарь ЦК КП(б)У»¹³². Обстоятельна просьба Хрущева, направленная Сталину 16 февраля 1946 года, об оставлении гарнизонов советских войск в Западной Украине для «окончательного завершения разгрома оуновского подполья и бандгрупп»¹³³.

Конечно, в своих мемуарах Хрущев не вспоминал факты такого, например, характера. Первый секретарь Компартии Украины обращается 17 января 1948 года к Сталину с докладом, в котором жалуется, что многие колхозники «не желают приобщаться к общественно-полезному труду», занимаются воровством, самогоноварением, работают только на своем подсобном хозяйстве. Хрущев сообщает, что «в 1946 году на Украине не выработали ни одного трудодня 86 676 колхозников». Секретарь ЦК КП(б)У приводит в письме даже фамилии злостных уклонистов от колхозной (дармовой. — *Д.В.*) работы: Иваницкого И., Гривко С., Диденко В., других «нерадивых».

Партийный лидер предлагает Сталину радикальное решение: «Издать закон, предоставляющий право общим собранием выносить приговоры о выселении за пределы республики наиболее опасных антиобщественных и преступных элементов»¹³⁴. Опять выселять...

Но Сталин, то ли посчитав, что и так сосланы миллионы людей, целые народы, то ли возложив «воспитание трудолюбия» у колхозников на партийные и карательные органы, предложения Хрущева не одобрил.

Цензорское рвение политбюро ускорило кончину Хрущева. После всего случившегося «пенсиянер союзного значения» как-то сник, забросил фотографию, которой на пенсии увлекался, оставил помидоры, меньше стал читать. Он мог сидеть часами на солнышке в кресле, предаваясь невеселым воспоминаниям. Ведь воспоминания, возможно, единственное сокровище, которое отнять у человека никто не в силах. Даже политбюро или КГБ...

Хрущев никогда не читал Шекспира, иначе он мог бы прошептать:

... баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел опала и забвенье¹³⁵.

Казалось, забвение украдо прошлое и саму жизнь Хрущева. Но это казалось только тем, кто требовал старательно замалчивать первого советского реформатора.

Хрущеву было о чем вспоминать. Пир памяти то уносил его в далекие двадцатые годы, то возвращал в роковой октябрь 1964 года. А может быть, вспоминал полуанекдотические случаи из своей жизни, которые зло припомнили ему «соратники»?

Однажды первый секретарь (в 1963 году) заявил: «Знаете, НИИ по птице надо вообще разогнать. Там столько развелось бездельников, паразитов, которые живут при курице и петухе... Мы своим ученым создаем условия, а они живут, как паразиты... Сколько институтов... Повторяю, их надо разогнать...»¹³⁶

А может быть, вспоминал о своих скандальных встречах с мастерами искусств? О том, как заявил 8 марта 1963 года писателям и художникам: «Абстракционизм, формализм — есть одна из форм буржуазной идеологии», и о том, как отреагировал однажды на картину, подаренную ему в Америке: «Мазня, полосы разного цвета». Желая показать, каким должно быть советское искусство, он зачитал услужливо написанные партийными спичрайтерами строки: «Партия и Ленин — близнецы и братья...»¹³⁷

Как давно все это было! Вспоминая, человек не только прокручивает «черно-белые» кадры своего бытия, но и возвращается к себе. А это очень трудно: мысленно отринуть обиды, посмотреть на себя как бы со стороны. Кто может это сделать, испытывает духовное успокоение, без которого из земного бытия уходить тяжело.

Хрущев видел, что его преемники фактически отказались от реформ, постепенно повернув страну в безмятежные испытанных бюрократических форм управления государством. Проходила медленная реставрация прошлого, но без его кровавых крайностей.

Хрущев таял в безвестье. За годы, что он ушел с кремлевского холма, никогда никто из высшего руководства не обратился к нему за советом. Вызывали только в связи с его злосчастными мемуарами.

У стариков время бежит быстро. Сердце не отпускало. В сентябре 1971 года Хрущев решил навестить свою дочь и зятя, весьма незаурядных, талантливых людей. Там ему стало плохо. Вернувшись в свое Петрово-Дальнее, он не задержался на даче. Родные увезли его в Центральную Кремлевскую больницу, где на следующий день, 11 сентября 1971 года, Хрущев тихо скончался. Бывает, умирает человек, как гаснет свеча, — тихо и печально. Так угас и «верный ленинец», мятежник и реформатор одновременно — Никита Сергеевич Хрущев.

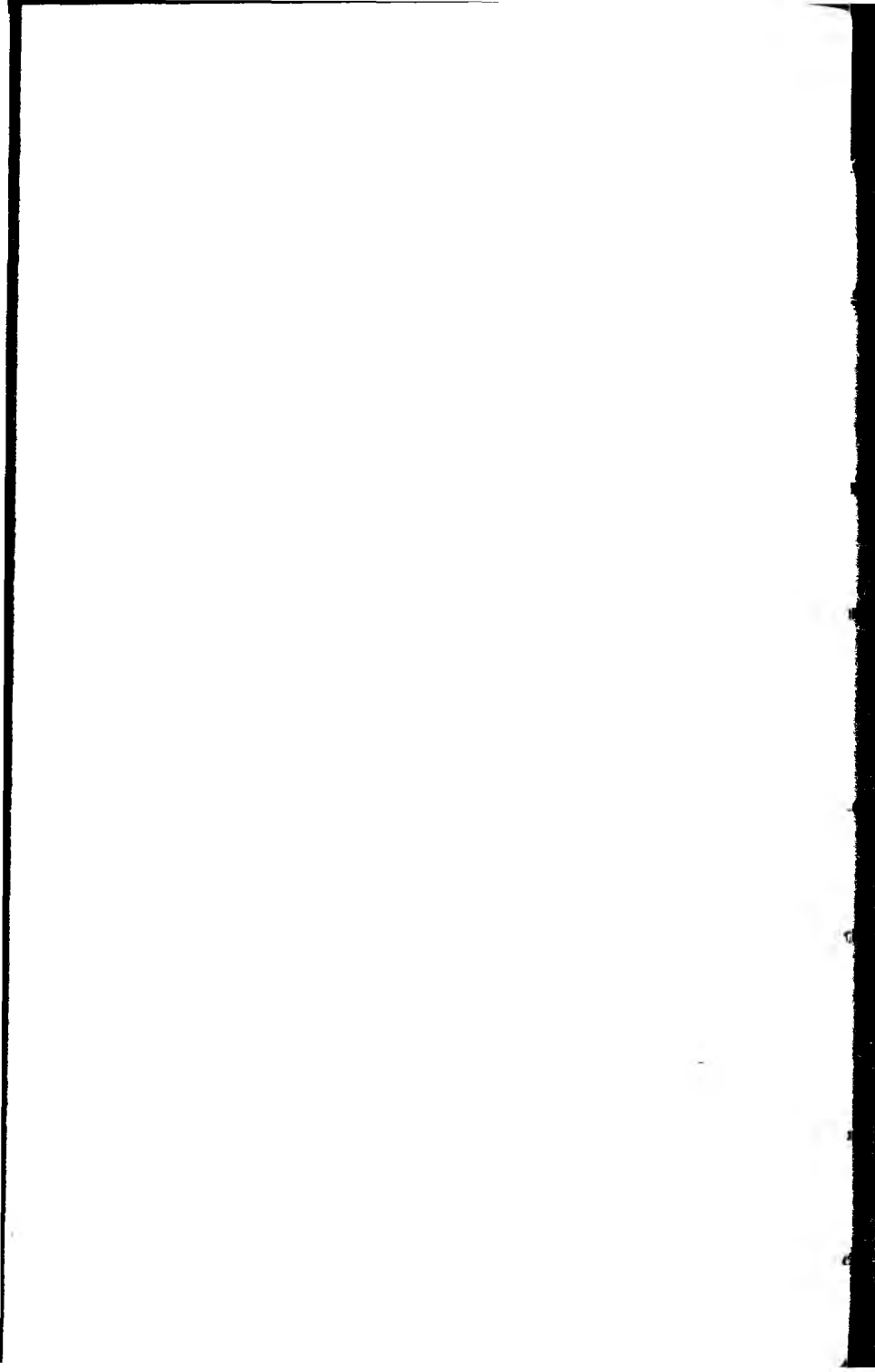
Наконец его имя после семилетнего перерыва попало в печать. «Правда» 13 сентября 1971 года поместила скупое, процеженное на Старой площади, сообщение: «Централь-

ный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием сообщают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой продолжительной болезни на 78-м году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев». И все. Его соратникам не дано было понять, что драматическая жизнь Хрущева — это слепок с нашей судьбы, нашей трагической истории. А ей нельзя мстить и нельзя смеяться над ней.

Всех нас, рано или поздно, поглотит песок времени. Пережить свое время дано немногим. Хрущев Никита Сергеевич — один из таких. Он совершил моральный подвиг: сделал отчаянную попытку порвать с политическим мраком, где долгие годы он был «своим» человеком. Хрущев фактически начал освобождать нас не просто от «культа личности», а от монополии диктатуры. Если он сам до конца понял это, то имел все основания, даже побежденный «соратниками», испытать великий восторг в своей душе.

Своим природным, не книжным, умом Хрущев понимал, что нельзя с опозданием вступать в грядущее. Оно часто гораздо ближе, чем некоторые думают.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вместо введения: ТРОПА ВОЖДЕЙ

1. См.: Абрамович Р.А. Мартов и мировой меньшевизм. Нью-Йорк, 1959. С. 77.
2. Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1945. С. 123.
3. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 248.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 43.
5. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 156.
6. См.: Бухарин Н. Атака. Сб. теоретических работ. М.: Госиздат, 1924. С. 91—114.
7. Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 257.

Вождь первый: ВЛАДИМИР ЛЕНИН

1. Архив МБ РФ. Н-15318. Д. 21790. Т. 1. Л. 281.
2. Там же. Д. 14625. Т. 1. Л. 1.
3. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.
4. Там же. Д. 24362. Л. 1.
5. Правда. 1920 6 марта.
6. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 11.
7. Там же. Д. 7310. Л. 1—2.
8. Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 186.
9. См.: Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992. С. 97, 99.
10. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 99.
11. Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 301—302.
12. Письма Ленина к Горькому. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 43.
13. Марк Алданов. Портреты. М., 1994. С. 9.
14. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1—4.
15. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8492. Л. 1—2.
16. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1—2.
17. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 325. Л. 2—3.
18. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26003. Л. 1.

19. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 179.
20. Там же. Т. 50. С. 343.
21. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23822. Л. 1—7 и др.
22. Там же. Д. 27137. Л. 1.
23. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 457. Л. 1—9.
24. Ленин В.И. и Горький А.М. М., 1961. С. 276.
25. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 78—110.
26. Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 715—716.
27. Ленин В.И. и Горький А.М. С. 20.
28. Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 1—18.
29. Там же. Т. 33. С. 101—102.
30. РЦХИДНИ. Ф. 2. Д. 1166. Л. 1—2.
31. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 3. Л. 31—33.
32. Ленин В.И. ПСС. Т. 14. С. 266.
33. Там же. Т. 48. Л. 295.
34. Там же. Т. 20. С. 21, 23, 40, 71.
35. См.: Там же. Т. 14. С. 15; Т. 12. С. 303, 320, 522—523.
36. Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 716.
37. Вече. 1984. № 16. С. 152—157.
- 37а. РГАЛИ. Ф. 219. Е. хр. 138—142.
38. См.: Сербиненко В.В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М.: Наука, 1994. С. 1—203.
39. Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская революция. Ростов-на-Дону, 1919. С. 30—31.
40. Монархия перед крушением 1914—1917. Из бумаг Николая. Госиздат, 1927. С. 33.
41. Чернов Виктор. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 155.
42. Ленинский сборник. Т. II. С. 195.
43. Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 1, 6.
44. Ленинский сборник. Т. II. С. 195.
45. Там же. С. 205.
46. Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 96.
47. Там же. С. 108—109.
48. Там же. С. 165—166.
49. См.: Новый журнал. 1958. № LV. С. 268.
50. Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 26.
51. См.: Агромянц О. Что делать? — Или деленинизация нашего общества. London, 1989. С. 67.
52. Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 34, 70.
53. Там же. С. 34—35.
54. Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 310, 313, 322, 323, 325, 328.
55. См.: Ленинский сборник. Т. II. С. 195.
56. Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918 Berlin, 1919. S. 47.
57. Germany and the Russian Revolution. London, 1958. P. 138.
58. Eduard Bernstein. Ein dunkles Kapitel. Vorwärts (Berlin). Januar 14. 1921.

59. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 10. Л. 1—4.
60. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. II. С. 287.
61. Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 182.
62. Милоков П.Н. Воспоминания (1859—1919). Т. II. С. 387—389.
63. Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 331.
64. Революция 1917 года. Сб. Рим, 1971. С. 312.
65. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 58—59, 61.
66. Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 247.
67. Там же. С. 281.
68. Нива. 1917. № 33.
69. Полторацкий Н. Бердяев и Россия. № V. 1967. С. 75.
70. Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 383—384.
71. Ленин В.И. Соч. Изд. III. Т. 29. С. 390.
72. Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. 2-е изд. М., 1924. С. 69—70.
73. Edward Carr. The Bolshevik Revolution 1917—1923. London. Vol I. P. 99.
74. Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М.: Росспэм, 1994. С. 167.
75. ГАРФ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
76. Версты. № 2. С. 181. Париж, 1926.
77. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 469.
78. Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. М.—П., 1923. С. 130.
79. Там же. С. 14.
80. Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 248.
81. Седьмой съезд РКП. Стенографический отчет. С. 99.
82. Там же. С. 33, 34, 42, 47.
83. Карл Радек. Портреты и памфлеты. Книга первая. М., 1933. С. 34.
84. Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 280.
85. Там же Т. 31. С. 119—121, 533—534.
86. Там же. Т. 34. С. 420.
87. Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918 гг. М., 1958. С. 171—172.
88. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3972. Л. 1.
89. Там же. Д. 12072. Л. 1.
90. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8196. Л. 1.
91. Там же. Д. 11480. Л. 1.
92. Там же. Д. 9852. Л. 1, 4.
93. Гиппиус. Избранная поэзия. Paris.: Imka-press, 1984. С. 113.
94. Зиновьев Г. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л., 1925. С. 370—371.
95. Зиновьев Г. В.И. Ленин. Краткий биографический очерк. Л., 1924. С. 27.

96. АФСР РФ. Арх. № Р-33833. Т. 41. Л. 257.
97. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78. Л. 5.
98. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2442. Л. 1.
99. Там же. Д. 2442. Л. 1.
100. Там же. Л. 2.
101. Декреты Советской власти. Т. VIII. С. 222.
102. См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9592. Л. 1.
103. Там же. Д. 27071. Л. 1.
104. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 189—190.
105. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26159. Л. 1.
106. См.: Декреты Советской власти. М., 1977. Т. VI. С. 264—265.
107. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12390. Л. 1.
108. Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 401.
109. См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 391. Л. 1.
110. Там же. Д. 122. Л. 1.
111. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 27069. Л. 1.
112. Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1952. Л. 24—25.
113. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1119. Л. 1—2.
114. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1952. Л. 38—39.
115. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24424. Л. 1.
116. Там же. Оп. 2. Д. 794. Л. 1.
117. АПРФ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 211—214.
118. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1. С. 290.
119. Ленинский сборник. Т. XXXVI. С. 47.
120. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 571. Л. 2.
121. АФСР РФ. Р-1073. Д. 11184. Л. 57.
122. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19320. Л. 1—4.
123. Там же. Д. 8885. Л. 14—25.
124. Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 211.
125. Там же. С. 220.
126. Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 334—335.
127. Там же. С. 218.
128. Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. С. 48.
129. Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № LVI. С. 260.
130. Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 489.
131. Там же. С. 490.
132. Новый журнал. 1960. № LVI. С. 262.
133. Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 511.
134. Программа КП РФ. М., 1995. С. 16.
135. Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 520.
136. Фишер Луис. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 462.
137. Там же. С. 461.
138. Троцкий Л.Д. О Ленине. М., 1924. С. 87.
139. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8924. Л. 1.
140. Там же. Д. 15834. Л. 1.

141. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15000. Л. 1.
142. Там же. Д. 15041. Л. 1.
143. Там же. Д. 15042. Л. 1.
144. Там же. Д. 15088. Л. 1.
145. Ленин В.И. Изд. IV. Т. 33. С. 48.
146. Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992. С. 94.
147. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 10. Л. 86, 88.
148. Керенский А. Издалека (1920—1921 гг.). Париж: Издательство Я. Поволоцкого, 1922. С. 114.
149. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 708. Л. 1.
150. Там же. Д. 441. Л. 4—8.
151. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 27.
152. См.: Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 84.
153. Там же. С. 85.
154. Программа КП РФ. М., 1995. С. 12.
155. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 202. Л. 1—2.
156. Там же. Оп. 1. Д. 25671. Л. 1—2.
157. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27149. Л. 1—3.
158. Balabanoff. Impressions of Lenin. University of Michigan Press, 1984. P. 29—30.
159. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 220. Л. 1.
160. АПРФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 53. Л. 59.
161. Там же. Л. 55.
162. Там же. Л. 29.
163. Там же. Л. 32.
164. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 85. Л. 1—2.
165. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13—18. Л. 1—3.
166. Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 234.
167. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 612. Л. 1.
168. Там же. Оп. 1. Д. 8885. Л. 23.
169. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1178. Л. 1—2.
170. Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 302—303.
171. Любящий тебя В. Ульянов. Письма Ленина матери. М., 1967. С. 36.
172. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 37.
173. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 173.
174. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 3-е изд. М., 1989. С. 86—87.
175. Цит. по: Фишер Л. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 123.
176. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 157.
177. Там же. С. 217.
178. РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
179. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24299. Л. 1.
180. Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 61.
181. Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Париж, 1975. С. 24.

182. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 3-е изд. М., 1989. С. 217.
183. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24299.
184. Там же. Оп. 1. Д. 3327.
185. См.: Там же. Д. 3238, 3327, 4389, 4498, 3341, 4365 и т.д.
186. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4462. Л. 2.
187. Там же. Ф. 127. Оп. 2. Д. 61. Л. 1—14.
188. Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 61. Л. 7—14.
189. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 233.
190. Там же. Т. XXXV. С. 143.
191. РЦХИДНИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
192. Цит. по: Фишер Л. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 123.
193. Там же. С. 123.
194. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 32—33, 81, 117, 224.
195. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 231. Л. 1.
196. Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 206.
197. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 694. Л. 2.
198. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 515. Л. 1.
199. Там же. Д. 830. Л. 1.
200. Там же. Д. 171. Л. 1.
201. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 195. Л. 1.
202. Там же. Д. 216. Л. 4.
203. Там же. Оп. 2. Д. 741, 1165. Л. 1—4.
204. Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 991. Л. 1.
205. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1318. Л. 1—3.
206. Там же. Д. 135. Л. 1.
207. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106. Л. 4.
208. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 8—11.
209. Там же. Д. 308. Л. 11.
210. Там же. Л. 59.
211. АПРФ. «Особая папка». Пакет 18/2. Л. 7—9.
212. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 141.
213. Там же. Д. 310. Л. 1—2, 6—8.
214. Там же. Д. 307. Л. 176.
215. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 115.
216. Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М. 1994. С. 7.
217. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
218. См: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356—362.
219. Там же.
220. Там же. Т. 54. С. 329.
221. Там же. С. 330.
222. РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 412. Л. 147; Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.
223. ЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2002. Л. 21.
224. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24472. Л. 1.
225. Там же. Оп. 2. Д. 641. Л. 1.
226. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 249. Л. 6.

227. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 300—309.
228. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 1—12.
229. АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 9. Л. 74—78.
230. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 459. Л. 1—3.
231. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23478. Л. 11.
232. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25609. Л. 10—11.
233. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1113. Л. 1—3.
234. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239. Л. 1; Д. 234. Л. 3.
235. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 14.
236. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 314. Л. 6.
237. Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 101.
238. Архив МБ. Ф. 114728. Т. 82. Л. 426; Т. 83. Л. 1—2.
239. Там же. Материалы Кронштадтского мятежа. Л. 1.
240. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 367. Л. 40.
241. Архив МБ. Ф. 114728. Материалы Кронштадтского мятежа. Л. 1—15.
242. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 1.
243. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12176. Л. 1.
244. Там же. Д. 12500. Л. 12.
245. Там же. Оп. 2. Д. 463. Л. 1—2.
246. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 80.
247. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24327. Л. 1.
248. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 79.
249. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7310. Л. 1.
250. Там же. Д. 23478. Л. 1—11.
251. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 428.
252. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 10—14.
253. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 329.
254. Там же. Т. 40. С. 239.
255. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18195. Л. 1.
256. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 147. Л. 4.
257. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17826. Л. 1.
258. Там же. Д. 12072. Л. 1.
259. Там же. Оп. 2. Д. 125. Л. 1.
260. Там же. Оп. 1. Д. 27071. Л. 1.
261. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24533. Л. 1.
262. Там же. Д. 976. Л. 1.
263. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18552. Л. 1.
264. Плутарх. Соч. М., 1983. С. 160.
265. Троцкий Л. Д. Ленин, как национальный тип. 2-е изд. Л., 1924. С. 6—7.
266. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. С. 206—210.
267. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8885. Л. 14—25.
268. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 289.
269. Цит. по: Огонек. № 17. 1991. С. 7.
270. Русская идея. Т. 1. С. 290—291.

271. Время и мы. 1983. № 74. С. 141—142.
272. Александров Г.Н. Социалистическая идея и марксизм. М.: Прометей, 1991. С. 108.
273. Гиппиус З.Н. Забытая книга. М., 1991. С. 170.
274. АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25. Л. 5.
275. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 284. Л. 9.
276. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12500. Л. 10—14.
277. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 69. Л. 2.
278. Там же. Д. 361. Л. 15.
279. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 157.
280. Там же. С. 109.
281. Там же. Т. 43. С. 221.
282. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 302. Л. 5.
283. Пайпс Ричард. Русская революция. Часть вторая. М., 1994. С. 18.
284. La Grand Revue. 1923. August. Vol. 27. N 8. P. 206.
285. См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 101.
286. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13067. Л. 1.
287. Там же. Д. 27142. Л. 1.
288. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 200, 201, 204.
289. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 164. Л. 2.
290. Троцкий Л. Соч. Т. III. М.—Л., 1926. С. 92—93.
291. Там же. С. 73.
292. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 348. Л. 1.
293. Там же. Оп. 1. Д. 11873. Л. 5—6.
294. Там же. Д. 15834. Л. 1.
295. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 387. Л. 10.
296. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 127—132.
297. Доклад Бюро Ев-секции при ЦК РКП от 18 ноября 1920 г. № 1515. Л. 1—2.
298. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.
299. Программа КПРФ. М., 1995. С. 19.
300. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 9—45.

Вождь второй: ИОСИФ СТАЛИН

1. Сталин И.В. О проекте Конституции СССР. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 5.
2. Сталин И.В. О проекте Конституции СССР. С. 16, 17, 23, 24.
3. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 236. Т. III. Л. 145—166.
4. Там же. Л. 145, 161, 166, 194.
5. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании 11 декабря 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. Л. 1—9.
6. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 420. Л. 8.
7. Сталин. И.В. Речь на предвыборном собрании 11 декабря 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 7, 12—13.
8. АПРФ. Стенограмма заседания политбюро от 6 февраля 1986. Л. 169.

9. Время и мы. 1983. № 74. С. 130.
10. Гиппиус З.Н. Забытая книга. М., 1991. С. 183.
11. Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 115—127.
12. Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 101, 161.
13. Там же. Т. 48. С. 162.
14. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 693. Л. 100—101.
15. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 356—357.
16. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
17. Алданов Марк. Современники. Париж, 1928. С. 37
18. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 346.
19. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193. Л. 1—3.
20. Там же. Д. 3112. Л. 1.
21. История Всесоюзной коммунистической партии (больше-
виков). Краткий курс. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938.
С. 256—257.
22. Редлих Р. Сталинщина как духовный феномен. Посев,
1971. С. 40.
23. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 30. Л. 216.
24. Новый журнал. 1964. № 75. С. 181—182.
25. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 430. Л. 157 об.
26. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 9—45.
27. Время и мы. 1989. № 107. С. 255.
28. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 92.
29. Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд.
М., 1945. С. 1—77, 106—156.
30. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940.
С. 69.
31. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 2—6; Д. 190. Л. 2.
32. Сталин И. Соч. Т. 10. С. 92—148.
33. РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 82. Д. 1. Л. 10—10 об.
34. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 590—591.
35. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 110.
36. Там же. С. 311—313.
37. Там же. С. 358.
38. Там же. Т. 41. С. 376.
39. Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 117.
40. Стенографический отчет совещания стахановцев.
М., 1935. С. 369.
41. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 71.
42. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 165.
43. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 491.
44. Там же. С. 491.
45. Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150—162.
46. Сталин И. Соч. Т. 5. С. 71.
47. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 121.
48. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 35.
49. См.: Сталин И. Соч. Т. 5. С. 66.
50. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 595.

51. Сталин И. Соч. Т. 13. С. 228.
52. Сталин И. Вопросы ленинизма. С: 578—579.
53. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 598.
54. Барбюс Анри. Сталин. Гослитиздат, 1936. С. 351—352.
55. См.: Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 5—40.
56. Сталин И. Соч. Т. 13. С. 104.
57. Сталин И. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 3.
58. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР С. 34.
59. Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 229—232.
60. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР С. 24.
61. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 21.
62. Архив ОГПУ. № 471. Т. III. С. 18—31.
63. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 1—193.
64. Там же. Д. 612. Вып. III. Л. 9—45.
65. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Bd. VII. Baden-Baden, 1956. S. 131.
66. Фолькишер беобахтер. № 125. 1941. 5 мая.
67. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1—12.
68. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М: ОГИЗ, 1946. С. 11.
69. Переписка Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании. М., 1976. Т. 1. С. 84.
70. АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 45. Л. 50—52.
71. Там же. Л. 50.
72. ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36. Л. 305.
73. Там же. Д. 35. Л. 2—17.
74. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 107.
75. Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 197—221.
76. Там же. № 3. С. 220—221.
77. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 413. Л. 53—55.
78. ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 13. Л. 210—212.
79. Там же. Ф. 220. Оп. 242. Д. 9. Л. 112—114.
80. Гриф секретности снят. М., 1993. С. 140.
81. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 116.
82. Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 210.
83. АПРФ. Ф. 30. Оп. 1. Л. 84.
84. ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75—81.
85. Волков А.А. Незавершенные фронтовые наступательные операции. М., 1992. С. 94.
86. Там же. С. 134.
87. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 7. Л. 103—274; Ф. 228. Оп. 720. Д. 68. Л. 12—574; Ф. 229. Оп. 209. Д. 32. Л. 1—162; Ф. 213. Оп. 2066. Д. 5. Л. 307—427; Ф. 208. Оп. 2579.

- Д. 22. Л. 6—10; Ф. 221. Оп. 1364. Д. 210. Л. 31—89; Ф. 214. Оп. 1441. Д. 48. Л. 184—340 и др.
88. ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 7.
89. Большевик. 1949. № 23. С. 7.
90. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1946. С. 193.
91. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 321. Л. 31—34.
92. Правда. 1948. 14 ноября.
93. Сталин И. Соч. Т. 6. С. 398—399.
94. См.: Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 265.
95. Appali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano, 1968. P. 670.
96. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 297.
97. Там же. Д. 259. Л. 36—37.
98. ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 28. Л. 19—21.
99. Ходжа Энвер. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1957. С. 33—52.
100. Там же. С. 47.
101. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 109.
102. РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 411. Л. 5, 22.
103. Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 52.
104. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 28—40. Л. 1—29.
105. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952. С. 11.
106. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 4—7.
107. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. С. 7.
108. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 11—15, 19.
109. Там же. Л. 14.
110. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 105—114.
111. Там же. Д. 318. Л. 12.
112. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. С. 8—9.
113. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 310. Л. 93.
114. Там же. Д. 311. Л. 10—14.
115. АПРФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 188. Д. 15. Л. 31; П. 5. Д. 2. Л. 44 и др.
116. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 397. Л. 109.
117. Исторический архив. 1993. № 2. С. 27.
118. Там же. С. 20.
119. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 3.
120. Ходжа Энвер. Со Сталиным. С. 74.
121. Degujer V. Josip Broz Tito. Београд, 1953. С. 451.
122. Исторический архив. 1993. № 2. С. 20, 28.
123. Цит. по: Гиренко Ю.С. Сталин—Тито. М., 1991. С. 386.
124. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 319. Л. 21—22.
125. Великие сооружения сталинской эпохи. М., 1951. С. 242.
126. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952. С. 36.
127. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 325. Л. 35.
128. Там же. Д. 322. Л. 142.

129. Там же. Л. 144—145.
130. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 336. Л. 84—89.
131. Там же. Д. 329. Л. 8—17.
132. Мао Цзэдун. Избр. произведения. Т. 3. М., 1953. С. 189.
133. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 338. Л. 48.
134. Эту притчу Мао впервые использовал еще в июне 1945 года, когда выступал с речью при закрытии VII съезда КПК.
135. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 86—87
136. Там же. Л. 32.
137. Там же. Л. 51.
138. Там же. Ф. 45. МКФ. 0018: 20: 66: 23: А 10.
139. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР М., 1952. С. 36.
140. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952. С. 14.
141. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР С. 36.
142. См.: Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 365.
143. Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 186.
144. Сталин И.В. Беседа с корреспондентом «Правды» М., 1952. С. 11.
145. Сталин И. Соч. Т. 12. С. 140.
146. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1073.
147. Там же. Д. 1091.
148. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1951. С. 164, 165.
149. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 105.
150. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 35.
151. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР М., 1937. С. 35.
152. Сталин И. Соч. Т. 2. С. 333, 340.
153. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2959. Л. 19.
154. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР М., 1952. С. 33—34, 35.
155. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199.
156. АПРФ. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 июля 1941 г.
157. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Т. I. Л. 1—2.
158. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 26. Л. 69.
159. Там же. Д. 27.
160. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 26. Л. 75.
161. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 6—7
162. Там же. Д. 24. Л. 32.
163. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 95.
164. Там же. Д. 27. Л. 106, 140; Д. 28. Л. 41 и др.
165. АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 147—155.
166. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 107

167. Там же. Д. 343. Л. 141.
168. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 175. Т. I. Л. 34—235.
169. Там же. Оп. 2. Д. 66. Т. III. Л. 34.
170. Там же. Д. 257. Т. III. Л. 338.
171. АПРФ. Ф. 45. Оп. 338. Л. 95—99.
172. Там же. Оп. 1. Д. 341. Л. 114.
173. Там же. Д. 318. Л. 95.
174. Там же. Д. 348. Л. 61.
175. Там же. Д. 325. Л. 21.
176. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. М., 1976. Т. I. С. 19.
177. Переписка... Т. I. С. 29, 32.
178. Там же. С. 48.
179. АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 389. Л. 64—69.
180. Переписка... Т. I. С. 51.
181. Там же. С. 76.
182. Там же. С. 98.
183. Там же. С. 99.
184. Там же. С. 145.
185. Из «Особой папки» № 9485.
186. Переписка... Т. II. С. 78.
187. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 11. Л. 60.
188. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 87. Т. VI. Л. 124—130.
189. Там же. Д. 2223. Л. 237.
190. Переписка... Т. III. С. 304.
191. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1980. С. 299.
192. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 27—35.
193. Там же. Д. 199. Л. 366.
194. Там же. Д. 269. Т. I. Л. 141—146.
195. ГАРФ. Ф. 3401. Оп. 2. Д. 269. Т. I. Л. 169—170.
196. Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 176. Т. II. Л. 361.
197. Там же. Л. 36.
198. Там же. Д. 337. Л. 38.
199. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.
200. Там же. Д. 346. Л. 24—35.
201. Там же. Л. 1.
202. Там же. Л. 7.
203. Там же. Л. 8.
204. Там же. Д. 346.
205. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 80.
206. Там же. Л. 8.
207. Там же. Д. 334. Л. 55.
208. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 94.
209. Там же. Л. 96.
210. Там же. Л. 109.

211. Там же. Л. 145—147.
212. Там же. Д. 28. Л. 35.
213. Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 35.
214. Там же.
215. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 100—103.
216. Там же. Д. 334. Л. 88—89.
217. Там же. Д. 347. Л. 5—8.
218. Там же. Л. 14—15.
219. Там же. Л. 24.
220. Там же. Л. 41—45.
221. Там же. Д. 334. Л. 97.
222. Там же. Л. 110—111.
223. Там же. Л. 126.
224. Там же. Л. 105—106.
225. Там же. Д. 347. Л. 4.
226. Там же. Л. 77.
227. Там же. Д. 335. Л. 38.
228. Там же. Д. 347. Л. 57—58.
229. Там же. Д. 329. Л. 93.
230. Там же. Д. 348. Л. 58, 61.
231. Там же. Д. 329. Л. 54—70.
232. Переписка Председателя Совета Министров СССР... Документы (август 1941 — декабрь 1945 г.). М., 1976. С. 223.
233. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 372. Л. 109—112, 114—115.
234. Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1963. С. 453.
235. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 92.
236. Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. I. М., 1976. С. 45.
237. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 354. Л. 107.
238. ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 110—111.
239. Там же. Л. 142—144.
240. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952. С. 11—14.
241. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 47.
242. Там же. Д. 32. Л. 45.
243. Там же. Д. 1550. Л. 53.
244. Там же. Л. 65—66.
245. Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 295.
246. Там же. С. 293.
247. Там же. С. 300.
248. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2—3.
249. Там же. Л. 1.
250. Там же. Л. 4.
251. Хрущев вспоминает. С. 302.
252. Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967. С. 7.

253. АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 136.
254. Плутарх. Сочинения. М., Художественная литература, 1983. С. 424.
255. АПРФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 196. Л. 1—7.
256. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1486. Л. 150—152.
257. Там же. Л. 153—156.
258. Там же. Д. 356. Л. 26.
259. Иосиф Виссарионович Сталин. М.: Ирис-пресс, 1994. С. 125.

«Вождь» третий: НИКИТА ХРУЩЕВ

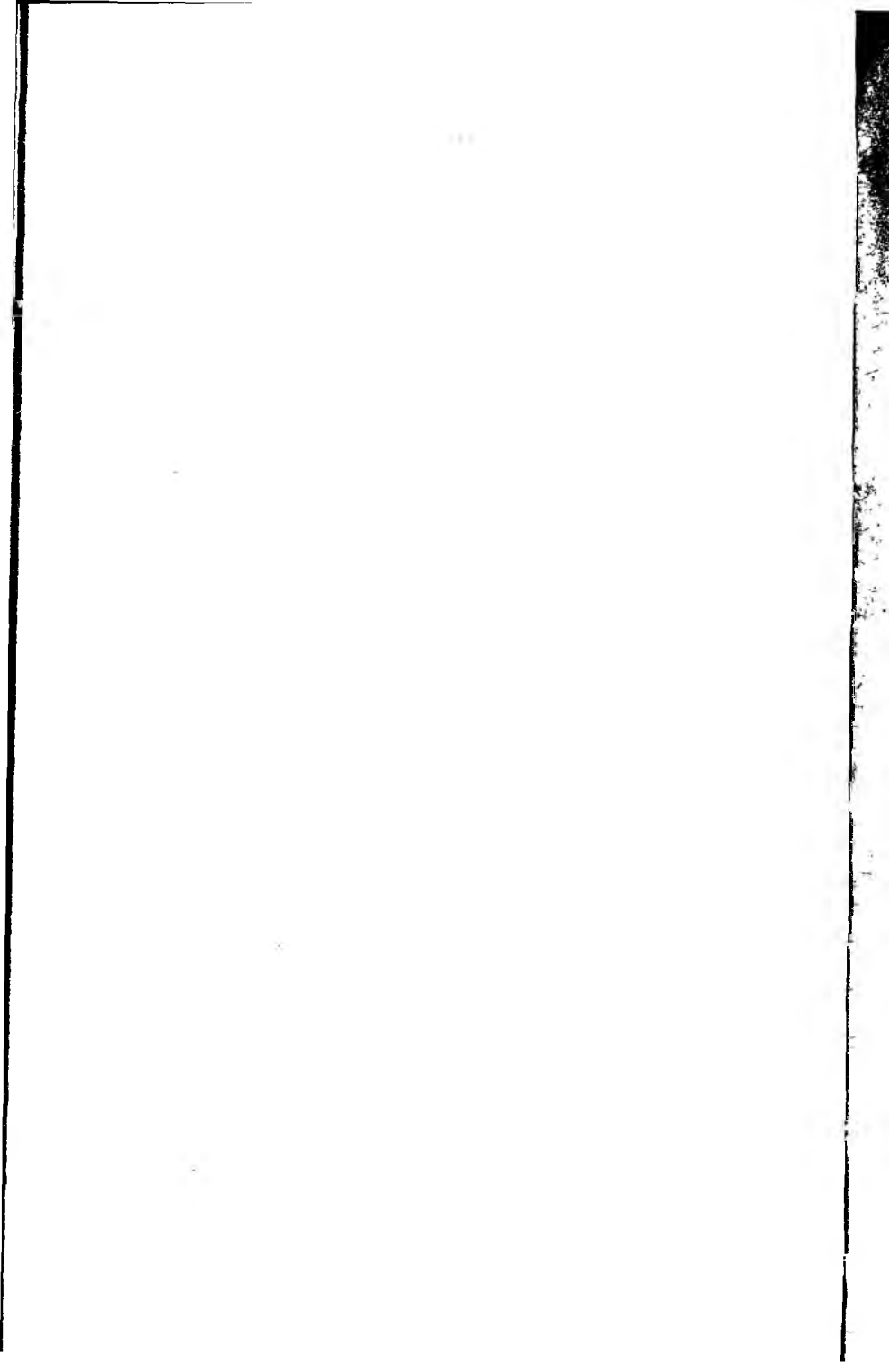
1. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 6, 8, 14—15, 23.
2. Там же. Д. 31. Л. 3, 4, 6.
3. Там же. Д. 53. Л. 17.
4. Медведев Рой. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 277
5. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 435. Л. 411.
6. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 12.
7. См.: Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 318—321.
8. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 163.
9. Там же. Л. 138.
10. См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 140—148.
11. Там же. С. 149, 155.
12. Административное законодательство. ОГИЗ, 1936. С. 126.
13. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 103. Л. 141.
14. Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 203.
15. Там же. № 2. С. 182.
16. Там же. С. 185.
17. Там же. № 2. С. 195.
18. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 210—219.
19. Там же. Л. 32—34.
20. Известия. 1953. 24 декабря.
21. АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 91.
22. Там же. Л. 172.
23. Там же. Д. 435. Л. 60—70.
24. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. I. С. 141—146.
25. Там же. Л. 348.
26. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 42, 92.
27. Хрущев вспоминает. С. 235.
28. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 102. Д. 5, 94, 93.
29. АПРФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 1, 4—5.
30. Там же.
31. ЦГА РСФСР. Ф. 385. Оп. 13. Д. 492. Л. 1—2.
32. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 1—8.
33. Там же. Л. 9—10.
34. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. М., 1951. С. 238—239.
35. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 134.

36. Там же. С. 132.
37. РЦХИДНИ. Постановление политбюро. Протокол № 57 от 31 января 1938 г. Л. 1—2.
38. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 134. Л. 33, 34, 38, 43, 45, 48—49.
39. Там же. Д. 30. Л. 8.
40. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 17.
41. Хрущев Н.С. Речи на собраниях избирателей Москвы. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 3—22.
42. Хрущев вспоминает. С. 332—333.
43. Там же. С. 334.
44. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130, 137.
45. Хрущев вспоминает. С. 337.
46. Там же. С. 337.
47. АПФО. Особая папка. № 233. Л. 1—10.
48. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 165.
49. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961. С. 140.
50. Вопросы истории. 1989. № 2. С. 113.
51. Материалы XXII съезда КПСС. С. 368—428.
52. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 117.
53. АПРФ. «Особая папка». пакет № 734. Л. 2.
54. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Т. III. Л. 344—345.
55. Громыко А.А. Памятное. Книга первая. М., 1990. С. 477.
56. АПРФ. Особая папка. № 734. Л. 2—3.
57. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961. С. 48, 49—50.
58. Вопросы истории. 1989. № 1. С. 108.
59. Там же. С. 115.
60. АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 92—93.
61. Там же. Л. 103—104.
62. Там же. Л. 204—206.
63. Там же. Л. 268—269.
64. Там же. Л. 270—272.
65. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 231. Л. 50—94.
66. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 43.
67. Там же. С. 43—44.
68. АПРФ. Протоколы политбюро. № П-118/Х. Л. 125—130.
69. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 441. Л. 2, 5.
70. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 313.
71. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 441. Л. 63—65.
72. Материалы XXII съезда КПСС. С. 449.
73. АПРФ. Особая папка. Пакет № 1. Л. 1—2.
74. АПРФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 207. Л. 14—41.
75. Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 334. Л. 20, 22, 42, 43.
76. Громыко А.А. Памятное. С. 466—467.
77. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 539. Л. 186—187.

78. Там же. Л. 188—189.
79. Там же. Д. 468. Л. 92—96.
80. Там же. Д. 539. Л. 194.
81. Там же. Д. 446. Л. 23—38.
82. Там же. Д. 446. Л. 53.
83. Хрущев вспоминает. С. 362.
84. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 349. Л. 7—41.
85. Там же. Л. 116—117.
86. Там же. Д. 539. Л. 1—3.
87. Там же. Д. 597. Л. 1—30.
88. Там же. Д. 498. Л. 1—2.
89. Хрущев вспоминает. С. 440.
90. Там же. С. 443.
91. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 597. Л. 145.
92. Там же. Д. 498. Л. 44—47, 151—156.
93. Там же. Д. 499. Л. 1—33.
94. Хрущев вспоминает. С. 451, 452.
95. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 568. Л. 54.
96. Там же. Особая папка. Пакет № 233. Л. 8—9.
97. Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 86.
98. Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 310. Л. 1—2.
99. Там же. Ф. 3. Оп. 65. Д. 902. Л. 80—86.
100. Громыко А.А. Памятное. С. 480.
101. Архив ГШ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 6. Л. 1.
102. Там же. Л. 1—7.
103. Там же. Д. 6. Л. 1—5.
104. Там же. Оп. 3657. Д. 26. Л. 163.
105. АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 902. Л. 77—78.
106. Там же. Л. 73—75.
107. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3657. Д. 26. Л. 78.
108. АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. Л. 35—36.
109. Там же. Л. 65—66.
110. Там же. Л. 9—17.
111. Там же. Л. 154—159.
112. Хрущев вспоминает. С. 478.
113. Архив ГШ. Ф. 16. Оп. № 3657. Д. 26. Л. 16—19.
114. АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 5.
115. Там же. Л. 9—10.
116. АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 20.
117. См.: Вопросы истории. 1989. № 2. С. 104—105.
118. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. С. 341.
119. АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 1—2.
120. Там же. Д. 753. Л. 15—17.
121. Там же. Д. 749. Л. 3—4.
122. Там же. Д. 752. Л. 1—2.
123. Там же. Д. 753. Л. 3—4.
124. Там же. Ф. 80. Записи Брежнева. Л. 24, 27, 29.

125. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. С. 285.
126. Из записки КГБ Брежневу № 745-А. Л. 1.
127. Записка КГБ в ЦК КПСС от 25 марта 1970 г. № 745-А. «Особой важности».
128. ЦХСД. Стенографическая запись беседы с Хрущевым в КПК 10 ноября 1970 г. Л. 1—15.
129. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 132. Л. 35—38.
130. Там же. Ф. 206. Оп. 258. Д. 3. Л. 121—122.
131. ЦАМО. Особое хранение № 46661. Л. 18.
132. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 132. Л. 66—70.
133. Архив ГШ. Вх. N 2697. Л. 1.
134. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 125. Л. 26—31.
135. Шекспир У. Сонеты. М., 1984. С. 64.
136. АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 238. Л. 96.
137. Там же. Д. 334. Л. 43, 61.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В.С. 307, 357
Абрамович Р.А. (Рейн) 10
Абрикосов А.И. 122
Аврелий Марк 264, 327
Агранов Я.С. 339
Аденауэр К. 23, 401
Аджубей А.И. 396, 442, 446
Адоратский В.В. 179
Алгасов В.А. 41
Алданов М. (Ландау М.А.) 30, 178
Александр I (Романов) 254
Александр III (Романов) 43
Александров А.П. 225
Александров-Агентов А.М. 11, 19, 381
Александров Г.Н. 151
Александров Г.Ф. 370
Алексеев А.И. 421
Алексеев М.А. 79, 261
Алексинский Г.А. 105
Алексинская Т. 155
Аллилуева Н.С. 311, 324
Аллилуева С.И. 311, 322, 323
Алиханов А.И. 225
Альский А.О. 97, 115
Аманулла-хан 158
Амвросий 310
Андерс В. 332
Андерсон 191
Андреев А.А. 261, 351, 352
Андропов Ю.В. 8, 12, 16, 389, 421, 436, 443, 448
Антон Фр. 239
Антонов А.И. 221, 266
Аристов А.Б. 370, 390, 440—441
Арманд И. (Е.Ф.) 48, 76, 85, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114
Артемов П.А. 328
Атарбеков (Атарбемян) Г.А. 273

- Афанасьев 72
Ахматова (Горенко) А.А. 18
Ашуров У. 204
- Бабель И.Э. 18
Багиров М.Д. 351
Бадаев А.Е. 52
Бакаев В.Г. 423
Бакаев И.П. 74, 339, 341, 423
Балабанова А.И. 87, 89, 99, 100
Балида М. 425
Балицкий В.А. 374
Бальмонт К.Д. 44
Барбюс А. 201
Батицкий П.Ф. 345
Баштаков 273
Беленький Г.Я. 85
Белов И.В. 300
Бердяев Н.А. 7, 23, 44, 45, 165, 336
Берзин Я.А. 80, 99, 100, 141
Бергельсон Д.Р. 206
Берия Л.П. 217, 224, 244, 247, 260, 268, 276, 278, 282, 305, 307, 310, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 336, 338, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 366, 367, 368, 371, 375, 436, 437
Берия С.Л. 347, 354
Берман К.Б. 75, 265
Бернштейн Э. 58, 258
Берут Б. 331, 377, 398
Беспалов 329
Бетховен Л. ван 253
Биж 278
Бирюзов С.С. 421, 422
Битти Д. 81
Блас Р. 419
Блюхер В.К. 449
Богданов Е. 67
Бойцов А.С. 300
Бокль Г.Т. 43
Бонч-Бруевич В.Д. 36, 60
Бордига А. 190
Борев Ю.Б. 184
Брафи 190
Бребнер 190
Брежнев Л.И. 8, 11, 12, 16, 202, 338, 396, 421, 430, 436, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447
Брешко-Брешковская Е.К. 25
Брокдорф-Ранцау У. фон 57, 79
Бронштейн М.П. 224

- Брусиллов А.А. 261
Брюкваль 278
Бубнов А.С. 83
Буденный С.М. 94
Булгаков С.Н. 44
Булганин Н.А. 244, 250, 261, 313, 315, 318, 327, 342, 347, 351, 356, 363, 373, 376, 377, 416, 436, 437
Бунак В.В. 122
Бунин И.А. 46—47, 145
Бурлацкий Ф.М. 344
Бухарин Н.И. 18, 68, 69, 83, 95, 157, 158, 184, 191, 229, 230, 399

Вальдес Р. 421
Вандервельде Э. 110
Ван Цзясянь 413
Василевский А.М. 214, 221, 222, 266, 328
Васильев 289, 291
Васильева О.Ю. 98
Васнецов А.М. 51
Ватенберг-Островская И.С. 206
Ватенберг И.С. 206
Ватутин Н.Ф. 450
Вейсброд Б.С. 122
Венжер В.Г. 305
Вершинин К.А. 422—423
Вечер 374
Вигдорчик 32
Виноградов 322
Вит А.А. 224
Вишневский В.В. 265
Владзимирский Л.Е. 354
Вознесенский Н.А. 261
Волков А.А. 223
Волков 329
Володичева М.А. 128
Воровский В.В. 88
Воронов Г.И. 421, 430, 443
Ворошилов К.Е. 205, 227, 228, 229, 261, 265, 279, 291, 313, 314, 318, 342, 345, 347, 351, 363, 365, 367, 369, 374, 436
Врангель П.Н. 94, 187
Вышинский А.Я. 205, 244, 250, 282, 287, 289, 301

Гагарин Ю.А. 396
Галюков В.И. 446
Ганецкая А.Я. 83
Ганецкая Г.А. 83
Ганецкий С.Я. 83
Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. 36, 56, 57, 62, 78, 82, 83, 85
Гарст Р. 383
Гегель Г.В.Ф. 154

Геллер М. 19
 Гендерсон 80
 Георгиу-Деж Г. 242, 331, 404
 Герасимов 329
 Гермуня 219
 Герцен А.И. 148
 Гишпрус З.Н. 44, 73, 152, 173
 Гитлер А. 7, 16, 23, 123, 209, 210, 211, 212, 213, 266, 271
 Глазунов И.С. 317, 319, 321
 Глушко В.П. 395
 Говард Р. 230
 Гоглидзе С.А. 329, 348, 354
 Голенков А. 333
 Голиков Ф.И. 217, 307
 Голиям А.К. 240
 Голль Ш. де 23, 408
 Голубев К.Д. 216, 307
 Голубов 451
 Гомулка В. 242, 269, 377, 378
 Горбачев М.С. 8, 12, 13, 14, 16, 17, 40, 132, 172, 175, 202, 389, 398, 436
 Горбунов Н.П. 143
 Гордов В.Н. 216, 224
 Горенфельд 32
 Горшков С.Г. 422
 Горький (Пешков) А.М. 37, 38, 51, 176, 263, 354
 Готвальд К. 242, 245, 246, 331
 Гофштейн Д.Н. 206
 Гош Л. 240
 Грабер П. 85
 Грачев А.С. 19
 Грейлих Г. 86
 Гривко С. 452
 Григорьев А.Т.
 Григулевич 247
 Гримм Р. 72, 85
 Гринько Т.Ф. 339
 Гришин В.В. 430, 443
 Гроза П. 331
 Громько А.А. 20, 289, 383, 400, 401, 404, 405, 407, 413, 419, 421
 Гротеволь О. 253, 331
 Грунзберг 100
 Гувер Г. 118
 Гулькевич 49
 Гуревич 219
 Гусев 182
 Густав V 49
 Гутьерес Н. 425

Дан (Гурвич) Ф.И. 35, 66, 184
 Данге Ш.А. 240

- Данкевич П.Б. 423
Дарвин Ч. 43
Двинский 311
Девдориани 310
Деканозов В.Г. 244, 354
Демиш А.А. 122
Демичев П.Н. 443
Деникин А.И. 136, 261
Дзержинский Ф.Э. 34, 36, 69, 81, 86, 116, 136
Дзиган Е.Л. 265
Ди Стефано 278
Диас Х. 245
Диденко В. 452
Димитров Г. 231, 235, 245, 269
Дмитриевский 311
Дмитриенко Л.А. 268
Дмитриенко Д.Д. 268
Дмитрий 312
Добролюбов Н.А. 43
Добрынин А.Ф. 432
Докашенко Н.Г. 299
Донченко 374
Достоевский Ф.М. 20, 44
Дрейцер Е.А. 75
Дубасов И.И. 329
Дуглас 190
Дутов А.И. 187
Духонин Н.И. 91
Дэн Сяопин 412
Дюкло Ж. 245, 331
- Евдокимов Г.Е. 74, 339
Евтушенко Е.А. 447
Ежов Н.И. 166, 169, 205, 228, 229, 235, 265, 267, 342, 371, 372, 375
Елизаров М.Т. 84
Елистратов 123
Ельцин Б.Н. 280
Енукидзе А.С. 136, 277, 339
Епишев А.А. 422
Еременко А.И. 224
Есенин С.А. 18
Ефремов Л.Н. 443
- Жданов А.А. 220, 244, 246, 261, 312, 313
Жемчужина П.С. 206
Живков Т. 403
Жигарев П.Ф. 217
Жуйович С. 254
Жук 265

Жуков Г.К. 212, 217, 221, 244, 266, 345, 346, 356, 394, 396, 416, 437, 438, 449, 450

Завадский 331

Задемидко А.Н. 278

Зайдин Е.А. 353

Замбровский 398

Замятин Е.И. 196

Засулич В.И. 106

Засядько А.Ф. 380

Захаров 420, 422, 426, 427

Зельдович Я.Б. 225

Зимянин М.В. 172

Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 33, 64, 69, 70—75, 76, 78, 80, 83, 87, 89, 100, 101, 109, 119, 140, 141, 150, 158, 175, 176, 180, 229, 341, 373, 374

Зощенко М.М. 18

Золотов 391

Зорге Р. 213

Зорин Б.П. 77

Зуб 345

Зурабов А.Г. 57

Зускин В.Л. 206

Ибаррури Д. 232, 239, 245

Иван IV Васильевич Грозный 254, 312

Иваницкий И. 452

Иванов С.П. 420, 421, 422, 424, 433

Иванов-Незнамов В.И. 317, 319, 321

Ивашутин П.И. 388

Игнатов Н.Г. 441, 442, 446

Изгоев (Ланде) А.С. 32

Измайлов 42

Икрамов А.И. 204, 339

Ильин И.А. 59

Ильичев Л.Ф. 443

Иоффе А.А. 69, 80, 81, 82, 91, 127, 316

Иоффе А.Ф. 225

Истомина В.В. 328

Каганович Л.М. 205, 217, 261, 313, 318, 328, 339, 342, 344, 345, 347, 351, 357, 360, 363, 369, 372, 373, 374, 375, 381, 436, 438, 439, 440

Кадар Я. 404

Калинин М.И. 33, 75, 245, 261, 277

Калмыкова А.М. 106

Каменев (Розенфельд) Л.Б. 33, 64, 69, 71, 73, 74, 75, 76, 78, 83, 116, 119, 122, 136, 138, 176, 177, 180, 229, 341, 373, 374

Каминский Г.Н. 371

Кампанелла Т. 83

- Камынин 219
Кандинский В.В. 266
Капитонов И.В. 448
Капица В.Л. 224, 225
Капп В. 92
Каппель В.О. 27
Карахан (Караханян) Л.М. 101, 120, 142
Кармен Р.Л. 447
Карпинский В.А. 85, 175
Карр Э. 66
Каррильо С. 239
Карсавин Л.П. 44
Кастро Ф. 418, 419, 421, 425, 433
Кастро Р. 421
Каутский К. 18, 92, 110, 148, 258
Каюров В.Н. 204
Квитко Л.М. 206
Кекконен У.К. 331
Кеннеди Дж.Ф. 403, 417, 428, 429, 432, 433, 434
Кеннеди Р. 432
Кестлер А. 196
Керенский А.Ф. 24, 25, 59, 62, 63, 66, 91, 96
Керзон Д.Н. 93
Кидрич 243
Кикнадзе Н.Д. 85
Ким Ир Сен 7, 232, 242, 250, 269, 270, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 300, 301, 302, 449
Кириленко А.П. 430, 440, 443, 448
Кириченко Н.К. 373, 437
Клепикова Е. 20
Климовских В.Е. 215
Клингер 100
Клэтли Е. 85
Ключевский В.О. 48
Кнышевский П.Н. 98
Кобулов А. 348
Кобулов Б.З. 273, 348, 354
Ковалев 413
Кожевников А. 121
Козлов Ф.Р. 387, 421, 424, 430, 437
Козловский И.С. 185
Козловский М.Ю. 57, 62
Колегаев А.Л. 41
Коллонтай А.М. 69, 85, 107, 114
Колоколов Н.А. 36
Колчак А.В. 27, 98, 136
Кон Ф.Я. 111
Комаров 215
Комаров П.Т. 370

- Конев И.С. 353, 354, 377, 378
Коно И. 406, 409
Коновалов Н.В. 320, 321
Конфуций 251
Копи В.Л. 117, 234
Кормилицын 72
Корнилов Л.Г. 24, 62, 63
Коробков А.А. 215
Коровин К.А. 51
Королев С.П. 395
Коротченко Д.С. 362, 365, 366
Косарев А.В. 371, 372
Косиор С.В. 204, 339, 371, 372, 374, 449
Косолапов Р.И. 333
Косыгин А.Н. 421, 430, 440, 443
Котляров 191
Кочетков 219
Крамер В.В. 121, 122
Красин Л.Б. 80, 121
Крестинский Н.Н. 69, 83, 95, 127
Кржижановский Г.М. 36, 247
Круглов С.Н. 167, 276, 277, 278, 357, 370, 382
Круглянский Д.И. 75
Крупская Е.В. 105
Крупская Н.К. 35, 48, 67, 69, 70, 72, 82, 104, 105, 106, 107, 109
110, 122, 123, 178, 179, 377
Крыленко Н.В. 69
Кузнецов А.И. 329
Кузнецов Н.Г. 389
Кузнецова В.Н. 389
Кулик Г.И. 215—216
Куперин И.И. 317, 318, 319, 321, 326
Курский Д.И. 28, 83, 137
Курчатова И.В. 225
Кутепов А.П. 187
Куусинен О.В. 88, 365, 366, 430
Кухаренко Н.П. 447, 448
Кучава М. 353
Кшесинская М.Ф. 61
- Лаврентьев А.И. 243, 402
Лавров П.Л. 25
Лазарев М.П. 364
Ландау Л.Д. 224
Ларго Кабальеро Ф. 239
Ларин Ю. (Лурье М.А.) 139
Левине 87
Ледебур Г. 51
Лежава А.М. 120
Лендеман 267

Ленин (Ульянов) В.И. 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23—163, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 187, 188, 189, 192, 193, 194, 197, 201, 203, 204, 220, 226, 230, 231, 236, 238, 240, 247, 254, 256, 258, 261, 267, 280, 281, 304, 308, 309, 310, 314, 316, 319, 329, 333, 336, 339, 343, 348, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 387, 388, 389, 397, 401, 414, 435, 436

Лесков Н.С. 447

Ли Ла 250

Ли Сын Ман 286, 290, 291, 302

Либкнехт К. 90, 91

Лилина З.И. 70

Линь Бяо 297, 413

Литвинов М.М. (Валлах М.) 80, 97, 100

Лобов Г.А. 300

Логинов Я.С. 207

Лозовский С.А. (Дридзо) 206

Ломинадзе В.В. 310

Ломов А. (Оппоков Г.И.) 69, 83, 139

Лонго Л. 415

Лосский Н.О. 44

Лу Минь 251

Лукомский П.Е. 317, 319

Луначарский А.В. 34, 69, 72, 78

Лурье М.Н. 75

Лурье Н.Л. 75

Лю Шаоци 413

Любченко П.П. 374

Людвиг Э. 174, 202

Людендорф Э. 56, 111

Люксембург Р. 91, 110

Мазуров К.Т. 404, 440

Макмиллан Г. 408

Максимова Н. 268

Максум Н. 204

Маленков Г.А. 217, 222, 234, 240, 250, 261, 313, 315, 318, 324, 325, 326, 328, 330, 331, 336, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 357, 360, 361, 363, 367, 374, 381, 436, 437, 438, 439, 440

Малин В.Н. 305

Малиновский Р.В. 35—37

Малиновский Р.Я. 420, 421, 422, 423, 425, 426, 432

Малянтович А.П. 25

Малянтович В.П. 25

Малянтович П.Н. 24—25

Мандельштам О.Э. 18

Манизер М.Г. 329

Мануильский Д.З. 231

Манцев В.Н. 32

- Мао Цзедун 23, 232, 242, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 267, 269, 270, 282, 288, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 305, 396, 408, 410, 411, 412, 413, 414, 415
Мария Нагая 312
Маркиш П.Д. 206
Маркс К. 17, 43, 145, 147, 183, 184
Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 30, 35, 111, 184
Матвейшин 219
Матвеев 295
Махарадзе Ф.И. 128
Мацуока И. 317
Маяковский В.В. 34
Мдивани Б. 204
Мдивани П.Г. 128
Медведев Р.А. 19, 344
Межлаук В.И. 371
Мейерхольд В.Э. 18
Меркулов В.Н. 213, 217, 273, 307, 354
Меркуров С.Д. 51
Мессинг 32
Мехлис 291
Мешик П.Я. 348, 354
Мжаванадзе В.П. 443
Мигуло 32
Микоян А.И. 189, 217, 228, 244, 262, 312, 313, 314, 318, 342, 344, 345, 347, 363, 377, 378, 411, 412, 421, 430, 437, 442, 443, 446, 447
Миллер Е.К. 187
Милоков П.Н. 60, 261
Минов Л.С. 122
Мирбах В. 57
Митин М.Б. 370
Михайлов Н.А. 353
Михайлов (Карелин) В.А. 41
Михайловский Н.К. 25
Михин М.И. 300
Могилевский 273
Молотов (Скрябин) В.М. 118, 119, 144, 205, 206, 210, 217, 222, 227, 228, 234, 239, 240, 243, 244, 250, 261, 265, 266, 277, 312, 314, 315, 318, 331, 342, 343, 344, 347, 351, 357, 360, 369, 372, 373, 374, 375, 377, 381, 416, 436, 437, 438, 439, 440
Мор Т. 83
Морсин С.С. 391
Москвин М. (Трилиссер) 235
Москалев Н.Н. 329
Москаленко К.С. 345, 353, 354, 356
Моцарт В.-А. 79
Мрачковский С.В. 74—75, 374
Муранов М.К. 52
Муссолини Б. 7, 212

Мухитдинов 436
Мякотин В.А. 32
Мясников А.Л. 320, 321
Мясников Г.И. 136, 137, 273

Надсон Г.А. 44
Назаров 113
Нансен Ф. 81
Насер Г.А. 23, 369, 407, 408
Нахимов П.С. 364
Негарвиле Ч. 398
Негрин Х. 270
Неделин М.И. 390
Некрасов Н.А. 43
Ненни П. 237, 241, 331
Неру Дж. 23, 414
Нешкович 243
Николай II (Романов) 49, 62, 148
Никсон Р. 402
Новиков В.Н. 380, 386, 440
Новицкий А.А. 58, 96
Нобс Э. 85
Ноткин А.И. 305
Нэнт III. 85

Оболенский В.В. (Осинский Н.) 68
Обремов И.В. 224
Озеров 32
Окуджава М. 204
Ольберг В.П. 75
Орджоникидзе Г.К. 113, 114, 115, 116, 156
Оруэлл Дж. 142, 196, 448
Освальдо Дортикос 421
Оуэн Р. 11, 83
Охаб 377

Павлов Д.Г. 215
Павловский 215
Пайета Дж. 398
Пайкес А.К. 77
Пайпс Р. 66, 68, 126, 155
Пак Ден Ай 331
Пак Хен Ен 282, 283, 285, 286, 294, 295
Панюшкин 267
Парвус (Гельфанд) А.Л. 55, 56, 57, 82
Пастернак Б.Л. 18
Паулюс Ф. 221
Пауэрс 400
Пегов Н.М. 328, 365
Пеллегрини Дж. 398

- Пельше А.Я. 449, 450
Пепеляев В.Н. 27
Пепеляев Е.Г. 299
Первухин М.Г. 313, 318, 342, 363, 373, 436
Петлюра С.В. 261
Петр II (Романов) 12
Петрищев 32
Петровский Г.И. 52
Пешехонов А.В. 32
Пешкова М. 354
Пешкова Н.А. 354
Пик В. 233, 242, 245, 253, 269
Пикель Р.В. 73, 75
Пилсудский Ю. 93, 263
Пинчук В.Б. 219
Платонов А.П. 18
Платтен Ф. 88
Плеханов Г.В. 30, 52, 67, 258
Плиев И.А. 423, 425, 426, 432
Плутарх 144, 327
Подгорный Н.В. 404, 430, 441, 442, 443, 444, 446
Позерн Б.П. 371, 372
Покровский М.Н. 85
Поликарпов 263
Поллит Г. 245
Полторацкий Н. 63
Поляков В.И. 443
Полянский Д.С. 421, 430, 443
Пономарев Б.Н. 412, 443
Пономаренко П.К. 363
Попов 374
Попович В. 243
Попович К. 243, 244
Поройко 374
Поскребышев А.Н. 260, 269, 276, 282, 288, 305, 313, 324, 352
Поспелов П.Н. 363, 370, 373
Постников 289
Постышев П.П. 370, 372, 449
Потресов А.Н. 30, 32, 105, 106
Прошьян (Прошян) П.П.
Пугачев Е.И. 67
Пузанов А. 365
Пулов Г.И. 300
Пунная 240
Пын Чжень 413
Пэн Дэхуай 269

Равич С.В. 85
Радек К.Б. 69, 72, 111, 133
Радченко Л.Н. 32

- Раковский 83
Ракоши М. 100, 242, 331
Ранкович А. 243, 244
Рао Н. 240
Рахимбаев А. 204
Рахъя Э.А. 100
Рашидов Ш.Р. 365, 421, 422, 443
Реденс С.Ф. 205
Редлих Р. 181
Рейнгольд И.И. 75
Риббентроп И. фон 210
Рид Дж. 65, 191
Ризов 49
Рикардо Д. 43
Родзянко М. 48
Рожков Н.А. 31—33, 34
Розанов В.В. 32, 44, 47
Розенгольд А.П. 191
Розмирович Р.С. 111
Рокоссовский К.К. 378
Роллан Р. 202
Рот 120
Рудаков А.П. 443
Руденко Р.А. 330, 348, 354
Рудзутак Я.Э. 99, 153, 371, 372
Рузвельт Ф.Д. 23, 202, 271, 272, 273, 275, 303, 362
Рухимович М.Л. 370—371, 372
Рыбальченко Ф.Т. 216
Рыков А.И. 36, 122, 139, 191, 399
Рынди́н К.В. 329
Рютин М.Н. 195, 204, 339
Рябов В.И. 125
- Сабуров М.З. 318, 342, 363, 373, 436
Савинков Б.В. 86, 261
Савченко 265
Садуль Ж. 88
Салазар А.ди О. 7
Салтыков-Щедрин М.Е. 43
Самойлов Ф.Н. 52
Сандалов Л.М. 215
Санина А.В. 305
Саркисов Р.С. 348, 353
Свердлов Я.М. 69, 77, 157
Северянин (Лотарев) И.В. 44
Секкья 238
Секу Туре 408
Семашко Н.А. 121, 122
Семенов Н.Н. 225
Семичастный В.Е. 387, 388, 441, 442, 443, 444, 446

- Сен-Симон К.А. 11
Сенявин Д.Н. 364
Сепелев И.Ф. 434
Серафимович (Попов) А.С. 51
Сербиненко В.В. 47
Сердюк 351
Серов И.А. 260, 261, 356, 357, 437
Серра (Таска А.) 230
Сикорский В. 272, 332
Склянский Э.М. 27, 34, 93, 94, 117
Скобелев М.И. 66
Скобельцын Д.В. 224
Скрышник Н.А. 88
Скульский 219
Скурихин 207
Славский Е.П. 393
Слепков А.Н. 204
Слуцкий А.И. 224
Слюсарев С.В. 300
Смидович П.Г. 106
Смилга И.Т. 93, 156
Смирнов Е.И. 318, 373, 374
Смирнов И.Н. 27, 75, 374
Смирнов Н.И. 390
Сморозин П.И. 339, 371, 372
Сморчков А.П. 300
Соколов 182
Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 53, 69, 115
Солженицын А.И. 55, 107, 109, 200, 278
Соловьев В. 20
Соловьев В.С. 44, 47
Соловьев С.М. 44
Солон 53
Спыхальский М. 306
Сталин В.И. 311, 323
Сталин (Джугашвили) И.В. 8, 10, 15, 16, 18, 23, 27, 33, 40, 74, 75, 76, 77, 78, 83, 92, 95, 100, 105, 118, 119, 120, 122, 128, 132, 134, 136, 150, 151, 153, 157, 158, 161, 162, 165—334, 336, 338, 340, 343, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 357, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 385, 397, 398, 399, 400, 405, 410, 411, 412, 413, 415, 418, 423, 435, 436, 438, 439, 447, 450, 451, 452
Стаменов И. 352
Степаков В.И. 388
Степун Ф.А. 81, 147, 148
Струве П.Б. 51
Суворов В. (Резун В.Б.) 211, 212
Судец В.А. 422
Судоплатов П.А. 352
Султан-Галиев М.Х. 204

Суменсон Е.М. 62
Сунь Фо 227, 228, 229
Супрун 217
Суслов М.А. 239, 240, 363, 365, 413, 430, 437, 438, 441, 442, 443,
444, 445, 446, 449
Суханов (Гиммер) Н.Н. 61

Таврин П.И. 274
Такасаки Т. 409
Тальми Л.Я. 206
Тарасов М.П. 365, 366
Тареев Е.М. 320, 321
Тевосян И.Ф. 352
Тер-Ваганян В.А. 75, 374
Тер-Габриэлян С.М. 156
Теумин Э.И. 206
Техтерев К.М. 105
Тимошенко С.К. 212, 217
Тито И.Б. 232, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 254, 269, 279, 308,
346, 396, 406, 411, 413
Титов В.Н. 443
Тихонов Н.А. 380
Ткачев Р.А. 317, 318, 319, 321
Толстой Л.Н. 44, 45, 447
Тольятти П. 186, 234, 237, 238, 245, 246, 269, 288, 331
Томский (Ефремов) М.П. 177, 399
Торез М. 233, 245, 269
Третьяков А.Ф. 321
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 24, 25, 26, 33, 34, 40, 66, 69, 73, 77,
78, 80, 83, 86, 92, 95, 102, 115, 117, 119, 128, 135, 142, 143, 145,
155, 158, 159, 179, 180, 220, 229, 247, 341, 374
Трояновский 421
Трояновский А.А. 111
Трубецкой Е.Н. 44
Трумэн Г. 275, 303, 304
Трутовский В.Е. 41
Туган-Барановский М.И. 25
Тургенев И.С. 43, 447
Тухачевский М.Н. 94, 134, 191, 205, 265

Уборевич И.П. 191
Угланов Н.А. 339
Ульбрихт В. 253, 331
Ульрих В.В. 25, 205
Ульянов А.И. 43
Ульянова М.И. 60
Ульянова-Елизарова А.И. 84
Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 119
Уншлихт И.С. 88, 93, 129, 130, 132, 133
Уншлихт Н.К. 75

Уотерс 278

Урицкий (Борецкий) М.С. 57, 69

Успенский Г.И. 43

Устинов Д.Ф. 441

Ушаков Ф.Ф. 364

Уэллс Г. 201, 202

Федор Иванович 312

Федоренко Н.Т. 251, 412, 413

Федоров Н.Ф. 44

Ферстер 123

Фет (Шеншин) А.А. 44

Фефер И.С. 206

Филев А. 412

Филимонов И.Н. 320, 321

Фитин 225

Фишер Л. 46, 79, 92

Фок В.А. 224

Фотиева Л.А. 115

Фохт О. 122

Франк С.Л. 32

Франко Баамонде Ф. 7

Фриновский М. 170

Фудзияма 410, 411

Фурцева Е.А. 436

Фурье Ш. 11

Хавкин К.П. 191

Хаксли О. 196

Хаммаршельдт Д. 404

Ханджян А.Г. 204

Хань Юй 251

Харитон Ю.Б. 225

Хатасевич М.М. 204, 374

Ходжа Э. 233, 242, 244, 245

Ходжаев Ф.У. 204, 339

Хомутильников 170

Хрулев А.В. 307

Хрущев Н.С. 8, 11, 16, 169, 193, 260, 261, 311, 312, 313, 315, 318,
320, 323, 325, 326, 328, 331, 332, 334

Хрущев С.Н. 448, 449

Хусейн С. 7

Цеденбал Ю. 331

Цедербаум Л.О. 184

Цезарь Гай Юлий 144

Цеткин К. 38

Цзян Цин 250

Цзян Цинго 249

Циранкевич Ю. 377

Цюрупа А.Д. 33, 34, 36, 140

Чан Кайши 227, 228, 229, 230, 248, 249, 269, 270

Чаренц Е.Я. 204

Че Гевара Э. 421

Чекалов 492

Чень И 413, 414

Червенков В. 331

Черненко К.У. 8, 12, 16, 344, 389, 436

Чернов В.М. 29, 49, 95, 147, 261

Чернышевский Н.Г. 43, 44, 45, 46

Черняев А.С. 19

Черчилль У. 23, 209, 213, 248, 271, 272, 275, 303, 306, 307, 362

Чжоу Эньлай 252, 253, 295, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 331, 413

Чжу Дэ 413

Чихладзе С. 204

Чичерин Г.В. 36, 78, 79, 80, 81, 88, 102, 103, 117, 120, 142, 143, 234

Чойбалсан Х. 232, 242, 269

Чубарь В.Я. 339, 371, 372

Чудновский Г.И. 57

Чудновский Р.Л. 57

Чуканов О.А. 390

Шагов Н.Р. 52

Шаляпин Ф.И. 51

Шандор Д. 275

Шапиро 402

Шапошников Б.М. 214, 221, 266

Шарангович В.Ф. 339

Шария П.А. 348

Шаталин Н.Н. 363

Шатров (Маршак) М.Ф. 447

Шахназаров Г.К. 19

Шверник Н.А. 261, 313, 318, 328, 363, 365, 366, 370, 430, 436

Шевелев 83

Шейдеман Ф. 91

Шекспир У. 452

Шелепин А.Н. 260, 261, 342, 397, 441, 443, 446

Шелест П.Е. 443

Шелехая 374

Шемякин М. 266

Шешлов Д.Т. 440

Ши Чжэ 251

Шило Л.И. 274

Шимелиович Б.А. 206

Шкирятов М.Ф. 318

Шкловский Г.Л. 36, 85

Шлихтер А.Г. 120

Шляпников А.Г. 49, 83

Штейнберг И.З. 41
 Штерн Л.С. 206
 Штурман Д. 151, 173
 Штыков Т.Ф. 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 292, 293
 294, 295, 297

Эберлейн Г. 87
 Эберт Ф. 91
 Эйдук А.В. 135
 Эйзенхауэр Д. 383, 400, 402, 408
 Эйхе Р.И. 370, 372
 Элиава Г. 204
 Элиава Ш.З. 99
 Эмбер-Дро Ж. 230
 Энгельс Ф. 184
 Эренбург И.Г. 399

Юденич Н.Н. 73
 Юдин П.Ф. 251, 411, 412
 Юзефович И.С. 206
 Юровский Я.М. 88
 Юферов 345

Ягелло Е.И. 110
 Ягода Г.Г. 166, 372
 Язов Д.Т. 172, 423
 Якир И.Э. 191, 374
 Яковлев А.Н. 19
 Якубова А.А. 104, 105
 Ямада Х. 409
 Янгель М.К. 389
 Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 265
 Ярошенко Л.Д. 305
 Яснов М.А. 328

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо введения: ТРОПА ВОЖДЕЙ	5
Вождь первый: ВЛАДИМИР ЛЕНИН	21
Злой гений	30
Грех Октября	48
Соратники Ленина	67
«Мировая революция»	83
За кулисами	104
Творец Системы	125
Судьба ленинизма	144
Вождь второй: ИОСИФ СТАЛИН	163
«Выдающийся ученик Ленина»	174
Сталинская Система	193
Жезл генералиссимуса	209
Тайные диалоги	227
«Бумаги» Сталина	255
Корейский тупик	279
Сталинизм умер?	305
«Вождь» третий: НИКИТА ХРУЩЕВ	335
Схватка с монстром	343
Крым — «подарок» Хрущева	358
Атака на «культ личности»	368
Импульсивный реформатор	379
Революционная дипломатия	400
Операция «Анадырь»	417
Поражение реформатора	436
Библиография	455
Указатель имен	475

Волкогонов Д.А.

В 67 Семь вождей. — В 2-х книгах. — Кн. I. — М.: АО „Издательство «Новости»“, 1995. — 496 с.

ISBN 5-7020-1031-0

В своей новой работе «Семь вождей» Д.А.Волкогонов продолжает исследование феномена личности первых лидеров советского государства, их деятельности в контексте отечественной и мировой политической истории. В первой книге представлены портреты В.И.Ленина, И.В.Сталина, Н.С.Хрущева.

**В 0503020000 Без объявл.
067(02)-95**

ББК 66.61(2)8

**Волкогонов Дмитрий Антонович
СЕМЬ ВОЖДЕЙ**

В двух книгах

Книга I

Заведующий редакцией С.А.Максимов

Редактор Т.Ю.Савинова

Художественный редактор В.Г.Прохоров

Фоторедактор Л.И.Баум

Младший редактор Н.В.Потатуева

Корректор Л.П.Агафонова

Технический редактор Л.А.Ряховская

Технологи В.Ф.Егорова, В.И.Руденко

ИБ 11105

Сдано в набор 04 10 95 Подписано в печать 04 11 95

Формат издания 84х108/32. Гарнитура Латинская.

Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 28,33

Тираж 30 000 экз. Заказ № 6417. Изд. № 9287

**АО „Издательство «Новости»“
107082, Москва, ул. Б. Почтовая, 7**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевсяна, 25**

**По вопросам полиграфического брака обращаться
на Книжную фабрику № 1,
г. Электросталь Московской области.**

